

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986

Том 17, № 4 (64), 2023

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 17, No. 4 (64), 2023

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2023, том 17, № 4 (64)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
426035, г. Ижевск,
ул. Тимирязева, д. 5,
оф. 5

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
15.12.2023

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	348
РОМАШОВ Р. А. Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности	348
ОГАНЕСЯН С. С. Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России	357
КУЗЬМИНЫХ А. Л. «Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области)	365
КУНЦ Е. В. Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних	374
ТЕПЛЯШИН П. В. Профилактика пенитенциарной преступности: обуславливающие факторы, принципы, источники и их классификация	382
УТОРОВА Т. Н., ШАЛЕГИН С. П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России	390
ЯКОВЕЦ Е. Н. Уголовная регистрация на службе пенитенциарной системе	398
МОТОРОВА Н. В. Реформа государственной регламентации образовательной деятельности и ее влияние на систему высшего образования ФСИН России	409
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	419
ШАРАНОВ Ю. А., ВЕТРЕНКО Р. Н. Роль личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей в формировании дефектов правовой социализации	419
ЧЕРЕМИСОВА И. В., ФЕЩУК Ю. И. Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса	427
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	436
АЛЕКСАНДРОВА Н. С., ФАЛЕЕВА Л. В. Неформальное обучение начинающих преподавателей вузов ФСИН России как фактор развития их преподавательских компетенций	436
КАЗАНЦЕВ В. Н., ТЮГАЕВА Н. А. Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии К. Д. Ушинского	442
ЗАУТОРОВА Э. В. Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин	451

Научная статья

УДК 343.998

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001

Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу состояния виктимности и ее внутреннего конфликтогенного потенциала. Рассматривается виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности. Анализируется развитие конфликта на разных его стадиях, и в этой связи осуществляется характеристика состояния конфликтогенности как тенденции пенитенциарных отношений. Утверждается, что партнерство и конфликт в условиях пенитенциарной жизнедеятельности в равной степени могут оцениваться с точки зрения как правовой нормативности, так и девиантности. Обосновывается мнение о том, что виктимность является реакцией субъекта на опасность, продуцируемую практически всеми видами пенитенциарных коммуникаций. *Цель:* провести комплексный межотраслевой анализ института виктимности в качестве фактора конфликтогенности общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности. *Методы:* методология исследования обусловлена спецификой пенитенциарной среды, характеризующейся высокой степенью конфликтогенности, обусловленной антагонизмами в целеполаганиях, ценностных приоритетах и поведенческих мотиваторах администраторов («тюремщиков») и спецконтингента («заключенных»), в совокупности образующих «пенитенциарное население». В статье использован комплекс общенаучных (диалектический, анализа и синтеза, системно-структурный) и специальных методов познания. *Результаты:* представляя собой специфическую социальную среду жизнедеятельности значительного числа российских граждан, пенитенциарная система осуществляет функционирование, опираясь на две основные регулятивно-охранительные системы: правовую и криминальную. Антагонизм данных систем обуславливает высокую степень конфликтогенности пенитенциарных отношений и, как следствие, влечет виктимизацию их участников. *Выводы:* на основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что все пенитенциарные отношения могут быть условно подразделены на партнерские и конфликтные. При этом и партнерство, и конфликт в равной степени могут оцениваться и как нормативные, и как девиантные. Виктимность, представляя собой потенциальную предрасположенность субъекта к состоянию жертвы, следует рассматривать в качестве элемента социально-правового положения участника конфликта. При этом субъективная виктимность непосредственным образом связана со сменой стадий конфликта, в рамках которых агрессивное воздействие может носить односторонний (односторонняя виктимность) либо двухсторонний характер.

Ключевые слова: конфликт; конфликтогенность; девиантность; опасность; безопасность; жертва; виктимность; виктимизация; пенитенциарная жизнедеятельность; пенитенциарная конфликтогенность.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

Original article

Victimty as a Penitentiary Conflictogenity Factor

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of the state of victimity and its internal conflictogenic potential. Victimty is considered as a factor of penitentiary conflictogenity. Development of the conflict at its various stages is analyzed and, in this regard, the state of conflictogenity as a trend of penitentiary relations is characterized. It is argued that partnership and conflict in the conditions of the penitentiary life activity can equally be assessed from the point of view of both legal normativity and deviance. The opinion is substantiated that victimty is a reaction of the subject to the danger produced by almost all types of penitentiary communications. *Purpose:* to conduct a comprehensive intersectoral analysis of the institute of crime as a factor of conflict-prone public relations in the field of penitentiary life. *Methods:* the research methodology is determined by the specifics of the penitentiary environment, characterized by a high degree of conflictogenity due to the antagonisms in goal-setting, value priorities and behavioral motivations of administrators (“jailers”) and special agents (“prisoners”), collectively forming the “penitentiary population”. The article uses a complex of general scientific (dialectical, analysis and synthesis, system-structural) and special methods of cognition. *Results:* representing a specific social environment of a significant number of Russian citizens, the penitentiary system operates on the basis of two main regulatory and protective systems: legal and criminal. The antagonism of these systems causes a high degree of conflictogenity of penitentiary relations and, as a consequence, entails victimization of their participants. *Conclusion:* having conducted research, the author comes a conclusion that all penitentiary relations can be conditionally divided into partnership and conflict. At the same time, both partnership and conflict can equally be assessed as normative and deviant. Victimty, representing the subject’s potential predisposition to the state of a victim should be considered as an element of the socio-legal status of the conflict participant. At the same time, subjective victimty is directly related to the change of conflict stages, within which the aggressive impact can be unilateral (unilateral victimization) or bilateral in nature.

Key words: conflict; conflictogenity; deviance; danger; security; victim; victimty; victimization; penitentiary life; penitentiary conflictogenity.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romashov R.A. Victimization as a penitentiary conflictogenity factor. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

Общие положения

Виктимология – научное направление, изучающее психолого-поведенческие особенности поведения жертвы агрессии.

Виктимность – потенциальная возможность и психологическая предрасположенность человека выступать в качестве жертвы агрессии.

Конфликт – форма открытого противоборства двух и более сторон (субъектов), в рамках которого интересы одной стороны (субъекта) осуществляются за счет причинения осознанного целенаправленного ущерба интересам другой стороны (контрсубъекту).

Конфликтогенность – динамическая оценочная характеристика состояния общественных отношений, связанная с их потенциальной предрасположенностью к возникновению и эскалации конфликтов.

Пенитенциарная жизнедеятельность – система социальных регуляторов и форма поведенческих отношений, осуществляемых в социо-пространственной сфере юрисдикции ФСИН России.

Пенитенциарная конфликтогенность – фактор, характеризующий отношения в сфере пенитенциарной жизнедеятельности, представляющей локальную социально-культурную сферу, в основу формирования

и функционирования которой положены две регулятивно-охранительные системы: административная, базирующаяся на материальном и процессуальном позитивном праве (УИК РФ, УК РФ, УПК РФ), и традиционная, опирающаяся на систему понятий и ценностей криминального мира. Важным фактором пенитенциарной конфликтогенности является объективный антагонизм субъективных интересов двух социальных групп, в совокупности образующих «пенитенциарное население»: администрации («тюремщиков») и спецконтингента («заключенных»).

Конфликтогенность общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности: норма или девиация?

Понимание конфликта и конфликтогенности как объектов исследовательской деятельности в рамках отечественной научной школы имеет относительно недавнюю историю. В условиях советской государственно-правовой системы конфликт воспринимался как явление, присущее исключительно «миру капитала», в рамках которого «человек человеку – волк». В противоположность подобному антагонизму социалистический мир представлял собой «интернационал трудящихся», «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», в котором конфликтам попросту не было места [1].

Широкомасштабные кризисные трансформации социалистической экономики и коммунистической идеологии, повлекшие распад СССР и завершение социалистического периода отечественной государственно-правовой истории, обусловили возникновение многочисленных конфликтов в самых разных сферах общественной жизнедеятельности, к которым оказались не готовы ни отдельные советские граждане, ни государство, одновременно переставшее быть советским социалистическим, однако не ставшее развитым капиталистическим, как это представлялось «отцам – основателям новой России». Вынужденность, что называется, с колес решать многочисленные проблемы, касающиеся как теории понимания конфликта, так и практики конфликтного мониторинга, а также необходимость формирования механизмов противодействия конфликтным противоборствам обусловили всплеск научного интереса к конфликту как социально-культурному и политико-правовому явлению, мгновенно ставшему актуальным и значимым для целого ряда социальных наук, в том числе и для юриспруденции.

Одним из важнейших вопросов, влияющих на понимание конфликта, является вопрос о его месте в системе социального нормативного регулирования. Как оценивать конфликт с точки зрения соответствия представлениям о нормативности и девиантности общественных отношений? Следует относить конфликт исключительно к деструктивным поведенческим форматам или же необходимо наряду с негативом выделять позитивные факторы, позволяющие говорить о конфликте как инструменте разрешения социальных противоречий и катализаторе общественного прогресса?

Полагаем, что в современных условиях понимание конфликта и оценка его воздействия на общественные отношения должны осуществляться в рамках комплексного межотраслевого подхода, исключающего единообразие научных представлений и практических подходов.

Являясь одной из форм межсубъектной коммуникации, конфликт противопоставляется партнерству. Однако подобное противопоставление не выступает основанием отождествления партнерства с нормой как моделью позитивного поведения, а конфликта с девиацией – моделью негативного поведения. Подобно таким противопоставляемым и вместе с тем взаимно обусловленным категориям, как правоотношение и правонарушение, конфликт и партнерство – это две стороны одной медали социальной коммуникации. Следовательно, и конфликтные, и партнерские отношения, по сути, нормативны (предусмотрены и квалифицированы социальными нормами, обеспечены социальными гарантиями и предполагают определенные последствия в отношении участвующих в них субъектов). Соответственно, конфликтогенность выступает в качестве оценочной характеристики, применимой при анализе как фактических конфликтов, так и коммуникаций партнерского типа, которые при определенных ситуациях способны преобразоваться в конфликтные формы.

Рассмотрение конфликтности и партнерства в контексте соотношения оценочных категорий «нормативность – девиантность» позволяет уйти от феноменологической дихотомии. И партнерство, и конфликт в равной степени могут оцениваться с точки зрения нормативности и девиантности. К примеру, в юридическом понимании девиантными партнерскими отношениями являются такие криминальные коммуникативные формы, как коррупция, незаконный сбыт наркотиков, заказные убийства, «отмывание» финансовых средств, полученных преступным путем, и т. п. К девиантным конфликтам относятся военные действия со стороны стран-агрессоров, противопоставляемые нормативной дипломатии, террористические акты, преступления против жизни и здоровья личности и др. Вместе с тем в равной степени партнерство и конфликт могут рассматриваться в качестве нормативных, а значит, правомерных форм социального поведения. Отношения в области семьи, труда, государственной и муниципальной службы представляют собой формы публичного и частного партнерства, поддерживаемые и защищаемые государством. В качестве примеров нормативных конфликтов можно привести необходимую оборону, задержание преступника, применение мер физического воздействия по отношению к нарушителям порядка в учреждениях ФСИН России и др.

Пенитенциарная система, представленная комплексом материальных институтов (актами международного и национального права, государственными органами и должностными лицами, общественными организациями, спецконтингентом учреждений ФСИН России и др.) и социальных отношений (уголовно-процессуальных, уголовно-ис-

полнительных, гражданско-правовых, трудовых, криминальных и др.), в широком смысле является специфической локальной средой жизнедеятельности значительного числа людей. По состоянию на 1 января 2023 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 006 чел. [2], в том числе 28,3 тыс. женщин (по данным на 1 марта 2022 г.). При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых на 1 мая 2022 г. проживало 332 ребенка. Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы, финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 295 625 чел. [3]. Таким образом, общая численность «пенитенциарных жителей» насчитывает около 800 тыс. чел. При этом нельзя забывать, что опосредованное участие в пенитенциарной жизнедеятельности принимают члены семей осужденных, служащие правоохранительных государственных органов (МВД, ФСБ, прокуратуры, следственных и судебных органов и др.), адвокаты, представители общественных организаций, религиозных конфессий и др.

В процессе пенитенциарной жизнедеятельности непрерывно возникают общественные отношения (пенитенциарные коммуникации) – как в форме партнерства, так и конфликтного характера. При этом партнерство и конфликты возможны не только внутри локальных социальных групп, на которые делится пенитенциарное сообщество (персонал и спецконтингент уголовно-исполнительной системы), но и между ними. Кроме того, в ряде случаев данные формы могут выходить за рамки границ учреждений ФСИН России и приобретать региональный и межрегиональный масштабы.

С учетом объективной дихотомии интересов персонала и спецконтингента, отношения между которыми основываются на неизбежном антагонизме охраняющих и охраняемых либо, что более образно, тюремщиков и заключенных, конфликтность следует рассматривать в качестве перманентной составляющей пенитенциарных отношений, независимо от формы их выражения на данном временном отрезке [4].

Виктимологические особенности субъектов пенитенциарных коммуникаций

В течение длительного времени учеными в различных отраслях познания накапливалась информация, позволяющая говорить о виктимологии не только как о самостоятельном предметном направлении в области научных исследований, но и как о комплексной межотраслевой науке. В настоящее время осуществляются активные теоретико-практические разработки общих и частных проблем криминальной, социальной, пенитенциарной и др. виктимологии [5, с. 7]. Получаемые учеными результаты используются для виктимологической профилактики и защиты, а также учитываются в процессе разработки рекомендаций по оптимизации государственных и негосударственных механизмов регулятивно-охранительного воздействия.

Виктимология как наука о жертве в ее гносеологическом развитии явилась продуктом советского

общества, в котором, как уже ранее отмечалось, конфликтность общественных отношений отрицалась в силу главенствующей государственной идеологии [6].

Господствующая в советской социально-гуманитарной науке теория бесконфликтности, основанная на марксистских идеях коммунистического интернационала трудящихся всей Земли, сформировала вполне определенное и предсказуемое отношение к криминологии как науке, изучающей преступность в качестве архаического, обреченного на отмирание социального явления, которому, как и религии, не будет места в прогрессивном коммунистическом сообществе грядущего будущего. Естественно, при таком отношении виктимология как учение о жертве криминального конфликта воспринималась с достаточно высокой степенью предубежденности. Вместе с тем отрицание конфликтности и преступности как объективных социальных явлений не способно было на практике исключить эти категории из процессов жизнедеятельности Советского государства и общества. В непростых условиях официальной критики и реальной востребованности отечественная виктимология сформировалась сначала как подотрасль криминологии [7], а впоследствии выделилась в качестве самостоятельного направления комплексного научного познания. Завуалировать объективный характер преступности и значение жертвы в развитии преступной ситуации невозможно. В этих условиях возникла настоятельная потребность в разработке отечественной виктимологии. В период ее развития в явной форме доминировало криминальное направление виктимологических исследований [8].

На протяжении почти сорока лет ученые-виктимологи считали тождественными понятия «жертва преступления» и «потерпевший» [9, с. 6, 22, 38]. В настоящее время методологический подход существенным образом расширился и включает представления о жертве любого происхождения – как криминального, так и не связанного с совершением преступных деяний [10]. В последние годы появилось множество научных работ, описывающих жертву конфликта независимо от того, имеется в деле криминальный след либо же причиненный вред последовал из другого, не имеющего криминальной окраски источника. Богатый исходный материал исследователи получают в области социологии, психологии, психиатрии, педагогики и др.

Таким образом, в современных условиях отсутствует единый взгляд на предмет виктимологии, и это не является случайным стечением обстоятельств. Развитие науки приводит к возникновению новых отраслей знания, в том числе связанных с представлением о человеке как потенциальной либо реальной жертве природных и социальных катаклизмов.

С развитием общества глобальные процессы, происходящие в мире, увеличивают конфликтность общественных отношений, связанную с потенциальной предрасположенностью к возникновению и эскалации конфликтов. При этом, как справедливо

отмечает Г. И. Козырев, «ни в зарубежной, ни в отечественной социологии и конфликтологии проблематика жертвы как одного из элементов в структуре конфликтного взаимодействия пока еще не нашла адекватного отражения» [10, с. 11]. По мнению ученого, «жертва в структуре конфликтной коммуникации понимается как лицо, *невинно* (курсив наш – Р. Р.) пострадавшее в ходе конфликта. При этом сама жертва в ряде случаев выступает в качестве его причины» [10, с. 13]. Соглашаясь в целом с высказанной точкой зрения, вместе с тем следует отметить, что категория «невинность» по отношению к пониманию жертвы не вполне корректна. Во-первых, сам термин «невинность» является архаическим и ранее использовался преимущественно в контексте гендерной характеристики («девичья невинность» = «девичья непорочность»). В современных условиях вина, а следовательно, и невиновность рассматриваются в качестве элементов субъективной стороны преступления (административного проступка), используемых в процессе реализации уголовно-либо административно-правовой ответственности и подтверждаемых либо опровергаемых на этапе судебного (административного) правоприменения. В таком понимании выделение жертвы в качестве потерпевшей стороны автоматически означает отнесение ее к не виновным в совершении преступления лицам. Полагаем, что рассмотрение любого социального конфликта (независимо от его юридической оценки) как открытой формы противоборства двух и более субъектов, в рамках которого деятельность всех участников направлена на причинение вреда интересам противоборствующих сторон, исключает дихотомию в понятии «виновность – невиновность», «агрессор – жертва агрессии». Конфликт в плане жертвенности его участников является формой двух- и более сторонней социальной агрессии, в рамках которой качественными свойствами жертвы обладают все участвующие лица, независимо от того, кто из них выступал инициатором конфликтной коммуникации, а кто являлся ее адресатом. Во-вторых, ошибочным является отождествление понятий конфликта и преступления (правонарушения). Как уже ранее отмечалось, конфликты могут быть представлены как нормативными (правомерными), так и противоправными (девиантными) коммуникативными формами. Например, в конфликте, связанном с причинением вреда нападающему в рамках необходимой обороны, субъект, проявивший агрессию и впоследствии ставший адресатом вредоносного противодействия, не является невиновной стороной, что не исключает рассмотрения его в качестве жертвы, а значит, и предмета виктимологического анализа.

Применительно к конфликтам в пенитенциарной сфере поведенческая виктимность приобретает особую значимость. В общественном сознании наблюдается достаточно интересная дихотомия психологических восприятий. До тех пор пока абстрактный преступник находится на свободе и совершает пре-

ступные деяния, обыватель идентифицируется как жертва, а преступник как агрессор. Подобное отношение обуславливает достаточно высокий уровень потенциальной агрессивности законопослушных граждан по отношению к потенциальным субъектам уголовно-правовой ответственности. Данные социологических опросов свидетельствуют о поддержке обществом государственных мер по ужесточению наказаний практически за все виды преступлений. Неизменно велико число ратующих за возврат в реальное правоприменение высшей меры наказания – смертной казни. Однако после того, как лицо, обвиняемое в совершении преступления, попадает в места социальной изоляции, общественная оценка его статуса кардинальным образом меняется. Находящийся за решеткой воспринимается как жертва тюремного произвола с вытекающей из этого критикой уголовно-исполнительной системы как жестокой и бесчеловечной. Таким образом, наблюдается логическое противоречие между виктимологической характеристикой лиц, участвующих в общественных отношениях на стадии подготовки и совершения преступных деяний, и субъектов уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений, связанных с определением виновности в совершении преступления, вида и меры уголовной ответственности, а также исполнением определенного судебным приговором наказания.

Участники конфликтных коммуникаций, возникающих в сфере пенитенциарной жизнедеятельности, могут как иметь отношение к одной из вышеназванных социальных групп (конфликт «начальник – подчиненный» среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, конфликт между «блатными» и «мужиками» среди осужденных и т. п.), так и представлять антагонистические пенитенциарные страты (конфликт между администрацией и спецконтингентом в форме массовых беспорядков). В каждом случае виктимную характеристику участников пенитенциарного конфликта следует осуществлять исходя из конкретных особенностей соответствующей конфликтной коммуникации [4].

Любой конфликт, независимо от особенностей субъектного состава и содержания, включает ряд взаимосвязанных этапов (стадий): латентности, перехода в открытую форму противоборства сторон, эскалации, условного равновесия, затухания, прекращения [11]. В процессе конфликта эти стадии могут приобретать повторяющийся характер, что влечет за собой изменение состояния виктимности сторон конфликта. Так, на стадии латентности продуцируемая конфликтом опасность носит односторонний характер (субъект-инициатор агрессии – субъект-адресат агрессивного воздействия). До тех пор пока субъект-адресат не предпринял ответных адекватных действий в отношении субъекта-агрессора, он считается жертвой агрессии, а конфликт рассматривается в качестве латентного [12]. Переход конфликта в открытую стадию противоборства с последующей эскалацией взаимной агрессии транс-

формирует опасность в двустороннюю, что, в свою очередь, предполагает виктимизацию (жертвенность) уже двух сторон.

Виктимологическая характеристика поведения субъектов конфликтной коммуникации актуализирует проблему понимания категории «опасность», в качестве составных элементов которой следует рассматривать следующую логическую цепочку: «вызов», «угроза», «риск», «вредоносное последствие» [13]. По мнению О. Н. Громовой, любое воспринимаемое в качестве опасного деяние может и должно оцениваться в рамках именно этой логической цепочки. В таком понимании опасность (потенциальная либо реальная) характеризует любое социальное взаимодействие независимо от его конечной юридической оценки и фактических результатов [14]. В частности, семейный союз, основанный на любви и верности супругов, таит в себе многочисленные опасности и обусловленные ими угрозы и риски (супружеская неверность, психологические расстройства, насилие, материально-финансовые противоречия и т. п.), способные при определенных стечениях обстоятельств привести к конфликтным ситуациям, жертвами которых могут стать либо один, либо оба супруга, а также их дети, родственники, соседи и др. Применительно к пенитенциарным отношениям опасность выступает в качестве объективной характеристики, что обусловлено антагонизмом интересов тюремщиков и заключенных с их взаимным враждебным восприятием. Формальное (статусное) неравенство субъектов пенитенциарных коммуникаций предопределяет наличие двух центров силы (администрации учреждения ФСИН России и так называемых положенцев – смотрящих), взаимодействие которых осуществляется в форме либо латентных, либо открытых конфликтов. При этом в качестве жертв этих конфликтов могут выступать как их непосредственные участники (сотрудники учреждений, осужденные), так и лица, имеющие к пенитенциарной системе опосредованное отношение.

Представление об опасности как объективном факторе, включенном в систему практически любого общественного отношения, актуализирует понимание безопасности как потенциальной готовности и адекватной реакции субъекта на возникающую угрозу. Таким образом, безопасность (в том числе в сфере пенитенциарных отношений) включает в себя способность конкретного лица диагностировать конкретную опасность в качестве реальной и субъективно значимой, а также набор компетенций, позволяющих минимизировать вредоносные последствия пребывания в опасном состоянии.

Понимание виктимности как психологической и поведенческой реакции субъекта на потенциальную и реальную опасность означает, что виктимное состояние жертвенности может в одинаковой степени мотивировать субъекта к попытке избежать конфликтного противоборства (синдром самоустранения) и тем

самым обеспечить собственную безопасность либо, напротив, обусловить инициирование конфликта, независимо от осознания опасности такого состояния (синдром мотылька, синдром обреченности).

В первом случае (синдром самоустранения) виктимность рассматривается как профилактическое состояние субъективного сознания и поведения, в рамках которого опасность является формируемой на психологическом уровне моделью нежелательных вредоносных последствий возможного конфликта, целью конструирования которой является предотвращение конфликтного взаимодействия путем выхода из конфликтогенной ситуации. Так, человек, впервые попавший в сферу пенитенциарной жизнедеятельности и воспринимающий ее как общую опасность, стремится максимально ограничить общение как с представителями блатного мира, так и с администрацией учреждения, считая их равнозначными угрозами. Первые способны причинить вред за нарушение понятий, вторые – за нарушение административных регламентов. И те, и другие для «новосела» в одинаковой степени опасны, а значит, и держаться от них желательно подальше. В случае же когда лицо, осознавая опасность возможного конфликта, тем не менее стремится к вступлению в него, действуют иные виктимные стереотипы. Синдром мотылька предполагает неосознанную инициацию конфликта путем подталкивания потенциального агрессора к вредоносным действиям. Вызывающе одетая нетрезвая девушка, несдержанный в общении «первоход» в тюремной камере, демонстрирующий в общественном месте наполненный купюрами кошелек турист – все эти и другие достаточно распространенные жизненные ситуации нередко выступают в качестве спускового крючка, делающего потенциальный конфликт реальным. Синдром обреченности означает стремление к вступлению в конфликт при осознании неизбежности собственного поражения в нем. При этом инициация конфликта и его эскалация для обреченного имеют основной целью причинение максимального ущерба, а значит, и максимальное увеличение виктимности в отношении контрсубъекта. В качестве примера синдрома обреченности в сфере пенитенциарных отношений может рассматриваться ситуация, связанная с массовыми беспорядками в учреждении уголовно-исполнительной системы, когда протестные мероприятия изначально обречены на поражение, однако инициируются вследствие нежелания осужденных в дальнейшем терпеть существующий порядок.

Представляя собой динамическую конструкцию, конфликт складывается из нескольких стадий, каждая из которых характеризуется особой виктимностью вовлеченных в конфликтную коммуникацию субъектов.

Динамика развития конфликта и связанного с ним состояния субъективной виктимности представлена в таблице.

Динамика развития конфликта и состояния субъективной виктимности

Латентность конфликта		Переход в открытую форму противоборства сторон		Эскалация конфликта
1 стадия	2 стадия	1 стадия	2 стадия	
Осознание субъектом-агрессором дефицита ресурса и формирование психологического образа врага в отношении субъекта-адресата агрессии	Совершение субъектом-агрессором действий, направленных на причинение вреда интересам субъекта-адресата агрессии	Субъект-адресат агрессии осознает, что действия агрессора направлены на причинение вреда его субъективным интересам	Субъект-адресат агрессии осуществляет ответную агрессию в отношении субъекта, инициировавшего конфликт	Усиление взаимного агрессивного воздействия, направленного на причинение максимального вреда с вовлечением всех противоборствующих сторон
Предпосылка конфликта	Предпосылка конфликта	Предпосылка конфликта	Условие перехода к открытой форме конфликта	Условие перехода к новому циклу конфликтного противоборства
ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ		РЕАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ		

Выделенные стадии конфликта в совокупности образуют завершённый цикл конфликтной коммуникации, результатом которой является либо завершение конфликта, либо выход его на следующую стадию.

Условиями завершения конфликта являются:

- выход из конфликта одной из сторон;
- уничтожение дефицита ресурса;
- затухание конфликта в результате окончания ресурсов конфликтующих сторон;
- пресечение конфликта путем государственного правоприменения.

В свою очередь переход к следующему конфликтному циклу является следствием возобновления агрессивного противоборства сторон при сохранении обусловивших возникновение конфликта предпосылок (дефицита ресурса и психологического образа врага).

Следует отметить, что виктимность субъектов непосредственным образом зависит от стадии конфликтной коммуникации. Так, в рамках латентного конфликта, когда агрессия осуществляется в одностороннем порядке, виктимное поведение характерно только для субъекта-адресата агрессивного воздействия. Переход конфликта к открытой форме межсубъектного противоборства с последующей эскалацией придает агрессии двухсторонний характер, что, в свою очередь, обуславливает поведенческую виктимизацию всех субъектов конфликтной коммуникации.

Применительно к пенитенциарным конфликтам виктимность их участников необходимо рассматривать в качестве значимого фактора влияния, который следует учитывать как в процессе профилактики конфликтов, так и при их разрешении. Как уже ранее отмечалось, социальный состав пенитенциарных учреждений представлен двумя социальными группами (администрацией и спецконтингентом), отношения между которыми характеризуются высокой степенью конфликтности, а значит, и виктимности.

Осуществляемая в современных условиях виктимологическая деятельность направлена на предупреждение потенциальных и разрешение ре-

альных конфликтов в пенитенциарной сфере [15]. Пенитенциарная виктимология как направление прикладного воздействия должна включать разные процессы: исследовательские, образовательные, кадровые и др.

В качестве целевых установок, определяющих функциональность современной пенитенциарной виктимологии, следует выделять:

- проведение фундаментальных исследований, направленных на получение новых знаний о субъективной виктимности в условиях конфликтных ситуаций, их прогнозировании и предупреждении;
- правовое обеспечение защиты жертв латентных и открытых конфликтов;
- распространение научных и правовых знаний о предмете пенитенциарной виктимологии и ее возможностях в условиях потенциальных и реальных конфликтов;
- формирование прикладных компетенций в области практического применения виктимологических знаний, умений, навыков [16].

Заключение

Результаты проведенного исследования отражены в следующих выводах.

Пенитенциарная система представляет собой локальную социально-пространственную сферу поведенческой активности (пенитенциарной жизнедеятельности), в качестве субъектов которой выступают две группы с непосредственными интересами (администрация и спецконтингент) учреждений ФСИН России, а также лица, опосредованно связанные с процессами пенитенциарной жизнедеятельности (представители правоохранительных и судебных органов, адвокаты, представители международных, государственных и общественных правозащитных организаций и др.).

Представляя собой форму межсубъектных коммуникаций, пенитенциарные отношения могут быть дифференцированы на партнерские и конфликтные. При этом и партнерство, и конфликт в равной степени способны оцениваться и как нормативные, и как девиантные. Виктимность, представляя собой потенци-

альную предрасположенность субъекта к состоянию жертвы, следует рассматривать в качестве элемента социально-правового положения участника конфликта. При этом субъективная виктимность непосредственным образом связана со стадией конфликта, в рамках которого агрессивное воздействие может носить односторонний (односторонняя виктимность) либо двухсторонний характер.

Анализ поведенческой виктимности участников пенитенциарных конфликтов позволяет говорить о

детерминирующей связи между продуцируемой конфликтом опасностью и виктимным поведением. В зависимости от обстоятельств субъективная виктимность может быть направлена на попытку избежать конфликтного противоборства (синдром самоустрашения) и тем самым обеспечить собственную безопасность либо, напротив, обусловить инициирование конфликта, независимо от осознания опасности такого состояния (синдром мотылька, синдром обреченности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батуренко С. А. Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли // Социология. 2018. № 2. С. 9–14.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 27.07.2023).
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (дата обращения: 27.07.2023).
4. Детков А. П. Теоретические обоснования причинности возникновения пенитенциарных конфликтов // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 152–163.
5. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. М., 2008. 191 с.
6. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.
7. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. 332 с.
8. Горшенков А. Г., Горшенков Г. Н. Криминальная виктимология как междисциплинарная превентивная теория // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 137–147.
9. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1977. 237 с.
10. Козырев Г. И. Социальное конструирование образа жертвы в социально политических отношениях и в конфликтах // Вестник РГГУ. 2009. № 2. С. 11–27. URL: https://www.rshu.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (дата обращения: 27.07.2023).
11. Емельянов Н. С. Пенитенциарный конфликтогенез: проблемные вопросы детерминации пенитенциарных конфликтов // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 18–22.
12. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
13. Кравчук А. А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 11. С. 65–74.
14. Громова О. Н. Маргинальная виктимность как фактор системной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 56–64.
15. Пилюкова С. С. Профилактика конфликтов в пенитенциарном социуме // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4 (35). С. 131–136.
16. Сысоева В. В. Профилактика виктимности личности // Педагогическое образование и наука. 2010. № 5. С. 101–103.

REFERENCES

1. Baturenko S.A. Theories of social order and social conflict in the history of sociological thought. *Sotsiologiya = Sociology*, 2018, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.).
2. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed July 27, 2023).
3. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (accessed July 27, 2023).
4. Detkov A.P. Theoretical substantiations of the causality of the occurrence of penitentiary conflicts. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2012, no. 1, pp. 152–163. (In Russ.).
5. Varchuk T.V., Vishnevetskiy K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya"* [Victimology: textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence"]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2008. 191 p.
6. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. Saint Petersburg, 2002. 304 p.
7. Rivman D.V., Ustinov V.S. *Viktimologiya* [Victimology]. Saint Petersburg, 2000. 332 p.
8. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.N. Criminal victimology as an interdisciplinary preventive theory. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 137–147. (In Russ.)
9. Frank L. V. *Viktimologiya i viktimnost'* [Victimology and victimity] Dushanbe, 1977. 237 p.
10. Kozыrev G.I. Social constructing of victims image in the social-political conflicts. *Vestnik RGGU = Bulletin of the Bulletin of the Russian State Humanitarian University*, 2009, no. 2, pp. 11–27. Available at: https://www.rshu.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (In Russ.). (Accessed July 27, 2023).

11. Emel'yanov N.S. Penitential conflictogenesis: problematic issues of determination of penitentiary conflicts. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service*, 2019, no. 2 (51), pp. 18–22.
12. Zimmel' G. Man as an enemy. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1994, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.)
13. Kravchuk A.A. Categories “challenge”, “danger”, “threat” in the national security theory. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = The Transbaikal State University Journal*, 2016, vol. 22, no. 11, pp. 65–74. (In Russ.)
14. Gromova O.N. Marginal victimization as a factor of system security. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situatsii = Right. Safety. Emergency Situations*, 2023, no. 2 (59), pp. 56–64. (In Russ.)
15. Piyukova S.S. Prevention of conflicts at the penal society. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4 (35), pp. 131–136. (In Russ.)
16. Sysoeva V.V. Prevention of the victim's syndrome of cultural identity. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical Education and Science*, 2010, no. 5, pp. 101–103. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Head of the Department of the Theory and History of State and Law of the A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Статья поступила 13.08.2023

Научная статья

УДК 343.8:172.15

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002

Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России

СЕРГЕЙ САЯДОВИЧ ОГАНЕСЯННаучно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>*Реферат*

Введение: в статье рассматриваются проблемы националистических воззрений, возникшие в последние десятилетия не только в России, но и во многих государствах, что ставит под угрозу стабильность в различных регионах. *Цель:* показать, что понятие «национализм», являясь порождением современной ментальной цивилизации, напрямую связано с закономерным и неизбежным переходом человечества от жизни по религиозным канонам к жизни «по собственному разумению», определить пути противостояния формированию националистических взглядов в пенитенциарных учреждениях. *Результаты:* автор считает, что действенным методом противодействия националистическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе России станет основанный на конкретных примерах рассказ сотрудников о становлении семьи, рода, племен, формировании обычаев и традиций. Необходимо понять, что насильственное навязывание другому этносу или народу своего языка, культуры, традиций, обычаев, ценностного мира и норм бытия противоречит тенденциям развития человечества. Показано, что понятия «национализм» в силу ряда объективных причин, связанных с исторически обусловленной цивилизационной ментальностью этносов и народов, не существовало в религиозных эпохах. *Вывод:* автор, отмечая актуальность исследуемой проблемы и ее многоаспектность, предлагает разработать специальную систему профилактики и противодействия национализму в уголовно-исполнительной системе России, требующую соответствующей подготовки сотрудников.

Ключевые слова: национализм; уголовно-исполнительная система России; профилактика и противодействие национализму.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Оганесян С. С. Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 357–364. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002.

Original article

Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System

SERGEI S. OGANESYAN Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Abstract

Introduction: the article considers problems of nationalist views that have recently arisen not only in Russia, but also in many states, which threatens stability in various regions. *Purpose:* to show that the concept of “nationalism”, being a product of modern mental civilization, is directly related to the natural and inevitable transition of mankind from life according to religious canons to life “according to their own understanding”. *Results:* the author believes that to effectively counter nationalist views in the Russian penal system, its employees should familiarize convicts with the formation of a family, clan, tribes, as well as customs and traditions. It is necessary to disseminate the idea that forcible imposition of one’s own language, culture, traditions, customs, the value world and norms of being on another ethnic group or people contradicts human development trends. The article shows that the concept of “nationalism”, due to a number of objective reasons related to the historically conditioned civilization mentality of ethnic groups and peoples, did not exist in religious epochs. *Conclusion:* the author, noting the relevance of the problem under study, points to its multidimensional nature and proposes, taking into account the results formulated in the article, to develop a special system of prevention and counteraction to nationalism in the Russian penitentiary system, with appropriate training and retraining of its employees.

Key words: nationalism; penal system of Russia; prevention and counteraction to nationalism.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Oganessian S.S. Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 357–364. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002.

Введение

Национализм, являясь порождением современной ментальной цивилизации, напрямую связан с неизбежным переходом человечества от жизни по религиозным канонам к жизни «по собственному разумению», включая разработку идеологических основ создания этносами и народами собственных суверенных государств. Поэтому ресоциализация националистов принципиально отличается от ресоциализации экстремистов и террористов, имеющих воззрения, истоки которых восходят к изживающим себя религиозным ментальным цивилизациям.

Нет необходимости доказывать, что сотрудники уголовно-исполнительной системы России обязаны знать специфику националистических воззрений и формы их проявления в современном мире, чтобы разработать эффективную систему профилактики негативного социального явления.

Данная проблема приобрела актуальность в связи с известными событиями на Украине, где националистические воззрения не только руководства страны, но и внушительной части населения привели к трагическим последствиям в Донецкой, Луганской и других областях, что вынудило Россию начать специальную военную операцию и включить проблемные регионы в свой состав. Всплеск националистических идей наблюдается не только на Украине, но и в Казахстане, а также некоторых других постсоветских республиках [1–3]. Эту ситуацию нельзя назвать случайной, поскольку связана она не только с процессом суверенизации народов данных республик, но и с закономерным переходом человечества к новой цивилизационной ментальности.

Напомним, что в соответствии с нашей концепцией о трех основных стадиях ментального развития человечества, которые последовательно сменяли друг друга, можно выделить ментальные эпохи многобожия, единобожия и научного мировосприятия, каж-

дая из которых имеет свои мировосприятие, нормы и правила поведения, ценностный мир, что проявляется во всех сферах жизни людей, начиная от отношений между членами семьи, рода и племени и заканчивая взаимодействием с представителями других племен (в современной терминологии – этносов и народов) [4; 5].

Переживаемая современным человечеством ментальная эпоха, названная нами эпохой научного мировосприятия, характеризуется тем, что именно разум (интеллект) человека, который принципиально отличается от ментальных способностей и возможностей всех иных живых существ нашей планеты, предопределяет не только переход человечества от религиозного восприятия мира к научному, но и самостоятельную разработку человеком норм и правил своего существования [1; 4; 5].

Напомним, что в предшествующие ментальные эпохи, которые являлись сугубо религиозными, мировосприятие, нормы и правила бытия людьми воспринимались как данные им (ниспосланные, преподнесенные) извне некими неподвластными человеку потусторонними высшими силами (богами). Их, согласно бытовавшим поверьям, нельзя было ни отменять, ни изменять, а следовало лишь неукоснительно и безусловно исполнять.

Методы исследования

В статье использовался комплекс методов. Первая группа включала логический, системный и концептуальный виды анализа современного состояния профилактики и противодействия националистической деятельности в уголовно-исполнительной системе и нерешенных проблем ресоциализации лиц с националистическими воззрениями, которые требуют своего осмысления и решения. Во вторую вошли герменевтический, сравнительно-сопоставительный и экзегетический методы исследования источников, которые предопределяют сознание, когнитивные

способности и поведение современных националистов.

Обсуждение

В эпохи многобожия и единобожия понятий национализма или националистического экстремизма не существовало. Более того, отсутствовало само понятие «экстремизм», которое возникло и стало активно употребляться лишь в последнюю ментальную эпоху. В частности, оно вошло в речевой оборот сперва в публицистической, а затем и в научной литературе в начале XX в. [6].

Явления, которые сегодня считаются экстремистскими и террористическими, в религиозные эпохи воспринимались не как отрицательные и противоправные, а напротив, как достойные уважения и почитания. Вспомним девиз «За Веру, Царя и Отечество», широко распространенный в период Российской империи, который обозначал то, что должен был знать каждый русский офицер: «Душу – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому» [7]. Причем понятие «Отечество» тесно связывалось с именем Божьего помазанника, то есть царя, которому именно Бог (Всевышний) вручил покровительство над государством (отечеством, родиной, страной).

Так, если обратиться к самой продолжительной по времени эпохе многобожия (язычества), охватывающей период от зарождения человечества до появления монотеистической Торы, то здесь морально-нравственные обязательства действовали только по отношению к членам семьи, рода и племени, поскольку каждый иноплеменник воспринимался в качестве потенциального врага, которого можно было унижать, оскорблять, грабить, убивать, то есть совершать в отношении его те деяния, которые современными уголовными кодексами большинства стран квалифицируются в качестве преступлений.

Ментальность язычников основывалась на их духовных (религиозных) воззрениях. Поскольку иноплеменники имели чуждых другим родам и племенам богов, которые считались врагами собственных богов, то их, по убеждению язычников, надлежало уничтожать. Исключение составляли лишь иноплеменники, с которыми был заключен мир. Другое поведение считалось отречением от своих богов, которые не прощают предательства. Никому из язычников не приходила мысль, что они, убивая по поводу или без повода иноплеменника, совершают безнравственный поступок [1].

Известный исследователь жизни древних людей Н. Д. Фюстель Де Куланж отмечает, что: «в отношении чужеземца не существовало таких понятий, как справедливо или несправедливо» [8, с. 207].

В ментальную эпоху монотеизма, когда было внедрено понятие единого для всех людей Бога, а также их общего происхождения от одного предка – Адама, рубеж между своими и чужими, врагами и братьями стал проходить не только между монотеистами и язычниками (многобожниками, политеистами, идолопоклонниками), но и монотеистами, по-разному трактовавшими постулаты веры в единого Бога. Непримиримая борьба между разными монотеистиче-

скими религиями и течениями за правильность веры была не менее ожесточенной, чем противостояние между языческими племенами [9].

Естественно, что в современную ментальную эпоху, когда основная масса людей отошла от религиозных канонов бытия и стала опираться в организации своей жизни не на тексты священных писаний, а на законодательные системы, которые являются плодом их собственной интеллектуальной деятельности, понятия «Бог», «божественная предопределенность», «жизнь ради Бога», как и необходимость исполнения именно Его воли, остались в историческом прошлом. Они перестали быть определяющей чертой жизни людей [4].

Сохранились лишь понятие «Отечество», воплощенное в государстве (стране, родной земле), и преданность ему. Надо ли пояснять, что пока есть народы, государства, страны, будет существовать и патриотизм, который в своей крайней форме ультрапатриотизма в известной степени совпадает с понятием «национализм». Согласно Большой российской энциклопедии, национализм – это политические идеология и практика, основанные на представлении о нации и ее интересах как высших ценностях. В зависимости от понимания, что такое нация, национализм имеет две основные формы – гражданский, или государственный, и этнический. Гражданский национализм возник в эпоху буржуазных революций и становления современных государств, основанных на представлении о нации и народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма национализма направлена на обоснование легитимности государства, консолидацию гражданской нации, но зачастую содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на государственную экспансию (мессионизм) или, наоборот, изоляционизм. Этот вид национализма широко используется государствами через официальную символику и идеологические институты (образование, социальные науки, СМИ и др.) с целью утверждения общегражданской лояльности («служение и любовь к Родине», «уважение к стране и прошлому» и др.) и распространения общегосударственных правовых норм и морально-культурных ценностей [10].

Именно приведенное определение национализма нам видится наиболее полным, точным и приемлемым для обозначения данного явления, поскольку не только включает в себя представление о нации как высшей ценности для государства, но и обращает внимание на две самые распространенные формы этого явления: во-первых, на ее гражданскую и этническую сущность со многими вытекающими отсюда крайностями, вплоть для экспансионизма и изоляционизма; во-вторых, на историческое время возникновения понятия «национализм». В частности, возникновение этого понятия связывается с эпохой буржуазных революций и становления современных государств, основанных на представлении о нации и народе как согражданстве с общими самосознанием и историко-культурным наследием [10]. А это полностью совпадает как с приведенной выше трех-

этапной периодизацией ментальных цивилизаций, так и со спецификой взаимоотношений в них между этносами и народами (в терминологии этнографов – родоплеменными взаимоотношениями).

Что касается понятия «нацизм», которым не только многие журналисты, но и обремененные научными познаниями и ответственностью перед обществом, но и отдельные государственные деятели стали обозначать проявления именно национализма в разных странах и регионах мира, например на Украине, то полагаем необходимым напомнить, что термин этот возник путем сокращения термина «национал-социализм» (национально ориентированный социализм). Впрочем, социалистический путь развития декларировался и в СССР [11]. Но если в Германии провозглашался национал-социализм, то в СССР – интернационал-социализм. При этом суть была одна: целью государства становились его социально ориентированные основы. Когда же армия Третьего Рейха вероломно перешла границы СССР, то возникла необходимость категорически отмежеваться от национал-социализма. Так и возникло сокращение «нацизм», к которому потом добавился термин «фашизм» в негативном его понимании. Таким образом, воевавшие бойцы Красной Армии уже бились с нацистами и фашистами, но никак не с социалистами [11].

После окончания Второй мировой войны термин «нацизм» стал синонимом таких слов, как «ксенофобия», «национализм», «шовинизм», «фашизм». Все эти слова в современном русском языке получили крайне негативное значение и поэтому, как правило, употребляются для унижения политических противников.

В последние десятилетия широкое распространение получил также термин «неонацизм» (новый нацизм, новый национал-социализм), под которым стали понимать движение, которое после Второй мировой войны объединило националистические организации, близкие по своим программным установкам к национал-социализму либо объявившие себя последователями Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) [11].

Хотя движение неонацизма неоднородно, но с 1962 г. большинство организаций, входящих в него, объединилось во Всемирный союз национал-социалистов (ВНС; World Union of National Socialists, WUNS). К концу 2012 г. в нем официально было зарегистрировано 44 организации. Причем практически все они располагают собственными интернет-ресурсами и прессой. Сегодня ячейки ВНС существуют в Бельгии, Болгарии, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Великобритании и многих других странах. Неонацистские движения были созданы и в России (национал-социалистическое движение «Русский дивизион», всероссийское общественно-патриотическое движение «Русское национальное единство» (РНЕ), национал-социалистическое движение «Славянский союз», сообщество «Белая масть» и др.) [12]. Многие из них к 2010 г. были запрещены в нашей стране решениями судов разных инстанций.

Важно отметить, что после религиозных ментальных цивилизаций человечество не разом и не одновременно стало переходить к научному миро-

восприятию. Этот процесс, как известно, начался в XV–XVI вв. в государствах Европы, а затем распространился и на другие страны. В частности, в Италии, Англии, Франции и Германии стало активизироваться научное познание мира. Религиозное мировосприятие, изложенное в Священном Писании, а также религиозные нормы и догмы апологетами эпохи Просвещения (Вольтером, Дидро, Гольбахом, Локком и др.) были отвергнуты. Стало формироваться светское право, являющееся плодом интеллектуальной деятельности самих людей [1; 5].

Однако по нормам канонического (религиозного) права продолжали и все еще продолжают жить (или тяготеют к ним) многие государства современного мира, например Иран, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Тунис, Саудовская Аравия и др. Хотя и они под давлением изменившихся условий жизни вынуждены сегодня вносить изменения в свои законодательные нормы [5].

Таким образом, само понятие «экстремизм» как крайнее негативное явление социальной жизни народов возникло лишь в начале прошлого века. И только в конце 1990-х гг. ООН были приняты «Международная конвенция о борьбе с финансированием международного терроризма» (1998) и «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом» (1997).

Совет Европы лишь в 2007 г. принял конвенцию «О предупреждении терроризма». До этого действовала конвенция «О пресечении терроризма» (1977), которой и поныне руководствуются практически все европейские страны [2].

В нашей стране в данной сфере действуют федеральные законы от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Напомним также, что, согласно Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», которая была принята 15.06.2001, под названными деяниями понимаются насильственный захват власти или насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства, насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооруженных формирований или участие в них. В отечественном законодательстве, в частности федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», понятие экстремизма раскрывается через перечисление деяний, которые трактуются как экстремистские.

Итак, можно утверждать, что на всем протяжении своего существования человечество по-разному относилось к тем явлениям, которые сейчас воспринимаются в качестве экстремистских и террористических, поскольку каждая из ментальных эпох имела свое специфическое мировосприятие, нормы и правила поведения. Именно поэтому в религиозных ментальных цивилизациях не существовало таких явлений, как национализм, нацизм, неонацизм, фашизм, которые в наши дни воспринимаются и квалифицируются в качестве уголовно наказуемых деяний.

Но, с другой стороны, человечество никогда не было ментально однородным по своим духовным воззрениям: на протяжении столетий бок о бок жили как этносы, тяготеющие к родоплеменным (языческим) традициям организации своей жизни, так и те, которые отошли не только от языческих, но и от монотеистических воззрений. В качестве примера из современной жизни можно привести жителей Крайнего Севера, которые тяготеют к языческому мировосприятию, и людей с атеистическими воззрениями, проживающими, как правило, в крупных мегаполисах разных государств. Напомним, что число людей с атеистическими взглядами неуклонно растет, приближаясь уже к 17 % [13]. А те, кто считают себя верующими, имеют весьма смутное представление о Боге [4].

Именно поэтому в современном мире присутствуют как представители религиозных экстремистских воззрений, которые считают, что жизнь по священным писаниям является наиболее правильной и праведной, и стремятся возродить традиции и обычаи религиозных эпох, нередко собственной жизни, так и их антиподы, каковыми являются националисты, которые, подавляя самобытность своих сограждан других этнических групп, насильственно навязывают им чуждые их ментальности и бытию воззрения, включая религиозные, неродной язык, а также традиции и обычаи жизни.

В чем же заключается ментальная специфика националистов по сравнению с носителями других видов экстремизма? И как это влияет на построение системы профилактики и противодействия национализму в уголовно-исполнительной системе России?

Несмотря на то, что эти вопросы крайне мало изучены, можно говорить о том, что ментальная специфика националистов проявляется не только в пропаганде идей превосходства одной нации над всеми остальными и обусловленных этими идеями действиях, которые направлены на уничтожение и насильственную ассимиляцию других народов, но и в призывах построить суверенное государство с доминированием одной нации (народа) со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для других этносов, вплоть до официального фиксирования (записи) в государстве всех граждан лицами титульной нации, в лучшем случае – указания их этнического происхождения (например, казах русского происхождения) [10–12].

Широко известны также случаи физического устранения националистами идеологических и политических противников не только в своей стране, но и за ее пределами. Всем памятно, например, убийства на Украине журналистов Олеса Бузины, Сергея Сухобочка, политика Олега Калашникова, в России – Дарьи Дугиной, военного блогера Владлена Татарского, а также покушения на убийство многих других.

И в этом отношении (в частности, по используемым методам достижения своих целей) националисты весьма схожи с экстремистами, исповедующими расизм и шовинизм, а также с теми, кто придерживается идей превосходства одного языка, культуры и религии над другими.

Сотрудникам уголовно-исполнительной системы в профессиональной работе следует учитывать, что мировосприятие и деятельность националистов противоположны тем идеям, которые исповедуют, например, религиозные экстремисты. Последние, как правило, одержимы идеей слияния всех этносов и народов в мировое братство по духовному, а не по национальному (этническому) признаку (например, создание мирового халифата, объединение всех христиан в единое мировое духовное братство («Нью Эйдж» и др.)) [1; 5].

Националисты даже религиозные воззрения сограждан пытаются использовать для своих изоляционистских устремлений. Показателен пример националистов Украины, которые инициировали получение Православной церковью Украины от Константинопольского патриархата томоса о предоставлении ей автокефалии [14; 15]. Это произошло в Стамбуле при президенте П. Порошенко 6 января 2019 г. Нет ничего удивительного и в том, что В. Зеленский предложил Верховной раде перенести дату празднования Рождества с 7 января на 25 декабря. В пояснительной записке отмечается, что предложенные изменения направлены на внесение поправок в ст. 73 Кодекса законов о труде Украины, то есть в сугубо светский документ. Поэтому основной причиной для изменения даты празднования Рождества Христова является стремление Украины отказаться от российского влияния и навязанной традиции празднования Рождества в январе [16]. Согласно предложению 25 декабря будет отмечаться Рождество Христово, 15 июля – День украинской государственности, 1 октября – День защитников и защитниц Украины [16].

Какими же методами, приемами и средствами целесообразно противостоять националистическим воззрениям в пенитенциарных учреждениях?

К сожалению, опыт мировых пенитенциарных систем и отечественной уголовно-исполнительной системы сегодня не позволяет представить достаточно эффективную апробированную на практике целостную систему профилактики националистических воззрений и противодействия им. Причины объективны. Во-первых, имеющаяся практика крайне скудна и недостаточна для научно обоснованного обобщения и распространения (как и по другим разновидностям экстремизма и терроризма). Во-вторых, мало изучены само явление национализма и его основные проявления. Так, например, к перечисленным выше особенностям националистов мы можем лишь добавить, что приверженцы данных воззрений весьма неоднородны и по устремлениям, и по степени вовлеченности в националистические организации и движения. Среди них можно найти различных по возрасту как фанатично настроенных людей, которые, как показывает наш опыт, практически не поддаются переубеждению, так и людей, неустойчивых в воззрениях или случайно оказавшихся в организациях националистов. В-третьих, крайне ограничен круг сотрудников, которые целенаправленно занимаются исследованием носителей и националистических, и иных радикальных идей.

Так, например, сотрудники оперативных, режимных, воспитательных и психологических служб должны не только знать устремления представителей экстремистских воззрений и специфику их ментальности, но и владеть навыками и приемами их распознавания, профилактики и противодействия им в своей служебной деятельности. Например, как при работе с религиозными экстремистами сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны знать содержание первоисточников монотеизма (Торы, Нового Завета и Корана), язычества и неоязычества, историю становления и развития различных этносов, так как при выявлении и ресоциализации националистов необходимо показывать им как формировался тот народ, который они считают лучшим. Следует учитывать, что националисты, как правило, имеют искаженные или вымышленные представления об исторических процессах, насаждаемые их идеологами [1; 4; 5].

Важно донести до националистов, что не авторитаризм и диктат, не воля вождя являются способом воздействия на мышление людей, решающим условием изменения их сознания и принятия ими тех или иных решений, включая вопросы взаимоотношений с другими этносами и народами, а доводы разума. Научное мировосприятие толерантно ко всем суждениям и позициям, гипотезам и теориям. Оно не может существовать без плюрализма мнений, различных точек зрения, диспутов, дискуссий. Именно новой ментальной цивилизацией определяется международное «право на самоопределение наций».

При этом сотрудники должны знать, что идеи, связанные с чувством национального достоинства и отстаивания национальной самобытности, присущи всем этносам и народам, поскольку являются формой самосохранения национальной идентичности. Эта форма может усиливаться или, напротив, угасать в разных исторических условиях в зависимости от угроз, которые исходят от окружающих этносов и народов.

Так, в частности, если речь идет о ресоциализации украинских националистов, то необходимо показать им весь путь, который прошли многочисленные и разные по своему этническому происхождению, языку и традициям племени кривичей, древлян, полян, радимичей, вятичей, тиверцев и других к тому племенному образованию восточных славян, которое сегодня лежит в основе белорусского, русского и украинского народов [17].

Важно показать, как влияют на становление конкретного народа геополитические и природно-климатические условия, как воздействуют на ментальность этносов религиозные воззрения и многое другое, что в конечном итоге предопределяет самобытность и уникальность того или иного народа в его современном состоянии.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы на конкретных примерах обязан объяснить, как семьи, разрастаясь, приобретали статус рода; как роды объединялись в племена, как формировались их обычаи, традиции, что насильственное навязывание

другому этносу или народу своего языка, культуры, традиций, обычаев, ценностного мира и норм бытия противоречит тенденциям стратегического направления развития человечества. Причем демонстрировать становление тех или иных народов сотрудникам необходимо на примерах как из прошлых эпох, так и из современной жизни. В качестве примера можно привести ситуацию когда в наши дни формируется понятие «дагестанец», которое включает различные этнические группы, для которых объединяющим началом стал русский язык, а базовыми нормами и правилами поведения – положения Конституции Российской Федерации.

В распоряжении сотрудника также должны быть соответствующие учебные материалы и средства обучения. Это ставит принципиально новые задачи перед системой подготовки и переподготовки сотрудников ФСИН России, которые с учетом профиля их работы должны вести целенаправленную работу с лицами, имеющими националистические экстремистские и прочие деструктивные убеждения. Кроме того, необходимо создать в НИИ ФСИН России специальную группу (отдел), которая во взаимодействии с учебными заведениями ведомства, а также сотрудниками территориальных органов должна организовать экспериментальную работу по выявлению ментальной и идеологической специфики экстремистов и террористов всех разновидностей, а также противодействию их экстремистским воззрениям.

Передовой опыт профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе России важен, и его необходимо обобщать и распространять. Однако в соответствии с велениями новой научно ориентированной ментальной эпохи именно целенаправленная экспериментальная научно-исследовательская работа должна стать основой для выявления носителей экстремистских и террористических воззрений и ресоциализации осужденных.

Важно всем учебным заведениям ФСИН России сосредоточить усилия на подготовке и переподготовке сотрудников, компетентных осуществлять профилактику и противодействие не только националистическим, но и другим радикальным воззрениям осужденных.

Выводы

В статье кратко рассмотрены основные вопросы профилактики и противодействия националистическим воззрениям в отечественной уголовно-исполнительной системе. Перед пенитенциарными системами различных стран, включая Россию, стоят принципиально новые задачи, одной из которых является профилактика и противодействие национализму. Надеяться на то, что данные проблемы решатся сами собой или в рамках традиционных для уголовно-исполнительной системы подходов, методов и приемов, не приходится. Необходима целенаправленная работа всех структурных подразделений ФСИН России для решения принципиально новых задач, которые продиктованы временем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оганесян С. С. Противостояние на религиозной почве как неизбежность для суверенизации этносов и народов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. № 3 (194). С. 36–40.
2. Фуртат В. В. Противодействие экстремизму в ряде стран Европы // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 117–120.
3. Кулагин В. «Русские здесь не дышат»: как Казахстан отдаляется от России. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/20_a_14226445.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
4. Оганесян С. С. «Человек верующий» и «человек религиозный» – разные понятия современной ментальной эпохи // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2019. № 4. С. 28–34.
5. Оганесян С. С. Обусловленность законодательных систем цивилизационной ментальностью этносов и народов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2021. № 7–8 (190–191). С. 18–23.
6. Бабашкина З. А. Возникновение понятия «экстремизм» // Вестник университета. 2013. № 5. С. 240–242.
7. Максимов С. Т. Национальный характер // Русские воинские традиции. М., 2010. 317 с.
8. Фюстель де Куланж. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2010. 414 с.
9. Религиозные войны в мировой истории. URL: <https://dzen.ru/a/W4WcBjI9QwCp8Plz> (дата обращения: 16.07.2023).
10. Национализм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/natsionalizm-d9e9ff> (дата обращения: 16.07.2023).
11. Нацизм // Политический словарь. URL: <http://slovariki.org/politiceskij-slovar/3418> (дата обращения: 16.07.2023).
12. Кузьмин А. Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития // Политес. 2007. Т. 3, № 1. С. 99–109.
13. Филимонов С. Не верю: почему уровень религиозности снижается во всем мире. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/486214-ne-veru-pocemu-uroven-religioznosti-snizhaetsa-vo-vsem-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 16.07.2023).
14. Денисенко М. А. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 391–403.
15. Архиерейский собор Русской православной церкви 31 марта – 5 апреля 1992 г. // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 552–555.
16. Латышев А., Комарова Е. «Искоренить все русское»: Зеленский внес в Верховную раду законопроект о переносе Рождества с 7 января на 25 декабря. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1167978-ukraina-zakonoproekt-rozhdestvo> (дата обращения: 16.07.2023).
17. Одинец Д. М. Возникновение государственного строя у восточных славян. Париж, 1935. 184 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4712-odinets-d-m-vozniknovenie-gosudarstvennogo-stroya-u-vostochnyh-slavyan-parizh-1935> (дата обращения: 16.07.2023).

REFERENCES

1. Oganesyanyan S.S. Confrontation on religious grounds as an inevitability for the sovereignization of ethnic groups and peoples. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21th Century: Legislation, Comments, Problems*, 2022, no. 3 (194), pp. 36–40. (In Russ.).
2. Furtat V.V. Countering extremism in several European countries. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2019, no. 7, pp. 117–120. (In Russ.).
3. Kulagin V. "Russkie zdes' ne dyshat": kak Kazakhstan otdalyaetsya ot Rossii ["Russians do not breathe here": how Kazakhstan is moving away from Russia]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/20_a_14226445.shtml (accessed July 16, 2023).
4. Oganesyanyan S.S. "A believer" and "a man of religion" – different concepts of the modern mental age. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika = Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2019, no. 4, pp. 28–34. (In Russ.).
5. Oganesyanyan S.S. Conditionality of legislative systems by the civilizational mentality of ethnic groups and peoples. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21th Century: Legislation, Comments, Problems*, 2021, no. 7–8 (190–191), pp. 18–23. (In Russ.).
6. Babashkina Z.A. The emergence of the concept of "extremism". *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2013, no. 5, pp. 240–242. (In Russ.).
7. Maksimov S.T. National character. *Russkie voinskie traditsii = Russian Military Traditions*, Moscow, 2010. 317 p.
8. Fustel de Coulanges N.D. *Drevnii gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima* [Ancient city. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]. Trans. by Igorevskii L.A. Moscow, 2010. 414 p.
9. *Religioznye voiny v mirovoi istorii* [Religious wars in world history]. Available at: <https://dzen.ru/a/W4WcBjI9QwCp8Plz> (accessed July 16, 2023).
10. Nationalism. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/natsionalizm-d9e9ff> (Accessed July 16, 2023).
11. Nazism. In: *Politicheskii slovar'* [Political Dictionary]. Available at: <http://slovariki.org/politiceskij-slovar/3418> (Accessed July 16, 2023).
12. Kuz'min A.G. The right-wing radical movement in modern Russia: features of ideology and prospects of development. *Polites=Politics*, 2007, vol. 3, no. 1, pp. 99–109. (In Russ.).
13. Filimonov S. *Ne veruy: pochemu uroven' religioznosti snizhaetsya vo vsem mire* [I do not believe: why the level of religiosity is declining all over the world]. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/486214-ne-veru-pocemu-uroven-religioznosti-snizhaetsa-vo-vsem-mire-i-v-rossii> (accessed July 16, 2023).

14. Denisenko M.A. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XIV* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 14]. Moscow, 2007. Pp. 391–403.
15. Bishops Council of the Russian Orthodox Church March 31 – April 5, 1992. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya T. III* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 3]. Moscow, 2001. Pp. 552–555. (In Russ.).
16. Latyshev A., Komarova E. *“Iskorenit’ vse russkoe”: Zelenskii vnes v Verkhovnyu radu zakonoproekt o perenose Rozhdestva s 7 yanvarya na 25 dekabrya* [“Eradicate all Russian”: Zelensky submitted a draft law on transferring Christmas from January 7 to December 25 to the Verkhovna Rada]. Available at: <https://russian.rt.com/ussr/article/1167978-ukraina-zakonoproekt-rozhdestvo> (accessed July 16, 2023).
17. Odinets D.M. *Vozniknovenie gosudarstvennogo stroya u vostochnykh slavyan* [Emergence of the state system among the Eastern Slavs]. Paris, 1935. 184 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4712-odinets-d-m-vozniknovenie-gosudarstvennogo-stroya-u-vostochnykh-slavyan-parizh-1935> (accessed July 16, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ САЯДОВИЧ ОГАНЕСЯН – доктор педагогических наук, профессор, государственный советник Российской Федерации 1 класса, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, 1st Class State Adviser of the Russian Federation, Chief Researcher at Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Статья поступила 17.07.2023

Научная статья

УДК 342.553

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003

«Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области)

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Реферат

Введение: в статье рассмотрена практика привлечения к уголовной ответственности пособников немецко-фашистских оккупантов из числа советских граждан после окончания Великой Отечественной войны. *Цель:* на основе анализа архивно-следственного дела раскрыть механизм уголовного преследования коллаборационистов. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации, историко-биографический, текстологический и формально-юридический методы. *Результаты:* изучение материалов архивно-следственного дела демонстрирует трагизм судеб советских военнослужащих, попавших в немецкий плен в период Великой Отечественной войны. В отношении советских военнопленных нацистами был предусмотрен жестокий режим, обрекавший их на постепенную смерть от голода и бесчеловечного обращения. Лица, сотрудничавшие с нацистами, становились соучастниками преступной оккупационной политики. После разгрома германской армии и ее капитуляции большинство коллаборантов были направлены в специальные (проверочно-фильтрационные) лагеря НКВД. Органы военной контрразведки «Смерш» проводили оперативно-следственные мероприятия по установлению и документированию фактов измены Родине и сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. Лица, чью преступную деятельность удалось подтвердить доказательной базой, предавались суду военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Как правило, соучастники преступлений нацистов отбывали срок заключения в каторжных лагерях ГУЛАГа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советские военнопленные; нацистская оккупационная политика; проверочно-фильтрационные лагеря; коллаборационисты; судебное преследование.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. «Избивал военнопленных за малейшие нарушения...»: практика привлечения немецко-фашистских пособников к уголовной ответственности (по материалам архива УФСБ России по Вологодской области) // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

“He Beat Prisoners of War for the Slightest Violations ...”: Practice of Bringing Nazi Accomplices to Criminal Liability (Based on Archival Materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast)

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Abstract

Introduction: the article examines the practice of bringing to criminal liability of accomplices of Nazi occupiers from among Soviet citizens after the end of the Great Patriotic War. *Purpose:* based on the analysis of the archival case to reveal the mechanism of criminal prosecution of collaborators. *Methods:* theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, historical and biographical, textual and formal legal methods. *Results:* the study of archival materials demonstrates the tragedy of the fate of Soviet servicemen who were captured by the Germans during the Great Patriotic War. In relation to Soviet prisoners of war, the Nazis provided for a cruel regime that doomed them to gradual death from starvation and inhuman treatment. Persons who collaborated with the Nazis became accomplices of the criminal occupation policy. After the defeat of the German army and its surrender, most collaborators were sent to special (screening and filtration) camps of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs). The Smersh Counterintelligence Department carried out operational and investigative measures to establish and document the facts of treason to the Motherland and cooperation with the Nazi occupiers. Persons whose criminal activity could be confirmed by evidence were tried by a military tribunal on the basis of Article 58-1 "b" of the Criminal Code of the RSFSR and Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On penalties for Nazi villains guilty of murder and torture of Soviet civilians and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the Motherland from among Soviet citizens and for their accomplices" of April 19, 1943. As a rule, accomplices of Nazi crimes served their sentences in penal camps of the Gulag.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet prisoners of war; Nazi occupation policy; screening and filtration camps; collaborators; prosecution.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. "He beat prisoners of war for the slightest violations ...": practice of bringing Nazi accomplices to criminal liability (based on archival materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast). *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

Введение

В российской историко-правовой науке не ослабевают интерес к событиям Великой Отечественной войны, ее итогам и последствиям. В научный оборот вводятся ранее недоступные архивные документы, выявляются неизвестные факты, даются их трактовка и оценка, продолжают дискуссии по сложным и принципиальным вопросам. Одним из малоизученных аспектов минувшей войны являются специальные мероприятия органов НКВД–НКГБ и контрразведки «Смерш», получившие название государственной проверки или фильтрации советских граждан, оказавшихся на оккупированной противником территории.

Механизм фильтрации и деятельность специальных лагерей НКВД по проверке бывших военнопленных и репатриантов рассмотрены в работах А. Ф. Бичехвоста [1], А. В. Латышева [2–4], В. С. Христофорова [5], В. В. Шевченко [6], а также автора данной статьи [7–10]. В них раскрыты нормативно-правовые и организационно-структурные аспекты фильтрационных

мероприятий, численность и состав, жизнеобеспечение и трудовое использование спецконтингента, организация политической работы с фильтрантами. Гораздо менее изучены судьбы лиц, проходивших спецпроверку, а именно обстоятельства их попадания в немецкий плен, сотрудничества с нацистами и привлечения к уголовной ответственности за совершенные противоправные деяния.

Согласно четырехтомнику «Великая Отечественная война. 1941–1945» в регионах, захваченных немецко-фашистскими оккупантами, проживали почти 85 млн чел., то есть 45 % населения Советского Союза [11, с. 116]. Кроме того, в ходе боевых действий в немецком плену оказалось, по разным оценкам, от 4 до 6 млн военнослужащих Красной армии [12, с. 234; 13, с. 248; 14, с. 5; 15, с. 5; 16, с. 6]. Свыше 3 млн советских граждан активно участвовали в движении сопротивления, сражаясь в партизанских отрядах или группах подпольщиков. Миллионы соотечественников саботировали мероприятия оккупационных властей, снабжали продовольствием партизан, укрывали их.

вали подпольщиков [17, с. 153]. Однако находились и те, кто сотрудничал с немецкими властями и даже воювал на стороне противника. По данным исследователей, в вооруженных формированиях вермахта и учреждениях немецкой оккупационной администрации служило от 200 тыс. до 1,5 млн советских граждан [18, с. 154]. Природа, типология и проявления коллаборационизма в годы Второй мировой войны подробно исследованы в монографии доктора исторических наук, профессора М. И. Семиряги [19], поэтому мы не будем углубляться в описание военно-политической и социально-психологической сущности этого явления, а сосредоточимся исключительно на историко-правовых последствиях.

После освобождения оккупированных территорий перед органами внутренних дел и государственной безопасности была поставлена задача по проверке лиц, находившихся во вражеском плену или оккупации, с целью выявления предателей и изменников Родины, а также диверсантов и агентуры противника. С этой целью на основании постановления Государственного комитета обороны СССР № 1069сс от 27.12.1941 и приказа НКВД № 001735 от 28.12.1941 были сформированы специальные лагеря НКВД [7, с. 134, 194]. Приказом НКВД СССР № 00100 от 20.02.1945 спецлагеря были переименованы в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), а отдел спецлагерей НКВД СССР – в отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ НКВД СССР) [1, с. 73].

Всего, по оценке А. В. Латышева, с января 1942 г. по 1 марта 1946 г. в специальные и проверочно-фильтрационные лагеря было направлено 652 тыс. чел. [4, с. 16]. Большинство из них успешно проходили проверку и направлялись в местные райвоенкоматы, а затем в части действующей армии. Подозреваемых в предательстве и измене Родине подвергали аресту, а дела на них направляли на рассмотрение военных трибуналов НКВД СССР.

Одним из 69 специальных лагерей [4, с. 16], действовавших в СССР в 1942–1945 гг., являлся проверочно-фильтрационный лагерь № 0313, располагавшийся в Карело-Финской ССР. Он был организован по приказу НКВД № 001403 от 20.11.1944 для проверки и трудового использования военнопленных красноармейцев, ранее находившихся в финском плену. Первоначально лагерь дислоцировался в Петрозаводске и был рассчитан на размещение 4 тыс. чел. В соответствии с приказом НКВД № 00838 от 13.07.1945 лагерь был передислоцирован в Медвежьегорск для использования контингента на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Вместимость лагеря была увеличена до 9 тыс. чел., а в его структуре образованы четыре лагерных отделения. На 20 сентября 1945 г. в лагере содержалось 8282 чел., 2699 из которых относились к категории «власовцев» и служивших в немецких формированиях [20].

В архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (УФСБ РФ по ВО) находится на хранении частично рассекреченное архивно-следственное дело на военнослужащего Н., уроженца Вологодской об-

ласти, проходившего проверку в ПФЛ № 0313 и осужденного за измену Родине и пособничество немецким оккупантам (Архив УСФБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84).

Структура дела включает постановление об избрании меры пресечения, постановление и ордер на арест, протокол обыска, анкету арестованного, протоколы допросов, постановление о предъявлении обвинения, обвинительное заключение по следственному делу, приговор военного трибунала. Возможно, в деле также содержатся протоколы допросов свидетелей, однако такого рода документы, вероятно, имеют ограничения по доступу.

Необходимо отметить, что архивно-следственные дела органов НКВД–НКГБ и военной контрразведки «Смерш» относятся к категории наиболее сложных для изучения исторических источников. Это обусловлено тем, что показания обвиняемых могут содержать искаженную или недостоверную информацию. Необходимо учитывать возможные факты физического и психологического давления на арестованных, их нахождения в условиях предварительного заключения. С другой стороны, данные документы содержат уникальные сведения, позволяющие выяснить предпосылки и причины, побудившие того или иного военнослужащего встать на путь сотрудничества с врагом, изучить механизм привлечения к судебной ответственности, уточнить его дальнейшую судьбу. Все это требует от исследователя знания особенностей советского судопроизводства [21; 22] и специфики делопроизводственной документации судебно-следственных органов НКВД–НКГБ [23].

Цель исследования заключается в раскрытии механизма уголовного преследования коллаборационистов на основе анализа конкретного архивно-следственного дела. Для реализации поставленной цели было необходимо выяснить особенности делопроизводственной документации судебно-следственных органов НКВД–НКГБ и военной контрразведки «Смерш», обстоятельства пленения военнослужащих Красной армии, мотивы сотрудничества с противником, организацию специальной проверки в лагерях НКВД, основания для привлечения бывших военнопленных к уголовной ответственности, содержание обвинительной базы, этапы следственных мероприятий, вердикт судебных органов.

Основными методами исследования являлись теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации. Также применялись специальные научные методы, адаптированные под задачи историко-правового исследования, в частности историко-биографический метод, направленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, составление социально-психологического портрета военнопленного-коллаборанта; текстологический метод, ориентированный на критический анализ содержащейся в тексте информации с учетом возможных искажений, противоречий и умолчаний; формально-юридический метод, заключающийся в интерпретации норм права и существующей юридической практики. Выбранная методология позволила реализовать цель и задачи исследования.

В целях защиты персональных данных фамилии и имена сотрудников правоохранительных органов, лиц, проходивших спецпроверку и привлекаемых к уголовной ответственности, а также свидетелей и очевидцев, упоминаемых в настоящей статье, не публикуются. Названия населенных пунктов приводятся в оригинале (со слов фигуранта уголовного дела), но сопровождаются необходимыми пояснениями и комментариями. При цитировании документа пропуски текста обозначены отточием, заключенным в квадратные скобки.

Основная часть

19 августа 1945 г. старший следователь отдела контрразведки «Смерш» проверочно-фильтрационного лагеря № 0313 подписал постановление на арест военнослужащего Н., 1921 года рождения, уроженца Устюженского района Вологодской области, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» (под изменой Родине понимались действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Советского Союза, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, в том числе: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. Статья 58-1 «б» предусматривала высшую меру уголовного наказания – расстрел с конфискацией имущества) Уголовного кодекса РСФСР. В нем говорилось, что Н., находясь на фронте, попал в плен к немцам. Выполняя обязанности раздатчика продуктов в лагере, грубо обращался с военнопленными: не давал положенные продукты и систематически их избивал. Позднее служил в немецкой армии и за усердную службу награжден медалью. Изобличается показаниями свидетелей и своими признаниями (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 1).

Во избежание побега подозреваемого было решено поместить его под стражу. 28 августа 1945 г. Н. был арестован отделом контрразведки и переведен в следственный изолятор Беломорстроя НКВД (Медвежьегорск). В протоколе обыска указывается, что при задержанном ничего не было изъято (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 4, 5 об.).

В материалах на арестованного излагались его биографические данные: гражданин СССР, по национальности – русский, беспартийный, холостой, образование 4 класса, по профессии – пожарник, социальное происхождение – из крестьян, после революции – крестьянин-середняк, в контрреволюционных организациях не состоял, общественно-политической деятельностью не занимался, репрессиям при советской власти не подвергался. До 1940 г. работал в сельском хозяйстве: сначала в хозяйстве отца, затем в колхозе. В 1940 г. переехал в Чагодощенский район Вологодской области и до призыва в Красную армию работал на заводе (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 5, 9).

Первый протокол допроса датирован 14 августа 1945 г. и подписан старшим следователем отдела контрразведки «Смерш» 289-й стрелковой дивизии. Перед допросом Н. был предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР.

На просьбу следователя рассказать о службе в Красной армии Н. сообщил, что 24 октября 1940 г. был призван Чагодощенским райвоенкоматом и направлен в одну из стрелковых частей, дислоцировавшихся в Литве, наименование части не помнит. Там он прошел обучение, а затем был переведен в 232-ю стрелковую дивизию, в которой служил рядовым примерно до августа 1941 г. Принимал участие в боях с немцами в прибалтийских республиках. Летом 1941 г. под Старой Руссой попал в плен к немцам (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 6).

Обстоятельства пленения, по показаниям Н., выглядели следующим образом: «Мне, как станковому пулеметчику, командир отделения приказал держаться как можно дольше, чтобы прикрыть отступление дивизии. Когда люди отошли, по крайней мере, большинство из них, я со вторым номером погрузил пулемет на повозку, и сам хотел догнать дивизию, но было уже поздно. Немцы обошли нас. Я вынужден был, спасая свою жизнь, сдаться в плен» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 6 об.).

Далее вопросы следователя касались поведения Н. при пленении и его дальнейшего пребывания в немецких лагерях. По словам Н., при взятии в плен немцы его не допрашивали, а только произвели обыск, при котором изъяли часы и автомат с боекомплектом. До лета 1942 г. он находился в лагере военнопленных в дер. Починок (вероятно, речь идет о деревне Починок в Демянском районе Ленинградской области, с 5 июля 1944 г. – Новгородской области), затем был переведен в лагерь в деревню Пекашино (скорее всего, речь идет о деревне Пекашино в Демянском районе, в тексте встречаются разные варианты названия: Пекашино, Пекашино, Покашино) Ленинградской области, где пробыл до начала 1943 г. Будучи в лагерях военнопленных, работал при лагерьной кухне сначала чернорабочим, затем раздатчиком хлеба, варил для немцев кофе. По поручению администрации лагеря стоял с винтовкой на посту, охраняя территорию, не имевшую ограждений, от проникновения посторонних лиц. В итоге получал большие привилегии: жил в отдельной землянке, без ограничения питался на кухне и имел право свободного нахождения за зоной, чем пользовался для общения с женщинами (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7–7 об.).

Следователь поинтересовался: «Имея возможность свободного выхода из лагеря, почему Вы не бежали?». На это последовал откровенный ответ: «Не бежал потому, что работа была легкая, кормили хорошо, платили достаточно. Жил я лучше, чем в Красной армии, и не боялся за свою жизнь. Исходя из этого, я не стал бросаться в неизвестность» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7 об.). Таким образом, главной причиной сотрудничества с немцами стал прагматический фактор, заключавшийся в стремлении сохранить жизнь и улучшить свое положение в плену посредством занятия привилегированной должности в лагерьной обслуге.

Другая часть вопросов касалась отношений Н. с другими военнопленными. Первоначально допрашиваемый заявил, что «к военнопленным относился хорошо, ни с кем не ругался», но затем под давлением

следователя признал, что осенью 1942 г. несколько раз ударил военнопленного за то, что тот поднял с земли кость у лагерной кухни, а также «часто толкал военнопленных, оттесняя их от кухни» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 7 об.).

В завершение следователь попросил Н. раскрыть обстоятельства зачисления в рабочий батальон 30-й немецкой дивизии и службы в данном подразделении. Н. показал: «В феврале или марте 1943 г. лагерь военнопленных в дер. Пекашино был расформирован (в феврале 1943 г. территория Демянского района, на территории которого располагался лагерь, была освобождена советскими войсками). [...] Я в числе 10 человек был зачислен в рабочий батальон 30-й немецкой дивизии, где и служил по день капитуляции Германии, выполняя различные работы». Кроме того, Н. сообщил, что в 1943 г. принял присягу «честно служить немцам», а в 1945 г. «за честную работу» получил от немецкого командования бронзовую медаль 2-й степени (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 8).

В протоколе допроса от 28.08.1945 арестованный дал новые показания касательно обстоятельств своей сдачи в плен: «Наше отделение работало на станковом пулемете. Я был 1-м запасным номером и находился в траншее недалеко от пулемета. Когда немцы пошли в наступление и стали совсем близко, бойцы погрузили пулемет на повозку и стали догонять часть. Я же, струсив и боясь того, что меня могут убить во время перебежки, остался в траншее и при подходе немцев сдался им в плен». На вопрос следователя, почему он ранее давал неверные показания, Н. заявил, что «пытался скрыть факт добровольной сдачи в плен и тем самым уменьшить вину перед Родиной» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 10 об.).

Затем Н. уточнил дислокацию отделений немецкого лагеря военнопленных (его номер и название он не сообщил), которые в связи с приближением линии фронта несколько раз перебрасывались из одного населенного пункта в другой. По его словам, первую неделю плена он находился в г. Старая Русса, затем около месяца в деревнях в 45 км от Старой Руссы, до лета 1942 г. – в деревне Починок, затем два–три месяца – в деревне Обрани (вероятно, речь идет о деревне Обрыни в Демянском районе Ленинградской области, сейчас – Новгородской области) и далее до января–февраля 1943 г. в деревне Пекашино (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 11).

Далее усилия следователей были направлены на признание Н. своей вины и подтверждение фактов преступной деятельности в немецком плену. В протоколе допроса от 01.09.1945 зафиксированы следующие показания: «Работая раздатчиком хлеба в лагере военнопленных в деревнях Починок и Пекашино, я преступно использовал свое положение и грубо обращался с военнопленными, зачастую отталкивал их от кухни и нередко при этом наносил удары. Были случаи, когда, не имея достаточных оснований, я избивал военнопленных. Так, сейчас мне припоминаются следующие случаи. Примерно осенью 1942 г. я ударил три раза ногой [...] за то, что он попытался поднять кости около кухни. Как-то при разделе хлеба в дер. Пекашино я избил военнопленного Бориса за

то, что он высказал недовольство раздачей хлеба. [...] Весной 1942 г. я избил [...], который при раздаче хлеба также высказал недовольство. Помнится, что я ему нанес несколько ударов кулаком по спине. Возможно, были еще случаи, когда я избивал военнопленных, но сейчас не помню. Помимо избиения военнопленных, отталкивания их от кухни, я постоянно оскорблял их словами. Следует признать также, что по моей вине военнопленные не всегда получали положенную им норму хлеба. При раздаче добавочные куски к основной пайке хлеба сваливались в корзину, и, когда военнопленные делали мне замечания по этому поводу, я отталкивал их. Некоторым, настойчиво требующим правильной раздачи, я угрожал совершенно лишиться их хлеба, однако эти угрозы в исполнение ни разу не приводил. Однажды в Пекашино по моему доносу немцами был избит сержант, который особенно недовольствовался порядком раздачи хлеба. Говорили, что сержанта избивали перед строем, но сам я не видел. [...] Как раздатчик хлеба, я отличался немцами от других и вращался в их среде. Случалось, что ради забавы я с немцами бросал в толпу пленных куски хлеба и, смеясь над ними, говорил: русский швайн (свинья), вологодский – гуд (хорошо). За мое пристрастие к употреблению немецких слов, которые я знал, в лагере меня прозвали Францем. Я жил вместе с немцами, и мне наравне с ними военнопленные чистили сапоги» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 13–14).

В протоколах допросов также фигурируют отрывки из показаний свидетелей, зачитанные следователем. Так, свидетель [...] показал, что в декабре 1942 г., когда Н. нес к помойке миску горохового супа, он попросил отдать ему этот суп. В ответ на просьбу Н. обругал его и заявил, что «лучше отдаст суп собаке обер-лейтенанта, чем военнопленному». На это Н. сказал, что не помнит такой факт, но допускает его, «ибо немцы запрещали чем-либо помогать военнопленным» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 14–14 об.).

На вопрос следователя «Что побудило Вас встать на путь пособничества немцам и преступного обращения с советскими военнопленными?» Н. пояснил: «Став раздатчиком хлеба, я понял, что, чтобы удержаться на этом месте, надо угождать немцам и проводить их политику. В своем грубом обращении с пленными я следовал им. Кроме того, мою грубость в отношении к пленным определило также мое неверие в Победу Красной Армии над фашистской Германией» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 14 об.). Таким образом, помимо чисто корыстных соображений решение о сотрудничестве с оккупантами объяснялось военно-политическим и морально-психологическим факторами, а именно успешным наступлением вермахта и убеждением Н. в неспособности советских войск отразить вражескую агрессию.

В протоколе допроса от 02.09.1945 раскрыты обстоятельства поступления Н. на службу в немецкую армию. По его словам, в январе или феврале 1943 г. в лагере в деревне Пекашино немецкий обер-лейтенант объявил военнопленным, что они зачисляются в немецкую армию и будут распределены по подразделениям. Некоторое время пленные работали на заготовке леса, а потом были направлены в рабочий

(саперный) батальон 30-й немецкой пехотной дивизии. Там Н. принял присягу на верность немецкому командованию. Принятие присяги состоялось в деревне Суслово (вероятно, речь идет о деревне Суслово Старорусского района Новгородской области) под Старой Руссой. По словам Н., перед строем батальона немецкий лейтенант зачитал текст присяги антисоветского содержания, после чего каждый расписался в ее принятии. В рабочем батальоне Н. был рядовым, получал денежное вознаграждение в размере 68 марок в месяц и довольствовался по нормам питания немецкого солдата. Судя по протоколу допроса, Н. не имел оружия и не участвовал в боях против Красной армии и партизан. Личный состав батальона занимался строительством дорог и оборонительных сооружений в немецком тылу. По мере наступления Красной армии батальон отступал до Либавы (или Лиепая – город на юго-западе Латвии, на побережье Балтийского моря). Здесь 9 мая военнослужащие батальона после капитуляции немецких войск были переданы советскому командованию и в дальнейшем направлены в спецлагеря.

6 сентября 1945 г. заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» ПФЛ № 0313 утвердил постановление о предъявлении Н. обвинения по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР. В нем говорилось, что Н. летом 1941 г. в районе Старой Руссы, участвуя в боях с немцами в качестве рядового 232-й стрелковой дивизии, по заранее обдуманному плану сдался им в плен. Во время пребывания в лагере военнопленных работал раздатчиком хлеба с лагерной кухни и нередко подменял немцев на посту по охране лагеря. Используя свое положение, грубо обращался с советскими военнопленными, обзывал и избивал их. С января–февраля 1943 г. до капитуляции Германии служил рядовым в рабочем (саперном) батальоне 30-й немецкой пехотной дивизии, где принял присягу и получил награду – бронзовую медаль 2-й степени. На документе имеется подпись обвиняемого. Копия постановления была направлена прокурору Петрозаводского гарнизона (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 17).

Во время допроса 6 сентября 1945 г., в котором принял участие заместитель военного прокурора Петрозаводского гарнизона, Н. признал все пункты обвинения и пояснил, что сдался в плен в целях сохранения своей жизни и всю дальнейшую преступную деятельность осуществлял в целях обеспечения себе хорошего положения у немцев.

Обвинительное заключение по следственному делу № 2170 от 14.09.1945, подписанное начальником ОКР «Смерш» ПФЛ № 0313 и военным прокурором Петрозаводского гарнизона, содержало все вышеперечисленные пункты обвинения. Кроме того, там указывалось, что в преступных действиях рядовой Н. изобличается свидетельскими показаниями и очной ставкой со свидетелем [...]. Считая следствие по делу законченным, а виновность Н. доказанной, на основании ст. 208-й Уголовно-процессуального кодекса РСФСР старший следователь ОКР «Смерш» Беломорского военного округа лейтенант [...] направил дело военному прокурору Петрозаводского гарнизона для предания обвиняемого суду военного трибу-

нала. Для дальнейшего содержания под стражей Н. был закреплен за Военным трибуналом Петрозаводского гарнизона (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 38–39).

18 сентября 1945 г. постоянная сессия Военного трибунала Беломорского военного округа в закрытом судебном заседании в г. Медвежьегорске в составе председательствующего капитана юстиции К., членов: капитана К. и красноармейца Н., при секретаре старшем лейтенанте юстиции К. рассмотрела дело № 0053 по обвинению бывшего красноармейца 232-й стрелковой дивизии Н. Материалами дела и судебным следствием постоянная сессия Военного трибунала установила, что подсудимый Н., находясь на передовой линии Западного фронта, в августе 1941 г. во время боя в районе Старой Руссы с имеющимся автоматом добровольно сдался в плен немцам, а затем был направлен в лагерь военнопленных. Будучи в лагере военнопленных, Н. в сентябре 1941 г. поступил работать на кухню в должности раздатчика хлеба военнопленным и в этой должности работал до февраля 1943 г., одновременно периодически выполняя должность охранника этого лагеря. Находясь на должности раздатчика хлеба, Н. жестоко обращался с советскими военнопленными и избивал их. Так, осенью 1942 г. нанес три удара пинком ноги военнопленному за то, что тот, будучи полуголодным, на кухне поднял кость от мяса и хотел ее съесть. В октябре 1942 г. избил кулаками двух военнопленных за то, что последние требовали выдачу полного пайка хлеба. Одновременно с этим Н. донес начальнику лагеря на военнопленного сержанта по имени Федор за то, что последний высказал недовольство питанием. За это военнопленный Федор был избит администрацией лагеря перед строем.

Издеваясь над советскими военнопленными, Н. систематически не выдавал положенные им нормы хлеба, а оставшиеся куски кидал в толпу военнопленных, обзывая их свиньями. Заслужив доверие от немцев, в феврале 1943 г. добровольно поступил на службу в немецкую армию – саперный батальон 30-й пехотной немецкой дивизии, за что получал вознаграждение 68 немецких марок (670 руб.) в месяц, где и служил до 9 мая 1945 г., то есть до дня капитуляции фашистской Германии. Во время нахождения в немецкой армии Н. в начале 1945 г. за хорошую службу от немецкого командования получил награду – бронзовую медаль 2-й степени – и принял присягу на верность несения службы фашистской Германии.

Признав Н. виновным в совершении преступления, но «не усматривая по обстоятельствам дела необходимости применения к подсудимому высшей меры уголовного наказания (расстрела)», постоянная сессия Военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» приговорила Н. к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет с последующим поражением в

правах на пять лет без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного. Начало срока отбытия меры уголовного наказания с учетом предварительного заключения было предписано исчислять с 28 августа 1945 г. Приговор объявлялся окончательным и кассационному обжалованию не подлежал (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 25. Д. 84. Л. 52–53 об.).

Заключение

Изучение материалов рассмотренного архивно-следственного дела наглядно демонстрирует трагизм судеб советских военнослужащих в начальный период Великой Отечественной войны. Летом–осенью 1941 г. немецко-фашистскими захватчиками были оккупированы северо-западные регионы СССР, включая территорию современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Как и на других участках советско-германского фронта, здесь в первые месяцы войны в «котлах» оказалось большое количество советских солдат. Находясь во вражеском окружении, многие из них стремились любой ценой избежать фашистской неволи, однако далеко не всем удавалось пробиться к своим.

В отношении советских военнопленных нацистами был предусмотрен чрезвычайно жестокий режим, обрекавший их на смерть от голода и бесчеловечного обращения. В этих условиях находились те, кто предпочитал перейти на сторону врага, надеясь сохранить свою жизнь. Как правило, такие лица старались вы-

служиться перед немецкой лагерной администрацией, чтобы получить привилегированную должность в лагерной обслуге и регулярное питание. В некоторых случаях, как свидетельствует рассмотренное архивно-следственное дело, путь от добавочного черпака лагерной баланды к присяге на верность Гитлеру был довольно скоротечным, а цена предательства оказывалась непомерно высока. Лица, сотрудничавшие с нацистами, становились соучастниками преступной оккупационной политики, орудием убийств и истязаний своих соотечественников.

После капитуляции Германии большинство коллаборационистов были направлены в специальные (проверочно-фильтрационные) лагеря НКВД. Органы военной контрразведки «Смерш» проводили оперативно-следственные мероприятия по установлению фактов измены Родине и сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами. Лица, чью предательскую деятельность удалось подтвердить, предавались суду военного трибунала на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Как правило, соучастники преступлений нацистов отбывали срок заключения в каторжных лагерях ГУЛАГа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 62–73.
2. Латышев А. В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2015. № 6. С. 72–77.
3. Латышев А. В. Сеть проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР в 1942–1945 гг. // Клио. 2014. № 9. С. 48–52.
4. Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной армии, вернувшихся из плена и окружения. 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 20 с.
5. Христофоров В. С. Органы государственной безопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. 430 с.
6. Шевченко В. В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
7. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) : моногр. Вологда, 2016. 527 с.
8. Кузьминых А. Л. Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2021. № 1 (1). С. 22–32.
9. Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Специальные лагеря НКВД СССР на территории Вологодской области (1942–1943 гг.) // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сб. науч. ст. М., 2008. С. 69–78.
10. Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53.
11. Падерин А. А. Под пятой оккупантов // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 115–130.
12. Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 232–263.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : стат. исслед. / [Г. Ф. Кривошеев и др.] ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. 607 с.
14. Шнеер А. И. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. 619 с.
15. Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / [пер. с нем. И. Дьяконова]. М., 2009. 479 с.
16. Хавкин Б. Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–25 октября 1997 г.) : в 2 ч. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 3–13.
17. Князьков А. С. Народная борьба с захватчиками // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 130–153.

18. Раманичев Н. М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 153–167.
19. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 862 с.
20. Петрозаводский ПФЛ № 0313 // Интерактивная карта советских лагерей : сайт. URL: <https://gulagmap.ru/camp634> (дата обращения: 25.08.2023).
21. Козинцев А. Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. 30–50-е годы XX века : моногр. Куртамыш, 2008. 590 с.
22. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.
23. Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 148–198.

REFERENCES

1. Bichekhovst A.F. On the history of the creation and functioning of special camps for Soviet prisoners of war. In: *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sb. materialov mezhdunar. nauch. seminara* [History of the penitentiary system of Russia in the 20th century: collection of materials of the international scientific seminar]. Vologda, 2007. Pp. 62–73. (In Russ.).
2. Latyshev A.V. Checkup-filtration NKVD camps: staff, departmental interests and checkup of Red Army servicemen (1941–1945). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series "History"*, 2015, no. 6, pp. 72–77. (In Russ.).
3. Latyshev A.V. The network of screening and filtration camps of the NKVD of the USSR in 1942–1945. *Klio*, 2014, no. 9, pp. 48–52. (In Russ.).
4. Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi armii, vernuvshikh sya iz plena i okruzheniya. 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The system of verification of Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement. 1941–1945: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 20 p.
5. Khristoforov V.S. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security bodies of the USSR in 1941–1945]. Moscow, 2011. 430 p.
6. Shevchenko V.V. *Deyatel'nost' lagerei spetsial'nogo naznacheniya NKVD SSSR v 1941–1946 godakh: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of special purpose camps of the NKVD of the USSR in 1941–1946: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Volgograd, 2010. 22 p.
7. Kuz'minykh A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody): monogr.* Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): monograph]. Vologda, 2016. 527 p.
8. Kuz'minykh A.L. Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 22–32. (In Russ.).
9. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps of the NKVD of the USSR on the territory of the Vologda region (1942–1943). In: *Istoriya otechestvennoi ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: sb. nauch. st.* [History of the Russian penal system: collection of scientific articles]. Moscow, 2008. Pp. 69–78. (In Russ.).
10. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps for former servicemen of the Red Army who were in captivity and surrounded by the enemy. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2010, no. 3, pp. 48–53. (In Russ.).
11. Paderin A. A. Under five occupiers. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 115–130. (In Russ.).
12. Dembitskii N.P. The fate of prisoners. In: Sevost'yanov G.N. (Ed.). *Voina i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn. Kn. 2* [War and society, 1941–1945: in 2 books. Book 2]. Moscow, 2004. Pp. 232–263. (In Russ.).
13. Krivosheev G.F. et al. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: stat. issled.* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. History of the armed forces: statistical research]. Moscow, 2001. 607 p.
14. Shneer A.I. *Plen: sovetskie voennoplennye v Germanii, 1941–1945* [Captivity: Soviet prisoners of war in Germany]. Moscow, 2005. 619 p.
15. Streit C. *Oni nam ne tovarishchi. Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [No Comrades: The Wehrmacht and Soviet Prisoners of War, 1941–1945]. Transl. from German by D'yakonova I. Moscow, 2009. 479 p.
16. Khavkin B.L. German prisoners of war in the USSR and Soviet prisoners of war in Germany. The problem of staging. Sources and literature. In: *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 23–25 oktyabrya 1997 g.): v 2 ch. Ch. 2* [Problems of military captivity: history and modernity: proceedings of the international scientific and practical conference. (Vologda, October 23–25, 1997): in 2 parts. Part 2]. Vologda, 1997. Pp. 3–13. (In Russ.).
17. Knyaz'kov A.S. People's struggle against invaders. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 130–153. (In Russ.).
18. Ramanichev N.M. Cooperation with the enemy. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 153–167. (In Russ.).
19. Semiryaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 862 p.
20. Petrozavodsk screening and filtration camp No. 0313. *Interaktivnaya karta sovetskikh lagerei: sait* [Interactive map of Soviet camps: website]. Available at: <https://gulagmap.ru/camp634> (accessed August 25, 2023).

21. Kodintsev A.Ya. *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR. 30–50-e gody XX veka: monogr.* [State policy in the field of justice in the USSR. 1930-1950s: monograph]. Kurtamysh, 2008. 590 p.
22. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political justice in the USSR]. Saint Petersburg, 2002. 385 p.
23. Zhuravlev S.V. Judicial-investigative and prison-camp documentation. In: Sokolov A.K. (Ed.). *Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika* [Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology and practice]. Moscow, 2004. Pp. 148–198. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

ALEKSANDR L. KUZMINYKH – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Статья поступила 31.08.2023

Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Реферат

Ведение: отмечается недостаточная эффективность уголовного наказания и традиционных способов противодействия преступности несовершеннолетних в условиях современной социально-экономической и общественно-политической действительности. Уголовное наказание оказалось неспособным не только решить задачу предупреждения преступного поведения несовершеннолетних, достичь цели уголовного наказания, но даже локализовать и сдержать криминальные угрозы, которые по-прежнему вызывают социальную напряженность. *Цель:* системное научное обоснование проблемы уголовного наказания, предупреждения и защиты прав несовершеннолетних осужденных, определение мер профилактики. *Методы:* методология характеризуется традиционными методами познания, опирается на современные принципы, доктринальные подходы, сложившиеся к настоящему времени и оправдавшие себя в гуманитарных и общественных науках, включая криминологию, уголовное право, юридическую психологию, социологию, уголовно-исполнительное право. Исследование носит междисциплинарный характер, применяются следующие исследовательские методы: сравнительно-исторический, системный, контент-аналитический, социологический, статистический, контекстный анализ, перспективный анализ. *Результаты:* предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в том числе посредством уголовного закона, является сложным, многогранным и разноплановым явлением. От его эффективности зависит не только состояние преступности, но и достижение целей уголовной и уголовно-исполнительной политики государства. Основное внимание должно быть сосредоточено на предупредительной работе с несовершеннолетними, склонными к асоциальному и противоправному поведению. Как правило, речь идет о криминологической и виктимологической профилактике преступности несовершеннолетних. Немаловажными являются также вопросы, связанные с обеспечением личной безопасности, включающие в себя такой аспект, как отбывание наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Посредством изучения и анализа целого комплекса причин можно повысить эффективность профилактики преступлений. *Выводы:* ужесточение и интенсивность мер уголовной репрессии не приносят положительного результата, нередко приводят к еще худшим последствиям. Отсутствие надлежащей реабилитационной работы, ресоциализации и социальной адаптации несовершеннолетних, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, является одной из причин их повторного преступного поведения. Высокая научная значимость проблемы опосредует нацеленность на получение новых выводов об уголовном наказании как социально-правовом феномене, включая психологические, политические, нравственные аспекты.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика; воспитательная колония; наказание; несовершеннолетний осужденный; предупреждение; преступность несовершеннолетних.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кунц Е. В. Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 374–381. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.004.

Punishment, Prevention and Protection of Rights as Areas of Combating Juvenile Delinquency

ELENA V. KUNTS

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Abstract

Introduction: the article indicates insufficient effectiveness of criminal punishment and traditional methods of countering juvenile delinquency in the conditions of modern socio-economic and socio-political reality. Criminal punishment has proved unable not only to solve the problem of preventing minors from criminal activity and achieve the goal of criminal punishment, but even to localize and contain criminal threats that are causing social tension. *Purpose:* systematic scientific substantiation of problems of criminal punishment, prevention and protection of the rights of juvenile convicts, definition of preventive measures. *Methods:* the methodology is characterized by traditional methods of cognition, based on modern principles and doctrinal approaches successfully applied in human and social sciences, including criminology, criminal law, legal psychology, sociology, and penal law. The research is interdisciplinary in nature, the following research methods are used: comparative-historical, systematic, content-analytical, sociological, statistical, contextual analysis, and perspective analysis. *Results:* prevention of crimes committed by minors, including through criminal law, is a complex, multifaceted and diverse phenomenon. Not only the state of crime, but also the achievement of goals of the criminal and penal policy of the state depend on its effectiveness. The main attention should be focused on preventive work with minors who are prone to antisocial and illegal behavior. As a rule, we are talking about criminological and psychological prevention of juvenile delinquency. Issues related to ensuring personal security are also important, including such an aspect as serving a sentence of imprisonment in juvenile correctional facilities. By studying and analyzing a whole range of causes, it is possible to boost effectiveness of crime prevention. *Conclusion:* the tightening and intensity of criminal repression measures do not bring a positive result and often lead to even worse results. A lack of proper rehabilitation work, re-socialization and social adaptation of minors who have served a criminal sentence in the form of imprisonment is one of the reasons for their repeated criminal behavior. A high scientific significance of the problem mediates the focus on obtaining new conclusions about criminal punishment as a socio-legal phenomenon, including psychological, political, and moral aspects.

Key words: victimological prevention; juvenile correctional facility; punishment; juvenile convict; prevention; juvenile delinquency.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kunts E.V. Punishment, prevention and protection of rights as areas of combating juvenile delinquency. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 374–381. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.004.

Введение

Одним из признаков развития культуры, ответственности, духовности и общечеловеческих ценностей современного общества выступают показатели преступности несовершеннолетних. Поэтому борьба с преступностью несовершеннолетних и профилактика совершения данными лицами преступлений являются одной из важных задач современности и каждого развитого и гуманного общества.

Ежегодно в среднем шесть тысяч приговоров предусматривают условное осуждение [1]. Однако на практике распространено мнение, что назначение условного наказания не соответствует целям института наказания в отечественном уголовном праве, свидетельствует о безнаказанности несовершеннолетнего преступника, снижает авторитет власти, подрывая

основополагающий принцип неотвратимости наказания. Несмотря на то что уголовное законодательство содержит большое разнообразие видов наказаний, которые не связаны с лишением свободы и изоляцией от общества, на практике они не используются, что свидетельствует о проблемах правоприменения. Однако следует отметить, что значительное количество приговоров с условным отбыванием наказания обусловлено спецификой преступников несовершеннолетнего возраста.

Нередко при назначении наказания несовершеннолетнему отсутствует альтернативность санкций, что мешает судам назначать более мягкие виды наказаний, в то время как лишение свободы не создает в этом существенных препятствий. И такие обстоятельства напрямую противоречат международным

актам, например Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Поэтому уголовный закон и суд должны располагать широким комплексом мер по отправлению наказания в отношении несовершеннолетних, которые не связаны с лишением свободы.

В уголовно-исполнительном законе также нет норм, которые бы регулировали особенности исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, а именно: затруднена реализация обязательных и исправительных работ ввиду того, что не определены положения трудового законодательства в части организации работы несовершеннолетних; нет возможности реализовать альтернативное наказание в случае злостного уклонения несовершеннолетнего осужденного от отбывания наказания. В целом такие обстоятельства понижают эффективность уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики государства. Таким образом, можем выделить следующие проблемы: пробелы в правовом регулировании назначения и исполнения наказания несовершеннолетнему лицу; отсутствие единообразия судебной практики в части назначения и исполнения уголовного наказания, не связанного с лишением свободы; отсутствие законодательного закрепления особенностей несовершеннолетних лиц как социально-демографической группы. В силу вышеуказанных обстоятельств на практике судами применяется наказание в виде лишения свободы.

Успешное социально-экономическое развитие государства невозможно без учета благополучия граждан с точки зрения их правовой защищенности, уверенности в завтрашнем дне и т. д.

Следует не только учитывать имеющийся положительный исторический опыт, но и использовать современные научные достижения и технологии для распространения правомерного поведения среди несовершеннолетних.

Проблемы изучения преступности несовершеннолетних в России и за рубежом традиционно находятся в центре внимания ученых. Среди зарубежных исследователей выделим труды Э. Дюркгейма «Социология и философия», Г. Тарда «Молодые преступники», Э. Саттерленда «Социология преступности» и др.

Различные аспекты преступности несовершеннолетних рассматривали такие авторы, как Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Р. А. Базаров, Л. И. Беляева, В. Ю. Голубовский, Л. В. Готчина, И. Я. Козаченко, М. Ф. Костюк, С. В. Максимов, И. М. Мацкевич, А. В. Наумов, Ю. Е. Пудовочкин, А. В. Шеслер, Д. А. Шестаков, В. Е. Эминов.

Основная часть

В основу профилактики преступности несовершеннолетних должен быть положен концептуальный подход, опирающийся на преимущества индивидуального подхода. Противодействие преступности несовершеннолетних следует рассматривать как совокупность междисциплинарных подходов, направленных на подавление, минимизацию и снижение потенциального асоциального и преступного влияния на данных лиц.

В 2022 г. отмечается снижение числа несовершеннолетних преступников, как и преступлений, совершенных при их участии (30 469) [2]. Снижению показателей преступности, на наш взгляд, способствовала деятельность правоохранительных органов и других субъектов по предупреждению противоправного поведения и защите от криминализации подростковой среды. Поиск эффективных путей предупреждения преступлений в настоящее время продолжается.

Так, МВД России предлагает наделить своих сотрудников новыми обязанностями, например следить за нарушителями общественного порядка, вести профилактические беседы с наркозависимыми. Соответствующие поправки планируется внести в приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». Главная цель – устранить противоречия и юридико-технические ошибки в разных нормативных актах. В одном из пунктов поправок составители ссылаются на законодательную лауну, согласно которой постановке на профилактический учет не подлежат лица, нарушившие ст. 19.3 КоАП РФ «Неповиновение законному требованию сотрудника полиции», а заодно занимающиеся «дискредитацией органов власти» и «публичным распространением экстремистских взглядов». Кроме того, участковым будет разрешено проводить профилактические беседы с наркоманами или выносить им официальные предостережения (в старой редакции приказа это касалось лишь больных алкоголизмом) [3].

Внесены изменения в уголовное законодательство, увеличившие количество уголовно наказуемых действий против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в 2022 г. закреплена специальная рецидив, ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ изложены в новой редакции, распространяющей свое действие на защиту потерпевших до 18 лет (ранее было до 14 лет).

Как правило, эти преступления совершаются во внеурочное время из-за отсутствия занятости и организованного досуга детей, а также должного воспитания и присмотра со стороны родителей. Связь между избытком свободного времени, низкой культурой его использования, его неорганизованностью, незаполненностью с одной стороны и асоциальным поведением – с другой бесспорна. Данные факторы способствуют совершению несовершеннолетними преступлений.

Следует отметить существенный рост числа наркопреступлений, совершенных несовершеннолетними (2066). Число погибших от наркотиков детей и подростков с 2017 г. увеличилось в 2,5 раза [4]. Это может быть связано с появлением новых психоактивных веществ, в том числе синтетических, которые более доступны по сравнению с классическими видами. Их употребление приводит к тяжелым отравлениям, психозам и суицидам.

На рост числа несовершеннолетних наркоманов повлияло и общее увеличение потребления психоактивных веществ, находящихся в свободном обращении, а также транквилизаторов и седативных средств, обладающих психолептическими свойствами [5].

Все это крайне отрицательно отразилось на структуре распределения осужденных несовершеннолетних в зависимости от совершенных преступлений. Доля несовершеннолетних, отбывающих наказание за преступления, предметом которых выступают наркотические средства и психотропные вещества, составила 27,5 %.

Вызывает обеспокоенность практика судов относительно назначения несовершеннолетнему в приговоре суда принудительного лечения.

Таблица 1

Данные о назначении несовершеннолетним принудительного лечения по приговору суда (на 01.01.2023) (%)

	ВК	Мужчины	Женщины
Не назначено	97,8	98	94,6
Назначено страдающим психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости	2,2	2	5,4
Назначено страдающим психическим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости	–	–	–

Следует отметить негативную тенденцию, складывающуюся в некоторых воспитательных колониях, когда сотрудники администрации редко обращаются в суд для назначения принудительного лечения несовершеннолетним осужденным (табл. 2).

Таблица 2

Данные о назначении несовершеннолетним судом по представлению администрации исправительного учреждения принудительного лечения (на 01.01.2023) (%)

	ВК	Мужчины	Женщины
Не назначено	99,4	99,4	100
Назначено страдающим психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости	0,6	0,6	–
Назначено страдающим психическим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости	–	–	–

Наряду с решением социальных вопросов в настоящее время ведется планомерная работа по совершенствованию отечественного уголовного законо-

дательства и реализации программных документов, направленных на формирование безопасной, комфортной и доброжелательной среды для несовершеннолетних. Проводятся мероприятия по апробации и внедрению индекса благополучия детей, разработке методики расчета детского бюджета.

Несмотря на принимаемые меры в области защиты прав детей, проблемы сохраняют свою остроту и требуют пристального внимания и комплексного решения со стороны всех заинтересованных структур, ответственных за реализацию государственной политики в области защиты прав детей.

Распространенным явлением становятся факты насилия среди несовершеннолетних. В 2022 г. возбуждено 24 031 уголовное дело о преступлениях в отношении несовершеннолетних, это на 1,1 % меньше, чем в 2021 г. По результатам расследования в суды для рассмотрения по существу направлено 12 930 уголовных дел, что на 4,2 % больше, чем в 2021 г. [6].

В рамках социологического исследования проведен опрос родителей на тему физической и психической безопасности ребенка. Наиболее распространенные родительские страхи связаны с вопросами физической и психической безопасности. Уверенность респондентов в безопасности их детей зависит от того, с кем те находятся.

Исторически институт семьи являлся фактором стабильности государства. По отношению государства к семье можно судить о его развитии. В этой связи все проблемы, касающиеся создания, функционирования и распада семьи, всегда будут оставаться наиболее актуальными. Укрепление института семьи – это одновременно и защита прав несовершеннолетнего.

Стоит отметить, что возрастные характеристики учитываются многими авторами при формулировании типологий жертв. Так, например, Б. Мендельсон в качестве одной из категорий предлагает «полностью невиновную жертву». Такой жертвой, по мнению автора, может быть признан ребенок или полностью невменяемый человек. Г. Гентинг, исследуя отношения между жертвой и преступником, выделял три класса жертв: общий класс жертв, психологические типы жертв и активированное страдательное лицо. Первую категорию составляют молодежь и дети, они слабы физически и с наибольшей степенью вероятности могут стать жертвами нападений, а детство – это самый опасный период жизни [7, с. 71].

Несовершеннолетние являются категорией, обладающей повышенной виктимностью, так как не могут активно противодействовать совершению преступления, на что обращает внимание преступник при выборе объекта посягательства. Следует отметить, что наиболее важными субъектами виктимологической профилактики являются семья и учебное заведение. Именно семья как наиболее близкий социальный круг играет значительную роль в коррекции поведения несовершеннолетнего. Внимательное отношение близких родственников, а также грамотное профилактическое воздействие способны заметно снизить уровень склонности к виктимному поведению подростка. Учебное заведение, в профилактиче-

ской деятельности которого особое место занимает работа психолога, способно также диагностировать определенные, потенциально опасные особенности в поведении несовершеннолетнего. Мониторинг психологического состояния должен проводиться систематически. Работа психолога в данном случае должна быть направлена как на самого несовершеннолетнего, так и на его родителей, выяснение причин и условий развития потенциально опасных поведенческих особенностей и их коррекцию, а также при необходимости разъяснение механизма работы специализированных учреждений, оказывающих помощь несовершеннолетним (кризисные центры, службы доверия, центры психологической помощи и т. д.).

Представляется, что профилактике насилия способствует внесение в Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования изменений, предусматривающих обязательное изучение несовершеннолетними основных опасных ситуаций противоправного характера, овладение навыками оптимального поведения в опасных ситуациях и способами преодоления последних.

В вопросе профилактики и предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних важную роль играет институт школьной медиации. Наиболее актуален этот вопрос в ситуациях, когда ребенок страдает от насилия со стороны сверстников, лиц, которые в силу своего возраста не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Однако представляется, что данный институт будет эффективен и в ситуации применения насилия со стороны учителей. Тем не менее стоит обратить особое внимание на лиц, исполняющих функции медиатора. С целью эффективной и качественной работы последних в регионах необходимо организовать специальную психолого-педагогическую, а также правовую подготовку медиаторов, работающих в образовательных учреждениях и разрешающих споры между сверстниками и учителями.

Несмотря на многочисленные программные документы, принятые в сфере здравоохранения, неблагоприятные тенденции в обеспечении здоровья детей остаются актуальными. Проведенный анализ обеспечения прав ребенка на здоровье свидетельствует о необходимости принятия кардинальных мер по формированию у детей и подростков здорового образа жизни, повышению эффективности действующих профилактических мероприятий, привлечения родителей, учителей, специалистов в области здравоохранения, общественности к реализации совместных мероприятий, обеспечения регулярного мониторинга подверженности детей поведенческим, социальным и экологическим рискам.

Еще американский ученый-криминолог Р. Годдард в начале XX в. отмечал, что большинство преступников – это лица с ослабленной психикой, за что во многих более поздних исследованиях был подвергнут критике. Например, в Японии ослабленная психика занимает весьма небольшое место среди факторов делинквентности. Это объясняется совершенство-

ванием методов проверки интеллекта, внесением большей ясности в критерии оценок, заметным прогрессом в деле защиты лиц с ослабленной психикой, включением в планы программ совершенствования и развития специального воспитания таких лиц. Можно сказать, что проблема ослабленной психики и делинквентности связана скорее не со свойствами личности несовершеннолетних, а с социальными условиями их жизни [8, с. 222–223].

Духовный мир человека оказывает значительное влияние на его душевное и телесное здоровье. Это говорит о важности синтеза генетики с психологией, социологией, философией, правовой наукой, а также с психиатрией, особенно в той части, где речь идет об общественно опасных деяниях лиц с различными отклонениями от нормы в развитии психики либо с психическими заболеваниями [9, с. 267].

Психические заболевания чаще встречаются у тех несовершеннолетних, которые живут в городской среде, потому что инфраструктура города вредит психике. Урбанистическая среда более опасна для психического здоровья, чем сельская местность. В число регионов, где больше всего детей с психическими отклонениями, вошли г. Москва, Московская область, Алтайский край, г. Санкт-Петербург и Красноярский край. У подростков, живущих в сельской местности, чаще встречаются алкоголизм и наркомания [10], что влечет совершение преступлений на этой почве и впоследствии отбывание наказания в воспитательной колонии.

Показательным будет следующий пример. Пятнадцатилетний П. убил собственных родителей. Со слов П., родители его не любили, никакой заботы, ласки по отношению к нему не проявляли, употребляли алкоголь. Сам П. с девяти лет начал пробовать алкоголь. Половина жителей сельского поселения не работали, перебивались случайными заработками. При распитии спиртных напитков между отцом и сыном вспыхнула ссора, после чего П. нанес не менее трех ударов топором отцу и убил задремавшую мать [11].

Пьянство, алкоголизм, преступность – это антисоциальные явления, имеющие тесную связь [12].

Имеющиеся в настоящее время официальные формы статистической отчетности не содержат графу «сельская местность», что негативно отражается на исследовании показателей преступности несовершеннолетних там и, соответственно, своевременном реагировании на происходящие негативные процессы и формировании эффективных мер предупреждения данного вида преступности.

Психические расстройства осужденных существенно влияют на реализацию в отношении их режима содержания в воспитательных колониях. Бесспорно, каждый осужденный – это своеобразное направление в психологической профилактике [13, с. 61].

Распределение несовершеннолетних осужденных в зависимости от психического здоровья представлено в табл. 3.

Таблица 3
Распределение осужденных в зависимости от их психического здоровья (на 01.01.2023) (%)

Состояние психического здоровья осужденных	ВК	Мужчины	Женщины
Не страдает	97,8	98	94,6
Страдает олигофренией в стадии дебильности	0	0	0
Страдает иными психическими расстройствами	2,2	2	5,4

В настоящее время можно говорить о неполной эффективности уголовного наказания. Результаты переписи констатируют существенное ухудшение некоторых характеристик осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание, например по такому показателю, как тяжесть совершенного преступления, по сравнению с данными переписи 2009 г. [14, с. 30] (табл. 4).

Таблица 4
Распределение осужденных по категориям преступлений в воспитательных колониях (%)

Категория преступлений	Перепись 2009 г.			Перепись 2022 г.		
	ВК	Мужчины	Женщины	ВК	Мужчины	Женщины
Небольшой тяжести	1	1	0	18,5	0,8	0
Средней тяжести	11,1	11,5	6,3	4,5	5,5	5,6
Тяжкое	61,9	61,9	62,1	29,7	32,9	30,5
Особо тяжкое	26	25,6	31,6	47,3	60,8	63,9

Выводы

Для эффективной борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди несовершеннолетних важное значение имеет требование неотвратимости социальной, а при достижении установленного законом возраста и уголовной ответственности. При этом неотвратимость социальной ответственности выражается в соответствующей реакции на антиобщественное поведение, так как механизм воздействия такой реакции на поведение детей и подростков в значительной степени аналогичен механизму воздействия наказания. При этом применительно к уголовному праву речь идет о законодательном закреплении принципов неотвратимости и индивидуализации ответственности (наказания), так как уголовное право охраняет общественные отношения от посягательств, имеющих повышенную обществен-

ную опасность. Подобные деяния в большинстве своем являются результатом попустительства и безнаказанности в процессе воспитания детей и подростков до достижения возраста уголовной ответственности, поэтому принципы неотвратимости и индивидуализации ответственности, обязательного реагирования на нежелательные поступки в самых разнообразных формах (беседа, убеждение) должны действовать и в процессе воспитания детей и подростков, но уже как принципы не уголовного права, а правосознания и морали, неотвратимости и индивидуализации социальной ответственности, так как указанные требования не закрепляются в законе или каких-то иных нормативных актах и их реализация, в том числе и выбор форм и методов воздействия, лежит на совести воспитателя и зависит от его квалификации [15, с. 215].

Для правильного и разумного осуществления указанных требований в процессе профилактической работы с несовершеннолетними необходимо учитывать возрастные и психологические особенности. Воспитание ребенка начинается с момента его рождения. При этом в раннем детском возрасте преобладает конкретное мышление, где основную роль в воздействии на психику играют инстинктивные и рефлекторные реакции. С возрастом решающую роль начинает играть вторая сигнальная система, с развитием которой индивид уже может самостоятельно воспринимать и оценивать явления, принимать решения [15, с. 216].

Основным средством среди методов убеждения и принуждения в борьбе с нежелательными поступками, в том числе и наиболее общественно опасными деяниями, является повседневная воспитательная работа.

Наказание также является мерой, воздействующей на психологию и поведение людей, и в этом смысле оно может рассматриваться в системе мер воспитания. Процесс воспитания характеризуется, прежде всего, непрерывным взаимодействием между воспитателем и воспитуемым, которое находит выражение в том, что воспитуемый проявляет отношение к окружающей действительности через свои поступки, действия. Необходимо иметь в виду, что методы убеждения и принуждения являются различными, но взаимосвязанными.

Отечественные пенитенциарные учреждения в процессе исполнения уголовного наказания испытывают трудности в методическом, информационном и ресурсном обеспечении и остро нуждаются в нетрадиционных научно обоснованных алгоритмах деятельности, а также в совершенствовании нормативных правовых актов, прямо либо косвенно затрагивающих проблему уголовного наказания за преступления, совершенные несовершеннолетними.

Вышеизложенное порождает необходимость комплексных междисциплинарных исследований по проблемам назначения и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, предупреждения асоциального и противоправного поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. Форма № 12: Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. 2023 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.10.2023).
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 27.10.2023).
3. Участковые полиции займутся профилактикой наркомании и улучшат свой внешний вид. URL: <https://www.pnp.ru/social/uchastkovye-policii-zaymutsya-profilaktikoy-narkomanii-i-uluchshat-svoy-vneshniy-vid> (дата обращения: 02.10.2023).
4. В России за пять лет в 2,5 раза выросло число погибших от наркотиков детей и подростков. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16548601> (дата обращения: 02.10.2023).
5. Ментюкова М. А., Пустовалова О. С. Современная наркотическая ситуация как криминогенный фактор роста преступности // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 119–127.
6. Опасный возраст. URL: <https://rg.ru/2023/05/31/опасnyj-voznast.html> (дата обращения: 01.10.2023).
7. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 191 с.
8. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / под общ. ред. и с вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой и В. П. Еремина. М., 1989. 256 с.
9. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. 351 с.
10. Врач назвал регионы, где больше всего психически больных детей. URL: <https://ura.news/news/1052472206> (дата обращения: 02.10.2023).
11. Горький ответ на «горькую» // На переломе. Ижевск, 2002. С. 5.
12. Kostyuk M. F., Kunts E. V. The Impact of Deviant Behavior on Juvenile Delinquency: Current State of the Problem // *IusHumani*. 2022. Vol. 11, no 1. Pp. 15–27.
13. Голубовский В. Ю. Проблемы предупреждения рецидивной преступности // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Самара, 1–2 июня 2023 г.). Самара, 2023. С. 60–62.
14. Данилин Е. М., Селиверстов В. И. Осужденные в воспитательных колониях: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. М., 2011. 88 с.
15. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. 232 с.

REFERENCES

1. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2022. Form No. 12: Report on convicts who committed crimes at a minor age. 2023. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed October 2, 2023).
2. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2022 goda* [The state of crime in Russia for January – December 2022]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (accessed October 2, 2023).
3. *Uchastkovye politsii zaimutsya profilaktikoi narkomanii i uluchshat svoi vneshnii vid* [Local police officers will be engaged in drug addiction prevention and improve their appearance]. Available at: <https://www.pnp.ru/social/uchastkovye-policii-zaymutsya-profilaktikoy-narkomanii-i-uluchshat-svoy-vneshniy-vid> (accessed October 2, 2023).
4. *V Rossii za pyat' let v 2,5 raza vyroslo chislo pogibshikh ot narkotikov detei i podrostkov* [In Russia, the number of children and adolescents killed by drugs has increased 2.5 times for five years]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/16548601> (accessed October 2, 2023).
5. Mentyukova M.A., Pustovalova O.S. Modern drug situation as a criminogenic factor of crime growth. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 119–127. (In Russ.).
6. *Opasnyi voznast* [Dangerous age]. Available at: <https://rg.ru/2023/05/31/опасnyj-voznast.html> (Accessed October 2, 2023).
7. Varchuk T.V., Vishnevetskii K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Victimology: textbook for university students]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2015. 191 p.
8. Ueda K. *Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoi Yaponii* [Crime and criminology in modern Japan]. Ed. by Kuznetsova N.F., Eremin V.P. Moscow, 1989. 256 p.
9. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. *Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behavior, responsibility: on the nature of antisocial acts and ways to prevent them]. Moscow, 1989. 351 p.
10. *Vrach nazval regiony, gde bol'she vsego psikhicheski bol'nykh detei* [The doctor named regions with a greater number of mentally ill children]. Available at: <https://ura.news/news/1052472206> (accessed October 2, 2023).
11. Bitter answer to “bitter”. *Na perelome = On the Fracture*, Izhevsk, 2002, p. 5. (In Russ.).
12. Kostyuk M.F., Kunts E.V. The impact of deviant behavior on ju-venile delinquency: current state of the problem. *IusHumani*, 2022, vol. 11, no 1, pp. 15–27. (In Russ.).
13. Golubovskii V.Yu. Problems of prevention of recurrent pregnancy. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Samara, 1–2 iyunya 2023 g.)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian research and practice conference with the international participation (Samara, June 1–2, 2023)]. Samara, 2023. Pp. 60–62. (In Russ.).

14. Danilin E.M., Seliverstov V.I. *Osuzhdennyye v vospitatel'nykh koloniyakh: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhei, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Convicts in juvenile correctional facilities: based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Moscow, 2011. 88 p.
15. Fefelov P.A. *Mekhanizm ugovovno-pravovoi okhrany. Osnovnye metodologicheskie problem* [Mechanism of criminal law protection. Basic methodological problems]. Moscow, 1992. 232 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

ELENA V. KUNTS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Penalties Related to Deprivation of Liberty and the Research in Penitentiary Crime of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Статья поступила 13.10.2023

Профилактика пенитенциарной преступности: обуславливающие факторы, принципы, источники и их классификация

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Реферат

Введение: в статье показано особое место пенитенциарной преступности в криминологических исследованиях и правоохранительной деятельности, обоснована важность понимания методологических основ ее профилактики. *Цель:* определить теоретические предпосылки и структуру руководящих начал профилактики преступности в местах лишения свободы. *Методы:* методология исследования преимущественно охватывает анализ и синтез социально-правовых явлений, обобщение и конкретизацию, формально-логический и системно-структурный анализ правовой доктрины, герменевтическое исследование правовых норм, а также таксономическую классификацию. *Результаты:* особенности предупредительного воздействия на пенитенциарную преступность обусловлены рядом факторов, лежащих в плоскости теоретического понимания и практической значимости системы профилактики. Выявленные факторы обуславливают характер принципов профилактики пенитенциарной преступности. Следует выделять нормативные и доктринальные источники принципов профилактики пенитенциарной преступности. *Выводы:* обуславливающие факторы выражают объективно существующие проблемы пенитенциарной действительности, связанные, во-первых, с личностью осужденного как объекта профилактики, во-вторых, с реализацией профилактических функций субъектов профилактики и, в-третьих, с мерами профилактического воздействия на пенитенциарную преступность. Трансформация обуславливающих факторов приводит к объективной необходимости ревизии принципов профилактики пенитенциарной преступности. Классификация принципов обеспечивает понимание степени охвата соответствующих сфер, уровней и тенденций, отражающих объект системы профилактики пенитенциарной преступности, концептуальными положениями, руководствуясь которыми можно достигнуть эффективного профилактического воздействия. В условиях построения новой архитектуры безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации происходит объективный рост числа принципов профилактики пенитенциарной преступности и приобретение ими комплексного характера, при котором руководящие начала выражают особенности нескольких взаимосвязанных научных отраслей знания.

Ключевые слова: изоляция осужденных от общества; исправительно-предупредительное воздействие; криминальные угрозы; предупреждение рецидивной преступности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Тепляшин П. В. Профилактика пенитенциарной преступности: обуславливающие факторы, принципы, источники и их классификация // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 382–389. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.005.

Original article

Principles of Penitentiary Crime Prevention: Conditioning Factors, Sources and Their Classification

PAVEL V. TEPLYASHIN

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Abstract

Introduction: the article shows a special place of penitentiary crime in criminological research and law enforcement and substantiates the importance of understanding methodological foundations of its prevention. *Purpose:* to determine theoretical prerequisites and the structure of crime prevention principles in places of deprivation of liberty. *Methods:* the research methodology mainly covers the analysis and synthesis of socio-legal phenomena, generalization and concretization, formal and system-structural analysis of legal doctrine, hermetic study of legal norms, as well as taxonomic classification. *Results:* the features of preventive impact on penitentiary crime are due to a number of factors that lie in the plane of theoretical understanding and practical significance of the prevention system. The identified factors determine the nature of penitentiary crime prevention principles. Normative and doctrinal sources of principles for the prevention of penitentiary crime should be singled out. *Conclusions:* conditioning factors express objectively existing problems of penitentiary reality, connected, first, with the personality of the convicted person as an object of prevention, second, with the implementation of preventive functions of subjects of prevention and, third, with measures of preventive impact on penitentiary crime. Transformation of conditioning factors leads to the objective need to revise principles of penitentiary crime prevention. The classification of principles provides an understanding of the extent of coverage of the relevant areas, levels and trends reflecting an object of the penitentiary crime prevention system, conceptual provisions, guided by which an effective preventive effect can be achieved. In the conditions of building a new security architecture of the penal system of the Russian Federation, there is an objective increase in the number of principles of the prevention of penitentiary crime and their acquisition of a complex character, in which the guiding principles express features of several interrelated scientific branches of knowledge.

Keywords: isolation of convicts from society; correctional and preventive impact; criminal threats; prevention of recidivism.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Teplyashin P.V. Principles of penitentiary crime prevention: conditioning factors, sources and their classification. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 382–389. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.005.

Введение

Пенитенциарная преступность занимает особое место в криминологических исследованиях и правоохранительной деятельности. Данный вид преступности обладает специфическими закономерностями, требует криминологических знаний для своего определения, приводит к подрыву значимости соответствующего вида деятельности государства. Совершаемые в местах лишения свободы преступления, как точно отмечают В. С. Ишигеев и А. А. Протасевич, «представляют серьезную научно-теоретическую и практическую проблему, поскольку соответствующие общественно опасные деяния подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы, препятствуют достижению целей наказания, дестабилизируют обстановку в исправительных учреждениях, оказывают негативное воздействие на осужденных, снижая потенциал исправительно-профилактического воздействия на них» [1, с. 59]. В этой связи М. С. Красильникова верно обобщает, что преступность «осужденных в местах лишения свободы является в некоторой степени криминологическим феноменом, поскольку предназначение пенитенциарных учреждений состоит в целенаправленном исправительном воздействии на преступников» [2, с. 53]. Следовательно, необходимо понимать методологические основы профилактики пенитенциарной преступности, иметь представление об условиях ее осуществления и тем самым развивать валидные качества криминологии, которая, актуализируя соответствующие социально-правовые проблемы, «представляет собой совокупность идей, взглядов, теорий о закономерностях становления и развития пенальных преступ-

лений и преступности, причин, условий пенальных преступлений и преступности, лиц, совершающих пенальные преступления, и их жертв, предупреждения пенальных преступлений и преступности» [3, с. 85].

Анализ идей профилактики пенитенциарной преступности возможен на основе предпосылок их научного обоснования, которые с определенной долей условности и применительно к настоящему исследованию допустимо именовать обуславливающими факторами. Подобное научное обоснование позволяет не только очертить законодательно учтенные принципы рассматриваемой профилактики, но и предопределить перспективные доктринальные идеи, претендующие на включение в перечень фактически состоявшихся руководящих начал профилактики пенитенциарной преступности. Таким образом, особенности предупредительного воздействия на пенитенциарную преступность обусловлены рядом основных факторов, лежащих в плоскости теоретического понимания и практической значимости системы профилактики, построение и реализация которой базируется на соответствующих принципах.

Результаты

Учет обуславливающих факторов позволяет оптимизировать систему построения принципов профилактики пенитенциарной преступности.

Так, первый фактор указывает на существование определенной специфики и в некотором смысле закрытости соответствующего объекта предупредительного воздействия. Данная специфика проявляется в объективно-субъективных закономерностях формирования и постепенного видоизменения

пенитенциарной преступности. Кроме того, отмеченный объект существует на фоне стабильно повторяющейся взаимосвязи между государством и осужденным, который преимущественно находится в условиях изоляции от общества, что снижает транспарентность соответствующих явлений и процессов, сопровождающих криминальные проявления в пенитенциарной действительности. Кроме того, лица, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, прежде всего выступают объектом исправительного воздействия, тогда как профилактика совершения ими новых правонарушений обладает только вторичным характером. Такая профилактика должна быть ориентирована как на устранение криминальных наклонностей личности осужденного, которые привели его к совершению преступления и, соответственно, назначению уголовного наказания, так и на предупреждение причин и условий, которые могут детерминировать новые проявления его общественно опасного поведения в период содержания в местах лишения свободы.

Обозначенные особенности пенитенциарной преступности следует воспринимать через призму роста удельного веса осужденных, отбывающих лишение свободы в третий и более раз, что указывает на их значительную криминальную пораженность, субкультурную абсорбированность и личностную резистентность к исправительно-профилактическому воздействию.

Второй фактор заключается в том, что обнаруживается компетентностная рыхлость либо вторичность профилактических функций субъектов противодействия пенитенциарной преступности. Всесторонний анализ системы таких субъектов (как специализированных, частично специализированных, так и неспециализированных), а также их содержательных характеристик демонстрирует обособленность задач и функций профилактической деятельности как производных от основной компетенции. Так, применительно к исправительным учреждениям первичной компетенцией выступает исправление, применительно к органам исполнения уголовных наказаний – общее руководство и координация, прокуратуры – надзор за исполнением уголовных наказаний, следствия – расследование. Безусловно, оперативные отделы и отделы охраны исправительных учреждений ориентированы на приоритетную реализацию профилактических мероприятий, но эти подразделения, являясь структурными пенитенциарными единицами, тесно связаны с достижением первоочередной цели уголовно-исполнительного законодательства, закрепленной в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, – исправления осужденных. Более того, реализация пенитенциарной пробации, регламентированной Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации), объективно потребует усилий всех подразделений исправительного учреждения.

Третий фактор предполагает оторванность официально закрепленных средств и форм профилактики правонарушений от фактически востребованного инструментария предупреждения рецидивной пре-

ступности в местах лишения свободы. Так, в ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о профилактике) закреплены средства реализации основных направлений профилактики правонарушений в Российской Федерации. Однако как направления, так и средства их реализации недостаточно информативно коррелируют со спецификой пенитенциарной преступности. Ведь данный закон не ориентирован на закрытые социальные системы, в которых вектор интеграционных взаимоотношений соответствующей организации и среды направлен на межличностные взаимоотношения, каждая часть (уровень) организации осуществляет строго определенные функции и базируется на процедурной координации ее уровней, а одним из основных показателей эффективности выступает формирование социально адаптационных способностей лиц, покидающих ее. Принципиальное отличие закрытой социальной системы от открытой заключается в существенном игнорировании (применительно к показателям результативности ее функционирования) эффекта внешнего воздействия. Этот тезис подкрепляется и верным аргументом Ю. Ю. Тищенко, который отмечает, что: «Когда осужденный попадает в места лишения свободы, круг его общения значительно сужается» [4, с. 230]. Следовательно, уголовно-исполнительную систему в определенной степени допустимо считать закрытой социальной системой. Подобную критику представляется возможным экстраполировать и на формы профилактического воздействия, которые зафиксированы в ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике. Кроме того, нельзя не заметить, что законодатель в ч. 2 указанной статьи отмечает право должностных лиц органов уголовно-исполнительной системы в пределах установленной компетенции осуществлять профилактику правонарушений в формах профилактического воздействия, предусмотренных п. 2–6 ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике. Однако с учетом вступления 1 января 2024 г. в силу Закона о пробации требуется нормативно закрепить право должностных лиц органов уголовно-исполнительной системы в пределах установленной компетенции осуществлять профилактику правонарушений и в таких формах профилактического воздействия, как социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация (п. 7–9 ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике). Ведь пенитенциарная пробация представляет собой совокупность мер, направленных как на исправление осужденных, так и на подготовку осужденных (что в той или иной мере предполагает осуществление социальной адаптации, ресоциализации, социальной реабилитации), отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из соответствующих учреждений.

Таким образом, изложенные обуславливающие факторы отражают объективно существующие проблемы объекта, субъекта и мер системы профилактики пенитенциарной преступности.

В контексте обозначенных выше факторов, лежащих в плоскости теоретического понимания и практической значимости элементов системы про-

филактики пенитенциарной преступности, существенный научный интерес представляют принципы такой профилактики. Данные принципы выступают теми основополагающими идеями, на основе которых достигается соответствующий конечный результат, скрепляется работа всех субъектов профилактической деятельности, синхронизируются применяемые ими меры воздействия. Структура и содержание принципов профилактики пенитенциарной преступности предопределяются как общими задачами предупреждения правонарушений, включая преступность, так и частными, отражающими специфику соответствующих уголовно-исполнительных отношений. Следовательно, нельзя не обратиться к принципам профилактики правонарушений, закрепленным в ст. 4 Закона о профилактике, который во многом носит рамочный характер и закрепляет общие установки воздействия на противоправное поведение. В этом случае источником соответствующих принципов выступает нормативный правовой акт.

При этом необходимо заметить, что с точки зрения юридической техники нормы, закрепляющие субъектов и основные направления профилактики правонарушений, законодатель поместил после ст. 4 Закона о профилактике, то есть вслед за принципами. Это свидетельствует о методологической приоритетности принципов профилактики правонарушений над элементами системы профилактики и подтверждает выдвинутый ранее тезис об основополагающей роли идей перед деятельностью субъектов по реализации соответствующих мер воздействия.

Законодатель перечисляет шесть пунктов, охватывающих соответствующие принципы профилактики правонарушений. В первых двух закрепляются общеправовые принципы – приоритет прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики правонарушений, законность. Следующие два пункта объединяют принципы, которые допустимо квалифицировать как системно-процедурные: обеспечение системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений, открытость, непрерывность, последовательность, своевременность, объективность, достаточность и научная обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений. Оставшиеся пятый и шестой пункты закрепляют идеи, отражающие основополагающие требования к субъектам профилактической деятельности: компетентность при осуществлении профилактики правонарушений, ответственность данных субъектов и их должностных лиц за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина.

Продолжая рассматривать в качестве источников соответствующих принципов нормативные правовые акты, следует указать, что, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о пробации, одной из целей пробации выступает предупреждение совершения осужденными новых преступлений. Следовательно, при реализации пробации необходимо руководствоваться основополагающими идеями, закрепленными в ст. 3 Закона о пробации. В зависимости от функционального назначения закрепленных в обозначенной норме прин-

ципов пробации их можно разбить на следующие три группы: 1) принципы, характеризующие правовые основы реализации пробации (приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, соблюдение законности); 2) принципы, отражающие статус ее участников, или организационно-правовые принципы (учет индивидуальных особенностей, обстоятельство и потребностей, добровольность); 3) принципы, характеризующие порядок реализации пробации, или процедурные принципы (гуманизм, рациональность применения мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера и мер стимулирования правопослушного поведения, открытость (прозрачность), преемственность, непрерывность). Как видно, данные основополагающие идеи несколько отличаются от принципов, закрепленных в ст. 4 Закона о профилактике.

Сопоставляя принципы двух законов, важно обратить внимание на следующие моменты. Так, с одной стороны, имеется теоретико-прикладная резонансность выработать выборку тех принципов пробации, которые ближе всего отражают фундаментальные идеи именно по предупреждению совершения осужденными новых преступлений. С другой стороны, все меры пробации – коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц – направлены в том числе на предупреждение совершения осужденными новых преступлений. Следовательно, принципы, лежащие в основе реализации данных мер, косвенно, но также являются постулатами пробационного предупредительного процесса.

Также требуется принять во внимание тот факт, что принципы пробации могут охватывать архитектуру профилактики в том числе пенитенциарной преступности в силу наличия такого вида пробации, как пенитенциарная, которая, согласно п. 3 ч. 1 ст. 5 Закона о пробации, применяется в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы. В этой связи целесообразно заметить, что в современных зарубежных исследованиях также указывается на значительную роль успешной реабилитации заключенных в предупреждении рецидива преступлений [5; 6].

Можно резюмировать, что нормативная база источников профилактики пенитенциарных правонарушений, включая преступления, охватывает соответствующие положения как Закона о профилактике, так и Закона о пробации.

Однако источниками принципов профилактики пенитенциарной преступности могут быть не только нормативные правовые акты, но и соответствующие криминологическая и научно-отраслевая доктрины. На этом основании рассматриваемые принципы могут быть дополнены с учетом теоретических воззрений ряда исследователей и личного видения общей парадигмы вопроса.

Для познания социально-правовой действительности целесообразно использовать методологию таксономического исследования, поэтому в целях придания процессу анализа принципов профилактики пенитенциарной преступности ясности и науч-

ной репрезентативности представляется верным его провести через призму классификационного подхода. Данный подход уже использовался при группировке принципов, источниками которых выступали нормативные правовые акты.

Предварительно необходимо заметить, что доктринальное происхождение принципов профилактики пенитенциарной преступности зависит от различных оснований (критериев), количество которых по сути неограниченно и находится в перманентном состоянии ротации и увеличения. Так, на основании отраслевой правовой принадлежности профилактических мер можно говорить о существовании принципов профилактики пенитенциарной преступности, базирующихся на соответствующих отраслях права, законодательстве и науке. Например, допустимо формирование принципов оперативно-розыскной профилактики пенитенциарной преступности. В этой связи С. С. Галахов и Н. Б. Маликова справедливо указывают, что ими «являются основополагающие системные идеи (принципы), используемые при проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях профилактики пенитенциарных правонарушений. Благодаря им совершенствуется процесс реализации функций, связанных с исполнением наказания в учреждениях УИС и обеспечением правопорядка и законности в них» [7, с. 31]. Применительно к науке уголовно-исполнительного права также допустимо говорить о наличии процесса трансформации принципов, которые в том числе ориентированы на руководящее обеспечение и обобщающие требования к результативной профилактике пенитенциарной преступности. В частности, в теоретической модели Общей части УИК РФ (далее – модель) в ст. 2 одной из целей уголовно-исполнительного законодательства, как и в действующем УИК РФ, закрепляется предупреждение совершения новых преступлений осужденными. Соответственно, в ст. 9 модели закрепляются принципы правового регулирования, среди которых можно встретить целесообразность, соединение наказания с исправительно-предупредительным воздействием [8, с. 63, 73–75, 77–79].

Следовательно, в силу отраслевого критерия принципы профилактики пенитенциарной преступности могут иметь также конституционное (административно-правовое), уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и, естественно, уголовно-исполнительное происхождение. При этом доктринальный характер источников соответствующих отраслевых принципов профилактики рассматриваемого вида преступности предполагает научную интерпретацию основополагающих идей, которые зафиксированы в нормах конкретных правовых актов (в частности, ст. 3 «Принципы оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Здесь следует акцентировать внимание и на такой специально-юридической отрасли, как криминология, которая также вырабатывает принципы профилактики пенитенциарной преступности. Так, частным направлением данной научной юридической дисциплины выступает пенитенциарная конфликтология, в рамках которой

также разрабатываются руководящие начала профилактического воздействия на общественно опасные проявления в местах лишения свободы. Например, А. П. Детков констатирует, что, анализируя «природу пенитенциарных конфликтов, мы приходим к выводу, что в генезисе конфликтной ситуации может быть два и более предмета («принцип наложения»). В ходе конфликтной ситуации предметы конфликта могут коррелироваться, видоизменяться в зависимости от уровня сложности, им может придаваться ложный характер» [9, с. 38]. В свою очередь Дэвид Гарленд, известный зарубежный социолог, занимающийся исследованием криминологических проблем, предлагает в качестве действенного инструмента профилактики пенитенциарной преступности использовать криминологическую экспертизу соответствующих проблем с целью выработки конкретных предложений по снижению уровня криминальных проявлений в этой сфере, полагая, что она «также включает в себя практические знания о том, как работают учреждения уголовного правосудия» [10, с. 273].

Избрав такой критерий классификации, как криминологические особенности лиц, в отношении которых осуществляется профилактика пенитенциарной преступности, представляется возможным выделить группу общих основополагающих идей, на которые следует ориентироваться при профилактике правонарушающего поведения каждого осужденного, и группы специальных, задействованных в профилактической работе с отдельными категориями осужденных. Так, Е. Г. Телегина в разрезе концептуальных начал профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, закрепленных в ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», обращает внимание «на основополагающие принципы, которые должна включать в себя правовая основа профилактики пенитенциарных преступлений среди подростков» [11, с. 96]. Соответственно, можно говорить о принципах профилактики правонарушений среди женщин, отбывающих лишение свободы, лиц, повторно содержащихся в исправительных учреждениях, с отдельными личностными особенностями и т. п.

В зависимости от механизма профилактического воздействия и конфигурации криминальных угроз можно говорить о существовании также различных групп принципов профилактики пенитенциарной преступности. В рамках обозначенной классификации К. А. Насреддинова указывает на целесообразность выделения принципов виктимологической профилактики в местах лишения свободы. По мнению исследователя, такая профилактика имеет свои особенности (в частности, наличие более широких возможностей взаимодействия с осужденными, связь с предупреждением «инверсионных» преступлений, где происходит смена ролей «преступник – жертва») и позволяет выдвигать основополагающие идеи реализации [12, с. 47–48]. Кроме того, можно выделить группу принципов прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности исправительных

учреждений или, например, как отмечает К. А. Кадырова, «принцип актов прокурорского реагирования» [13, с. 33]. Думается, что в данной классификации допустимо предусмотреть «принципы и правила осуществления миссионерской деятельности в местах лишения свободы» [14, с. 26–30], то есть основополагающие идеи мер духовно-нравственной профилактики пенитенциарной преступности.

На основании научно-отраслевой принадлежности профилактических мер допустимо утверждать наличие принципов профилактики пенитенциарной преступности, базирующихся на соответствующих отраслях знаний. Обозначенному критерию корреспондирует выделение соответствующих групп принципов в пенитенциарной психологии и педагогике [15], пенитенциарном управлении [16], архитектурной пенологии [17, с. 16–18; 18, с. 321–328], пенитенциарной экологии [19, с. 408–410] («зеленой» криминологии [20, с. 79–102]) и ряде иных отраслей знаний, используемых для общей и частной профилактики общественно опасных деяний, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Исходя из криминологической и научно-отраслевой доктрины в качестве основы классификации принципов профилактики пенитенциарной преступности могут выступать крайне разнообразные критерии: уровень (иерархия) правовых актов, содержащих источники исходных начал, степень научной разработанности соответствующих руководящих положений, их юридическая значимость. Этот перечень критериев не является исчерпывающим. Появлению новых оснований предшествует расширение объема руководящих направлений профилактического воздействия на пенитенциарную преступность, что, в свою очередь, является ответной реакцией на рост практически значимых профилактических задач, трансформацию тенденций и потребностей развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и обеспечения общественной безопасности, появление новых вызовов и угроз, то есть на весьма широкий набор обстоятельств.

Выводы

Изложенный материал позволяет сформулировать ряд основных теоретически значимых выводов, которые демонстрируют наличие насущных исследовательских вопросов, относящихся к перспективам

дальнейшего результативного воздействия на пенитенциарную преступность:

1. Обуславливающие факторы выражают объективно существующие проблемы пенитенциарной действительности, связанные, во-первых, с личностью осужденного как объекта профилактики; во-вторых, с реализацией профилактических функций специализированных, частично-специализированных и неспециализированных субъектов профилактики; в-третьих, с мерами (средствами и формами) профилактического воздействия на пенитенциарную преступность.

2. Выявленные факторы обуславливают характер принципов профилактики пенитенциарной преступности. Данные факторы и основополагающие начала профилактического воздействия на криминальные проявления в местах изоляции осужденных от общества коррелируют между собой, поэтому трансформация соответствующих пенитенциарных проблем приводит к объективной необходимости ревизии принципов профилактики пенитенциарной преступности.

3. Следует выделять нормативные и доктринальные источники принципов профилактики пенитенциарной преступности. С позиции диалектического познания их имманентных свойств представляется возможным воспринимать нормативные источники как форму сущности профилактического воздействия на пенитенциарную преступность, тогда как доктринальные – как содержание.

4. Классификация рассмотренных принципов обеспечивает понимание степени охвата соответствующих сфер, уровней и тенденций, отражающих объект системы профилактики пенитенциарной преступности, руководящими положениями, с использованием которых можно достигнуть эффективного профилактического воздействия.

5. В условиях интенсивной трансформации пенитенциарных отношений, возрастания объема содержательных задач перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации и построения новой архитектуры ее безопасности происходят, во-первых, объективный рост числа принципов профилактики пенитенциарной преступности, во-вторых, приобретение ими комплексного характера, при котором руководящие начала выражают особенности нескольких взаимосвязанных научных отраслей знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ишигеев В. С., Протасевич А. А. Видовое обособление преступлений, совершаемых в местах изоляции осужденных от общества: предложения в порядке *de lege ferenda* // Вестник Кузбасского института. 2022. № 4. С. 58–65.
2. Красильникова М. С. Преступность осужденных в исправительных учреждениях: криминологический анализ // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 52–63.
3. Орлов В. Н. Криминопенальная виктимология: основные понятия, безопасность уголовно-исполнительного процесса, современные угрозы // Актуальные вопросы обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 85–87.
4. Тищенко Ю. Ю. Некоторые особенности профилактического воздействия на пенитенциарную преступность // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4), № 3. С. 228–232.
5. Amali S. E., Sibanyoni E. K., Tshivhase T. Incarceration for Reformation or Deformation? // International Journal of Criminology and Sociology. 2021. No. 10. Pp. 562–571.
6. Pellegrina L. D., Saraceno M. Does the open cell regime foster inmates' legal capability? Evidence from two Italian prisons // European Journal of Law and Economics. 2021. Vol. 52, no. 1. Pp. 89–135.

7. Галахов С. С., Маликова Н. Б. Конституционные основополагающие системные идеи, используемые при проведении оперативно-розыскных мероприятий в профилактике пенитенциарных правонарушений (научно-прикладные проблемы конституционных принципов оперативно-розыскной профилактики) // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 3. С. 28–39.
8. Общая часть Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.
9. Детков А. П. Теоретико-методологические основы пенитенциарной конфликтологии как науки // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 28–40.
10. Garland D. What's Wrong with Penal Populism? Politics, the Public, and Criminological Expertise // *Asian Journal of Criminology*. 2021. Vol. 16, no. 4. Pp. 257–277.
11. Телегина Е. Г. Правовое регулирование профилактики правонарушений и преступлений в воспитательных колониях (проблемные вопросы) // Правовые, экономические и гуманитарные вопросы современного развития общества: теоретические и прикладные исследования : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Пономарева, Т. А. Куткович. Новороссийск, 2018. Вып. 1. С. 96–100.
12. Насреддинова К. А. Особенности виктимологической пенитенциарной профилактики в исправительных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 2. С. 44–48.
13. Кадырова К. А. Акты прокурорского реагирования, их принципы воздействия в местах лишения свободы // *Перо науки*. 2019. № 17. С. 29–33.
14. Трудов П. В. Православная миссия в местах лишения свободы: основные проблемы и принципы осуществления // *Теология. Философия. Право*. 2019. № 3. С. 22–32.
15. Симакова Т. А. Методологические принципы психолого-педагогической науки по духовно-нравственному воспитанию осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. 2017. № 8. С. 78–87.
16. Голодов П. В. Некоторые организационно-правовые принципы обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2020. № 4. С. 32–36.
17. Esther van Ginneken, Palmen H. Is There a Relationship Between Prison Conditions and Recidivism? // *Justice Quarterly*. 2022. Vol. 40, no. 3. Pp. 1–23.
18. Jewkes Y. Just design: Healthy prisons and the architecture of hope // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. 2018. Vol. 51, no. 3. Pp. 319–338.
19. Bradshaw E. A. Tombstone Towns and Toxic Prisons: Prison Ecology and the Necessity of an Antiprison Environmental Movement // *Critical Criminology*. 2018. Vol. 26, no. 3. Pp. 407–422.
20. Lynch M., Stretesky P. Exploring green criminology: Toward a green criminological revolution. Abingdon-on-Thames, 2014. 225 p.

REFERENCES

1. Ishigeev V.S., Protasevich A.A. Specific isolation of crimes committed in places of isolation of convicts from society: proposals in the order of de lege ferenda. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 4, pp. 58–65. (In Russ.).
2. Krasil'nikova M.S. Criminological analysis of the crime of convicts in the correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 3, pp. 52–63. (In Russ.).
3. Orlov V.N. Criminopenal victimology: basic concepts, security of the penal enforcement process, modern threats. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Topical issues of ensuring security in the penal system of the Russian Federation: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 85–87. (In Russ.).
4. Tishchenko Yu.Yu. Some features of preventive action on penitentiary crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14(1-4), no. 3, pp. 228–232. (In Russ.).
5. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase T. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, no. 10, pp. 562–571.
6. Pellegrina L.D., Saraceno M. Does the open-cell regime foster in-mates' legal capability? Evidence from two Italian prisons. *European Journal of Law and Economics*, 2021, vol. 52, no. 1, pp. 89–135.
7. Galakhov S.S., Malikova N.B. Constitutional fundamental system ideas used in carrying out operational investigative measures in the prevention of penitentiary violations (scientific and applied problems of constitutional principles of operational investigative prevention). *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2021, no. 3, pp. 28–39. (In Russ.).
8. *Obshchaya chast' Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General Part of the Penal Code of the Russian Federation: results and substantiations of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
9. Detkov A.P. Theoretical and methodological foundations of penitentiary conflictology as a science. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 3, pp. 28–40. (In Russ.).
10. Garland D. What's Wrong with Penal Populism? Politics, the public, and criminological expertise. *Asian Journal of Criminology*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 257–277. (In Russ.).
11. Telegina E.G. Legal regulation of the prevention of violations and crimes in educational colonies (problematic issues). In: Ponomareva V.V., Kutkovich T.A. *Pravovye, ekonomicheskie i humanitarnye voprosy sovremennogo razvitiya obshchestva: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Legal, economic and humanitarian issues of modern development of society: theoretical and applied research: collection of scientific papers]. Novorossiisk, 2018. Pp. 96–100. (In Russ.).

12. Nasreddinova K.A. Features of victimological penitentiary prevention in correctional institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2011, no. 2, pp. 44–48. (In Russ.).
13. Kadyrova K.A. Acts of prosecutor's response, their principles of influence in places of imprisonment. *Pero nauki = Feather of Science*, 2019, no. 17, pp. 29–33. (In Russ.).
14. Trudov P.V. Orthodox mission in places of detention of freedom: key challenges and principles of implementation. *Teologiya. Filosofiya. Pravo = Theology. Philosophy. Law*, 2019, no. 3, pp. 22–32. (In Russ.).
15. Simakova T.A. Methodological principles of psychological and pedagogical science on spiritual and moral education of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. In: *Ugreshskii sbornik. Trudy prepodavatelei Nikolozugreshskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* [Ugresh collection. Works of the teachers of the Nikolo-Ugresh Orthodox Spiritual Seminary]. 2017. No. 8. Pp. 78–87. (In Russ.).
16. Golodov P.V. Some organizational and legal principles for ensuring the rights of convicts in prisons. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2020, no. 4, pp. 32–36. (In Russ.).
17. Ginneken E., Palmen H. Is there a relationship between prison conditions and recidivism? *Justice Quarterly*, 2022, vol. 40, no. 3, pp. 1–23.
18. Jewkes Y. Just design: Healthy prisons and the architecture of hope. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 2018, vol. 51, no. 3, pp. 319–338.
19. Bradshaw E.A. Tombstone towns and toxic prisons: prison ecology and the necessity of an antiprison environmental movement. *Critical Criminology*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 407–422. (In Russ.).
20. Lynch M., Stretesky P. *Exploring green criminology: toward a green criminological revolution*. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. 225 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

PAVEL V. TEPLYASHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Статья поступила 30.08.2023

Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА УТОРОВА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

СТЕПАН ПАВЛОВИЧ ШАЛЕГИН

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу современных тенденций развития военного уголовного законодательства России через призму реформы 2022 г. *Цель:* исследовать изменения УК РФ, введенные законодателем в сентябре 2022 г., и выявить их положительные и отрицательные стороны: на основе обобщения советского и современного опыта некоторых постсоветских стран определять необходимые изменения для поддержания высокой боеспособности российской армии посредством улучшения поддержания воинского правопорядка. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический метод и метод толкования правовых норм. *Результаты:* рассмотрение исторических и современных военных событий, социально-политической обстановки в целом показало достоинства внесенных законодателем изменений, однако имеется и необходимость их существенной доработки. *Выводы:* поскольку военная служба в военное время имеет первостепенное значение для безопасности страны, важно совершенствовать законодательство о преступлениях против военной службы, особенно в период мобилизации, и правоприменительную практику, что повысит защиту интересов государства в военное время. Следует ввести уголовную ответственность за уклонение от мобилизации и необоснованную сдачу средств ведения войны противнику. Это в том или ином виде обязательно повлияет на боеспособность армии России. Ужесточение ответственности за воинские преступления создаст превентивный эффект.

Ключевые слова: военная политика; военное уголовное право; реформа военного права; воинские преступления; ответственность военнослужащих; специальная военная операция; частичная мобилизация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Уторова Т. Н., Шалегин С. П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 390–397. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.006.

Original article

Modern Trends in the Development of Military Criminal Law in Russia

TAT'YANA N. UTOROVA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

STEPAN P. SHALEGIN

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of modern trends in the development of military criminal law in Russia through the prism of its September 2022 reform. *Purpose:* to study changes in the Criminal Code of Russia introduced by the legislator in September 2022 and to identify their positive and negative aspects. On the basis of generalization of Soviet and modern experience of some post-Soviet countries to determine necessary changes in the current domestic and international situation to maintain a high combat readiness of the Russian army by improving the maintenance of military law and order. *Methods:* historical, comparative-legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, legal-dogmatic method and a method of legal norm interpretation. *Results:* consideration of historical and contemporary military events and a socio-political situation in general shows merits of the changes introduced by the legislator, however, there is a need for their significant improvement. *Conclusion:* since military service during wartime is of paramount importance for national security, it is necessary to improve legislation on crimes against military service, especially during mobilization, and law enforcement practice, which would enhance protection of state interests during wartime. Evasion of mobilization and unjustified surrender of means of warfare to the enemy should be criminalized. This will in one way or another affect combat effectiveness of the Russian army. Stiffening responsibility for military crimes will have a preventive effect.

Key words: military policy; military criminal law; reform of military law; military crimes; responsibility of servicemen; special military operation; partial mobilization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Utorova T.N., Shalegin S.P. Modern trends in the development of military criminal law in Russia. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 390–397. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.006.

Правоотношения, связанные с военной службой, особенно в военное время, крайне важны в силу ведущей роли армии в защите жизненно важных интересов общества и государства. Всестороннее изучение актуальных вопросов преступности среди военнослужащих является действенным средством решения военно-правовых проблем.

На протяжении многих лет преступления против порядка прохождения военной службы занимали незначительное место в структуре преступности в России. Однако положение изменялось с 24 февраля 2022 г., когда началась специальная военная операция, от хода которой зависит геополитическая ситуация в мире и России. Данным обстоятельством объясняются существенные изменения уголовного закона и правоприменительной практики.

Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» должны были обеспечить надлежащую правовую охрану отношений, возникших в связи с ведением государством боевых действий, в частности исполнение государственного оборонного заказа, мобилизацию и связанный с ней порядок прохождения военной службы.

Учитывая важность внесенных поправок для обеспечения безопасности государства, спешку, в которой они принимались, требуется их научное осмысление с позиций доктрины уголовного права и

правоприменения, поскольку некоторые из них, к сожалению, имеют определенные изъяны.

В 2022 г. законодатель активно вносил изменения в уголовный закон, однако сентябрьский большой пакет поправок в УК РФ можно назвать реформой военного уголовного права.

Законодатель ввел уточнениеотягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «л» ст. 63 УК РФ, в виде совершения преступления не только в условиях вооруженного конфликта, но и «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях ведения боевых действий»; обозначил квалифицированные и особо квалифицированные составы в виде совершения преступления в вышеуказанных условиях, а также криминализовал деяния в виде добровольной сдачи в плен, мародерства, нарушения условий договора и госконтракта по гособоронзаказу (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ¹).

Главным образом изменения касались ужесточения ответственности за совершение преступлений в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Несмотря на наличие легальных определений введенных специальных обстоятельств, возможны проблемы в применении понятия «мобилизация», поскольку в законодательстве отсутствует момент ее окончания. Полагаем недостаточным одно лишь заявление высших долж-

¹ Поскольку указанные статьи имеют отношение лишь к исполнителям государственного контракта по государственному оборонному заказу, а не к военнослужащим, в данной работе они не будут рассмотрены.

ностных лиц о ее завершении – данный факт должен иметь юридическое оформление, например в виде указа Президента Российской Федерации.

Новые составы предусматривают более строгое наказание. При таких высоких сроках лишения свободы вероятность условного осуждения существенно снижается. Это объясняется повышенной общественной опасностью последствий совершения данных деяний при нынешней сложной военно-политической конъюнктуре. К примеру, массовое самовольное оставление позиций на линии фронта может привести к их занятию врагом, в результате чего необходимо возвращать их штурмовыми действиями, причем, как правило, с большими потерями, нежели у обороняющейся стороны. Потери при этом будут среди тех нужных Отечеству солдат, которые не поддались малодушию и не нарушили дисциплину. Оставленный на нейтральной линии фронта хотя бы один экземпляр новой техники может привести к ее захвату противником и в дальнейшем изучению реверс-инжинирингом, что позволит усовершенствовать тактику борьбы с ней. Все это может влиять даже на стратегическую обстановку на фронте, а значит, и на ход вооруженного конфликта и обороноспособность государства в целом.

Примерно такими причинами объяснял Я. Н. Ермолович выделение отягчающего признака совершения преступлений в военное время или в боевой обстановке в уголовном законодательстве [1].

Следующее изменение связано с корректировкой понятия «преступление против военной службы», закрепленного в ст. 331 УК РФ. Как известно, российское уголовное законодательство не содержало уголовно-правовой квалификации преступлений против военной службы, совершаемых в военное время или в боевой обстановке. Поправки внесены с целью устранения правовых пробелов в настоящем и будущем. Признав утратившим силу п. 3 ст. 331 УК РФ, законодатель восстановил принцип законности, подтвердив статус кодекса как единственного кодифицированного законодательного акта, устанавливающего преступность и наказуемость деяния. Принятие специального законодательства об уголовной ответственности за преступления против военной службы сейчас не требуется [2, с. 889]. Пункт 3 названной статьи в прошлой редакции отсылал к законодательству военного времени. Однако такого законодательства ни в 1996 г., на момент контртеррористической операции в Чечне, ни в сентябре 2022 г., на момент специальной военной операции, так и не было принято, но преступления, совершаемые с точки зрения закона в мирное время, но в условиях боевой обстановки, всегда имелись. Один из авторов законопроекта, депутат Эрнест Валеев, объяснил проблему так: «Когда принимали УК, то не были учтены моменты, что страна может проводить специальную военную операцию... теперь возникла необходимость учесть это в уголовном законодательстве» [3].

Так, по данным Х. А. Мусаева, в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе в 1999–2005 гг. военнослужащими было совершено свыше трех тысяч преступлений [4]. Ученый приводит пример из судебной практики, где

рядовой самовольно оставил самоходно-артиллерийский дивизион, находящийся на боевой позиции в районе аэропорта г. Грозного, и пытался выехать домой, но был задержан. В то же время суд квалифицировал описанное деяние как халатность по ст. 293 УК РФ, а не как преступление против военной службы, несмотря на то что он же ссылаясь на нарушение статей боевого устава, который, что уже очевидно даже из названия, действует в боевой обстановке. Автор, основываясь на статистике Главной военной прокуратуры Российской Федерации, согласно которой в органах военной прокуратуры было возбуждено 2290 дел по преступлениям, совершенным в боевой обстановке, делает вывод о коллизии норм права и правоприменения, когда деяния, признанные преступными только в мирное время, но фактически декриминализованные в военное время и в боевой обстановке, признаются преступлениями при наличии боевых действий [4].

Так, Х. А. Мусаев критикует актуальную (на момент до внесения новых поправок в УК РФ) правоприменительную практику, указывая на коллизии между общими нормами права и реальной ситуацией в боевой обстановке, где многие деяния по сути декриминализуются, хотя формально признаются преступлениями. Суть проблемы – несоответствие между правовой квалификацией таких деяний и спецификой их совершения в условиях боевых действий.

Теперь же термин «боевая обстановка», упоминавшийся лишь в ч. 3 ст. 331 УК РФ, для применения которого требовался специальный закон, отсутствует, а на замену ему пришли понятия «условия вооруженного конфликта» и «ведение боевых действий» в квалифицированных и особо квалифицированных составах преступлений против военной службы. Отсутствие законодательного определения указанных терминов восполнила высшая судебная инстанция, предусмотрев их толкование в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» и устранив правовую неопределенность.

Восстановив принцип единого уголовного законодательства, состоящего только из УК РФ, Федеральным законом от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» законодатель ввел новые нормы уголовного права без внесения поправок в УК РФ, что, по нашему мнению, противоречит ст. 1 кодекса. Кроме того, следует обратить внимание на нарушение законодательной техники при изложении ст. 1 закона, указывающей на регулирование отношений, связанных только с освобождением от уголовной ответственности, в то время как в ст. 5 речь идет об освобождении от наказания. Не считая необходимым законодатель и предусмотреть практику применения уголовно-правового института отсрочки исполнения наказания военнослужащим в военное время, доказавшую свою ценность и эффективность еще в годы Великой Отечественной войны.

Отдельно необходимо остановиться на изменении ст. 332 УК РФ. Отныне факт неисполнения приказа в период военного положения, в военное время либо

в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий является деянием, влекущим уголовную ответственность независимо от наступления последствий, а при их наступлении наказание уже составляет до 10 лет лишения свободы, что в два раза больше по сравнению с максимальной санкцией данной статьи до внесения поправок.

Выделение деяния в форме отказа от участия в военных или боевых действиях оправдано в связи с возникшими в большом количестве отказами военнослужащих от отправки в зону проведения специальной военной операции.

Следует отметить, что законодатель путем введения примечания 2 к ст. 337 УК РФ установил проходящим военные сборы гражданам, пребывающим в запасе, ответственность за самовольное оставление части или места службы наравне с военнослужащими-контрактниками.

УК РФ пополнился и новыми составами в виде добровольной сдачи в плен (ст. 352.1) и мародерства (ст. 356.1) в разделе преступлений против мира и безопасности человечества. Необходимость введения ст. 352.1 связана с текущим состоянием специальной военной операции. Длительное время ведения боевых действий, а также серьезные потери за последние 30 лет истории вооруженных конфликтов побуждают противника к агитации о сдаче солдат армии России в плен. Это производится различными способами: от испытанного временем распространения агитационных листовок до запуска целых проектов по обеспечению сопровождения предателя, начиная с изъявления желания сдаться и заканчивая переходом в окопы украинских воинских формирований. Случаи добровольной сдачи в плен могут деморализовать остальных военнослужащих и использоваться пропагандой неприятеля и их союзников для дискредитации боевых способностей Вооруженных Сил Российской Федерации. Более того, в дальнейшем пленник добровольно или после шантажа может перейти в коллаборационистские формирования, которые уже созданы, и стать боевой единицей неприятеля, что происходило и в годы Второй мировой войны.

Ввиду отсутствия до внесения поправок состава преступления «добровольная сдача в плен» существовали трудности в исследовании уголовно-правовой характеристики данного деяния [5]. В результате этого возникли и проблемы квалификации указанного состава, который можно было считать как дезертирством (ст. 338 УК РФ) [6], так и государственной изменой (ст. 275 УК РФ), отсылку к которой и имеет нынешняя ст. 352.1 УК РФ.

Дискуссионным остается и вопрос применения к военнослужащим положений УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, таких как крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, так как не ясно, исключает ли участие в боевых действиях превалирование такого блага, как жизнь, над остальными. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», к сожалению, не раскрывает данные обстоятельства.

В целом изменения и дополнения направлены на ликвидацию некоторых правовых пробелов, которые в нынешнее время стали как никогда актуальными, а также ужесточение ответственности с целью усиления общей превенции деяний, имеющих повышенную общественную опасность в условиях ведения боевых действий.

На первый взгляд, объемные изменения уголовного закона не охватили своей охраной такое важное и предусмотренное Конституцией России правоотношение, как исполнение гражданской обязанности по защите Отечества. До настоящего времени обязанность прибыть по повестке есть, а ответственности лиц, подлежащих мобилизации, за уклонение от нее нет. На данный момент составы, предусмотренные гл. 33 УК РФ, к уклонистам от мобилизации не могут быть применены. Исходя из ст. 331 УК РФ субъектами воинских преступлений могут быть только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Сейчас ответственность за неявку по повестке в период мобилизации предусмотрена лишь ст. 21.5 «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» и ст. 21.6 «Уклонение от медицинского обследования» КоАП РФ. Диспозиция ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы. Однако п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» предписано, что субъектами этого преступления являются граждане мужского пола, достигшие установленного законом возраста, с которого они подлежат призыву на военную службу, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, подлежащие в установленном законом порядке призыву на военную службу. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что после достижения предельного возраста призыва на военную службу уголовному преследованию за уклонение от призыва на военную службу могут подлежать только лица, совершившие это преступление до достижения ими указанного возраста, при условии, что не истекли сроки давности привлечения их к уголовной ответственности.

Таким образом, ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от срочной или альтернативной гражданской службы. В данный момент нет не только судебной, но и следственной практики за неоднократную неявку по повестке в военкомат без уважительных причин находящимся в запасе лицом в период мобилизации. Так, например, первое уголовное дело, возбужденное Зареченским межрайонным следственным отделом СУ СК России по Пензенской области 28 сентября 2022 г. за уклонение от призыва в период мобилизации, было прекращено в связи с признанием прокуратурой Пензенской области незаконным постановления о возбуждении [7]. Отсутствие ответственности подтвердил и глава ко-

митета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас: «Вопрос о необходимости внесения каких-либо изменений в законодательство в этой части подлежит детальному обсуждению с Государственной Думой» [8]. Сейчас гражданин может понести ответственность лишь в рамках ст. 337 УК РФ, если он прошел медицинскую комиссию, на него был издан приказ о зачислении в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации, но он решил сбежать, тем самым действительно совершив самовольное оставление части или места службы. Однако здесь солдат уже прошел этап призыва и потому не является уклонистом от мобилизационных мероприятий. В данный момент власти, официально успешно завершив частичную мобилизацию, вряд ли будут вносить изменения в УК РФ и вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда. Единственное, что сейчас восполняет данный пробел, – это прецедент Пензенской областной прокуратуры, поэтому необходимо внести определенность на уровне закона.

Создание и поддержание эффективной системы обороны являются залогом суверенитета и безопасности любого государства. Мобилизация на военную службу играет важную роль в обеспечении боеспособности вооруженных сил страны. Наличие уголовной ответственности за уклонение от призыва по мобилизации служит сдерживающим фактором для потенциальных уклонистов и содействует обеспечению обороноспособности страны.

Таким образом, для устранения правового пробела необходимо ввести уголовную ответственность за уклонение от призыва по мобилизации отдельной статьей УК РФ, ранжировав ответственность при совершении уклонения в военное время.

Предусмотренное в ст. 328 УК РФ наказание за совершение преступления в данных условиях не отвечает принципу соразмерности. Вносить изменения в Постановление Пленума Верховного Суда от 03.04.2008 № 3 в настоящее время нецелесообразно ввиду мягкого наказания, предусмотренного действующим законодательством, которое не отвечает принципу справедливости и не способно реализовывать предупредительную задачу. Предполагаем, что для некоторых лиц более привлекательным является понести наказание, нежели принять участие в военных действиях [9].

Заслуживает внимания в этой части опыт стран постсоветского пространства, к примеру Белоруссии. Так, ст. 435 УК Беларуси – аналог ст. 328 УК РФ – предусматривает ответственность за «уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу» в виде наказания общественными работами, или штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до 2 лет, или лишением свободы на тот же срок. При этом «уклонение от мероприятий по призыву на военную службу по мобилизации» в УК Беларуси выделено в отдельную статью (ст. 434) и наказывается уже лишением свободы на срок от 2 до 7 лет.

Статья 336 УК Украины за «уклонение от призыва на военную службу по мобилизации в особый период, на военную службу по призыву лиц из числа ре-

зервистов в особый период» предусматривает лишение свободы на срок от 3 до 5 лет. Считаем, что отнесение таких деяний к категории преступлений средней тяжести, как это закреплено в УК Украины, не соответствует реальному характеру общественной опасности данного деяния. Поэтому предлагаем взять в качестве ориентира советское уголовное законодательство. Статья 81 УК РСФСР 1960 г. за уклонение от призыва по мобилизации предусматривала лишение свободы на срок от 3 до 10 лет, но то же деяние, а также уклонение от дальнейших призывов для укомплектования Вооруженных Сил СССР, совершенные в военное время, наказывались уже лишением свободы на срок от 5 до 10 лет или смертной казнью.

Полагаем, что введение данного состава с аналогичным наказанием в виде лишения свободы сможет обеспечить серьезное отношение к необходимости исполнения мобилизационных мероприятий или создаст эффективную общую превенцию. Введение уголовной ответственности за уклонение от мобилизации будет способствовать равному и справедливому распределению бремени несения воинской обязанности для защиты интересов государства и его народа между гражданами. Это предотвратит безнаказанный уход от данной обязанности.

Также следует дифференцировать максимальные сроки наказания для уклонистов. Введение различных сроков наказания отражает тяжесть совершенного преступления и учитывает конкретные обстоятельства, при которых произошло уклонение. В период участия в вооруженном конфликте политическая ситуация в государстве становится более напряженной, а потребность в военнослужащих для защиты национальных интересов еще более острой. Так, ужесточение наказания за уклонение от службы в особые военные периоды является разумной мерой, призванной обеспечить выполнение гражданами своего долга перед Отечеством в период обострения угрозы национальной безопасности.

Поэтому предлагаем дополнить УК РФ ст. 328.1 «Уклонение от мероприятий по призыву на военную службу по мобилизации» следующим содержанием:

«1. Уклонение от призыва по мобилизации на военную службу в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации –

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

2. То же деяние, а также уклонение от дальнейших призывов для укомплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Конечно же, длительный срок лишения свободы и отнесение данного преступления к категории тяжких существенно сократят число уклонистов, но все же будут те, кто готов отбыть наказание в виде лишения свободы. В данной ситуации следует обратить внимание на ст. 46 УК РСФСР «Отсрочка исполнения

приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время» и закрепить аналогичный институт в УК РФ в виде ст. 82.2 с современными формулировками, отвечающими реалиям участия в военных противостояниях, а именно:

«1. В период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий суд может отсрочить реальное отбывание наказания, вынесенного в отношении военнослужащего или военнообязанного, подлежащего призыву или мобилизации, до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию, а именно с дальнейшей отправкой в зону боевых действий. Суд может в этих случаях отсрочить исполнение и дополнительных наказаний.

2. Если осужденный, направленный в действующую армию, был поощрен командиром в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации или награжден государственной наградой, то по представлению соответствующего военного командования суд может освободить его от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменить оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

3. Если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса».

Еще одной проблемой является халатное отношения на поле боя к продукции военно-промышленного комплекса. Так, по данным телеграм-канала «Военный Осведомитель» 24 февраля во время обеспечения высадки десанта на аэродром Гостомель вертолет Ка-52 был подбит из ПЗРК. Экипаж совершил вынужденную посадку в поле неподалеку от аэродрома и был успешно эвакуирован. Однако в дальнейшем борт пробыл на земле почти 40 дней до отступления ВС РФ из-под Киева, где впоследствии и был найден солдатами ВСУ. Каких-либо попыток эвакуации борта или хотя бы его уничтожения не предпринималось, в то время как украинцы вывозят даже обломки подбитой современной техники. Вертолет был оставлен со всей технической составляющей. После обнаружения противник увез его и, вероятнее всего, совместно со специалистами из стран НАТО приступил к его тщательному изучению [10].

Данная потеря как минимум может помочь врагу и его союзникам в борьбе с вертолетными подразделениями российской армии, а как максимум в дальнейшем содействовать развитию военного вертолетостроения и военно-промышленного комплекса противника в целом. В подтверждение возможности наступления данных последствий можно привести публикацию «Свободной прессы». Так, сбитый и поднятый со дна моря в марте 2023 г. американский БПЛА MQ-9 Reaper дал профильным подразделениям российского оборонного ведомства весомую информацию о характеристиках ряда критически важных

радиоэлектронных узлов данного разведывательно-ударного беспилотника [11].

Для предотвращения подобных последствий предлагаем ввести в УК РФ ст. 340.1, предполагающую такой состав, как «сдача или оставление противнику средств ведения войны», по аналогии с ним, как это сделали Казахстан и Украина, взяв формулировку из ст. 261 УК РСФСР.

Общественная опасность преступления «сдача или оставление врагу средств ведения войны» является очевидной, поскольку посягает на возможность начальника в любых условиях выполнять свои обязанности и решительно руководить действиями подчиненных в интересах военного правопорядка [12].

В советском законодательстве сдача противнику начальником вверенных ему военных сил, а равно не вызванное боевой обстановкой оставление противнику укреплений, боевой техники и других средств ведения войны, если указанные действия совершены не в целях содействия врагу, наказывались лишением свободы на срок от трех до десяти лет или смертной казнью.

В УК Украины данное деяние закреплено в ст. 427, которая аналогична вышеуказанной статье, за исключением наличия высшей меры наказания. В УК Казахстана та же диспозиция статьи, однако санкция предусматривает уже лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы с лишением гражданства Республики Казахстан или без такового.

Предлагаем дополнить УК РФ ст. 340.1 следующего содержания: «Сдача противнику начальником вверенных ему военных сил, а равно не вызывавшееся боевой обстановкой оставление противнику укреплений, боевой техники и других средств ведения войны при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 настоящего Кодекса».

Санкция при этом должна быть не мягче аналогичной нормы советского уголовного закона, за исключением смертной казни.

Подводя итог, следует отметить, что военная служба во время военных конфликтов имеет первостепенное значение для защиты жизненно важных интересов общества и государства, а потому и правовые отношения, связанные с ней, обладают особой важностью. Тема преступлений против военной службы как в целом, так и совершенных в период или в связи с мобилизацией остается актуальной в свете участия России в вооруженных конфликтах на пространстве бывшего Советского Союза и в других горячих точках мира. Все это требует постоянного комплексного исследования, в том числе с учетом современных вызовов и угроз в военной сфере.

Можно прогнозировать дальнейшее разрастание уголовного законодательства, которое не всегда успевает за меняющимися общественными отношениями, оставаясь несовершенным.

В частности, необходимо решить вопрос введения уголовной ответственности за уклонение от мобилизации, особенно когда страна нуждается в пополнении рядов вооруженных сил. Вероятно, в сложившейся сентябрьской социально-политической

конъюнктуре 2022 г. законодатель не хотел вводить сразу же уголовную ответственность за уклонение от мобилизации, чтобы не спровоцировать обострение внутривойсковой ситуации, связанной с неодобрением частью населения мобилизационных мероприятий, введенных впервые после Великой Отечественной войны. Однако в современной геополитической ситуации введение ответственности за уклонение от мобилизации необходимо для подготовки к возможным военным конфликтам большего масштаба, при которых качество проведения мобилизационных мероприятий на первых этапах войны способно сыграть решающую роль.

Для формирования ответственного отношения к продукту военно-промышленного комплекса и национальной безопасности непосредственно на поле боя требуется введение состава, предусматривающего наказание за необоснованную сдачу или оставление противнику средств ведения войны. Грамотное

обращение со средствами ведения боя не позволит противнику получить доступ к технологиям российского оружия.

Ужесточение ответственности за воинские преступления является обоснованным в плане создания превентивного эффекта для населения страны, который, несомненно, сработает в отношении той или иной части неустойчивых лиц, повысит бдительность органов власти.

Важно отметить, что совершение преступлений против военной службы в период мобилизации подрывает боевую готовность армии и создает угрозу национальной безопасности государства. Поэтому уголовно-правовая охрана военной службы в период мобилизации нуждается в дальнейшем совершенствовании на уровне как законодательства, так и правоприменительной практики с целью повышения уровня правовой защиты государственных интересов в военное время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // *Право в Вооруженных Силах*. 2017. № 5. С. 81–86.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 896 с.
3. В России вводят наказания за преступления во время военной операции и мобилизации / А. Никольский, М. Сидорова, Е. Мухаметишина, В. Сергеев. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/21/941797-prestupleniya-vo-vremya-voennoi-operatsii> (дата обращения: 08.07.2023).
4. Мусаев Х. А. Понятие и значение боевой обстановки в уголовном праве // *Общество и право*. 2014. № 1 (47). С. 107–110.
5. Агешин А. А. О некоторых уголовно-правовых и криминалистических аспектах добровольной сдачи в плен военнослужащих // *Вестник адъюнкта*. 2019. № 1 (3). С. 5.
6. Агешин А. А. К вопросу о добровольной сдаче в плен военнослужащих // *Вестник военного права*. 2019. № 1. С. 46–50.
7. Адвокат добился отмены постановления по делу об уклонении от мобилизации. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-otmeny-postanovleniya-po-delu-ob-uklonenii-ot-mobilizatsii/> (дата обращения: 08.07.2023).
8. Клишас: вопрос об уголовном наказании за отказ от мобилизации подлежит обсуждению с Думой. URL: <https://tass.ru/politika/15984327> (дата обращения: 08.07.2023).
9. Шалегин С. П. Пределы действия ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации в условиях мобилизационных мероприятий // *Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Минск, 10–11 ноября 2022 г.)*; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. Минск, 2023. 663 с.
10. Единственный трофейный Ка-52, попавший в руки ВСУ. URL: <https://t.me/milinfolive/94761> (дата обращения: 08.07.2023).
11. Американский «Жнец» сдал российским спецназом урожай военных секретов. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/367984/> (дата обращения: 08.07.2023).
12. Владимирова В. Витоки кримінальної відповідальності за здачу або залишення ворогові засобів ведення війни // *Підприємництво, господарство і право*. 2020. № 5. С. 242–245.

REFERENCES

1. Ermolovich Ya.N. On the recognition of the commission of a crime in conditions of armed conflict or military operations as a circumstance aggravating punishment. *Pravo v vooruzhennykh silakh = Law in the Armed Forces*, 2017, no 5, pp. 81–86. (In Russ.).
2. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Esakov G.A. Moscow, 2023. 896 p.
3. Nikol'skii A., Sidorova M., Mukhametishina E. et al. *V Rossii vvodyat nakazaniya za prestupleniya vo vremya voennoi operatsii i mobilizatsii* [Russia introduces penalties for crimes during military operations and mobilization]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/21/941797-prestupleniya-vo-vremya-voennoi-operatsii> (accessed July 8, 2023).
4. Musaev Kh.A. Definition and meaning of fighting situation in criminal law. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no 1(47), pp. 107–110. (In Russ.).
5. Ageshin A.A. Some criminal legal and criminalistic aspects of voluntary surrender of servicemen. *Vestnik ad'yunkta = Bulletin of the Adjunct*, 2019, no 1 (3), pp. 5.

6. Ageshin A.A. On the issue of voluntary surrender of servicemen. *Vestnik voennogo prava = Bulletin of War Law*, 2019, no 1, pp. 46–50. (In Russ.).
7. *Advokat dobilsya otmeny postanovleniya po delu ob ukloenii ot mobilizatsii* [The lawyer has achieved the cancellation of the decision in the case of evasion from mobilization]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-postanovleniya-po-delu-ob-ukloenii-ot-mobilizatsii/> (accessed July 8, 2023).
8. *Klishas: vopros ob ugovnom nakazanii za otkaz ot mobilizatsii podlezhit obsuzhdeniyu s Dumoi* [Klishas: the question of criminal punishment for refusal to mobilize its subject to discussion with the Duma]. Available at: <https://tass.ru/politika/15984327> (accessed July 8, 2023).
9. Shalegin S.P. Limits of Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation in the conditions of mobilization measures. In: Shidlovskii A.V. (Ed.). *Molodezhnaya yuridicheskaya nauka Alma Mater – 2022: materialy mezhdunar. nauch. konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Minsk, 10–11 noyabrya 2022 g.* [Youth legal science Alma Mater – 2022: proceedings of the international science conference of students, undergraduates and postgraduates, Minsk, November 10–11, 2022]. Minsk, 2023. 663 p.
10. *Edinstvennyi trofeinyi Ka-52, popavshii v ruki VSU* [The only captured Ka-52 that fell into the hands of the AFU]. Available at: <https://t.me/milinfofive/94761> (accessed July 8, 2023).
11. *Amerikanskii "Zhnets" sdal rossiiskim spetsam urozhai voennykh sekretov* [The American "Reaper" handed over to Russian specialists a harvest of military secrets]. Available at: <https://svpressa.ru/war21/article/367984/> (accessed July 8, 2023).
12. Vladimirova V. Vitoki kriminal'noi vidpovidal'nosti za zdachu abo zalishennya vorogovi zasobiv vedennya viini. *Pidpriemnitstvo, gospodarstvo i pravo*, 2020, no. 5, pp. 242–245.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА УТОРОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

СТЕПАН ПАВЛОВИЧ ШАЛЕГИН – студент 3 курса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

TAT'YANA N. UTOROVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

STEPAN P. SHALEGIN – 3rd year student of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Статья поступила 10.07.2023

Уголовная регистрация на службе пенитенциарной системе

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, затрагиваемые в диссертациях, защищаемых в диссертационных советах при образовательных и научных организациях ФСИН России. Особое внимание уделяется использованию персональных биометрических данных лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Анализируется довольно продолжительная историческая ретроспектива применения уголовной регистрации в пенитенциарной практике. Эта работа оценивается с точки зрения получения результатов оперативно-розыскной деятельности и позиционируется как информационная основа оперативно-розыскной идентификации. Оценивается правовая база современной уголовной регистрации в уголовно-исполнительной системе. Рассматриваются современные аппаратно-программные комплексы, предназначенные для идентификации личности, а также вопросы взаимодействия ФСИН России с другими ведомствами, в первую очередь органами внутренних дел, в решении данных вопросов. *Цель:* на основе ретроспективного анализа сущности и содержания уголовной регистрации в уголовно-исполнительной системе сформулировать вывод о перспективах ее развития в современный период и на обозримую перспективу. *Методы:* всеобщий метод познания – диалектический материализм, основывающийся на законах диалектики; формально-логические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия; общенаучные методы – наблюдение, сравнение, описание и др.; частнонаучный метод исторической аналогии. *Результаты:* анализ развития уголовной регистрации в пенитенциарной системе показывает, что дальнейшее совершенствование этого направления информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности связывается с применением современной аппаратно-программной базы и налаживанием тесного межведомственного взаимодействия. *Выводы:* современной российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить дальнейшее развитие уголовной регистрации с учетом опыта, накопленного в этой области другими правоохранительными органами и спецслужбами, в том числе зарубежными. Необходимо также инициировать принятие нормативно-правовых актов, регулирующих межведомственное взаимодействие в рассматриваемой области.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; уголовная регистрация; пенитенциарное законодательство; персональные биометрические данные; оперативно-розыскная идентификация; межведомственное взаимодействие.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н. Уголовная регистрация на службе пенитенциарной системе // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 398–408. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.007.

Original article

Criminal Registration in the Service of the Penitentiary System

EVGENII N. YAKOVETS Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: the article deals with problems of information and analytical support of law enforcement intelligence operations conducted by bodies and institutions of the penal system, considered in dissertations defended in dissertation councils at educational and scientific organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Specific attention is paid to the use of personal biometric data of persons held in places of deprivation of liberty. The author analyzes a fairly long historical retrospective of the use of criminal registration in penitentiary practice. This work is evaluated from the point of view of obtaining results of law enforcement intelligence operations and is positioned as an informational basis for operational investigative identification. The legal basis of modern criminal registration in the penal system is evaluated. The author also considers modern hardware and software complexes designed for personal identification, as well as issues of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and other departments, primarily internal affairs bodies, in addressing these issues. *Purpose:* based on a retrospective analysis of the essence and content of criminal registration in the penal system, to make a conclusion about prospects for its development in the modern period and foreseeable future. *Methods:* universal method of cognition – dialectical materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; and private scientific method of historical analogy. *Results:* the analysis of the criminal registration development in the penitentiary system shows that further improvement of this area of information support for operational investigative activities is associated with the use of modern hardware and software and the establishment of close interdepartmental interaction. *Conclusions:* the modern Russian penal system needs to ensure further development of criminal registration, taking into account the experience gained in this area by other law enforcement agencies and special services, including foreign ones. It is also necessary to initiate the adoption of normative legal acts regulating interdepartmental interaction in the field under consideration.

Keywords: penal system; criminal registration; penitentiary legislation; personal biometric data; operational search identification; interdepartmental interaction.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N. Criminal registration in the service of the penitentiary system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 398–408. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.007.

Введение

Автору данной статьи неоднократно доводилось выступать в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, где в том или ином аспекте затрагивались проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Эти научные исследования носили, как правило, закрытый характер, в связи с чем названия последних, а также данные их авторов в данной статье не приводятся. Тем не менее некоторые вопросы в рамках открытой публикации рассмотреть возможно.

Речь пойдет о проблемах уголовной регистрации арестованных и осужденных в условиях их содержания в учреждениях ФСИН России. К сожалению, практически все соискатели в ходе своих научных исследований в той или иной мере дистанцируются от рассмотрения вопросов, связанных с получением персональных биометрических данных указанных

категорий лиц. Слабо разработаны и вопросы организации информационного взаимодействия в этом аспекте с другими правоохранительными органами и спецслужбами, заинтересованными в создании единого идентификационного учета представителей криминалитета.

Краткая историческая ретроспектива применения уголовной регистрации

При рассмотрении ранних стадий развития информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы соискатели по непонятным причинам упускали из вида то обстоятельство, что основные виды и методы уголовной регистрации зародились именно в местах лишения свободы и применялись исключительно для постановки на криминалистический учет осужденных. Лишь позднее, после их апробации в тюремной системе, они стали заимствоваться полицией и другими правоохранительными органами для установления и розыска подозреваемых.

Как известно, родоначальником уголовной регистрации в пенитенциарной системе явился англичанин Дж. Уилкинсон, который в 1774 г. издал двухтомный «Справочник Ньюгейтской тюрьмы» с подробным описанием наиболее тяжких преступлений, совершенных ее обитателями в XVII–XVIII вв. Подобные справочники впоследствии стали издаваться и другими тюрьмами Англии [1, с. 241]. Аналогичный реестр лиц, подвергшихся уголовному наказанию, был введен во второй половине XVIII в. и парижской префектурой. В 1790 г. этот реестр был реорганизован в особое бюро справок. По действовавшему тогда закону в каждом французском исправительном суде заводился свой уголовный реестр, составлявшийся в алфавитном порядке. Подобные справочники или картотеки со сведениями об осужденных и подследственных, в частности картотеки предварительной регистрации и розыска, получили распространение и в других странах [2, с. 9].

Указанные организационные меры способствовали в дальнейшем разработке метода уголовной регистрации по способам совершения преступлений (*modus operandi*), который был широко востребован пенитенциарной и полицейской практикой, поскольку демонстрировал высокую эффективность в процессе установления преступников-профессионалов, особенно «гастролеров».

В 1860 г. начальник тюрьмы в г. Лувене (Бельгия) Стивенс для опознания заключенных ввел в их регистрационные карты результаты измерений определенных частей тела. Он приказал своим подчиненным фиксировать размеры головы, ушей, ног, груди, а также длину тела осужденных [3]. По сути, эта мера явилась прологом к созданию научного антропометрического метода уголовной регистрации, разработанного в 1882 г. французским криминалистом А. Бертильоном, который в 1885 г. в дополнение к антропометрии разработал также метод словесного портрета (*Portrait Parle*), а в развитие последнего создал особую, так называемую опознавательную или сигналетическую фотографию, для классификации которой использовал схему составления словесного портрета [4, с. 22–23]. В 1888 г. система Бертильона получила одобрение правительства и стала распространяться в пенитенциарных учреждениях и уголовной полиции Франции, а также других стран [2, с. 22].

Примерно в этот же период английский чиновник У. Гершель, работавший в Индии, впервые предложил использовать для идентификации заключенных в одной из индийских тюрем отпечатки пальцев рук, которые начали на регулярной основе получать в ходе регистрации последних [5, с. 32–36]. Почти одновременно с Гершелем к выводу о возможности использования отпечатков пальцев рук для установления личности заключенных пришел и английский физиолог Г. Фольдс, работавший в Японии. Несколько позже этой проблемой на фундаментальном уровне занялся и английский ученый-естествоиспытатель Ф. Гальтон. В 1895 г. система Гальтона приобрела в Англии официальное признание, получив название «дактилоскопия», и в сочетании с антропометрией

стала широко использоваться для регистрации преступников [6, с. 243–258].

В процессе уголовной регистрации накапливалась система знаний, отображавшая морфологические признаки лиц, совершавших противоправные деяния. Полученные сведения использовались для отождествления последних в случае совершения ими новых преступлений. К началу XX в. все указанные выше научные методы уголовной регистрации преступников начали применяться и в Российской империи. В использовании ее результатов были крайне заинтересованы в первую очередь полицейские и служащие тюремного ведомства. В 1907–1910 гг. в недрах Департамента полиции МВД Российской империи стали появляться специализированные структуры – регистрационные бюро, призванные наряду с систематическим сбором данных о конкретных преступниках и совершавшихся преступлениях проводить регулярный анализ иных поступавших к ним сведений криминального характера.

Активизация деятельности регистрационных бюро сыскной полиции в этот период была связана со вступлением в силу Закона Российской империи от 06.06.1908 «Об организации сыскной части», который предписывал «в составе полицейских управлений Империи образовать сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам уголовного характера, как в городах, так и в уездах». Сыскные отделения были созданы в 89 крупных губернских и уездных центрах России. Их внутренняя структура определялась «Инструкцией чинам сыскных отделений российской полиции», изданной 9 августа 1910 г. В § 29 данной инструкции отмечалось, что «главную часть внутренней организации сыскного отделения составляет справочное регистрационное бюро». В § 30 определялся подробный регламент их работы.

Однако еще раньше уголовная регистрация преступников, связанная главным образом с применением дактилоскопии, была официально введена в российской пенитенциарной службе. С целью ознакомления с системой дактилоскопической регистрации в 1906 г. в Германию были командированы чиновники тюремного ведомства, представившие по возвращении в Россию доклад, в котором были наглядно показаны преимущества данного метода. В итоге 16 декабря 1906 г. по распоряжению министра юстиции И. Г. Щегловитова при Главном тюремном управлении было создано Центральное дактилоскопическое бюро (ЦДБ) под руководством Н. Ф. Лучинского, а также утверждены «Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков», в соответствии с которыми обязательному дактилоскопированию подлежали лица, обвинявшиеся в тяжких преступлениях и бродяжничестве [7].

Для Центрального дактилоскопического бюро в здании Главного тюремного управления было выделено специальное помещение, в котором располагались 4 шкафа с 24 ящиками в каждом для хранения дактилокарт и один шкаф с 24 ящиками для алфавитной картотеки, содержавшей анкетные и антропометрические данные заключенных, а также их фотогра-

фии, изготовленные по правилам сигналетической фотосъемки. Были заготовлены 1024 папки, лупы, буквенные и цифровые знаки, а также другие канцелярские материалы. В мастерских Петербургской одиночной тюрьмы было изготовлено около тысячи комплектов дактилоскопических принадлежностей (металлическая пластинка на дереве, каучуковый валик, коробка с типографской краской), а также отпечатано до 10 тыс. экземпляров бланков дактилоскопических листков и необходимое количество инструкций.

Данные комплекты вместе с указанными выше правилами были разосланы губернаторам и градоначальникам в соответствии с количеством мест заключения в качестве приложения к циркуляру Министерства юстиции от 30.12.1906 № 32 «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников». В нем сообщалось об успешном применении дактилоскопии и ее преимуществах по сравнению с другими видами уголовной регистрации (антропометрией и словесным портретом) в борьбе с рецидивной преступностью и бродяжничеством. В циркуляре также говорилось о необходимости создания в Центральном дактилоскопическом бюро единого централизованного дактилоскопического учета всех осужденных [8]. Бюро фактически осуществляло комплексную уголовную регистрацию осужденных и тесным образом взаимодействовало с Центральным регистрационным бюро Департамента полиции Министерства внутренних дел, созданным 9 апреля 1907 г.

Таким образом, именно тюремная система явилась колыбелью, если так можно выразиться, уголовной регистрации в мировой криминалистической практике, и именно она предопределила дальнейшее использование соответствующих результатов Департаментом полиции МВД, Отдельным корпусом пограничной стражи, Департаментом таможенных сборов Министерства финансов и другими силовыми структурами Российской империи. И это не случайно, поскольку в местах лишения свободы объективно существуют все необходимые организационно-правовые предпосылки для уголовной регистрации в интересах как уголовно-исполнительной системы, так и других силовых ведомств.

Кстати, так называемые донаучные методы уголовной регистрации – калечение (отсечение у осужденных определенных частей тела) и клеймение – одновременно выполняли две основные функции: дополнительное наказание за содеянное и выделение среди общей людской массы криминально опасных лиц [9, с. 20–21], что косвенно свидетельствовало об общих интересах карательных и пенитенциарных органов.

Известный советский ученый-криминалист И. Н. Якимов в качестве базиса для систематизации учетно-регистрационной информации в период бурного развития уголовной регистрации выделял основные элементы состава преступления – субъект, объект и преступное деяние. Он же подразделял учетно-регистрационную информацию на три основные группы.

В первую группу (сведения, характеризующие личность преступника) ученый включал материалы дактилоскопии, антропометрии, словесного описания портрета и сигналетической фотосъемки, а также так называемых малопрактикуемых методов регистрации (особые приметы; отпечатки ладоней; данные на лиц, ранее судимых, привлекаемых к расследованию, разыскиваемых, отбывающих наказание и подвергаемых приводу; клички и прозвища).

Ко второй группе учетно-регистрационной информации (сведения, характеризующие признаки объекта преступления) были отнесены материалы, касающиеся так называемых парных систем – предметов, добытых преступным путем, и потерпевших, неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести, и др.

Третью группу учетно-регистрационных данных (сведения, характеризующие признаки преступного деяния) составляли материалы, относившиеся к классификации преступлений по их видам, категориям, способам совершения, приемам и почерку [10, с. 29, 97–98].

Эти принципы применительно к систематизации учетно-регистрационных данных во многом актуальны и сегодня. К сожалению, в последующие периоды развития отечественной криминалистической науки, а затем и теории оперативно-розыскной деятельности многие научные подходы, связанные с комплексной уголовной регистрацией, были во многом утрачены [11, с. 174–176], а единый для всех силовых структур оперативно-розыскной учет, в котором должны содержаться персональные биометрические данные уголовно-преступного элемента, так и не был создан.

Уголовная регистрация и результаты оперативно-розыскной деятельности

В отдельных оппонировавшихся диссертациях данные, получаемые в ходе уголовной регистрации, не связывались соискателями с понятием результатов оперативно-розыскной деятельности, хотя именно таковыми по существу они и являются. Кроме того, рассматривая сущность учетно-регистрационной информации, используемой в деятельности оперативных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, диссертанты, как правило, рассуждали об информации вообще, не раскрывая при этом ее конкретного содержания.

Для того чтобы разобраться в этих вопросах, следует кратко коснуться сущности как учетно-регистрационной информации, так и самой современной уголовной регистрации. Понятие учетно-регистрационной информации (сведений, данных) основано на двуединстве ее самой и материального носителя, на котором она отображается в виде символов, знаков, букв, волн или другими способами. В результате документирования происходит как бы материализация и овеществление информации, которая закрепляется (фиксируется) на материальном носителе или привязывается к нему, обособляясь при этом от своего создателя [12, с. 23–24].

Содержание любой оперативной информации (и учетно-регистрационные сведения в данном случае не исключение) отражает состояние зафиксирован-

ных на материальных носителях объектов, представляющих оперативно-розыскной интерес. Внешним проявлением отображаемых объектов является совокупность их признаков (характерных особенностей). Поэтому уголовная регистрация, производимая в сфере правоохранительной деятельности, должна осуществляться в соответствии с требованиями криминалистической науки и теории оперативно-розыскной деятельности, где выделяется ряд категорий объектов, информация о которых должна накапливаться и в дальнейшем анализироваться в целях противодействия преступности. В первую очередь это физические лица, предметы (в том числе сложные), трупы, животные, вещества, здания, сооружения, участки местности, события, явления, психические акты человека. Представляется, что по каждому направлению правоохранительной деятельности сущность и совокупность этих объектов могут уточняться, исходя из компетенции того или иного ведомства.

Состояние отображаемых объектов, которое, собственно, и является предметом оперативно-розыскного анализа, характеризуется изменением совокупности присущих статических и динамических признаков, без изучения которых невозможно вести речь об обработке, фиксации и дальнейшем анализе поступающей информации, включая и такую ее разновидность, как учетно-регистрационные данные. В этой связи нельзя утверждать, как отмечали некоторые соискатели, что системой признаков обладает в целом информация, используемая в сфере оперативно-розыскной деятельности. Конкретным набором характерных особенностей обладает не информация, а объекты, фигурирующие в определенной информации. Причем конкретный признак того или иного объекта следует рассматривать в качестве единицы информации, связывающей его с субъектом оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, именно изучение признаков позволяет последнему анализировать состояние того или иного объекта.

Вполне очевидно, что выбор носителя учетно-регистрационных данных определяется методом уголовной регистрации. Как уже отмечалось, в донаучный период результаты уголовной регистрации отображались непосредственно на теле осужденного. На ранней стадии развития криминалистической науки, нацеленной, прежде всего, на обеспечение эффективности розыскной деятельности и идентификацию задержанных и осужденных преступников, практиковались такие методы, как антропометрия, дактилоскопия, словесный портрет, сигналетическая фотосъемка и метод уголовной регистрации по способам совершения преступления, результаты которых отображались на бумажных носителях. Сегодня специалисты используют для фиксации подобной информации аудио-, видео-, фото- компьютерную (цифровую) запись и другие современные виды фиксации информации, предусматривающие использование соответствующих носителей, которые обеспечивают более эффективную интеграцию и изучение учетно-регистрационных данных.

Представляется закономерным, что в ходе уголовной регистрации, осуществляемой в интересах оперативно-розыскной деятельности, могут использоваться как легальные, так и оперативные способы получения учетно-регистрационных данных, в связи с чем она может носить гласный или негласный (зашифрованный) характер.

Уголовная регистрация предполагает следующие основные стадии: поиск и сбор учетно-регистрационной информации (то есть получение либо добывание необходимых сведений посредством исследования определенных информационных полей). После завершения данных процессов полученная регистрационная информация поступает на обработку (индексирование) к сотрудникам, занимающимся формированием оперативно-розыскного учета. В данной связи крайне важно, чтобы представляемые сведения содержали хотя бы минимальный объем регистрационных признаков для индексирования (отбора необходимого и достаточного количества последних) и дальнейшей их фиксации, то есть закрепления на соответствующих материальных носителях.

Целью уголовной регистрации в оперативно-розыскной деятельности является создание ее субъектами с использованием соответствующих методов и способов учетно-регистрационных документов, фиксирующих объекты оперативной заинтересованности при условии достаточности числа их регистрационных признаков, которые предназначены для размещения в оперативно-розыском учете.

Учетно-регистрационные документы, поступающие в этот информационный массив, являются не чем иным, как задокументированными результатами оперативно-розыскной деятельности, которые могут быть получены как гласным, так и негласным (зашифрованным) путем.

Результаты уголовной регистрации как информационная основа оперативно-розыскной идентификации

В ходе анализа сущности и содержания информационно-аналитического сопровождения оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы соискателями нередко выделялась практически единственная форма аналитической работы – прогнозирование изменений оперативной обстановки, практикуемое для подготовки обзоров, рекомендаций, информационных бюллетеней и т. п. Подобный подход заметно снижает возможности аналитической деятельности, поскольку наряду с организационно-аналитическим объективно существует и другое, наиболее важное направление аналитической деятельности – оперативно-розыскной анализ, объектами которого являются криминогенно активные лица и противоправные деяния. В этом контексте весьма значимой является такая формы аналитической работы, как оперативно-розыскная идентификация [11, с. 69–86]. Именно для ее обеспечения и необходима уголовная регистрация. Причем, по авторитетному мнению профессора Т. А. Седовой, главным объектом любых идентификационных исследований как в криминалистике, так и в оперативно-розыскной деятельности, по отношению к ко-

торому все прочие объекты идентификации играют второстепенную роль, является их обладатель или пользователь – человек [13, с. 86].

Оперативно-розыскная идентификация представляет собой форму аналитической работы оперативных подразделений, в том числе органов и учреждений ФСИН России, которая заключается в соотношении признаков идентифицируемых объектов, представляющих интерес для решения задач оперативно-розыскной деятельности, с идентифицируемыми объектами – отображениями устойчивых признаков физических лиц, предметов, документов, событий и др. на соответствующих носителях в виде следов, изображений, мысленных образов, описаний – и установлении на этой основе тождества, различия или групповой принадлежности этих объектов. При осуществлении оперативно-розыскных мероприятий идентификационного характера могут использоваться криминалистические и другие научные методы исследования. Субъектом оперативно-розыскной идентификации может являться исключительно субъект оперативно-розыскной деятельности, а ее результаты можно рассматривать в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности с двух позиций:

1) они могут играть вспомогательную роль, лишь указывая дознанию, следствию или суду, где и как искать источники фактических данных процессуальным путем;

2) при определенных условиях они могут являться поводом и основанием для возбуждения уголовных дел, а также основой для получения дополнительных доказательств по уже возбужденным уголовным делам (п. 6, 14 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд; ст. 11 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В этой связи достаточно сложно согласиться с высказываниями некоторых диссертантов относительно допустимости использования в определенных случаях результатов идентификационной деятельности оперативными подразделениями органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в качестве доказательств по уголовным делам без процессуальной проверки последних. С целью использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, они должны пройти обязательную процессуальную проверку посредством проведения необходимых следственных действий. Образно выражаясь, их в этом случае необходимо пропустить через «сито процессуальных действий» с тем, чтобы в соответствии с положениями ст. 84 УПК РФ они могли быть приняты органами предварительного расследования или судом в качестве доказательств.

Оперативно-розыскная идентификация заключается в проведении одного из следующих оперативно-

розыскных мероприятий: исследование предметов и документов (в части проведения идентификационных исследований); отождествление личности; наведение справок в учетах. Причем каждое из них может являться элементом любого другого оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного ч. 1 ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также того или иного оперативно-розыскного метода.

Наиболее распространенным видом оперативно-розыскной идентификации в деятельности оперативных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы является отождествление личности, которое базируется на теоретических основах частной криминалистической теории – габитоскопии. Наряду с различными видами экспертиз последняя систематизирует формы отображения внешнего облика человека (мысленные образы, материальные субъективные отображения, изображения человека и др.), а также все специальные технико-криминалистические средства и методы собирания данных о внешнем облике человека (составление словесного портрета, изготовление субъективных портретов, посмертных масок и т. д.). Ее методы широко используются как в криминалистической практике, так и в оперативно-розыскной деятельности.

Следует констатировать, что диссертантами в значении отождествления личности нередко ошибочно используется термин «распознавание» («оперативное распознавание»), который не носит идентификационного характера, а обозначает один из видов оперативно-розыскной диагностики.

Следует подчеркнуть, что объекты оперативного распознавания заранее не известны оперативному сотруднику, осуществляющему их установление в ходе оперативного поиска. Он располагает лишь стереотипным перечнем статических и динамических признаков, которые характерны для изучаемой категории объектов. Этим данный метод, также имеющий эмпирический характер, принципиально отличается от отождествления личности, в ходе которого признаки идентифицируемого объекта, зафиксированные в памяти или на определенных отображениях, оперативному сотруднику известны заранее.

В местах лишения свободы, например, можно говорить о распознавании преступной квалификации и криминального опыта того или иного заключенного, а также отношения последнего к той или иной иерархической группе в зависимости от его авторитета и реального влияния в криминальной среде [14, с. 19] по нанесенным на его тело татуировкам.

Правовая основа современной уголовной регистрации

Если в анализируемых выше диссертациях необходимость создания в местах лишения свободы баз персональных биометрических данных подследственных и осужденных все же признавалась, то возможность осуществления этой меры тем не менее ставилась под сомнение вследствие комплекса ограничений, предусмотренных нормативными правовыми актами, действующими в сфере обеспечения информационной безопасности. Вместе с тем это

утверждение не вполне оправданно. Правовая основа уголовной регистрации существует и является достаточно универсальной. Не располагая возможностью подробного ее анализа ввиду ограниченного объема данной статьи, отметим лишь, что нормативные правовые источники, регламентирующие применение информационных технологий, связанных с ней, а также с формированием оперативно-розыскного учета для решения задач в сфере оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы, подразделяются на четыре основные категории. Первая группа объединяет международные нормативные правовые акты, легитимизирующие использование персональных данных в интересах правоохранительной деятельности; вторая – основные федеральные законы, направленные на создание информационной основы правоохранительных органов (сюда же следует отнести и те законы, которые вводят основные понятия, связанные с этим процессом); третья – федеральные законы, имеющие отношение к созданию информационной основы оперативно-розыскной деятельности непосредственно в органах и учреждениях ФСИН России; четвертая – подзаконные и ведомственные (межведомственные) нормативные правовые акты, имеющие отношение к деятельности правоохранительных органов (включая и органы уголовно-исполнительной системы) в области создания оперативно-розыскного учета.

Объектами правового регулирования во всех этих случаях являются сами информационные технологии, а также получаемая и накапливаемая при этом учетно-регистрационная информация. Наибольший интерес в рассматриваемом аспекте представляют положения ст. 10, 11, 14 и 22 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», где отмечается, что обработка персональных данных граждан, включая их специальные и биометрические категории, может осуществляться без согласия их субъектов в целом ряде случаев, в том числе предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, безопасности, противодействию терроризму, коррупции, транспортной безопасности, оперативно-розыскной деятельности, об исполнительном производстве, а также уголовно-исполнительным законодательством. Кроме того, право субъектов на доступ к своим персональным данным может быть ограничено в случаях, если обработка персональных данных, включая персональные данные, полученные в результате оперативно-розыскной, контрразведывательной и разведывательной деятельности, осуществляется в целях обороны, безопасности государства и охраны правопорядка. По этим же основаниям не требуется регистрация подобных баз данных в Роскомнадзоре.

Отдельно следует выделить положения п. «ж» ст. 9 Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», где отмечается, что граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления, осужденные за совершение преступле-

ния, подлежат обязательной дактилоскопической регистрации.

Согласно положениям Федерального закона от 06.02.2023 № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной геномной регистрации в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» обязательной геномной регистрации теперь подлежат все без исключения категории лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, а также все лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений (п. 1, 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»).

Согласно ст. 9 указанного закона обязательная государственная геномная регистрация лиц, определенных в п. 1 ч. 1 ст. 7, проводится учреждениями, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, совместно с подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, к компетенции которых относится указанный вид деятельности.

Безусловно, следует упомянуть в рассматриваемом контексте и Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», в п. 7 ст. 14 которого отмечается, что учреждениям, исполняющим наказания, предоставляется право осуществлять регистрацию осужденных, а также их фотографирование, звукозапись, кино- и видеосъемку и дактилоскопирование.

Таким образом, при наличии достаточных оснований государственные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, включая органы уголовно-исполнительной системы, вправе осуществлять поиск, сбор, добытие, хранение, обработку и предоставление информации, в том числе конфиденциальной и подпадающей под специальные режимы регулирования, которая касается различных объектов оперативно-розыскной деятельности. Непременными условиями для вовлечения таких сведений в информационные технологии должны являться, во-первых, гарантированное соблюдение статуса последних как информации ограниченного доступа и, во-вторых, соответствующие правовые основания их получения и использования. Эти условия конкретизируются в ведомственных нормативных правовых актах, которые носят закрытый характер и в рамках данной статьи не рассматриваются.

Вместе с тем достаточно серьезной проблемой остается на сегодняшний день отсутствие правового регулирования, связанного с формированием единого для всех оперативно-розыскных органов интегрированного банка данных оперативно-розыскного назначения (ИБДОРН), включающего персональные биометрические данные представителей криминалитета.

Современные аппаратно-программные комплексы для идентификации личности и вопросы межведомственного взаимодействия в данной сфере

В диссертациях, которые были представлены для подготовки отзыва официального оппонента, далеко

не всегда рассматривалась проблема использования современных аппаратно-программных средств, способных осуществлять в режиме реального времени оперативное распознавание противоправных деяний в учреждениях уголовно-исполнительной системы и отождествление участвующих в них злоумышленников по их статическим и динамическим признакам. Подобные комплексы, основанные на применении искусственного интеллекта, анализирующего персональные биометрические данные, уже используются российскими и зарубежными правоохранительными органами для борьбы с уголовными, экономическими, таможенными и другими преступлениями, а также с целью задержания подозреваемых, находящихся в розыске. Поэтому было бы вполне оправданным шире внедрять их и в деятельность учреждений ФСИН России для обеспечения постоянного контроля за поведением арестованных и осужденных [15, с. 150]. В данной связи следует подчеркнуть, что с помощью автоматизированных логико-аналитических систем (АЛАС) могут распознаваться и идентифицироваться не только физические лица, но и нематериальные объекты – события, явления, психические акты человека, характеризующиеся набором особых идентификационных признаков. Данное обстоятельство способствует определению криминалистически значимых оснований для систематизации совершаемых в учреждениях преступлений с учетом конкретного места последних в их родовой системе [16, с. 180].

Как уже отмечалось, диссертантами недостаточно четко формулировались принципы межведомственного информационного взаимодействия в целях создания единого оперативно-розыскного учета, систематизирующего персональные биометрические данные лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. В этой связи следует подчеркнуть, что в постсоветский период наиболее грамотно с научной точки зрения осуществление уголовной регистрации было организовано в специализированных подразделениях ГУ МВД России по г. Москве. В середине 1990-х гг., когда осуществлялось их создание и становление, последние назывались информационно-аналитическими подразделениями криминальной милиции. В 2003 г. они были переименованы в подразделения оперативно-розыскной информации. В начальный период на всех уровнях службы криминальной милиции ГУВД г. Москвы (город – административный округ – муниципальный район) были созданы автоматизированные банки оперативно-розыскной и иной информации, в том числе содержавшие персональные биометрические данные лиц, представлявших оперативный интерес. В целях обеспечения комплексной уголовной регистрации последних в муниципальных ОВД создавались кабинеты уголовной регистрации личности. В целом по городу для целей уголовной регистрации было задействовано около 450 сотрудников. Во всех окружных УВД трудилось около 120 сотрудников. В головной структуре – Информационно-аналитическом отделе КМ ГУВД г. Москвы – работало 25 чел.

В главке был развернут автоматизированный программный комплекс (АПК) «Криминал», состоявший

из автоматизированной системы оперативной дактилоскопической идентификации (АСОДИ) «Узор-3», автоматизированной системы оперативной портретной идентификации (АСОПИ) «Фигурант», рассчитанных на размещение учетно-регистрационных данных в отношении 100–200 тыс. подучетных лиц, а также АЛАС «Криминал», позволявшей в режиме реального времени проводить аналитическую обработку свыше миллиона полнотекстовых документов на естественном русском и иностранных языках. Здесь же формировался банк данных на членов организованных преступных формирований, преступников-гастролеров, лиц, совершивших серийные преступления, а также без вести пропавших.

На уровне ОУВД планировалось развернуть АПК «Криминал», состоявший из АСОДИ «Узор-3» и АСОПИ «Фигурант», рассчитанных на размещение учетно-регистрационных данных в отношении 50–60 тыс. фигурантов, а также АЛАС «Криминал», позволяющей в режиме реального времени проводить аналитическую обработку свыше 500 тыс. полнотекстовых документов. В окружных УВД планировалось сформировать банк данных на лиц, проживавших на территории округа или имевших к ней притяжение, ранее судимых либо проходивших по оперативной информации.

В муниципальных ОВД предусматривалось оснащение кабинетов уголовной регистрации специализированным оборудованием для сигналетической фотосъемки и дактилоскопирования. В этом же кабинете должен был размещаться одномашинный сетевой вариант АСОПИ «Фигурант».

Предполагалось, что автоматизированные аппаратно-программные комплексы, размещенные в ГУВД г. Москвы, окружных УВД и муниципальных ОВД, благодаря подключению к оптоволоконной сети составят единое информационное пространство московской криминальной милиции, в результате чего процесс установления подозреваемых по конкретным преступлениям значительно ускорится. Специалисты подсчитали, что одновременное комплексное внедрение указанных систем позволило бы поставить на оперативный учет в масштабе города более 600 тыс. криминальных элементов. В дальнейшем объем интегрированного банка данных планировалось довести до 1,5 млн подучетных лиц. По самым осторожным прогнозам, через полтора года после ввода данной системы в эксплуатацию реальную раскрываемость преступлений в городе удалось бы повысить на 10–15 %.

Многие из этих подходов были реализованы и продолжают применяться в деятельности подразделений оперативно-розыскной информации г. Москвы. Некоторые проблемы в силу ряда объективных и субъективных причин решить не удалось. Вместе с тем на всех этапах становления данной методики проведения уголовной регистрации, которая, кстати, была заимствована у регистрационных бюро сыскной полиции Российской империи, изыскивались возможности обеспечения координации в этом плане с оперативными подразделениями ФСИН России. Для установления подобного взаимодействия

в некоторые территориальные органы уголовно-исполнительной системы направлялись сотрудники Управления оперативно-розыскной информации МВД России. Впрочем, эти контакты в силу межведомственной разобщенности не привели к каким-либо результатам. Следует отметить, что во второй половине 1990-х гг., когда уголовно-исполнительная система организационно еще входила в состав МВД России, специалистами Главного управления уголовного розыска и Главного управления исполнения наказаний вопросы, связанные с созданием совместного учета, практически были согласованы в рамках проекта соответствующего приказа министерства. Однако в 1998 г. ГУИН в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 28.07.1998 № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» было передано в состав Минюста России, в связи с чем данный вопрос автоматически был снят с повестки дня и в дальнейшем при разработке межведомственных приказов не поднимался.

Как уже отмечалось, в целом межведомственное информационное взаимодействие российских правоохранительных органов и спецслужб организовано на недостаточно высоком уровне, чего нельзя сказать о зарубежной практике. Следует отметить, что государства, входящие в Европейский Союз, уже давно организовали единую межведомственную систему учета оперативно значимых сведений. Для этого в каждом из этих государств создан централизованный банк электронных данных, в котором наряду с криминалистической и криминологической информацией хранятся сведения о лицах и событиях, представляющих оперативный интерес. Каждый правоохранительный орган или спецслужба государства – члена Европейского Союза, имея компьютерную связь с централизованным банком данных, располагает возможностью постоянного получения необходимых сведений, использование которых является, по мнению некоторых специалистов, даже эффективнее мер пограничного контроля. Таким образом, Запад интенсивно развивает структуры, позволяющие осуществлять эффективную полицейскую разведку [17, с. 224].

Интеграцией сведений, представляющих оперативный интерес для различных силовых ведомств, в каждом европейском государстве занимается Национальный департамент по оперативным данным (НДОД). Он укомплектован представителями различных правоохранительных органов и спецслужб (пограничная служба, исправительные учреждения, таможенные органы, финансовая разведка, береговая охрана, полиция, службы разведки и безопасности, налоговые органы и др.), которые в рамках применяемой в Европейском Союзе модели полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации (ПДОДИ) имеют доступ к оперативным сведениям своего ведомства и правомочны осуществлять информационный обмен с представителями других заинтересованных структур, представленных

в НДОД. Последний также отвечает за ведение национальной базы оперативных данных о преступности и проведение стратегического и оперативного анализа, включая оценку угроз, возникающих на национальном уровне, оказывает помощь региональным (местным) подразделениям в анализе оперативной информации.

К этому необходимо добавить, что на уровне государств – членов Европейского Союза функционируют взаимозависимые, совместимые между собой или одноплатформенные информационно-телекоммуникационные системы (ИТКС), поддерживающие интегрированный банк данных, а также внедрены соответствующие механизмы защиты оперативной информации [18, с. 48–49].

Таким образом, на Западе единый межведомственный информационный массив правоохранительных органов давно уже создан и эффективно используется в интересах всех заинтересованных ведомств. Для российских правоохранителей, включая сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, это пока еще не решенная проблема.

Заключение

Подводя итоги рассуждениям, представленным в данной статье, можно прийти к следующим основным выводам.

1. С учетом имеющихся оперативных возможностей и исторического опыта уголовной регистрации приоритетное внимание в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы должно уделяться вопросам получения и систематизации персональных биометрических данных арестованных и осужденных.

2. На различных уровнях управленческой вертикали ФСИН России эти данные в совокупности с другими оперативно значимыми сведениями должны систематизироваться и интегрироваться с соответствующими сведениями других силовых структур, в первую очередь органов внутренних дел.

3. Проблема формирования единого для всех оперативно-розыскных органов ИБДОРН, содержащего персональные биометрические данные лиц, представляющих оперативный интерес, федеральным законодательством не решена, хотя ряд объективных предпосылок к этому имеется.

4. В качестве интегрированного банка персональных биометрических данных, функционирующего на едином информационном пространстве правоохранительных органов и спецслужб, следует рассматривать совокупность соответствующих баз данных, технологий их ведения и использования, а также защищенных ИТКС, функционирующих на основе общих принципов и правил.

5. Создание подобной информационной структуры, действующей при посредничестве специального органа – аналога европейского НДОД, позволит решить многие проблемы в сфере оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы.

6. Созданию эффективного ИБДОРН для оперативного распознавания и идентификации объектов

оперативной заинтересованности с учетом текущей оценки и прогнозирования их состояния по соответствующим признакам призвано способствовать применению АЛАС, основанных на использовании искусственного интеллекта.

7. Рассмотренные в данной статье вопросы необходимо более четко обозначать и анализировать в диссертациях, защищаемых в диссертационных советах при образовательных и научных организациях ФСИН России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. 486 с.
2. Криминалистика: техника и тактика расследования преступлений / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1938. 538 с.
3. Антропометрия // Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. URL: <https://www.rulit.me/books/kriminalisticheskaya-enciklopediya-read-75154-6.html> (дата обращения: 04.08.2023).
4. Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы : моногр. М., 1998. 138 с.
5. Торвальд Ю. Век криминалистики / под ред. и со вступ. ст. Ф. М. Решетникова. 2-е изд. М., 1990. 323 с.
6. Локар Э. Руководство по криминалистике / под ред. С. П. Митричева. М., 1941. 544 с.
7. Корельцева М. А. Становление криминалистической регистрации // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 234–236.
8. Карпеченко С. В. Дактилоскопия – наука об отпечатках пальцев // МВД по Республике Карелия : офиц. сайт. URL: https://10.mvd.rf/mvd/history/museum/2_1 (дата обращения: 04.08.2023).
9. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913. Т. 1 [единственный]. 215 с.
10. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 430 с.
11. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : моногр. М., 2005. 218 с.
12. Копылов В. А. Информационное право : учеб. пособие. М., 1997. 472 с.
13. Седова Т. А. Криминалистическая идентификация // Криминалистика / под ред. проф. И. Ф. Крылова. Л., 1976. С. 79–105.
14. Кузьмин С. И., Якушина Е. С. Иерархическая структура в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 1 (49). С. 18–24.
15. Саргсян А. А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 146–152.
16. Акчурин А. В. Виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений по степени общности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 176–184.
17. Донован Дж. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля / пер. с англ. М., 1992. 368 с.
18. Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации. Вена, 2017. Т. 13. 104 с.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *Istoriya otechestvennoi kriminalistiki* [History of domestic criminology]. Moscow, 1999. 486 p.
2. *Kriminalistika i taktika rassledovaniya prestuplenii* [Criminalistics: techniques and tactics of crime investigation]. Ed. by Vyshinskii A.Ya. Moscow, 1938. 538 p.
3. Anthropometry. In: Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Criminalistic encyclopedia]. Available at: <https://www.rulit.me/books/kriminalisticheskaya-enciklopediya-read-75154-6.html> (In Russ.). (Accessed August 4, 2023).
4. Yalyshev S.A. *Kriminalisticheskaya registratsiya: problemy, ten-dentsii, perspektivy: monogr.* [Criminalistic registration: problems, trends, prospects: monograph]. Moscow, 1998. 138 p.
5. Thorwald J. *Vek kriminalistiki* [The age of criminology]. Ed. by Reshetnikov F.M. Moscow, 1990. 323 p.
6. Locard E. *Rukovodstvo po kriminalistike* [Guide to forensics]. Ed. by Mitrichev S.P. Moscow, 1941. 544 p.
7. Korel'tseva M.A. Formation of forensic registration. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 22 (208), pp. 234–236.
8. Karpechenko S.V. Fingerprinting – the science of fingerprints. *MVD po Respublike Kareliya: ofits. sait* [Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia: official website]. Available at: https://10.mvd.rf/mvd/history/museum/2_1 (In Russ.). (Accessed August 4, 2023).
9. Evreinov N.N. *Istoriya telesnykh nakazanii v Rossii. T. 1* [History of corporal punishment in Russia. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1913. 215 p.
10. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Manual of criminal techniques and tactics]. Moscow, 1925. 430 p.
11. Yakovets E.N. *Problemy analiticheskoi raboty v operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: monogr.* [Problems of analytical work in the operational investigative activities of internal affairs bodies: monograph]. Moscow, 2005. 218 p.
12. Kopylov V.A. *Informatsionnoe pravo: ucheb. posobie* [Information law: textbook]. Moscow, 1997. 472 p.
13. Sedova T.A. Criminalistic identification. In: Krylov I.F. (Ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Leningrad, 1976, pp. 79–105. (In Russ.).
14. Kuz'min S.I., Yakushina E.S. Hierarchical structure in the criminal community. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 1 (49), pp. 18–24.
15. Sargsyan A.A. Prospects for digitalization of sentencing and execution of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 146–152.

16. Akchurin A.V. Types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions by degree of generality. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 176–184. (In Russ.).
17. Donovan J. *Neznakomtsy na mostu: Delo polkovnika Abelya* [Strangers on a bridge: the case of Colonel Abel]. Transl. from English. Moscow, 1992. 368 p.
18. *Rukovodstvo OBSE po politseiskoi deyatel'nosti na osnove operativnykh dannykh i informatsii. T. 13* [OSCE Guidebook on intelligence-led policing. Vol. 13]. Vena, 104 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Статья поступила 14.08.2023

Научная статья

УДК 342

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008

Реформа государственной регламентации образовательной деятельности и ее влияние на систему высшего образования ФСИН России

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВАВологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Реферат

Введение: в последние годы происходят серьезные изменения в системе государственной регламентации образовательной деятельности. Меняется модель контрольно-надзорных мероприятий за счет введения риско-ориентированного подхода, организации постоянного мониторинга системы образования, осуществления профилактических мероприятий в отношении деятельности образовательных организаций. Реорганизации подверглась и процедура государственной аккредитации образовательных программ, реализуемых с целью подготовки специалистов с высшим образованием: разработаны новые аккредитационные показатели, вводится аккредитационный мониторинг системы высшего образования. Указанные изменения нацелены на уменьшение административного воздействия на сферу высшего образования за счет снижения числа проверочных мероприятий с соответствующими процедурными правилами и документационным обеспечением. Контрольные мероприятия замещаются постоянным наблюдением за осуществлением образовательной деятельности вузами, ее соответствием установленным требованиям, оказанием консультативной помощи и корректировкой возможных отклонений. В данных условиях возрастает роль самоконтроля образовательных организаций за процессами реализации образовательных программ и саморегуляции в данной области. Система высшего образования ФСИН России функционирует в рамках системы образования Российской Федерации и подвержена влиянию любых изменений. Государственные органы (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Рособрнадзор), новые стандарты образовательной деятельности, контрольные мероприятия, мониторинг и др. выступают значимыми факторами внешней среды. Изменения в системе государственной регламентации образовательной деятельности оказывают существенное воздействие на функционирование системы ведомственного образования и требуют детального изучения с целью определения направлений совершенствования. *Целью* данного исследования являются анализ современных механизмов государственной регламентации образовательной деятельности и формулирование предложений по совершенствованию отдельных аспектов функционирования системы высшего образования ФСИН России. *Методы:* общенаучные (индукции и дедукции, системного анализа, синтеза и обобщения, сравнения) и специальные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы познания позволили обеспечить комплексный подход к настоящему исследованию. *Результаты:* на основе анализа трансформации государственной регламентации образовательной деятельности в Российской Федерации и ее влияния на систему высшего образования ФСИН России сформированы предложения по совершенствованию практической деятельности образовательных организаций. Обосновывается необходимость разработки приказа ФСИН России, утверждающего порядок аккредитационного мониторинга системы высшего образования ФСИН России с определением соответствующих критериев, переработки нормативных основ организации и проведения инспектирования образовательных организаций. *Выводы:* реформирование государственной регламентации образовательной деятельности определяет приоритетные направления развития системы высшего образования ФСИН России, побуждая к выстраиванию новых интеграционных связей между ее элементами – образовательными организациями и ФСИН России.

Ключевые слова: аккредитация; аккредитационный мониторинг; государственная регламентация; качество образования; образовательная деятельность; образовательные организации.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Моторова Н. В. Реформа государственной регламентации образовательной деятельности и ее влияние на систему высшего образования ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 409–418. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008.

Original article

On Reforming State Regulation of Educational Activities and Its Impact on the Higher Education System of the Federal Penitentiary Service

NATAL'YA V. MOTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Abstract

Introduction: the system of state regulation of educational activities has recently undergone changes. The control and supervision model is changing due to the introduction of a risk-oriented approach, organization of constant monitoring of the education system, and conduct of preventive measures in relation to activities of educational organizations. The procedure for state accreditation of higher education programs is also reorganized, in particular, new accreditation indicators are developed and accreditation monitoring of the higher education system is introduced. These changes are aimed at reducing the administrative impact on the sphere of higher education by reducing verification measures with appropriate procedural rules and documentation support. Control measures are replaced by constant monitoring of the implementation of educational activities by universities, their compliance with established requirements, provision of advisory assistance, and correction of possible violations. In these conditions, the role of self-control of educational organizations over the implementation of educational programs and self-regulation in this area is increasing. The higher education system of the Federal Penitentiary Service operates within the framework of the education system of the Russian Federation and is subject to any changes. State bodies (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal Service for Supervision of Education and Science), new standards of educational activities, control measures, monitoring, etc. are significant factors of the external environment. Changes in the system of state regulation of educational activities have a significant impact on functioning of the departmental education system and require detailed study in order to determine directions of its improvement. The *purpose* of this study is to analyze modern mechanisms of state regulation of educational activities and formulate proposals for improving certain aspects of functioning of the higher education system of the Federal Penitentiary Service. *Methods:* general scientific (induction and deduction, system analysis, synthesis and generalization, comparison) and private (comparative legal, formal legal) methods of cognition allowed us to provide an integrated approach to this study. *Results:* based on the analysis of transformation of the state regulation of educational activities in the Russian Federation and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service, proposals for improving practical activities of educational organizations are formed. The necessity of developing an order of the Federal Penitentiary Service approving the procedure for accreditation monitoring of the higher education system of the Federal Penitentiary Service with the definition of appropriate criteria, revision of the regulatory framework for the organization and inspection of educational organizations is substantiated. *Conclusion:* the reform of state regulation of educational activities determines priority directions to develop the higher education system of the FPS of Russia, encouraging construction of new integration links between its elements – educational organizations and the Federal Penitentiary Service.

Keywords: accreditation; accreditation monitoring; state regulation; quality of education; educational activities; educational organizations.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Motorova N.V. On reforming state regulation of educational activities and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service, *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 409–418. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008.

Введение

Важным элементом развития системы высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), требующим повышенного внимания, является контроль качества подготовки специалистов для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС). Эффективная система оценки уровня подготовки выпускников способствует достижению основных целей функционирования системы ведомственных образовательных организаций высшего образования, а именно: пополнению кадрового состава высококвалифицированными специалистами на плановой основе, повышению качества образовательных программ в различных областях, внедрению современных образовательных технологий, приближению обучения к реальным потребностям практической деятельности.

Качество образования и основные направления деятельности по его обеспечению

Система высшего образования ФСИН России должна функционировать в полном соответствии с едиными требованиями осуществления образовательной деятельности, устанавливаемыми государством, и обеспечивать определенный уровень качества образования. Термин «качество образования» имеет несколько вариантов значений [1–3]. Различные дефиниции предлагаются исследователями, изучающими проблемы юриспруденции [4], педагогики [5–7], управленческие процессы [8], при этом «данная категория интерпретируется в различных дисциплинарных контекстах: философском, социологическом, психологическом, экономическом» [9, с. 21]. Учитывая разнообразие подходов, в рамках данного исследования считаем необходимым использование нормы-дефиниции Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), согласно которой качество образования – это «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам (далее – ФГОС), образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям (далее – ФГТ) и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы».

Анализ представленной в законе категории позволяет выделить два основных направления деятельности по обеспечению соответствия образовательной деятельности указанной комплексной характеристике. С одной стороны, система высшего образования ФСИН России, деятельность входящих в нее образовательных организаций должны соответствовать установленным ФГОС, образовательным стандартам, ФГТ, с другой – подготовка кадров ведомственной системой высшего образования должна удовлетворять потребности ведомства, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, и потребности обучающихся. Соответ-

ственно, и контрольные мероприятия в отношении образовательных организаций высшего образования ФСИН России включают два блока: 1) регулирующую, контрольно-надзорную деятельность в сфере образования и науки со стороны федеральных органов государственной власти, обладающих соответствующими полномочиями в сфере образования; 2) оценку подготовки кадров заинтересованными субъектами – заказчиками на подготовку кадров, в качестве которых выступают ФСИН России и территориальные органы, обучающимися – будущими сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Рассмотрим систему государственной регламентации и контрольных мероприятий в отношении образовательных организаций высшего образования ФСИН России в свете современных тенденций изменения принципов контрольно-надзорной деятельности со стороны государства и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. При этом следует подчеркнуть, что рамки настоящей публикации не позволяют представить детальный анализ государственной регламентации образовательной деятельности, и наше внимание будет сосредоточено на результатах исследования с целью формулирования предложений по совершенствованию практической деятельности образовательных организаций ФСИН России в соответствии с обновленными требованиями законодательства.

Основные направления государственной регламентации образовательной деятельности

Со стороны государства в лице уполномоченных органов осуществляется государственная регламентация образовательной деятельности, и образовательные организации высшего образования ФСИН России, реализуя подготовку обучающихся по определенным специальностям и направлениям, являются объектами управленческих процессов. Государственная регламентация образовательной деятельности направлена на установление единых требований осуществления образовательной деятельности и процедур, связанных с установлением и проверкой соблюдения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, этих требований. Государственная регламентация образовательной деятельности включает в себя: 1) лицензирование образовательной деятельности; 2) государственную аккредитацию образовательной деятельности; 3) государственный контроль (надзор) в сфере образования, что и закреплено в Законе об образовании.

Образовательная деятельность подлежит лицензированию. Согласно положениям Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензирование – это деятельность лицензирующих органов по предоставлению лицензий, продлению срока действия лицензий в случае, если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, оценке соблюдения соискателем лицензии, лицензиатом лицензионных требований, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра

лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования. Лицензия – это специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составяющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается записью в реестре лицензий. Лицензирование образовательной деятельности осуществляется по видам образования, уровням образования, профессиям, специальностям, направлениям подготовки, научным специальностям (для профессионального образования), подвидам дополнительного образования. Образовательные организации высшего образования ФСИИ России осуществляют подготовку специалистов на основании полученных в установленном порядке лицензий.

Государственная аккредитация образовательной деятельности проводится по основным образовательным программам высшего образования с целью подтверждения аккредитационным органом соответствия качества образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность, установленным аккредитационным показателям. Аккредитационные показатели представляют собой совокупность обязательных требований, которые установлены законом к качеству образования. Аккредитационные показатели, методика их расчета и применения утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования (Минобрнауки России), по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере образования (Рособрнадзор). 18 апреля 2023 г. принят приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования».

Государственная аккредитация проводится аккредитационным органом – Рособрнадзором – по заявлениям организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Государственная аккредитация проводится по результатам аккредитационной экспертизы, которая основана на принципах объективности и ответственности экспертов. Порядок проведения определен Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.05.2023 № 797 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2022 г. № 3». Государственная аккредитация образовательной деятельности действует бессрочно.

Государственная регламентация образовательной деятельности включает и государственный кон-

троль (надзор). Согласно положениям Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» под государственным контролем (надзором) в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов, посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений. В отношении образовательных организаций высшего образования предметом государственного контроля (надзора) выступают соблюдение обязательных требований, установленных законодательством об образовании, в том числе лицензионных требований к образовательной деятельности, требований, установленных ФГОС, требований к выполнению аккредитационных показателей, требований по обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг. Реализация контрольных полномочий возложена на Рособрнадзор.

В целом анализ нормативных предписаний свидетельствует о том, что в структуре государственной регламентации образовательной деятельности выделяются такие самостоятельные элементы, как лицензирование, государственная аккредитация, требования к контрольно-надзорной деятельности в сфере образования. Лицензирование образовательной деятельности есть не что иное, как «входной фильтр», препятствующий выходу недобросовестных субъектов на рынок образовательных услуг. Государственная аккредитация направлена на подтверждение соответствия образовательной деятельности ФГОС и ФГТ, а контроль и надзор в сфере образования ориентированы на оценку качества образовательной деятельности и ее законности [10]. Каждое из названных направлений государственной регламентации содержит элементы проверочных, контрольных мероприятий.

Обозначенные направления государственной регламентации образовательной деятельности по-прежнему находятся в поле зрения ученых-юристов, анализирующих процедуры лицензирования [11–14], процессы аккредитации [15–17] и контрольно-надзорной деятельности [18–20]. Всесторонний углубленный анализ современной модели государственной регламентации высшего образования мог бы стать предметом отдельного исследования. В рамках же данной работы проанализируем отдельные аспекты указанного вида деятельности с целью определения его влияния на развитие и функционирование системы высшего образования ФСИИ России, при этом учитывая позиции ученых, затра-

гивающие отдельные аспекты деятельности ведомственных вузов.

Преобразование отдельных направлений государственной регламентации образовательной деятельности и его влияние на систему высшего образования ФСИН России

Система высшего ведомственного образования функционирует в рамках системы образования Российской Федерации и подвержена влиянию любых изменений. Государственные органы (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Рособrnадзор), новые стандарты образовательной деятельности, контрольные мероприятия, мониторинг и др. выступают значимыми факторами внешней среды. Обучение будущих сотрудников по различным специальностям осуществляется на основании соответствующих лицензий, образовательные программы высшего образования строятся в соответствии с ФГОС, и в вузах создаются все необходимые условия (материальные, финансовые, информационно-технические и др.) для осуществления образовательной деятельности. Контрольно-надзорные мероприятия со стороны Рособrnадзора в отношении образовательных организаций высшего образования ФСИН России проводятся в соответствии с установленными правилами. В силу указанных обстоятельств система высшего образования ФСИН России постоянно получает внешние импульсы управленческого характера, видоизменяется и подстраивается под условия внешней среды.

Например, лицензирование и аккредитация образовательной деятельности как направления государственной регламентации оказывают серьезное воздействие на систему высшего образования. Образовательные организации высшего образования ФСИН России имеют лицензии по реализуемым образовательным программам, подавляющее большинство из которых имеют бессрочную государственную аккредитацию. При этом в ходе своей деятельности образовательные организации соблюдают лицензионные требования и ведут постоянную работу по достижению соответствия образовательной деятельности критериям аккредитации, а также усовершенствованию соответствующих показателей.

Отдельные ведомственные вузы расширяют свои возможности по подготовке специалистов для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, получая разрешения на осуществление образовательной деятельности по новым направлениям подготовки или специальностям. Так, например, в 2022 г. ВИПЭ ФСИН России получена лицензия на право осуществления образовательной деятельности по двум программам высшего образования (38.05.01 Экономическая безопасность и 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка), а также двум программам среднего профессионального образования [21]. В 2022 г. Университет ФСИН России расширил сферу образовательных услуг, получив право на осуществление образовательной деятельности по образовательной программе высшего образования по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность [22]. Приступив к реализации новых образовательных

программ, указанные образовательные организации совершенствуют свою работу с целью прохождения в ближайшем будущем аккредитации образовательной деятельности по данным направлениям подготовки специалистов. Следовательно, лицензирование и аккредитация определяют необходимость поддержания должного уровня функционирования в соответствии с лицензионными требованиями, аккредитационными показателями, а также устанавливают рамки развития отдельных элементов системы – образовательных организаций.

Значимое воздействие на развитие системы высшего образования ФСИН России оказывает и перестройка принципов аккредитации. С 2022 г. начала действовать обновленная модель, согласно которой качество реализуемых образовательных программ будет оцениваться по аккредитационным показателям, которые утверждены Минобрнауки России, вводится аккредитационный мониторинг, а полученная по образовательным программам государственная аккредитация считается бессрочной. Введение показателей изменило подходы к проведению государственной аккредитации, так как «согласно действующей до 1 марта 2022 года редакции ст. 92 Закона об образовании, государственная аккредитация проводилась с целью подтверждения соответствия федеральным государственным образовательным стандартам образовательной деятельности и подготовки обучающихся» [16, с. 180] и имела срочный характер, то есть проверки проводились с определенной периодичностью. Отдельные авторы считают, что изменение критериев качества образования ведет к созданию ситуации, при которой получение государственной аккредитации не будет зависеть от выполнения подавляющего большинства требований образовательных стандартов. Так, И. Ю. Гольяпина отмечает, что «механизм “регуляторной гильотины” для сферы образования был явно преждевременным... Наиболее негативное влияние внедрения такого механизма будет очевидно лишь спустя годы его реализации, поскольку при отсутствии контроля и возможности привлечения к ответственности образовательные организации будут работать на выполнение показателей аккредитационного мониторинга, а не над содержанием образовательных программ» [16, с. 181]. На наш взгляд, новеллы образовательного законодательства все же должны способствовать совершенствованию управленческих процессов в сфере образования и в результате приведут к сокращению бюрократической нагрузки на образовательные организации. Рассмотрим более детально отдельные аспекты данного вида государственной регламентации образовательной деятельности.

Аккредитационные показатели, утвержденные приказом Минобрнауки России от 18.04.2023 № 409, представляют собой совокупность обязательных требований, которые установлены к качеству образования в соответствии с Законом об образовании. Ранее было принято решение о том, что государственная аккредитация становится бессрочной для всех организаций, имеющих ее на 1 марта 2022 г., а также

для организаций, которые успешно пройдут процедуру аккредитации после этого срока.

Организации, имеющие государственную аккредитацию, автоматически попадают в аккредитационный мониторинг, который является удаленным наблюдением за образовательной организацией, проводится один раз в три года с целью анализа качества образования и направления соответствующих рекомендаций. Данная процедура будет проходить без взаимодействия с образовательной организацией [10]. Согласно приказу Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.04.2023 № 660/306/448 «Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования» первый аккредитационный мониторинг будет проведен с 1 сентября 2023 г. и нацелен на анализ деятельности образовательных организаций, ее соответствия аккредитационным показателям. При выявлении проблемных аспектов для образовательных организаций будут сформулированы рекомендации по повышению качества образования. Предполагается, что участниками мониторинга станут 1398 вузов (749 головных вузов и 649 филиалов) [23].

Согласно положениям нормативных правовых актов о мониторинге системы образования аккредитационному мониторингу не подлежат федеральные государственные организации, находящиеся в ведении Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, в том числе и федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний (ФСИН России), и реализующие основные профессиональные образовательные программы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, при этом мониторинг федеральных государственных организаций проводится федеральным государственным органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя в отношении этих организаций. Данные полномочия определяются Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.08.2013 № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования», в котором также определяется, что порядок мониторинга, в том числе аккредитационного, федеральных государственных организаций устанавливается федеральным государственным органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя в отношении этих организаций.

Таким образом, на сегодняшний день ведомственные вузы не вошли в число образовательных организаций, подпадающих с 1 сентября 2023 г. под процедуры аккредитационного мониторинга, при этом не определены и четкие критерии его проведения со стороны федеральных органов государственной

власти, осуществляющих функции и полномочия учредителя. Сложившееся состояние дел порождает необходимость создания нормативных правовых актов о регулировании данных вопросов в отношении образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка. Подключиться к данной нормотворческой деятельности должна и Федеральная служба исполнения наказаний.

Образовательные организации высшего образования как подведомственные учреждения подвергаются постоянной проверке и оценке эффективности деятельности со стороны ФСИН России – инспектированию.

Инспектирование включает комплекс мер по изучению, проверке и оценке состояния образовательной, научно-исследовательской, финансово-экономической деятельности, служебной и физической подготовки сотрудников образовательных учреждений ФСИН России и проводится каждые пять лет. Порядок организации работы по инспектированию деятельности ведомственных образовательных организаций устанавливается приказом ФСИН России от 28.08.2010 № 385 «Об утверждении Порядка организации работы по инспектированию деятельности образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний». Однако анализ указанного нормативного правового акта показывает, что четких критериев и показателей оценки качества реализации образовательных программ он не содержит. Соответственно, использование процедур инспектирования ведомственных вузов взамен аккредитационного мониторинга на основании действующих ведомственных актов невозможно, так как показатели оценки образовательной деятельности и периодичность не совпадают с установленными Минобрнауки России (аккредитационный мониторинг проводится каждые три года).

На основании вышеизложенного видится целесообразным издание приказа ФСИН России, утверждающего порядок аккредитационного мониторинга системы высшего образования ФСИН России с определением соответствующих критериев. При этом необходима переработка нормативных основ инспектирования ведомственных вузов с целью увеличения сроков (не реже одного раза в шесть лет) и корректировки отдельных критериев на предмет их соответствия аккредитационным показателям. Принятие указанных ведомственных правовых актов позволит организовать аккредитационный мониторинг каждые три года: один раз как отдельную процедуру, а затем в рамках инспектирования деятельности ведомственных вузов. Предлагаемые к разработке нормативные правовые акты, на наш взгляд, станут правовой основой для организации контроля качества образования в ведомственных вузах.

Определившись с вопросами организации мониторинга системы высшего образования ФСИН России, исследуем содержательные аспекты обязательных требований, на основе которых признается удовлетворительным качество образования по опре-

деленным образовательным программам высшего образования.

Аккредитационные показатели по образовательным программам высшего образования утверждены приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 18.04.2023 № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» и включают шесть позиций, показатели аккредитационного мониторинга несколько шире – включают восемь позиций. Проанализируем отдельные показатели, являющиеся наиболее значимыми факторами влияния на систему высшего образования ФСИН России и поэтому представляющие наибольший интерес применительно к нашему исследованию.

Первым аккредитационным показателем (АП1) выступает средний балл единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся, принятых по его результатам на обучение по образовательным программам высшего образования. Для получения при аккредитации или мониторинге баллов (от пяти до десяти) по данному показателю его критериальное значение должно быть не менее 60. Приемные кампании в последние три года показывают, что выполнение данного показателя весьма затруднительно для большинства образовательных организаций высшего образования ФСИН России.

Еще одним аккредитационным показателем, требующим перестройки деятельности отдельных элементов системы высшего образования, следовательно, оказывающим наибольшее воздействие, является доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств организации, осуществляющей образовательную деятельность, по соответствующей образовательной программе высшего образования, в общем количестве обучающихся, выполнивших диагностическую работу (АП5). Он используется при проведении аккредитации, его минимальное критериальное значение составляет 55 % обучающихся. Выполнение указанного показателя порождает необходимость планомерной работы по формированию комплекса фонда оценочных средств, соответствующих критериям Минобрнауки России [24] и Рособрнадзора, и отработки контрольных заданий на занятиях с обучающимися.

Таким образом, введение новых критериев проверки качества высшего образования определяет приоритетные направления развития системы высшего образования ФСИН России, побуждая к выстраиванию новых интеграционных связей между ее элементами – образовательными организациями и ФСИН России.

Система высшего образования ФСИН России должна адаптироваться и к изменениям еще одного направления государственной регламентации образовательной деятельности – контрольно-надзорной. Система государственного контроля (надзора) в Российской Федерации на сегодняшний день претерпе-

вает серьезные изменения, вызванные построением новой модели контрольно-надзорной деятельности в российском государстве. В связи со вступлением в силу федеральных законов от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» произошли серьезные изменения в системе государственного управления образовательной деятельностью. Модель контрольно-надзорных мероприятий, основанная на систематических плановых и внеплановых проверках, ведущих к применению мер наказания (выдаче предписаний, приостановлению действия лицензии, лишению аккредитации и др.), перестраивается согласно новым принципам: введению риск-ориентированного подхода, постоянному мониторингу деятельности образовательных организаций высшего образования и формированию рекомендаций по развитию.

Образовательные организации высшего образования как объекты государственного контроля (надзора) подлежат отнесению к категориям высокого, среднего и низкого риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (далее – категории риска). В категорию высокого и среднего риска попадают вузы, в деятельности которых выявлены нарушения требований законодательства соответствующими органами государственной власти (Рособрнадзор). Отнесение объекта государственного контроля (надзора) к одной из категорий риска осуществляется Рособрнадзором ежегодно на основе сопоставления его характеристик с утвержденными критериями в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования».

В отношении объектов контроля, отнесенных к категории низкого риска, плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся, а ведется профилактическая разъяснительная работа. Рособрнадзор осуществляет информирование контролируемых и иных заинтересованных лиц по вопросам соблюдения обязательных требований, установленных законодательством Российской Федерации об образовании, в том числе лицензионных требований при осуществлении образовательной деятельности и требований, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, посредством размещения соответствующих сведений на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, через личные кабинеты контролируемых лиц в государственных информационных системах.

Как объект государственного контроля образовательные организации высшего образования ФСИН России должны осуществлять анализ материалов контрольных мероприятий Рособрнадзора [25] и соответствующих рекомендаций с целью недопущения нарушения установленных требований. При этом важную роль в организации постоянного мо-

ниторинга выполнения установленных требований играет ФСИН России, так как своевременные управленческие решения и методическая помощь будут способствовать эффективному функционированию всей системы ведомственного высшего образования.

Заключение

В целом осуществленный анализ государственной регламентации образовательной деятельности, ее трансформации на современном этапе свидетельствует о том, что в отношении системы высшего образования ФСИН России появились определенные нерешенные вопросы, такие как организация аккредитационного мониторинга, выработка критериев создания фондов оценочных средств по образовательным программам и др.

В представленном исследовании сформулированы предложения по устранению отдельных неясностей. Так, целесообразно издание приказа ФСИН России, утверждающего порядок аккредитационного мониторинга системы высшего образования с определением соответствующих критериев. При этом необходима и переработка нормативных основ инспектирования ведомственных вузов с целью увеличения сроков (не реже одного раза в шесть лет) и корректировки отдельных критериев на предмет их соответствия аккредитационным показателям. Принятие указанных ведомственных правовых актов позволит организовывать аккредитационный мониторинг каждые три года: один раз как отдельную процедуру, а затем в рамках инспектирования деятельности ведомственных вузов. Предлагаемые к разработке

нормативные правовые акты, на наш взгляд, станут правовой основой для организации контроля качества образования в ведомственных вузах.

Введение обновленных показателей качества образовательной деятельности также стало значимым фактором влияния на систему высшего образования ФСИН России. Так, например, по показателям среднего балла ЕГЭ при аккредитации или аккредитационном мониторинге образовательные организации высшего образования ФСИН России получили бы ноль баллов по данной позиции. Сложившаяся ситуация стимулирует образовательные организации высшего образования активизировать профориентационную работу, взаимодействие с территориальными органами по вопросам подбора кандидатов на обучение с более высокими показателями ЕГЭ. Еще один аккредитационный показатель, требующий перестройки деятельности отдельных элементов системы высшего образования и, следовательно, оказывающий наибольшее воздействие, это доля обучающихся, выполнивших 70 % и более заданий диагностической работы. Выполнение указанного показателя порождает необходимость организации планомерной работы по формированию комплекса фонда оценочных средств, соответствующих критериям Минобрнауки России и Рособрнадзора, и отработки контрольных заданий на занятиях с обучающимися.

Необходимость выработки механизмов выполнения обозначенных задач является новым импульсом развития системы высшего образования, построения внутренних связей и взаимодействий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безуглова Л. П. Образование и качество образования: теоретический аспект // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 4. С. 27–34.
2. Селезнева Н. А. Качество образования как объект системного исследования. М., 2002. 95 с.
3. Субетто А. И. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы и перспективы (опыт мониторинга). Изд. 2-е, испр. СПб., 2016. 498 с.
4. Статуева А. А., Полякова Т. А. Аспекты понятий «качество образования» и «гарантии качества образования» // Педагогические чтения в ННГУ: сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. В. Фролов. Н. Новгород, 2015. С. 150–153.
5. Корнеева Н. Ю., Брановец Н. Е. Содержание понятий «качество образования», «управление качеством образования» на современном этапе развития образования // Инновационные тенденции модернизации педагогического образования в условиях глобализации: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2021. С. 202–204.
6. Поташник М. М. Качество образования: проблемы и технологии управления. М., 2002. 350 с.
7. Чупрова Л. В. Основные подходы к определению понятия «качество образования» в проблемном поле педагогики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 336–339.
8. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Менеджмент качества высшего образования: что означает «качество» и что означает «высшее образование»? // Управление. 2020. Т. 11, № 1. С. 2–14.
9. Авдашкин А. А., Пасс А. А. Подходы к определению понятия «качество образования» // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2018. № 2 (5). С. 21–26.
10. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный; издание второе, перераб. и доп.) / Барабанова С. В., Пешкова (Белогорцева) Х. В., Баранов И. В. и др. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Васильева М. Е. Проблемные вопросы лицензирования образовательной деятельности в Российской Федерации // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. Ч. 2. С. 148–151.
12. Гречкина О. В., Рубанова Н. А. Лицензирование образовательной деятельности в сфере высшего образования: теоретико-правовое исследование. М., 2014. 176 с.
13. Кирилловых А. А. Понятие лицензионного контроля образовательной деятельности // Право и образование. 2021. № 1. С. 16–21.
14. Лавров А. С. Лицензирование образовательной деятельности // Управление образовательной организацией. 2019. № 3. С. 13–17.

15. Баринаева Е. Б. Подготовка научной организации к аккредитации программ обучения научно-педагогических кадров // Современное образование. 2020. № 1. С. 22–32.
16. Гольяпина И. Ю. Правовое регулирование государственной аккредитации образовательной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 179–182.
17. Свечникова В. В. Эволюция правового регулирования государственной аккредитации образовательной деятельности в России // Административное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 34–50.
18. Воронов А. М., Кобзарь-Фролова М. Н. О модернизации сущности и целевого предназначения контрольно-надзорной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 8. С. 99–105.
19. Масленникова Е. В., Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Статистика и социология результатов контрольно-надзорной деятельности // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 1. С. 90–107.
20. Савина А. Д., Пономарева Е. А. Оценка влияния перехода к риск-ориентированному регулированию учреждений высшего образования // Science for education today. 2021. Т. 11, № 2. С. 123–153.
21. Отчет о самообследовании федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» // Вологодский институт права и экономики ФСИН России : офиц. сайт. URL: <https://vipe.fsin.gov.ru/sveden/document/docs/otchety-o-rezultatakh-samoobsledovaniya.php> (дата обращения: 21.10.2023).
22. Отчет о результатах самообследования деятельности федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» за 2022 год // Университет ФСИН России : офиц. сайт. URL: <https://spbu.fsin.gov.ru/svedeniy/doc/otchet-o-samoobsledovanii/otchety-o-samoobsledovanii-obrazovatelnoy-organizatsii.php> (дата обращения: 23.10.2023).
23. Алтыникова Н. В. Аккредитационный мониторинг в системе высшего образования // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки : офиц. сайт. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2023).
24. О направлении методических рекомендаций : письмо Департамента государственной политики в сфере высшего образования Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28.02.2022 № МН-5/339 // Национальное аккредитационное агентство в сфере образования : офиц. сайт. URL: <https://nica.ru/ru/docs/4> (дата обращения: 23.09.2023).
25. Об утверждении докладов о результатах обобщения правоприменительной практики Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки при осуществлении видов федерального государственного контроля (надзора) : приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 14.03.2023 № 385 (документ опубликован не был).

REFERENCES

1. Bezuglova L.P. Education and quality of education: theoretical aspect. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science*, 2014, no. 4, pp. 27–34. (In Russ.).
2. Selezneva N.A. *Kachestvo obrazovaniya kak ob"ekt sistemnogo issledovaniya* [Quality of education as an object of systematic research]. Moscow, 2002. 95 p.
3. Subetto A.I. *Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie, tendentsii, problemy i perspektivy (opyt monitoringa)* [Quality of lifelong education in the Russian Federation: state, trends, problems and prospects (monitoring experience)]. Saint Petersburg, 2016. 498 p.
4. Statueva A.A., Polyakova T.A. Aspects of the concepts “quality of education” and “quality assurance of education”. In: Frolov I.V. (Ed.). *Pedagogicheskie chteniya v NNGU: sb. nauch. st. vseros. nauch.-prakt. konf.* [Pedagogical readings at NNGU: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Nizhny Novgorod, 2015. Pp. 150–153. (In Russ.).
5. Korneeva N.Yu., Branovets N.E. The content of concepts “quality of education”, “quality management of education” in the modern stage of education development. In: *Innovatsionnye tendentsii modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative trends in the modernization of pedagogical education in the context of globalization: collection of articles based on the results of the International research and practice conference]. Chelyabinsk, 2021. Pp. 202–204. (In Russ.).
6. Potashnik M.M. *Kachestvo obrazovaniya: problemy i tekhnologii upravleniya* [Quality of education: problems and management technologies]. Moscow, 2002. 350 p.
7. Chuprova L.V. Basic approaches to the definition of the concept “quality of education” in the problem field of pedagogy. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, 2014, no. 3, pp. 336–339. (In Russ.).
8. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. Quality management of higher education: what “quality” means and what “higher education” means? *Upravlenets = Manager*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 2–14. (In Russ.).
9. Avdashkin A.A., Pass A.A. Approaches to the definition of the concept of “quality of education”. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya = Scientific and Methodological Support for the Assessment of the Quality of Education*, 2018, no. 2 (5), pp. 21–26. (In Russ.).
10. Barabanova S.V., Peshkova (Belogortseva) Kh.V., Baranov I.V. et al. Commentary to the Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (article by article). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Garant”* [Access from the reference-legal system “Garant”].
11. Vasil'eva M.E. Problematic issues of licensing educational activities in the Russian Federation. In: *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ch. 2.* [Legal sciences, the rule of law and modern legislation: proceedings of the 6th International research and practice conference: proceedings of the 4th International science and practice conference. Part 2]. Penza, 2019. Pp. 148–151. (In Russ.).
12. Grechkina O.V., Rubanova N.A. *Litsenzirovaniye obrazovatel'noi deyatel'nosti v sfere vysshego obrazovaniya: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Licensing of educational activities in the field of higher education: theoretical and legal investigation]. Moscow, 2014. 176 p.

13. Kirillovykh A.A. The concept of licensing control of educational activities. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2021, no. 1, pp. 16–21. (In Russ.).
14. Lavrov A.S. Licensing of educational activity. *Upravlenie obrazovatel'noi organizatsiei = Management of an Educational Organization*, 2019, no. 3, pp. 13–17. (In Russ.).
15. Barinova E.B. Preparation of scientific organization to accreditation of curricula for training academic staff. *Sovremennoe obrazovanie = Modern Education*, 2020, no. 1, pp. 22–32. (In Russ.).
16. Gol'tyapina I.Yu. Legal regulation of state accreditation of educational activities. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, 2022, no. 2 (206), pp. 179–182. (In Russ.).
17. Svechnikova V.V. Evolution of legal regulation of state accreditation of educational activities in Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2022, no. 4, pp. 34–50. (In Russ.).
18. Voronov A.M., Kobzar'-Frolova M.N. On the modernization of the essence and purpose of control and supervisory activities. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice Series: Economics and Law*, 2019, no. 8, pp. 99–105. (In Russ.).
19. Maslennikova E.V., Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. Statistics and sociology of the results of control and supervisory activities. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 90–107. (In Russ.).
20. Savina A.D., Ponomareva E.A. Evaluating the impact of transition to risk-based regulation in higher education institutions. *Science for Education Today*. 2021, vol. 11, no. 2, pp. 123–153. (In Russ.).
21. Report on self-examination of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. *Vologodskii institut prava i ekonomiki FSIN Rossii: ofits. sait* [Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service: official website]. Available at: <https://vipe.fsin.gov.ru/sveden/document/docs/otchet-y-o-rezultatakh-samoobsledovaniya.php> (In Russ.). (Accessed October 21, 2023).
22. Report on the results of self-examination of activities of the University of the FPS of Russia for 2022. *Universitet FSIN Rossii: ofits. sait* [University of the FPS of Russia: official website]. Available at: <https://spbu.fsin.gov.ru/svedeniy/doc/otchet-o-samoobsledovanii/otchet-o-samoobsledovanii-obrazovatelnoy-organizatsii.php> (In Russ.). (Accessed October 23, 2023)
23. Altynikova N.V. Accreditation monitoring in the higher education system. *Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki: ofits. sait* [Federal Service for Supervision of Education and Science: official website]. Available at: <https://obrnadzor.gov.ru/> (In Russ.). (Accessed October 23, 2023).
24. On the direction of methodological recommendations: letter of the Department of State Policy in the Field of Higher Education of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. MN-5/339 of February 28, 2022. *Natsional'noe akkreditatsionnoe agentstvo v sfere obrazovaniya: ofits. sait* [National Accreditation Agency in the field of education: official website]. Available at: <https://nica.ru/ru/docs/4> (In Russ.). (Accessed September 23, 2023).
25. *Ob utverzhdenii dokladov o rezul'tatakh obobshcheniya pravoprimenitel'noi praktiki Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki pri osushchestvlenii vidov federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): prikaz Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki ot 14.03.2023 No. 385* [On approval of reports on the results of generalization of the law enforcement practice of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science in the implementation of types of federal state control (supervision): Order of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science No. 385 of March 14, 2023] (the document was not published).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

NATAL'YA V. MOTOROVA – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Статья поступила 26.10.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009

Роль личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей в формировании дефектов правовой социализации

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАРАНОВ

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

РОМАН НИКИТИЧ ВЕТРЕНКО

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Реферат

Введение: в статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в период с октября 2021 г. по февраль 2022 г. с участием 167 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет, совершивших правонарушения и (или) преступления. *Цель:* выявление лежащих в основе формирования дефектов правовой социализации (правового негативизма, правового инфантилизма, правового нигилизма, сознательного преступного поведения) личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей для дальнейшего построения адаптированных (в зависимости от формы дефектности) психокоррекционных программ, направленных на недопущение повторного совершения преступлений. *Методы:* для решения поставленных задач подобран соответствующий методический инструментарий: методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда, многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл (в адаптации Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой), опросник «Диагностика ценностных ориентаций подростков» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной, методика «Отношения к праву» С. П. Безносова. Статистическая обработка результатов эмпирического исследования проведена с использованием пакета программ MO Excel 2010, пакета прикладных программ SPSS v. 22.0. Полученные результаты подвергнуты первичному, частотному, корреляционному анализам. *Результаты:* установлено, что под правовой социализацией личности понимается овладение личностью правомерными способами поведения, формирование чувства правовой и социальной ответственности, солидарности с нормами закона и права, обеспечиваемые переносом ценностей, охраняемых обществом и правом, в ценностно-нормативную систему личности. Высшим уровнем правовой социализации является правопослушное поведение личности как результат устойчивой нравственной потребности следовать нормам права и закона. К формам дефектной правовой социализации относятся модели отношения к нормам права, выражающиеся в правовом негативизме, правовом инфантилизме, правовом нигилизме, сознательном преступном поведении. Выявлены личностные особенности, способствующие формированию дефектов правовой социализации несовершеннолетних. *Выводы:* в сфере правосознания несовершеннолетних правонарушителей установлены дефекты правовой социализации в форме правового скептицизма, цинизма, нигилизма и инфантилизма. При этом несовершеннолетние правонарушители, отвергающие право, эмоционально нестабильны, коммуникативно закрыты,

экстернальны и дезадаптированы. В то же время несовершеннолетние правонарушители, относящиеся к праву инфантильно, коммуникативно открыты, адаптированы к окружающей среде, отличаются конформностью и ведомостью.

Ключевые слова: правосознание; правовая социализация; несовершеннолетние; преступное поведение; дефекты правовой социализации; правовой нигилизм; правовой скептицизм; правовой инфантилизм.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Ветренко Р. Н. Роль личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей в формировании дефектов правовой социализации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 419–426. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009.

Original article

Role of Personal Characteristics of Juvenile Delinquents in the Formation of Defects in Legal Socialization

YURII A. SHARANOV

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

ROMAN N. VETRENKO

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Abstract

Introduction: the article presents results of the empirical study conducted in the period from October 2021 to February 2022 with the participation of 167 minors aged 14 to 17 years who committed offenses and (or) crimes. *Purpose:* to identify personal characteristics of juvenile offenders underlying the formation of defects in legal socialization (legal negativism, legal infantilism, legal nihilism, conscious criminal behavior) for further construction of adapted (depending on the form of defectiveness) psycho-correction programs aimed at preventing recommitment of crimes. *Methods:* to solve the tasks, the appropriate methodological tools are selected: Rogers-Diamond Methodology for Diagnosing Socio-Psychological Adaptation, High School Personality Questionnaire by R. Cattell, the Strategic Approach to Coping Scale (SACS) (as adapted by N.V. Vodop'yanova and E.A. Starchenkova), questionnaire "Diagnostics of Value Orientations of Adolescents" by V.F. Sopova and L.V. Karpushina, methodology "Attitude to Law" by S.P. Beznosov. Statistical processing of the empirical study results was carried out using Microsoft Excel 2010 and IBM SPSS Statistics 22. The obtained results were subjected to primary, frequency, and correlation analysis. *Results:* it is established that legal socialization of a person is understood as person's acquirement of lawful ways of behavior, formation of a sense of legal and social responsibility, and solidarity with the norms of law, provided by the transfer of values protected by society and law into the value-normative system of the individual. The highest level of legal socialization is the law-abiding behavior of a person as a result of a stable moral need to follow norms of law. Forms of defectiveness of legal socialization are models of attitude to norms of law, expressed in legal negativism, legal infantilism, legal nihilism, and conscious criminal behavior. Personal characteristics contributing to the formation of defects in legal socialization of minors are revealed. *Conclusions:* defects of legal socialization in the form of legal skepticism, cynicism, nihilism and infantilism are established in the sphere of legal awareness of juvenile offenders. At the same time, juvenile offenders who reject law are emotionally unstable, communicatively closed, externalized and maladapted. While juvenile offenders with an infantile attitude to law are communicatively open, adapted to the environment, and differ in conformity and accountability.

Keywords: legal awareness; legal socialization; minors; criminal behavior; defects of legal socialization; legal nihilism; legal skepticism; legal infantilism.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Sharanov Yu.A., Vetrenko R.N. Role of personal characteristics of juvenile delinquents in the formation of defects in legal socialization, *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 419–426. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009.

Введение

Эффективное предупреждение правонарушающего поведения несовершеннолетних возможно только при условии концентрации внимания общества и государства на личности как носителе причин совершения преступлений, важном звене в механизме преступного поведения. Выявление характерных личностных особенностей, присущих несовершеннолетним правонарушителям и способствующих совершению преступных действий, позволяет подобрать наиболее эффективные методы и технологии работы с ними в рамках индивидуальной и групповой психологической коррекции.

Анализируя состояние преступности в России, отметим, что по итогам 2021 г. выявлено 29 126 несовершеннолетних, совершивших преступление, что составляет 3,4 % от общего числа преступников. Качественная характеристика указанных лиц показала, что совершили преступления повторно 7213 несовершеннолетних (24,8 %), в состоянии алкогольного опьянения – 3402 (11,7 %), наркотического опьянения – 83 (0,3 %), в составе группы – 13 151 (45,2 %). Несовершеннолетними совершено 9055 (28,4 %) тяжких и особо тяжких преступлений [1]. Приведенные данные свидетельствуют о дефектности правовой социализации несовершеннолетних, способствующей употреблению алкоголя и наркотических средств, вступлению в преступные сообщества, игнорированию общественных групп и организаций. Несмотря на последовавшее после совершения первого преступления наказание и осуждение общества, несовершеннолетние продолжили следовать по преступному пути. Указанные обстоятельства определили актуальность исследования взаимосвязи личностных особенностей и дефектов правовой социализации.

Целью эмпирического исследования стало изучение лежащих в основе формирования дефектов правовой социализации личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей.

Объектом исследования выступили личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей, предметом – их коммуникативные, эмоциональные, регуляторные свойства, копинг-стратегии, показатели адаптации, ценностные ориентации и формы правосознания.

Теоретическая основа исследования

Формирование дефектов социализации личности – феномен, требующий междисциплинарного подхода к исследованию, и как объект научного познания развивается в рамках следующих дисциплинарных областей: педагогики (К. С. Милевич [2], Р. Т. Бакиров [3]), социологии (А. А. Бочков, А. А. Сухарев [4], Е. В. Руденский [5]), криминологии (Х. И. Гаджиева [6], В. Г. Пичугин [7] и др.). Однако именно психологический подход позволяет исследователям (К. А. Романенко, А. Ю. Есенова [8]) уделить внимание ее комплексному анализу с целью построения эффективной и своевременной психопрофилактической и психокоррекционной работы с несовершеннолетними.

Под правовой социализацией личности понимается овладение личностью правомерными способами поведения, формирование чувства правовой и со-

циальной ответственности, солидарности с нормами закона и права, обеспечиваемые переносом ценностей, охраняемых обществом и правом, в ценностно-нормативную систему личности [9]. Высшим уровнем правовой социализации является правопослушное поведение личности как результат устойчивой нравственной потребности следовать нормам права и закона [10]. Функцией правовой социализации является интеграция личности в правовую среду, сопровождающаяся адаптацией к установленным правовым нормам, самоконтролем правового поведения, развитием активности личности в области права.

А. А. Сухарев подчеркивает, что сложности правовой социализации несовершеннолетних сочетаются с размытостью ее границ, вызванной происходящей в течение последних десятилетий трансформацией общественных ценностей и попытками стихийной экспансии западной деструктивной идеологии, основанной на провозглашении в качестве ведущих ценностных потребительского общества [11].

В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подчеркивается, что сохранение и укрепление традиционных ценностей реализуется в том числе в области образования, воспитания и работы с молодежью. Действительно, неустойчивость ценностных ориентиров как одна из психовозрастных особенностей несовершеннолетних обуславливает их уязвимость перед деструктивным влиянием внешней среды [12], а транслируемые в СМИ и по телевидению идеи потребительского общества и приоритетов материального мира способствуют формированию дефектов правовой социализации [13].

Дефектность правовой социализации сопровождается усвоением под влиянием личностных и групповых факторов таких стереотипов поведения, знаний и установок в области права, которые искажают правовую картину, формирующуюся у личности, способствуя негативному или нейтральному отношению к соблюдению правовых норм [14]. Формами дефектности правовой социализации являются модели отношения к нормам права, выражающиеся:

- в правовом негативизме (недооценивании ценности права);
- правовом инфантилизме (безответственном, легкомысленном отношении к нормам права);
- правовом нигилизме (активном неприятии правовых норм вплоть до публичного игнорирования);
- сознательном преступном поведении [15].

З. Н. Каландаришвили, говоря о последней форме дефектности правовой социализации личности, назвал ее самой тяжелой и сложной для изучения: это «форма перерожденного правового сознания» до такой степени, что его носитель становится умышленным нарушителем закона. Ученый уверен, что под влиянием неустойчивой системы представлений об истинных человеческих ценностях у несовершеннолетних наблюдается поступательное развитие форм дефектности правовой социализации от негативизма до перерожденного правового сознания,

что обуславливает актуальность незамедлительной выработки методов и способов психологической коррекции дефектов правовой социализации личности [6].

Материалы и методы

Эмпирическое исследование личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей осуществлено в период с октября 2021 г. по февраль 2022 г. Всего в исследовании приняли участие 167 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет ($16,4 \pm 1,1$ г.), совершивших различные правонарушения преимущественно корыстной направленности (мелкие хищения, кражи, грабежи, разбои), влекущие за собой административную и (или) уголовную ответственность. База исследования: специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, подразделение по делам несовершеннолетних ОМВД по Сланцевскому району Ленинградской области.

Для решения поставленных задач был подобран соответствующий методический инструментарий: методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонда, многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл (в адаптации Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой), опросник «Диагностика ценностных ориентаций подростков» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной, методика «Отношения к праву» С. П. Безносова. Статистическая обработка результатов эмпирического исследования проведена с использованием пакета программ MO Excel 2010, пакета прикладных программ SPSS v. 22.0. Полученные результаты были подвергнуты первичному, частотному, корреляционному анализам.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице представлены данные первичных статистик, вычисленных для показателей исследования.

Таблица

Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей

Название показателя	M	s	Название показателя	M	s
1	2	3	4	5	6
Фактор А: шизотимия – аффектомия	6,05	1,93	Доминирование	22,90	6,83
Фактор С: степень эмоциональной устойчивости	3,61	1,23	Эскапизм	13,20	6,59
Фактор D: флегматичность – возбудимость	5,99	2,01	Ассертивные действия	19,67	3,94
Фактор E: пассивность – доминантность	6,01	1,94	Вступление в социальный контакт	22,34	3,43
Фактор F: осторожность – легкомыслие	7,27	1,24	Поиск социальной поддержки	23,20	2,79
Фактор G: степень принятия моральных норм	4,34	1,18	Осторожные действия	22,65	3,59
Фактор H: смелость	6,15	1,35	Импульсивные действия	22,30	4,16
Фактор I: реализм – сензитивность	5,63	1,68	Избегание	16,52	2,95
Фактор J: неврастения	4,73	1,03	Манипулятивные действия	19,72	4,36
Фактор O: самоуверенность – склонность к чувству вины	5,11	1,07	Асоциальные действия	21,07	2,67
Фактор Q2: степень групповой зависимости	4,95	1,31	Агрессивные действия	21,65	3,53
Фактор Q3: степень самоконтроля	4,29	1,31	Правовой реализм	1,89	0,74
Фактор Q4: степень внутреннего напряжения	5,61	1,63	Правовой скептицизм	3,71	1,67
Адаптивность	81,67	20,64	Правовой конформизм	2,11	1,01
Деадаптивность	160,93	21,70	Правовой цинизм	3,83	1,33
Ведомость	19,75	8,36	Правовой фетишизм	1,90	0,77
Принятие себя	47,39	10,04	Правовой инфантилизм	2,93	1,59
Непринятие себя	24,09	6,15	Правовой идеализм	1,71	0,70
Принятие других	23,48	5,39	Правовой нигилизм	2,86	1,60
Непринятие других	17,37	5,65	Познание как ценность	4,95	1,31
Эмоциональный комфорт	14,80	7,87	Я-ценность	5,97	1,43
Эмоциональный дискомфорт	26,54	5,38	Другой-ценность	4,77	1,67

1	2	3	4	5	6
Внутренний контроль	21,27	6,59	Общественно полезная деятельность	4,01	1,45
Внешний контроль	34,07	7,69	Ответственность	3,82	1,64

Коммуникативными свойствами несовершеннолетних правонарушителей являются умеренная открытость, склонность к установлению и поддержанию межличностных контактов. В общении с другими людьми они не всегда критичны к своим высказываниям и поведению. Склонны к групповой деятельности, открыты новым впечатлениям и характеризуются гибкими установками. Несовершеннолетние правонарушители склонны к самоутверждению, лидерству в лично значимых ситуациях. В иных случаях демонстрируют меньший энтузиазм и влекомы другими людьми. В поведении склонны к смелым авантурным поступкам, небрежному отношению к социальным и иным нормам. Не всегда откликаются на сигналы опасности, в связи с чем могут попасть в неприятную ситуацию. Стремятся к новым впечатлениям, в деятельности растрачивают свой потенциал на лишние разговоры. Несовершеннолетние правонарушители предпочитают принимать решения и действовать в группе, любят внимание, эгоцентричны, демонстративны. Им свойственны активность и энергичность, но не хватает решительности. Характерны высокая степень принятия групповых норм и оценок, конформность.

Эмоциональными свойствами несовершеннолетних правонарушителей являются эмоциональная неустойчивость, повышенная чувствительность к влиянию извне. Они раздражительны, импульсивны, склонны избегать требований окружающей среды, эмоционально возбудимы. Характерны низкая толерантность к фрустрации, нетерпеливость, что проявляется в потребности к немедленному решению проблем и удовлетворению желаний. Им присущи самодемонстрация, самоуверенность, эгоцентризм, склонность к формированию чувства обиды и ревности. Несовершеннолетние правонарушители испытывают негативные чувства в ситуации ограничений, длительной монотонии.

В структуре личностных свойств несовершеннолетних правонарушителей ярко выражены черты импульсивности, активности, легкомыслия. Они возбудимы, нетерпеливы, мотивированы на успех, авантурны, социально смелы, уверены в себе. В эмоциональных проявлениях характерны живость и непосредственность. Несмотря на достаточно развитые организаторские способности, не могут доводить начатое дело до конца, предпочитая переключаться на иное занятие. В деятельности зачастую небрежны, что приводит к игнорированию опасных сигналов. Наибольшая продуктивность наблюдается в творческой деятельности, креативны, артистичны.

Регуляторными свойствами несовершеннолетних правонарушителей выступают тенденции к избеганию ответственности как в деятельности, так и в межличностных отношениях, нетерпеливость, капризность, несамостоятельность и зависимость от помощи других. Несовершеннолетние правонарушители

характеризуются невысокой степенью принятия моральных норм. Они ненастойчивы в достижении целей, предпочитают обходить правила и требования, необязательны, характеризуются низкой ответственностью. Им свойственны эгоистичность и самовлюбленность. Волевой самоконтроль несовершеннолетних правонарушителей развит недостаточно, что приводит к импульсивности, непоследовательности, склонности к совершению ошибок, игнорированию социальных требований в их поведении.

Характеризуя адаптивные способности несовершеннолетних правонарушителей, следует отметить их недостаточную степень адаптации к существованию в обществе при общей удовлетворенности особенностями своего характера, умеренной потребности во взаимодействии с другими людьми. Им свойственно в большей мере позитивное эмоциональное отношение к действительности. Для них не характерно принимать на себя ответственность за происходящие с ними события, напротив, они стремятся к избеганию личной ответственности в проблемных ситуациях.

Анализируя данные изучения сознательных механизмов совладания несовершеннолетних правонарушителей со стрессом, мы наблюдаем низкую конструктивность их копинг-стратегий. Высокой выраженностью при совладании с трудными жизненными ситуациями у несовершеннолетних правонарушителей обладает копинг-стратегия «Импульсивные действия». Импульсивные действия проявляются в склонности действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, без предварительного обдумывания своих поступков, взвешивания всех «за» и «против» и принятия наиболее целесообразных и обоснованных решений. Выше нормативных значений расположены значения асоциальных стратегий «Агрессивные действия» и «Асоциальные действия». Они проявляются в направленных на других людей действиях, негативных чувствах при неудачах и конфликтах с другими людьми, обвинении окружающих в чем-либо, формировании чувства гнева, раздражения, внутренней напряженности, разочарования и неудовлетворенности. Характерны враждебность, недоверие, разрушение социальных связей, эгоцентризм и стремление быть правым во всем. В системе совладающего поведения у несовершеннолетних правонарушителей среднюю степень выраженности имеют активная стратегия преодоления стрессовых ситуаций «Ассертивные действия», просоциальные стратегии преодоления стрессовых ситуаций «Вступление в социальный контакт» и «Поиск социальной поддержки», пассивные стратегии преодоления стрессовых ситуаций «Осторожные действия» и «Избегание», непрямая стратегия преодоления стрессовых ситуаций «Манипулятивные действия». Таким образом, среди возможностей сознательного совладания со стрессом

несовершеннолетние правонарушители чаще всего избирают стратегии импульсивных, асоциальных и агрессивных действий. Указанные стратегии нельзя рассматривать как оптимальные, они, напротив, способны усугубить конфликтную ситуацию и затруднить решение проблемы.

Ценностная сфера несовершеннолетних правонарушителей представлена незначительной ценностью познания, что выражается в отсутствии стремления осваивать новые виды деятельности, решать познавательные задачи, отрицании ценности ответственности за себя и свой выбор, собственное поведение, поступки, проблемы во взаимоотношениях с другими. Несовершеннолетние правонарушители к себе относятся в большей мере позитивно, интересуются способами самовыражения, к людям также относятся в большей мере внимательно, однако испытывают сложности при учете индивидуальности другого. Стремление приносить пользу обществу выражено средне, значения показателя находятся на нижней границе нормативного диапазона. Несовершеннолетние правонарушители зависимы от поощрений и поддержки, не склонны проявлять инициативу, креативность.

Изучение правосознания несовершеннолетних правонарушителей позволило установить наличие таких дефектов, как инфантилизм (47 %), нигилизм (60 %), скептицизм (35 %), цинизм (38 %). При этом правовой реализм характерен лишь для 20 % несовершеннолетних правонарушителей. Полученные данные указывают на наличие дефектов правовой социализации обследованных лиц, что, на наш взгляд, требует психокоррекционного вмешательства.

На следующем этапе исследования нами установлены значимые связи показателей личностных свойств несовершеннолетних правонарушителей с различными формами дефектов правового сознания (коэффициент корреляции Спирмена). Правовой скептицизм и правовой цинизм несовершеннолетних правонарушителей значимо связаны с их коммуникативной закрытостью ($r = 0,52, p \leq 0,01$), стремлением доминировать в общении ($r = 0,47, p \leq 0,01$), импульсивностью ($r = 0,42, p \leq 0,01$), возбудимостью ($r = 0,42, p \leq 0,01$), склонностью к авантюрным поступкам ($r = 0,39, p \leq 0,01$), ленностью ($r = 0,33, p \leq 0,01$), низкой моральной нормативностью ($r = 0,29, p \leq 0,01$).

Несовершеннолетние, скептически относящиеся к правовым нормам, дезадаптированы, склонны к непринятию других, эмоциональному дискомфорту, экстернальному локус-контролю ($r = 0,42, p \leq 0,01$).

При совладании со стрессом преимущественно используют неадаптивные стратегии избегания асоциальных и агрессивных действий ($r = 0,34, p \leq 0,01$). Правой скептицизм значимо связан с низкой ценностью ответственного отношения к делу и отсутствием уважительного отношения к другим, недостатком умения доброжелательно и конструктивно общаться с ними ($r = 0,29, p \leq 0,01$).

Правовой инфантилизм несовершеннолетних правонарушителей значимо связан с их коммуникативной открытостью ($r = 0,41, p \leq 0,01$), флегматичностью ($r = 0,37, p \leq 0,01$), уступчивостью и навязчивостью в

поведении ($r = 0,36, p \leq 0,01$), легкомыслием ($r = 0,34, p \leq 0,01$), зависимостью от других ($r = 0,33, p \leq 0,01$), ленностью ($r = 0,29, p \leq 0,01$). Несовершеннолетние, проявляющие инфантилизм в отношении к правовым нормам, хорошо адаптированы, склонны к приятию других, испытывают эмоциональный комфорт, ведомы ($r = 0,47, p \leq 0,01$). Правой инфантилизм значимо связан с позитивным отношением несовершеннолетнего к себе ($r = 0,52, p \leq 0,01$).

Правовой нигилизм несовершеннолетних правонарушителей значимо связан с их коммуникативной закрытостью ($r = 0,46, p \leq 0,01$), эмоциональной лабильностью, возбудимостью, сверхактивностью, импульсивностью ($r = 0,37, p \leq 0,01$), низкой моральной нормативностью ($r = 0,29, p \leq 0,01$). Несовершеннолетние, проявляющие нигилизм, дезадаптированы ($r = 0,31, p \leq 0,01$), склонны к принятию себя при одновременном непринятии других ($r = 0,31, p \leq 0,01$), эмоциональному дискомфорту ($r = 0,29, p \leq 0,01$), экстернальному локус-контролю ($r = 0,28, p \leq 0,01$) и неконформизму ($r = 0,28, p \leq 0,01$). При совладании со стрессом преимущественно используют неадаптивную стратегию агрессивных действий ($r = 0,29, p \leq 0,05$). Правой нигилизм значимо связан с низкой ценностью ответственного отношения к делу, нежеланием заниматься общественно полезной деятельностью и отсутствием уважительного отношения к другим, недостатком умения доброжелательно и конструктивно общаться с ними ($r = 0,43, p \leq 0,01$).

Выводы

Таким образом, эмпирическое исследование личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей позволило выявить характерные для них эмоциональную лабильность, импульсивность, возбудимость, низкую нормативность поведения в сочетании с недостатком самоконтроля и экстернальностью. Коммуникативные программы требуют психокоррекционного вмешательства, как и стратегии совладающего поведения, которые проявляются неконструктивным, агрессивным, асоциальным и импульсивным поведением.

В сфере правосознания несовершеннолетних правонарушителей установлены дефекты правовой социализации в форме правового скептицизма, цинизма, нигилизма и инфантилизма. При этом несовершеннолетние правонарушители, отвергающие право, эмоционально нестабильны, коммуникативно закрыты, экстернальны и дезадаптированы, в то время как несовершеннолетние правонарушители, относящиеся к праву инфантильно, коммуникативно открыты, адаптированы к окружающей среде, отличаются конформностью и ведомостью.

Проведенное исследование позволяет расширить имеющиеся представления о роли личностных особенностей в формировании дефектов правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей. Выявленные характеристики способствуют разработке психокоррекционных программ, адаптированных в зависимости от формы дефектности правовой социализации, что, по нашему мнению, будет эффективным средством недопущения дальнейших правонарушений со стороны несовершеннолетних.

Полученные результаты будут положены в основу разработки и апробации психокоррекционных программ с учетом формы дефектности правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // МВД России : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Милевич К. С. К вопросу о превенции дефектов профессиональной социализации старшеклассников // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. № 7. С. 75–80.
3. Бакиров Р. Т. Организованная преступность в молодежной среде как дефект социализации в процессе образования // Современное профессиональное образование: проблемы, прогнозы, решения : сб. докл. междунар. науч.-практ. заоч. конф. (Казань, 16 мая 2016 г.) / под науч. ред. Ф. Ш. Мухаметзяновой. Казань, 2016. С. 201–204.
4. Бочков А. А. Дефекты правовой социализации несовершеннолетних правонарушителей // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2009. Т. 8. С. 50–62.
5. Руденский Е. В. Дефект социализации личности как базовая категория виктимологии образования : моногр. Новосибирск, 2004. 119 с.
6. Гаджиева Х. И. Криминогенность дефектов правовой социализации подростков в школе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 260–261.
7. Пичугин В. Г., Коробанова Ж. В. Феномен маргинальной личности в социальной среде // International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии. 2022. Т. 5, № 3. С. 76–81.
8. Романенко К. А. Психологические аспекты дефектов правовой социализации личности // Ломоносов – 2019 : материалы XXVI междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Севастополь, 3–5 апреля 2019 г.) / под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева, С. И. Рубцовой. Севастополь, 2019. С. 169–171.
9. Борисова С. Е. Правовая социализация личности как феномен правовой психологии // Психология и право. 2016. Т. 6, № 4. С. 5–15.
10. Усимова И. П. Правовая социализация личности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 208 с.
11. Сухарев А. А. Психологические аспекты исследования проблем правовой социализации // Проблемы формирования правовой культуры молодежи на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 24–25 апреля 2009 г.) / редкол.: А. А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. Витебск, 2009. С. 251–252.
12. Злоказов К. В., Ильянова Е. И. Роль особенностей личности в репрезентации несовершеннолетними регламентированного социального пространства // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 81–90.
13. Злоказов К. В., Ильянова Е. И., Рожков А. А. Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления несовершеннолетними // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 15–26.
14. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. 2-е изд., перераб. М., 2010. 639 с.
15. Ильянова Е. И., Морозов А. В. Влияние личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей на представления о собственном будущем // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 4 (239). С. 55–62.

REFERENCES

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *MVD Rossii: ofitsial'nyi sait* [Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (In Russ.). (Accessed March 10, 2023).
2. Milevich K.S. On the issue of the prevention of defects in professional socialization of high school students. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii = Problems and Prospects of Education Development in Russia*, 2011, no. 7, pp. 75–80. (In Russ.).
3. Bakirov R.T. Organized crime among young people as a defect of socialization in the educational process. In: *Mukhametzyanova F.Sh. (Ed.). Sovremennoe professional'noe obrazovanie: problemy, prognozy, resheniya: sb. dokl. mezhdunar. i nauch.-prakt. zaoch.konf. (Kazan, 16 maya 2016 g.)* [Modern professional education: problems, forecasts, solutions: proceedings of the International research and practice correspondence conference (Kazan, May 16, 2016)]. Kazan, 2016. Pp. 201–204. (In Russ.).
4. Bochkov A.A. Defects of legal socialization of juvenile delinquents. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova = Scientific Notes of the Vitebsk State University named after P.M. Masherov*, 2009, vol. 8, pp. 50–62. (In Russ.).
5. Rudenskii E.V. *Defekt sotsializatsii lichnosti kak bazovaya kategoriya viktimologii obrazovaniya: monogr.* [The defect of socialization of personality as a basic category of victimology of education: monograph]. Novosibirsk, 2004. 119 p.
6. Gadzhieva Kh.I. Criminogenicity of defects in legal socialization of adolescents at school. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2015, no. 5 (84), pp. 260–261. (In Russ.).
7. Pichugin V.G. The phenomenon of marginal personality in the social environment. *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii = International Journal of Medicine and Psychology*, 2022, vol. 5, no. 3, pp. 76–81. (In Russ.).
8. Romanenko K.A. Psychological aspects of defects in legal socialization of personality. In: Shpyrko O.A., Khapaev V.V., Rubtsova S.I. (Eds.) *Lomonosov-2019: materialy XXVI mezhdunar. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov-2019", (Sevastopol', 3–5 aprelya 2019 goda)* [Lomonosov-2019: proceedings of the 26th International scientific conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2019" (Sevastopol, 3–5 April, 2019)]. Sevastopol, 2019. Pp. 169–171. (In Russ.).
9. Borisova S.E. Legal socialization of personality. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 5–15. (In Russ.).

10. Usimova I.P. *Pravovaya sotsializatsiya lichnosti: dis. ...kand. yurid. nauk* [Legal socialization of personality: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 208 p.
11. Sukharev A.A. Psychological aspects of the study of the problems of legal socialization. In: Bochkov A.A. (Ed.). *Problemy formirovaniya pravovoi kul'tury molodezhi na sovremennom etape: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vitebsk, 24–25 aprelya 2009 g.)* [Problems of the formation of legal culture of youth at the present stage: proceedings of the International scientific and practical conference, Vitebsk, April 24–25, 2009]. Vitebsk, 2009. Pp. 251–252. (In Russ.).
12. Zlokazov K.V., Il'yankova E.I. The role of personality traits in the representation of regulated social space by adolescents. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2020, no. 3, pp. 81–90. (In Russ.).
13. Zlokazov K.V., Il'yankova E.I., Rozhkov A.A. The impact of the representation of social space on the perception of crime by juvenile. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 15–26. (In Russ.).
14. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii* [Legal psychology. With the basics of general and social psychology]. Moscow, 2010. 639 p.
15. Il'yankova E.I., Morozov A.V. The influence of personality characteristics of juvenile delinquents on ideas about their own future. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 4 (239), pp. 55–62. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАРАНОВ – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>
РОМАН НИКИТИЧ ВЕТРЕНКО – адъюнкт кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

YURII A. SHARANOV – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>
ROMAN N. VETRENKO – Adjunct at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Статья поступила 04.08.2023

Научная статья

УДК 159.9:343.8

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010

Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса

ИРИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА ЧЕРЕМИСОВААкадемия ФСИН России, Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>**ЮЛИЯ ИВАНОВНА ФЕЩУК**

ИК-6 УФСИН России по Рязанской области, Стенькино, Рязанская область, Россия, tvi19762010@mail.ru

Реферат

Введение: в статье представлено эмпирическое исследование взаимосвязи проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола с их социальным статусом в исправительном учреждении. *Цель:* выявить типологические особенности проявлений агрессивного поведения осужденных с различным социальным статусом для разработки психокоррекционной программы с учетом этих особенностей. *Методы:* в исследовании использовались методы теоретического, теоретико-прикладного качественного анализа, обобщения; анализ личных дел осужденных; анкетный опрос; опрос экспертов-сотрудников для получения информации о социальном статусе респондентов, их взаимоотношениях с другими осужденными и администрацией учреждения. Для диагностики агрессивного поведения осужденных различного социального статуса был использован комплекс психодиагностических методик. *Результаты:* на основании анализа личных дел, анкетного опроса осужденных и мнения экспертов-сотрудников учреждения были определены пять групп осужденных. Респонденты, включенные в определенную группу, имели схожие индивидуально-психологические характеристики. Анализ результатов диагностического исследования позволил выявить типологические особенности поведения осужденных мужского пола, имеющих различный социальный статус в исправительном учреждении. *Выводы:* агрессивное поведение осужденных в местах лишения свободы проявляется в физической, эмоциональной, предметной, вербальной агрессии и аутоагрессии. Разработанный психодиагностический комплекс исследования агрессивного поведения осужденных мужского пола может быть использован пенитенциарными психологами. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение особенностей диагностики и коррекции агрессивного поведения осужденных в зависимости от пенитенциарного статуса, гендерной принадлежности, возраста.

Ключевые слова: агрессивное поведение осужденных; осужденные мужского пола; социальный статус осужденных; диагностика агрессивного поведения; типологические особенности поведения; психологическая характеристика осужденных; виды агрессии осужденных.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Черемисова И. В., Фещук Ю. И. Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 427–435. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010.

Describing Manifestation of Aggressive Behavior of Male Convicts of Various Social Status

IRINA V. CHEREMISOVA

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

YULIYA I. FESHCHUK

Correctional Facility No. 6 of the Directorate of the FPS of Russia in the Ryazan Oblast, Sten'kino, Ryazan Oblast, Russia, irinarusa@inbox.ru

Abstract

Introduction: the article presents an empirical study of the relationship between manifestations of aggressive behavior of male convicts and their social status in a correctional institution. *Purpose:* to identify typical features of manifestations of aggressive behavior of convicts with different social status for the development of a psychocorrection program taking into account these features. *Methods:* the study used methods of theoretical, theoretical and applied qualitative analysis, generalization; analysis of personal files of convicts; questionnaire survey; a survey of expert employees to obtain information about the social status of respondents, their relationships with other convicts and the administration of the institution. A complex of psychodiagnostic techniques was used to diagnose aggressive behavior of convicts of various social status. *Results:* having analyzed personal cases, the questionnaire survey of convicts and points of view of experts – employees of the institution, the authors singled out five groups of convicts. The respondents included in a certain group had similar individual psychological characteristics. The diagnostic study results show typological features of behavior of male convicts of various social status in a correctional institution. *Conclusion:* aggressive behavior of convicts in places of deprivation of liberty manifests itself in physical, emotional, objective, verbal aggression and self-aggression. The developed psycho-diagnostic complex for the study of aggressive behavior of male convicts can be used by penitentiary psychologists. Further research can be directed to the study of the specifics of the diagnosis and correction of aggressive behavior of convicts, depending on the penitentiary status, gender, and age.

Keywords: aggressive behavior of convicts; male convicts; social status of convicts; diagnosis of aggressive behavior; typological features of behavior; psychological characteristics of convicts; aggression types.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Cheremisova I.V., Feshchuk Yu.I. Describing manifestation of aggressive behavior of male convicts of various social status. Penitentiary Science, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 427–435. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010.

Введение

В условиях изоляции в местах лишения свободы у осужденных формируются негативные чувства и переживания, которые трансформируются в агрессивное поведение [1–3]. На фоне низкого уровня адаптации к новым условиям наиболее приемлемой формой для самозащиты выступает агрессивное поведение, которое ориентировано на причинение вреда другому человеку и которое часто является следствием социального научения [4; 5]. В связи с этим одной из основных целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, выступает совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы, направленной на исправление осужденных с учетом их индивидуально-психологических особенностей.

Исследование агрессивного поведения осужденных в зависимости от их социального статуса является важным направлением в деятельности пенитенциарных психологов, ориентированным на исправление осужденных, что способствует их успешной ресоциализации после освобождения и профилактике деструктивных изменений и рецидива преступности [2; 6–11].

Субъектами агрессивного поведения в местах лишения свободы выступают осужденные, которые находятся в состоянии стресса и имеют посттравматический синдром от попадания в условия изоляции; осужденные с психопатическими отклонениями; осужденные, имеющие наркотическую или алкогольную зависимость; осужденные с высоким и средним уровнем криминальной зараженности [3; 6; 7; 11–14].

Диагностика и коррекция агрессивного поведения у осужденных основывается на комплексном изуче-

нии индивидуально-психологических особенностей, учете социального статуса и особенностей этапа отбывания наказания, что способствует повышению эффективности коррекционного воздействия [2; 7; 10; 15; 16].

Исследователи предлагают различные типологии социального статуса осужденных [6; 13; 17]. В нашем исследовании за основу взята типология осужденных в местах лишения свободы в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении и характера межличностных отношений А. П. Евграфова. Она включает группы: актив осужденных; осужденные, вставшие на путь исправления и поддерживающие актив, но ведущие себя пассивно; осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; религиозные фанатики [17, с. 275].

Цель исследования – выявить особенности проявлений агрессивного поведения осужденных с различным социальным статусом для разработки психокоррекционной программы с учетом этих особенностей.

В соответствии с целью были выдвинуты следующие задачи исследования: проанализировать актуальные подходы к изучению агрессивного поведения в зарубежной и отечественной психологии, исследования различных форм агрессивного поведения у осужденных в пенитенциарной психологии; разработать и апробировать диагностический комплекс по исследованию агрессивного поведения осужденных с учетом их социального статуса в исправительном учреждении; выделить группы осужденных мужского пола в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении; составить психологическую характеристику каждой группы и описать особенности проявлений агрессивного поведения для каждой группы осужденных.

Гипотеза исследования: проявления агрессивного поведения осужденных мужского пола имеют типологические особенности, обусловленные социальным статусом, которые необходимо учитывать при разработке психологической программы коррекции агрессивного поведения.

Исследование проводилось в рамках выпускной квалификационной работы Юлией Ивановной Фещук под научным руководством Ирины Валерьяновны Черемисовой.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 82 осужденных мужского пола ФКЛПУ Б-2 УФСИН России по Рязанской области.

Для решения поставленных задач исследование проводилось с использованием следующих методов: анализ личных дел осужденных (данный метод применялся для выявления особенностей поведения осужденных в период совершения ими преступления, учитывалась степень признания вины и характер совершенного преступления; для изучения поведения в период нахождения осужденных в следственном изо-

ляторе; учитывались результаты судебно-психиатрической экспертизы, которая проводилась в период следствия, а также заключение от психиатра и нарколога и социальная характеристика с места работы/учебы, от соседей); анкетный опрос (был направлен на исследование отношения к администрации учреждения, другим осужденным, а также режиму отбывания уголовного наказания и назначенной судом меры уголовного наказания); опрос экспертов-сотрудников для получения информации о социальном статусе респондентов, их взаимоотношениях с другими осужденными и администрацией учреждения.

Для диагностики готовности к реализации агрессивного поведения осужденных различного социального статуса был применен комплекс психодиагностических методик: «Опросник уровня агрессивности» А. Басса и А. Дарки, «Тест агрессивности» (Л. Г. Почебут), «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев), «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера.

Математическая обработка полученных психодиагностических данных проводилась на основе сравнительного анализа показателей с помощью методов математической статистики с использованием критериев значимости Фишера, критерия ранговой корреляции Спирмена, Т-критерия Вилкоксона. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерной программы STATISTICA 17.0.1.

Результаты и обсуждение

На основании анализа личных дел осужденных и данных анкетного опроса была составлена социально-демографическая характеристика, в которой обобщена информация об особенностях поведения осужденных в процессе их социализации.

Результаты показали, что средний возраст осужденных составляет 27 лет; большая часть из них (77 %) имеет среднее образование (неполное среднее – 42,1 %, среднее – 34,9 %), высшее – только малая часть осужденных (5,8 %); большинство испытуемых осуждены впервые (64,4 %); судимых родственников имеет почти половина респондентов (48,3 %); до осуждения ранее на учете в уголовно-исполнительной инспекции состояли 37,5 % осужденных, часть из которых (17,2 %) были осуждены условно, к исправительным работам или ограничению свободы (как лица, не достигшие 18 лет); почти половина осужденных (44,1 %) состояла на учете в наркологическом диспансере, в который поступали в состоянии острой интоксикации наркотическими веществами (каннабиноидами, опиумом); больше половины осужденных (66,2 %) не состоят в официальном браке, женаты – 33,6 %; по длительности пребывания в ФКЛПУ Б-2 УФСИН России по Рязанской области: 66,4 % осужденных находятся менее 5 лет, 10,9 % – свыше 10 лет.

Таким образом, на основании результатов анализа личных дел осужденных можно предварительно установить, что факторами, влияющими на формирование и предрасположенность к агрессивному поведению у осужденных, выступают наличие криминального опыта и воздействие психоактивных веществ.

Анализ дисциплинарной практики и опрос экспертов-сотрудников по отношению к осужденным (на основе типологии А. П. Евграфова) позволили выявить группы осужденных в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении: 1) осужденные отрицательной направленности (44,8 %); 2) осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие (34,6 %); 3) осужденные с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима (12,9 %); 4) осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни (5,4 %); 5) осужденные, вставшие на путь исправления (2,3 %).

Эти результаты позволяют сделать вывод, что в большинстве случаев осужденные первой (29,3 %) и второй групп (14,5 %) нарушают дисциплину в учреждении. Важно отметить, что данная категория состоит на профилактическом учете как склонная к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка, что подтверждается информацией из программно-технического комплекса автоматизированного картотечного учета спецконтингента (ПТК АКУС).

На основании данных анкетного опроса была получена информация, отражающая отношение осужденных к администрации учреждения, другим осужденным, а также режиму отбывания и назначенной судом меры уголовного наказания. Анализ ответов показал, что чуть больше половины осужденных (56,2 %) положительно относятся к режиму отбывания наказания, условиям в исправительном учреждении и администрации; значительная часть осужденных (74,9 %) отметили, что у них взаимоотношения с другими осужденными и администрацией положительные. Вместе с тем часть осужденных (25,1 %) указали, что между ними и другими осужденными или администрацией наблюдаются конфликтные взаимоотношения, что обусловлено наличием у самих осужденных стресса, раздражения или «придирами» администрации.

По результатам анкетного опроса и уголовно-правовой характеристики был составлен предварительный психологический портрет осужденных в зависимости от их социального статуса в учреждении. Так, для первой группы характерен высокий процент нарушений дисциплины, что связано, по их мнению, с завышенными требованиями к ним представителей администрации. 47 % осужденных этой группы переведены из исправительных колоний для оказания им медицинской помощи. Отбывают уголовное наказание по статьям за преступления против жизни и здоровья или преступления террористической направленности и экстремистской идеологии. Осужденные второй группы периодически нарушают дисциплину в учреждении в целях демонстрации несогласия с какими-либо действиями администрации; отбывают уголовное наказание по статьям за преступления против жизни и здоровья. Осужденные третьей группы периодически допускают нарушения дисциплины по причине конфликтов с администрацией или накопившегося нервного раздражения; отбывают уголовное наказание по статьям за имущественные пре-

ступления, преступления против здоровья населения и общественной нравственности или преступления против жизни и здоровья. Осужденные четвертой группы отличаются стремлением построить положительные взаимоотношения с администрацией, однако, как отмечают сами осужденные, по причине нервного напряжения или раздражительности, обусловленной нахождением в условиях изоляции, нарушают дисциплину; отбывают уголовное наказание за преступления против жизни и здоровья или против здоровья населения и общественной нравственности. Осужденные пятой группы характеризуются значительным количеством нарушений и наличием стремления построить бесконфликтные взаимоотношения с другими осужденными; отбывают уголовное наказание по статьям за преступления против здоровья населения и общественной нравственности или имущественные преступления.

1. Для оценки степени выраженности агрессивных и враждебных реакций каждой группы осужденных был использован «Опросник уровня агрессивности» Басса – Дарки. Анализ результатов позволил сделать вывод, что для осужденных в зависимости от их социального статуса характерны различные формы проявления агрессии.

Так, для первой группы осужденных характерны: физическое, косвенное, вербальное проявление агрессии. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «раздражение» и «вербальная агрессия»; «подозрительность», «косвенная агрессия» и «чувство вины». В ходе анализа корреляционной связи между шкалами «раздражение» и «вербальная агрессия» было установлено, что для осужденных данной группы свойственно выражение негативных чувств через содержание словесных ответов на повышенных тонах, что относится к высокой степени предрасположенности к агрессивному поведению. Анализ корреляционной связи между шкалами «подозрительность», «косвенная агрессия» и «чувство вины» показал, что у осужденных наблюдается высокий уровень уверенности в том, что другие люди могут причинить им вред. Они готовы продемонстрировать свою силу в форме косвенной агрессии как агрессии, направленной на другой объект, что сочетается с низкой степенью чувства вины и жалости по отношению к объекту агрессии.

Для осужденных второй группы свойственна физическая и вербальная агрессия. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «физическая агрессия», «подозрительность» и «обида», что обуславливает предрасположенность к использованию физической силы, наблюдается импульсивное поведение даже при малейшем возбуждении на основе недоверия, зависти, ненависти к окружающим.

Осужденные третьей группы также могут проявлять физическую агрессию, поскольку выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «физическая агрессия», «обида» и «чувство вины». Однако после реализации агрессивного поведения они испытывают жалость по отношению к объекту агрессии и угрызения совести.

У осужденных четвертой группы преобладает вербальное выражение агрессии. Выявленная статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «раздражительность», «обида» и «вербальная агрессия» демонстрирует предрасположенность к выражению негативных чувств через словесные ответы на повышенных тонах, основанных на зависти или ненависти к окружающим в результате причинения мнимого или реального вреда. Однако важно отметить, что высокие значения по шкале «чувство вины» свидетельствуют об угрызениях совести после реализации вербальной агрессии.

Для осужденных пятой группы свойственно косвенное выражение агрессии, что проявляется в форме ненаправленной агрессии. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «косвенная агрессия» и «чувство вины», что свидетельствует о низкой степени предрасположенности к агрессивному поведению в косвенном выражении

агрессии, однако при его реализации осужденные склонны испытывать угрызения совести и жалость к жертве агрессии.

Таким образом, в результате применения «Опросника уровня агрессивности» Басса – Дарки было установлено, что для осужденных первой группы характерна высокая степень предрасположенности к агрессивному поведению, для второй и третьей, а также четвертой – средняя степень, для осужденных пятой группы – низкая.

В связи с этим наблюдаются общие характеристики для каждой из выделенных групп: у первой и второй групп осужденных отмечается высокий уровень выраженности обиды, а у третьей и четвертой – средний уровень раздражительности и низкая степень выраженности косвенной агрессии. Также у осужденных четвертой и пятой групп осужденных установлен низкий уровень вербальной агрессии (диагр. 1).

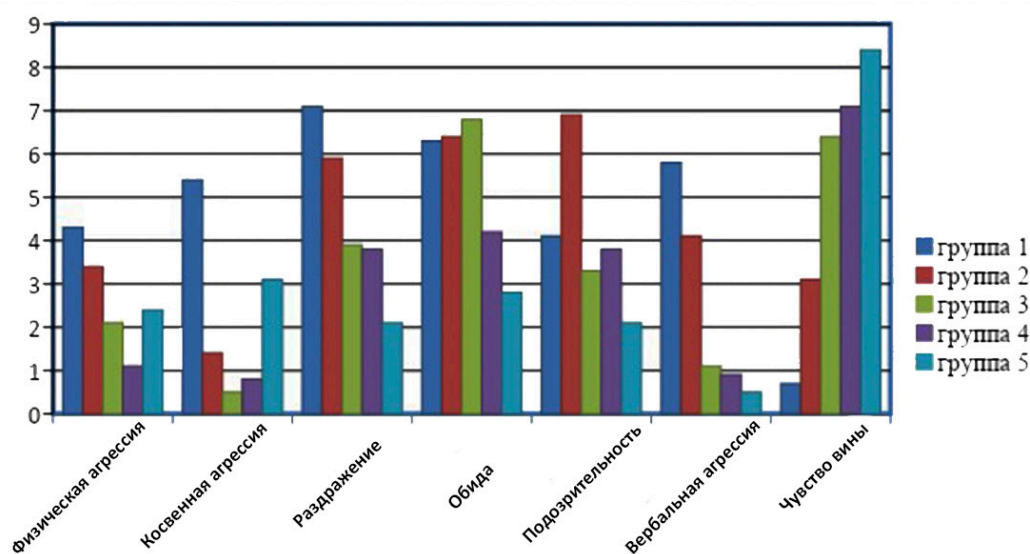

Диаграмма 1. Средние значение показателей по шкалам «Опросника уровня агрессивности» Басса – Дарки

Примечание: группа 1 – осужденные отрицательной направленности; группа 2 – осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; группа 3 – осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; группа 4 – осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; группа 5 – осужденные, вставшие на путь исправления.

2. В целях оценки степени выраженности агрессивности и адаптационного потенциала личности был применен «Тест агрессивности» (Л. Г. Почебут). Было выявлено, что для каждой группы осужденных в зависимости от их социального статуса характерны определенные варианты выражения агрессии, что влияет на их адаптационных потенциал.

Так, у первой группы осужденных выявлен высокий уровень физической, предметной и эмоциональной агрессии, что выражается в применении физической силы по отношению к другому человеку или предмету на основании сформированного эмоционального

отчуждения от других людей, сопровождаемой восприятием враждебности и недоброжелательности окружающих. Таким образом, агрессия для первой группы выступает в качестве приемлемого способа адаптации в социальном окружении, который базируется на самозащите от неблагоприятных факторов внешней среды.

У второй группы осужденных средняя степень выраженности предметной, вербальной и эмоциональной агрессии, что проявляется в оскорблениях по отношению к обидчику, однако физические действия направлены на окружающие предметы.

Для третьей группы осужденных свойственны предметная агрессия и самоагрессия, выражающиеся в том, что при реализации агрессивного поведения на окружающие предметы у данной категории осужденных возникают угрызения совести и самообвинение, на основании которых повышается нервное напряжение. В свою очередь неустойчивые осужденные способны на словесное выражение агрессии, что снижает нервное напряжение.

Для осужденных четвертой группы свойственны вербальная и эмоциональная агрессия, что проявляется в форме словесных оскорблений в адрес обидчика.

У пятой группы осужденных наблюдаются эмоциональная агрессия и самоагрессия, для них характерны ослабленные механизмы психологических

защит, эмоциональное отчуждение, ощущение недоброжелательности со стороны других людей и самообвинение, что отражает снижение в стрессовой, или фрустрирующей, ситуации адаптации к условиям в учреждении до низкой степени, что, возможно, обуславливает их пассивное поддержание действий и поступков активных осужденных.

В связи с этим наблюдаются общие характеристики для каждой из выделенных групп: у первой, третьей и пятой групп осужденных отмечается средний уровень выраженности предметной агрессии, у осужденных четвертой и пятой – низкий уровень физической агрессии. Однако для первой и четвертой групп характерен высокий уровень эмоциональной агрессии; высокий уровень самоагрессии выявлен у осужденных четвертой и пятой групп (диагр. 2).

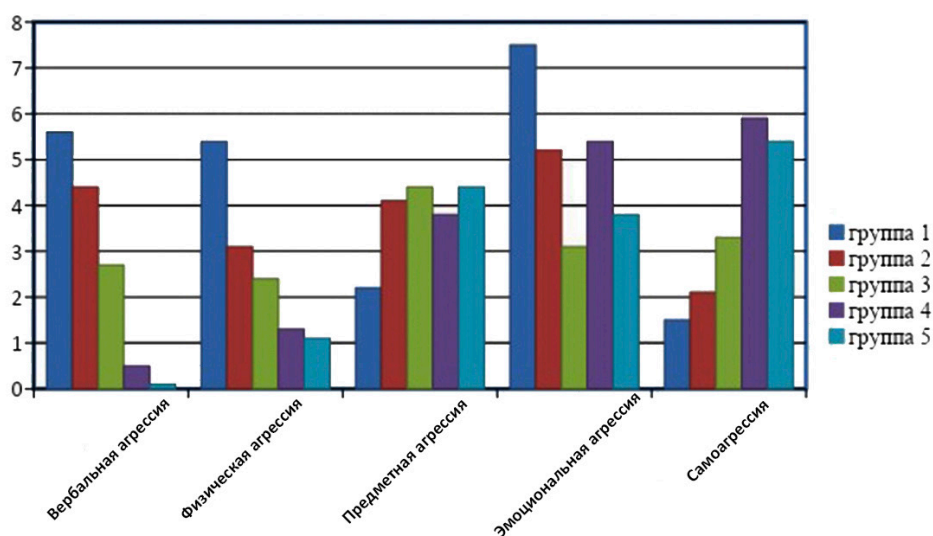

Диаграмма 2. Средние значения показателей по шкалам «Теста агрессивности» (Л. Г. Почебут)

Примечание: группа 1 – осужденные отрицательной направленности; группа 2 – осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; группа 3 – осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; группа 4 – осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; группа 5 – осужденные, вставшие на путь исправления.

3. Для установления склонности к конфликтности и агрессивности использовалась методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев). Исследование показало, что для осужденных первой группы характерны вспыльчивость, обидчивость, неуступчивость и нетерпимость; для второй группы – обидчивость, вспыльчивость и мстительность; для третьей группы – нетерпимость и вспыльчивость; для четвертой группы – вспыльчивость, обидчивость, наступательность и неуступчивость; для пятой группы – подозрительность и обидчивость.

Так, для осужденных первой группы характерны конфликтность и негативная агрессивность, которая выражается в форме активных действий или словесных выражений, приносящих дискомфорт другим людям. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,01$) между шкалами «вспыльчивость», «обидчивость» и «бескомпромиссность», что отра-

жает совершение импульсивных действий и поступков на фоне нервного напряжения, полученного в результате несогласия других осужденных со взглядами, действиями и поступками данной категории осужденных.

Для осужденных второй группы характерна конфликтность, которая выражается в высокой провокации конфликтных ситуаций и легкости вовлечения в них. Выявленная статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «обидчивость», «вспыльчивость» и «мстительность» свидетельствует о стремлении разрешить конфликтную ситуацию всеми возможными способами в целях наказания обидчика.

У осужденных третьей группы наблюдается средняя степень конфликтности, что проявляется в форме легкого вовлечения в конфликтные ситуации, однако провокаторами данные осужденные не выступают.

Для осужденных четвертой группы свойственна позитивная агрессивность, которая служит инструментом для достижения желаемой цели (получения условно-досрочного освобождения), что сочетается с низкой степенью конфликтности. Выявлена статистическая значимость различий ($p \geq 0,005$) между шкалами «наступательность» (напористость), «вспыльчивость» и «неуступчивость», что проявляется в форме переориентации своей агрессии в социально желательную форму поведения (выполнение требований администрации, соблюдение правил внутреннего распорядка, участие в различных мероприятиях), а также стремления идти на уступки, выражающегося в нежелании отстаивать свою точку зрения, если другие с ней не согласны.

У осужденных пятой группы наблюдается низкая степень агрессивности и конфликтности, что проявляется в форме пассивной позиции, проявляющейся

в нежелании участвовать в конфликтных ситуациях и выражать агрессию.

Анализ результатов по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) позволил сделать вывод, что для осужденных первой группы характерны негативная агрессивность и конфликтность; для второй группы – повышенная конфликтность; для третьей группы – средняя степень конфликтности; для четвертой группы – позитивная агрессивность; для пятой группы – стремление к избеганию конфликтов и низкая степень агрессивности.

Кроме того, особо отметим высокие показатели вспыльчивости осужденных первой, второй и третьей групп; наступательности четвертой группы; обидчивости первой и второй групп; мстительности второй группы; нетерпимости первой группы; подозрительности пятой группы (диагр. 3).

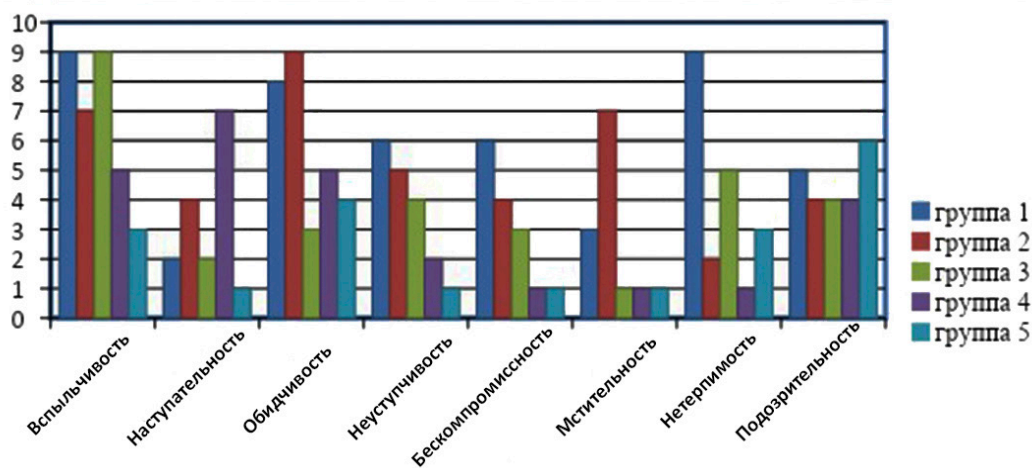

Диаграмма 3. Средние значения показателей по шкалам методики «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев)

Примечание: группа 1 – осужденные отрицательной направленности; группа 2 – осужденные, систематически нарушающие дисциплину, не реагирующие на воспитательное воздействие; группа 3 – осужденные, с неустойчивым поведением и допускающие нарушения режима; группа 4 – осужденные-приспособленцы, которые с целью досрочного освобождения внешне ведут себя дисциплинированно и даже участвуют в общественной жизни; группа 5 – осужденные, вставшие на путь исправления.

4. Анализ результатов по методике «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера показал, что для первой и второй групп осужденных свойственна высокая степень агрессивности, что проявляется в неуравновешенности и проявлении жестокости по отношению к другим людям. Показатели пятой группы осужденных соответствуют низкой степени агрессивности, выражающейся в миролюбивой позиции, основанной на неуверенности в собственных силах. Средняя степень агрессивности характерна для третьей и четвертой групп осужденных.

Кроме того, было выявлено, что в агрессивном поведении у всех испытуемых выборки проявляются вспыльчивость, мнительность или подозрительность,

что сочетается с нетерпимостью и зависит от уровня конфликтности.

Выводы

Результаты проведенного теоретико-экспериментального исследования особенностей проявления агрессивного поведения осужденных в зависимости от социального статуса позволяют сделать следующие выводы.

Агрессивное поведение осужденных в местах лишения свободы реализуется в формах эмоциональной, предметной, физической, вербальной агрессии и аутоагрессии. Проявления агрессивного поведения осужденных мужского пола имеют типологические особенности в зависимости от их социального статуса в исправительном учреждении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арапова А. С. К вопросу о психопрофилактике у осужденных деструктивных последствий пребывания в СИЗО // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 10. С. 5–8.
2. Ермакова В. Г., Аксенова П. Ю. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы // *NovalInfo.Ru*. 2019. № 104-1. С. 125–126.
3. Марфель Е. И. Особенности агрессивного поведения осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями условий отбывания наказания // *Наука глазами молодежи: проблемы и перспективы* : сб. науч. ст. Вологда, 2019. С. 141–146.
4. Гнидин О. П. Психологические особенности агрессивности и ее профилактика у субъектов из различных социальных сред : дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2008. 271 с.
5. Михайлов А. Н., Сараева Е. В., Соколова А. О. Взаимосвязь агрессивности и саморегуляции у осужденных // *Прикладная психология и педагогика*. 2018. Т. 3, № 3. С. 1–6.
6. Диденко А. В., Писарев О. М., Мальцев Е. А. Особенности динамики социального статуса осужденных с расстройствами личности в процессе отбывания уголовных наказаний в местах лишения свободы // *Тюменский медицинский журнал*. 2011. № 1. С. 5–8.
7. Недялкова Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) // *Пенитенциарная наука*. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 321–327.
8. Сысоев А. М. Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002. 192 с.
9. Федотова С. В. Восприятие социального статуса личности в современном российском обществе : дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 370 с.
10. Штефан Е. Ф. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках отбывания наказания : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2008. 194 с.
11. Щербача С. А. Влияние агрессивности личности на ее отношение к правонарушениям : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2003. 150 с.
12. Булатчик Э. П. Особенности агрессивных лиц, совершивших убийство : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 205 с.
13. Кадырова Э. З. Клинико-психологические особенности криминальной агрессии в структуре психопатоподобного изменения личности у осужденных мужчин вследствие алкогольной и наркотической зависимости : дис. ... канд. мед. наук. Уфа, 2000. 201 с.
14. Тевосян Н. Р. Самосознание лиц, склонных к инструментальной агрессии : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 211 с.
15. Михайлова О. Б., Сафи С. М., Шептура А. В. Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении // *Мир науки*. 2017. Т. 5, № 6. С. 1–7.
16. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы : учеб. пособие для вузов / В. М. Поздняков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Позднякова. М., 2023. 222 с.
17. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии : учеб. для общеобразоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации. Рязань, 2001. 536 с.

REFERENCES

1. Arapova A.S. Concerning to the problem of the convicted psychoprophylaxis of stay in a remand prison. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 10, pp. 5–8. (In Russ.).
2. Ermakova V.G., Aksenova P.Yu. Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts during long periods of imprisonment. *NovalInfo.Ru*, 2019, no. 104–1, pp. 125–126. (In Russ.).
3. Marfel E.I. Features of aggressive behavior of convicted men who are malicious violators of the conditions of serving punishment. In: *Nauka glazami molodezhi: problemy i perspektivy: sb. nauch. st.* [Science through the eyes of youth: problems and prospects: collection of scientific articles]. Vologda, 2019. Pp. 141–146. (In Russ.).
4. Gnidin O.P. *Psikhologicheskie osobennosti agressivnosti i ee profilaktika u sub"ektov iz razlichnykh sotsial'nykh sred: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of aggressiveness and its prevention among subjects from various social environments: Candidate of Science (Psychology) dissertation]. Stavropol, 2008. 271 p.
5. Mikhailov A.N., Saraeva E.V., Sokolova A.O. Vzaimosvyaz' agressivnosti i samoregulyatsii u osuzhdennykh. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 1–6. (In Russ.).
6. Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tsev E.A. Features of the dynamics of the social status of convicts with personality disorders in the process of serving criminal sentences in places of deprivation of liberty. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen Medical Journal*, 2011, no. 1, pp. 5–8. (In Russ.).
7. Nedyalkova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).
8. Sysoev A.M. *Psikhologiya autoagressivnogo povedeniya osuzhdennykh i ego preduprezhdenie: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychology of self-aggressive behavior of convicts and its prevention: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2002. 192 p.
9. Fedotova S.V. *Vospriyatie sotsial'nogo statusa lichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Perception of the social status of an individual in modern Russian society: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2016. 370 p.
10. Shtefan E.F. *Psikhokorreksiya agressivnogo povedeniya osuzhden-nykh muzhskogo pola pri dlitel'nykh srokakh otbyvaniya nakazaniya: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts during long periods of serving sentences: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2008. 194 p.

11. Shcherbakha S.A. *Vliyanie agressivnosti lichnosti na ee otnoshenie k pravonarusheniyam: dis. ... kand. psikholog. nauk* [The influence of aggressiveness of a person on her attitude to offenses: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Sochi, 2003. 150 s.
12. Bulatchik E. P. *Osobennosti agressivnykh lits, sovershivshikh ubiistvo: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Features of aggressive persons who have committed murder: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 205 p.
13. Kadyrova E.Z. *Kliniko-psikhologicheskie osobennosti krimi-nal'noi agressii v strukture psikhopatopodobnogo izmeneniya lichnosti u osuzhdennykh muzhchin vsledstvie alkogol'noi i narkoticheskoi zavisimosti: dis. ... kand. med. nauk* [Clinical and psychological features of criminal aggression in the structure of psychopathic personality changes in convicted men due to alcohol and drug addiction: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ufa, 2000. 201 p.
14. Tevosyan N.R. *Samosoznanie lits, sklonnykh k instrumental'noi agressii: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Self-consciousness of persons prone to instrumental aggression: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2011. 211 p.
15. Mikhailova O.B., Safi S.M., Sheptura A.V. Aggressiveness of personality: basic approaches and prospects in the study. *Mir nauki = The world of Science*, 2017, vol. 5, no. 6, pp. 1–7. (In Russ.).
16. Pozdnyakov V.M. et al. *Penitentsiarnaya psikhologiya: psikhologicheskaya rabota s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody: ucheb. posobie dlya vuzov* [Penitentiary psychology: psychological work with convicts serving a sentence of imprisonment: textbook for universities]. Ed. by Pozdnyakov V.M. Moscow, 2023. 222 p.
17. Ushatkov A.I., Kazak B.B. *Osnovy penitentsiarnoi psikhologii: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii M-va yustitsii Ros. Federatsii* [Fundamentals of penitentiary psychology: textbook]. Ryazan, 2001. 536 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА ЧЕРЕМИСОВА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Академии ФСИН России, Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

ЮЛИЯ ИВАНОВНА ФЕЩУК – старший инспектор группы социальной защиты и трудового обеспечения осужденных ИК-6 УФСИН России по Рязанской области, п. Стенькино, Рязанская область, Россия, tv19762010@mail.ru

IRINA V. CHEREMISOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

YULIYA I. FESHCHUK – Senior Inspector at the Group of Social Protection and Labor Support of Convicts of the Correctional Facility No. 6 of the Directorate of the FPS of Russia in the Ryazan Oblast, Sten'kino, Ryazan Oblast, Russia, tv19762010@mail.ru

Статья поступила 24.08.2023

Научная статья

УДК 378.046.2

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011

Неформальное обучение начинающих преподавателей вузов ФСИИ России как фактор развития их преподавательских компетенций

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА АЛЕКСАНДРОВА

Вятский государственный университет, Киров, Россия, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФАЛЕЕВА

Кировский институт повышения квалификации работников ФСИИ России, Киров, Россия, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме неформального обучения в контексте развития преподавательских компетенций начинающих преподавателей вузов ФСИИ России для их профессиональной самореализации и педагогического саморазвития. *Цель:* показать значение и раскрыть потенциал неформального обучения для развития преподавательских компетенций начинающих преподавателей вузов ФСИИ России. *Методы:* теоретический анализ литературы, методы сравнения, классификации, обобщения. *Результаты:* на протяжении всей жизни происходит не только формальное, но и неформальное обучение. Неформальное обучение гарантирует право доступа к образованию всех начинающих преподавателей, рассчитано на любой возраст и не предполагает непрерывную структуру обучения. У начинающих преподавателей вузов ФСИИ России, имеющих юридическое или другое, но не педагогическое образование, возникают определенные сложности в обучении сотрудников, имеющих опыт работы в ведомственной структуре. Развитие преподавательских компетенций начинающих преподавателей можно рассматривать как приобретение новых педагогических навыков и опыта практической деятельности в процессе неформального обучения на рабочем месте, общения с более опытными коллегами, наставниками, руководителями. *Выводы:* неформальное обучение начинающих преподавателей способствует формированию профессионального отношения к педагогической деятельности, повышению самооценки, улучшает осведомленность о педагогическом поведении и особенностях поведения слушателей. Кроме того, чтобы способствовать неформальному обучению начинающих преподавателей, важно обеспечить как личные (самосознание и желание учиться), так и организационные контексты. Неформальное обучение начинающих преподавателей обладает возможностями в совершенствовании преподавательских компетенций.

Ключевые слова: обучение на протяжении всей жизни; неформальное обучение; формальное обучение; начинающие преподаватели; преподавательские компетенции; обучение взрослых.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Александрова Н. С., Фалеева Л. В. Неформальное обучение начинающих преподавателей вузов ФСИИ России как фактор развития их преподавательских компетенций // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 436–441. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011.

Original article

Informal Learning of Novice Teachers of Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service as a Factor in the Development of Their Teaching Competencies

NATAL'YA S. ALEKSANDROVA Vyatka State University, Kirov, Russia, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>**LIYA V. FALEEVA**The Kirov IPKR of the FPS of Russia, Kirov, Russia, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of informal learning in the context of development of teaching competencies of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service for their professional self-realization and pedagogical self-development. *Purpose:* to show the importance and identify capacities of informal learning to develop teaching competencies of novice teachers. *Methods:* theoretical analysis of literature, methods of comparison, classification, and generalization. *Results:* not only formal, but also informal education takes place throughout life. Informal learning guarantees the right of access to education for all novice teachers, is designed for any age and does not imply a continuous education structure. Novice teachers of universities of the Federal Penitentiary Service, who have legal or other, but not pedagogical education, have certain difficulties in teaching employees who have experience working in a departmental structure. The development of teaching competencies of novice teachers can be considered as the acquisition of new pedagogical skills and practical experience in the process of informal learning in the workplace, communication with more experienced colleagues, mentors, and managers. *Conclusions:* informal learning of novice teachers contributes to the formation of a professional attitude to pedagogical activity, increases self-assessment, improves awareness of pedagogical behavior and the specifics of students' behavior. In addition, in order to facilitate informal learning of novice teachers, it is important to provide both personal (self-awareness and desire to learn) and organizational contexts. Informal learning of novice teachers can improve teaching competencies.

Keywords: lifelong learning; informal learning; formal learning; novice teachers; teaching competencies; adult education.

5.8.1 General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Aleksandrova N.S., Faleeva L.V. Informal learning of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service as a factor in the development of their teaching competencies, *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 436–441. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011.

Введение

В последние годы научным сообществом переосмысливается ценность обучения на протяжении всей жизни. Эта тенденция принимается во внимание во всем мире при разработке образовательной политики и механизмов для ее реализации. Обучение на протяжении всей жизни описано в резолюциях ЮНЕСКО как целенаправленная учебная деятельность, осуществляемая на постоянной основе с целью совершенствования знаний, навыков и компетенций. Это уже не просто один из аспектов образования и обучения; оно должно стать руководящим принципом обеспечения и участия во всем континуме контекстов обучения. Следовательно, обучение на протяжении всей жизни включает неформальное обучение, приобретаемое на основе опыта, и, следовательно, происходит на протяжении всей профессиональной карьеры [1; 2, с. 5].

В контексте проблемы развития преподавательских компетенций начинающих преподавателей вузов ФСИН России для профессиональной самореализации и педагогического саморазвития неформальное обучение обладает несомненным потенциалом.

Особенности неформального обучения

Неформальное обучение считается дополнительным, альтернативным формальному в рамках процесса обучения на протяжении всей жизни [3]. Неформальное обучение гарантирует право доступа к образованию всех начинающих преподавателей любых возрастов и не предполагает непрерывную структуру обучения: оно может быть непродолжительным, малоинтенсивным и обычно проводится в форме коротких курсов, практикумов или семинарских занятий на рабочем месте [4]. Неформальное обучение начинающих преподавателей в основном ведет к получению знаний, которые не признают-

ся соответствующими государственными органами образования в качестве эквивалентных формальным квалификациям, но специальных курсов по приобретению преподавательских компетенций нет. Неслучайно у начинающих преподавателей вузов ФСИН России, имеющих юридическое или другое, но не педагогическое образование, возникают определенные сложности в обучении сотрудников, имеющих опыт работы в ведомственной структуре.

Прежде всего, в рамках нашей проблемы важно определить, кого мы будем относить к категории «начинающий преподаватель». Возрастные рамки здесь могут быть неограниченными: это может быть молодой по возрасту человек, но недавно пришедший в вуз из уголовно-исполнительной системы и начавший свою преподавательскую деятельность, или недавно выпустившийся из вуза. Некоторые исследователи считают начинающими преподавателями тех, кто преподает в высших учебных заведениях менее четырех лет, в то время как другие исследователи продлевают этот период до пяти–семи лет опыта. Мы

предлагаем относить к категории начинающих преподавателей с опытом преподавания в ведомственном вузе до 7 лет.

Профессиональные компетенции преподавателя

Для организации неформального обучения и определения его ключевых конструктов также важно понимание того, какие преподавательские компетенции необходимо сформировать у начинающих преподавателей ведомственных вузов ФСИН России.

Традиционно профессиональный преподавательский профиль включает три основные функции: преподавание, исследование и администрирование. Сосредоточив внимание на функции преподавания, ученые до сих пор не выработали единого мнения о том, кого считать «хорошим преподавателем». Тем не менее концепция высшего образования, ориентированная на обучение и инновации, не может быть понята без учета профессиональных компетенций преподавателей. Для этого предложим совокупность преподавательских компетенций начинающих преподавателей, определяющих их педагогическое мастерство (табл.).

Таблица

Преподавательские компетенции начинающих преподавателей

Преподавательские компетенции	Показатели
Владение контентом	Знания в дисциплинарной области, понимание ее взаимосвязи с другими областями
Межличностные компетенции	Взаимодействие с обучающимися, мотивация, доверие, эмпатия и этические обязательства
Методологические компетенции	Применение методологических стратегий, которые согласуются с потребностями, контекстом, профессиональным профилем, целями, и оценочная деятельность
Коммуникативные компетенции	Установление эффективной, адекватной коммуникации при контекстуализации ее в различных ситуациях обучения
Планирование обучения и управление	Разработка содержания учебных мероприятий
Оценочные компетенции	Оценка учебно-воспитательного процесса
Компетенции командной работы	Сотрудничество в группе на уровне образовательной организации, института, кафедры
Обучение	Руководство процессом обучения обучающихся путем содействия их автономии
Нововведение	Размышление о собственной практике и осуществление инициатив по улучшению преподавания

Итак, развитие преподавательских компетенций начинающих преподавателей ведомственных вузов ФСИН России определяется как постепенная эволюция в сторону профессионализма, которая усиливает образовательную функцию, сопровождаемую критическим самоанализом. Кроме того, в процесс неформального обучения начинающих преподавателей ведомственных вузов ФСИН России мы включили организационную перспективу, определив фасци-

литаторов и барьеры профессионального развития, которые учитывались в процессе неформального обучения.

Начинающие преподаватели находятся на начальном этапе своей карьеры и сосредоточены на себе; основными их задачами являются овладение предметом и преодоление педагогической неуверенности. Следовательно, развитие преподавательских компетенций начинающих преподавателей мы рас-

смаатриваем как приобретение новых педагогических навыков и опыта практической деятельности в процессе неформального обучения на рабочем месте, обучение в процессе общения с более опытными коллегами, наставниками, руководителями. Также неформальное обучение предполагает отсутствие систематического контроля, не регламентировано учебной программой и не ограничивается определенными средами. Нами зафиксировано, что начинающие преподаватели, участвуя в коллективных неформальных учебных мероприятиях, более эффективно развивают свои преподавательские компетенции.

Процесс неформального обучения начинающих преподавателей в ведомственном вузе ФСИН России предполагал участие преподавателя в коллективной и индивидуальной учебной деятельности, такой как практика и тестирование, а также обсуждение результатов со слушателями и коллегами. Так, примером коллективной учебной деятельности является наблюдение начинающего преподавателя за более опытными коллегами в процессе преподавания. Индивидуальная неформальная учебная деятельность предполагает включение начинающих преподавателей в сетевые профессиональные сообщества, сотрудничество и диалоги с коллегами.

Неформальное обучение начинающих преподавателей способствует формированию профессионального отношения к педагогической деятельности, повышению самооценки и др. Кроме того, чтобы способствовать неформальному обучению начинающих преподавателей, важно обеспечить как личностные (самосознание и желание учиться), так и организационные контексты.

В рамках личностных контекстов образовательные организации ФСИН России стремятся к расширению экспертных знаний начинающих преподавателей и продвижению новой модели педагогической профессии в соответствии с сегодняшней ситуацией. В рамках развития организационных контекстов для активации неформального обучения начинающих преподавателей мы использовали три основных компонента: исследовательское обучение (то есть сосредотачивали внимание начинающих преподавателей на исследованиях и экспериментах), поощрение ошибок (то есть одобряли начинающих преподавателей совершать ошибки и учиться на них) и эмоциональный контроль (то есть предоставление начинающим преподавателям возможности управлять своими эмоциями). Также важен фактор обратной связи, который стимулирует активное поисковое поведение начинающего преподавателя и его дальнейшее неформальное обучение.

В рамках неформального обучения начинающие преподаватели могли выстраивать различные стратегии развития преподавательских компетенций, исходя из своих исходных данных: одни стремились расширить свои знания в дисциплинарной области, вторые – улучшали компетенции при взаимодействии с обучающимися, третьи – уделяли внимание учебно-методическим компетенциям и особенностям воспитательного процесса.

Потенциал неформального обучения

Итак, перечислим преимущества неформального обучения в развитии преподавательских компетенций у начинающих преподавателей. Первое заключается в том, что начинающие преподаватели заинтересованы учиться наиболее эффективным способом, предпочитают сосредоточиваться на ключевых моментах и получать ресурсы для расширения своих навыков и способностей.

Второе преимущество заключается в возможности обучения в индивидуальном режиме. Неформальное обучение предоставляет возможность и ресурсы для принятия активной роли в управлении собственным обучением для гарантированного достижения целей.

Третье преимущество неформального обучения состоит в профессиональном взаимодействии, начинающих и опытных преподавателей на равных условиях. Каждый вносит свой вклад в образовательный процесс.

И главное преимущество неформального обучения заключается в том, что начинающие преподаватели могут самостоятельно искать возможности для обучения. Специалист по образованию взрослых Сирил Хоул выделил три типа мотивационных ориентаций у взрослых обучающихся: целеустремленность, активность и ориентированность на обучение. Целенаправленные начинающие преподаватели стремятся достичь конкретной цели, деятельностно-ориентированные – получают удовольствие от процесса обучения, включая социальную природу многих видов преподавательского опыта, а ориентированные – имеют врожденное желание учиться [5].

Последующие исследователи стремились расширить и уточнить список мотиваций С. Хоула. Так, Морстейн и Смарт (1974) разработали мотивационные факторы на основе шкалы участия в образовании. Например: социальные отношения – установление новых знакомств, социальное взаимодействие; внешние ожидания – часто от начинающих преподавателей требуется изучать и осваивать новые знания; профессиональный рост для продвижения по карьерной лестнице; социальное обеспечение – желание служить другим и обществу; отвлечение/стимулирование – обучение выступает тем, чем можно заняться, хобби для некоторых; познавательный интерес – неподдельный интерес к обучению ради обучения [6, с. 52–54; 7].

Таким образом, наше исследование расширило представления о специфике неформального обучения начинающих преподавателей ведомственных вузов.

Специфика обучения взрослых обучающихся

Теоретическая основа неформального обучения начинающих преподавателей была выстроена с учетом того, что они будут обучать взрослых слушателей и им важно знать специфику этой категории обучающихся. Начинающие преподаватели при этом могут быть младше или ровесниками своих подопечных.

Одним из первых ученых, утверждавших, что взрослые учатся иначе, чем дети, был Малкольм Ноулз. Он использовал термин «андрагогика» для описания методов обучения, ориентированных на взрос-

лых, а также разработки теории обучения взрослых, основанной на уникальных характеристиках взрослых обучающихся. М. Ноулз проанализировал список уникальных характеристик, которые применимы к взрослым, включая способность к самостоятельному обучению, предпочтительность целеустремленного, актуального и практико-ориентированного обучения, а также наличие богатого жизненного опыта и потребность в самореализации [8]. Взрослые обучающиеся устанавливают связи с предыдущими знаниями и опытом, способны поправлять ошибочные представления, ориентированы на достижение целей, которые могут меняться с течением времени в зависимости от потребностей на разных этапах жизни и часто варьируются от одного взрослого обучающегося к другому.

Взрослые изучают, что наиболее полезно и важно для них в профессиональной деятельности, соответствует их опыту, не любят бессмысленное заучивание тех или иных фактов. Когда актуальность определенной информации может быть неочевидна, указание на то, как или почему это важно, особенно на личном уровне, может помочь привлечь внимание к процессу обучения. Аналогичным образом программы обучения, которые делают задания или темы обязательными для изучения и контроля, могут вызывать недовольство некоторых взрослых участников.

Необходимо в процессе обучения дать возможность участникам делиться примерами из собственного опыта, активно коммуницировать. Преподаватели стремятся задавать тон, при котором ценится вклад всех участников в процесс обучения, фасилитаторы делятся информацией собственных связей с контентом.

Начинающим преподавателям важно учитывать особенности взрослых обучающихся в своей преподавательской деятельности [9].

Итак, в контексте неформального обучения целевые ориентиры могут сильно различаться, поэтому преподавателям важно правильно интерпретировать собственные уникальные цели и понимать потенциальную возможность неформального обучения для

развития преподавательских компетенций. Следовательно, процесс неформального обучения начинающих преподавателей важно организовать с учетом специфики обучения взрослых и создать такую обучающую среду, которая помогает свести к минимуму страх неудач, так как взрослые склонны избегать ситуации неуспеха. Необходимо донести до начинающих преподавателей, что допускать ошибки – это часть обучения. Опытные преподаватели могут помочь начинающим модерировать дискуссии, чтобы участники, чьи взгляды или убеждения отличаются от взглядов их коллег, по-прежнему чувствовали себя частью группы, а не аутсайдерами. Поскольку начинающие преподаватели учатся по-разному и с разной скоростью, важно, чтобы они были внимательны к различиям между слушателями.

Выводы

В последние годы у преподавательского состава образовательных организаций ФСИИ России значительно повысился интерес к высококачественному преподаванию, что ориентирует начинающих преподавателей на постоянное профессиональное развитие. Несомненно, начинающим преподавателям предлагаются варианты официальной подготовки и повышения квалификации, которые по-прежнему являются добровольными и, следовательно, охватывают только небольшой процент преподавателей. В отличие от формального неформальное обучение происходит во время ежедневной педагогической практики на рабочем месте, что предоставляет существенно большие возможности для развития преподавательских компетенций.

Таким образом, следует отметить, что приобретение начинающими преподавателями преподавательских компетенций происходит более эффективно в процессе неформального обучения, так как содержание такого обучения более тесно связано с индивидуальными потребностями преподавателя, является самоуправляемым и саморегулируемым, происходит в индивидуальном темпе, исходя из временных и когнитивных ресурсов личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дресвянников В. А. Андрагогика: принципы практического обучения для взрослых. URL: <https://www.elitarium.ru/obuchenie-princip-znaniya-opyt-celi-potrebnosti-razvitie-andragogika-sposobnosti/> (дата обращения: 23.08.2023).
2. Основы андрагогики / под ред. И. А. Колесниковой. М., 2003. 240 с.
3. Рукавишникова Е. Л. Некоторые аспекты обучения взрослых // Проблемы и перспективы развития образования : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь, 2012. С. 156–158.
4. Глухов В. В., Васецкая Н. О. Смарт-образование как инструмент повышения качества профессиональной подготовки // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6, № 21. С. 8–17.
5. Jarvis P. Adult Education and Lifelong Learning: Theory and Practice. 3rd ed. London ; New York, 2004. 382 p.
6. Conner M. L., Clawson J. G. Creating a Learning Culture: Strategy, Technology, and Practice. Cambridge ; New York, 2004. 351 p.
7. Graham S., Weiner B. Theories and principles of motivation // Handbook of educational psychology. New York, 1996. Pp. 63–84.
8. Knowles M. S., Holton III E. E., Swanson R. A. The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development. 6th ed. London ; New York, 2005. 378 p.
9. Алехин И. А., Казакова У. А., Майстренко В. В. Образовательная среда вуза как ресурс научного и профессионально-педагогического развития преподавателя // Мир образования – образование в мире. 2015. № 2 (58). С. 35–39.

REFERENCES

1. Dresvyannikov V.A. *Andragogika: printsipy prakticheskogo obucheniya dlya vzroslykh* [Andragogy: principles of practical training for adults]. Available at: <https://www.elitarium.ru/obuchenie-princip-znanija-opyt-celi-potrebnosti-razvitie-andragogika-sposobnosti/> (accessed August 23, 2023).
2. *Osnovy andragogiki* [Fundamentals of andragogy]. Ed. by Kolesnikova I.A. Moscow, 2003, 240 p.
3. Rukavishnikova E.L. *Some aspects of adult education. In: Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', mai 2012 g.)* [Problems and prospects of education development: materials of the 2nd International science conference (Perm, May 2012)]. Perm, 2012. Pp. 156–158.
4. Glukhov V. V., Vasetskaya, N.O. Smart-education as a tool for improving the quality of vocational training. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze = Teaching Methodology in Higher Education*, 2017, vol. 6, no. 21, pp. 8–17. (In Russ.).
5. Jarvis P. *Adult education and lifelong learning: Theory and practice*. London, New York, 2004. 382 p.
6. Conner M.L., Clawson J.G. *Creating a learning culture: strategy, technology, and practice*. Cambridge, New York, 2004. 351 p.
7. Graham S., Weiner B. Theories and principles of motivation. In: *Handbook of educational psychology*. New York, 1996. Pp. 63–84.
8. Knowles M.S., Holton III E.E., Swanson R.A. *The adult learner: the definitive classic in adult education and human resource development*. London, New York, 2005. 378 p.
9. Alekhin I.A., Kazakova U.A., Maistrenko V.V. The university educational environment as a resource for a lecturer's scientific and is professional pedagogical development. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = World of Education = Education in the World*, 2015, no. 2 (58), pp. 35–39. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА АЛЕКСАНДРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования Вятского государственного университета, Киров, Россия, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФАЛЕЕВА – доктор педагогических наук, профессор кафедры кадровой, воспитательной и психологической работы Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России, Киров, Россия, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

NATAL'YA S. ALEKSANDROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education of the Vyatka State University, Kirov, Russia, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

LIYA V. FALEEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), professor at the Department of Personnel, Educational and Psychological Work of the Kirov IPKR of the FPS of Russia, Kirov, Russia, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Статья поступила 25.08.2023

Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии К. Д. Ушинского

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНЦЕВ

Академия ФСИИ России, Рязань, Россия, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА

Академия ФСИИ России, Рязань, Россия, upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

Реферат

Введение: формирование мировоззрения у обучающихся является важнейшим элементом любой педагогической системы. Не является исключением и педагогическое наследие К. Д. Ушинского. В статье рассматривается развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, анализируются его составные части, связь педагогического учения великого русского педагога с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. Главной идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства. Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского – народности, религиозности и научности. *Целью* настоящей статьи является попытка рассмотреть и проанализировать такой аспект педагогической системы К. Д. Ушинского, как формирование мировоззрения обучающихся, определяющий все остальные части его педагогической системы, найти те элементы в его концепции, которые остаются актуальными и в настоящее время и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике. *Методы:* с целью всестороннего рассмотрения в трудах К. Д. Ушинского философских взглядов известных на тот период философов авторы использовали методику контент-анализа упоминаний имен этих философов в двухтомном издании фундаментальной работы «Человек как предмет воспитания». Активно применялись также метод сравнительного анализа, исторический метод. *Результаты:* в статье предпринята попытка с позиций современности в философско-социологическом аспекте рассмотреть формирование мировоззрения у обучающихся в педагогической системе К. Д. Ушинского, указаны те моменты в его концепции, которые были актуальны в начале XIX в. и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике. Выделяя в сложном понятии «мировоззрение» известные в философии три его составные части – мироощущение (эмоционально-психологическая сторона), мировосприятие (образ мира в наглядных чувственных представлениях, полученных в результате чувственного восприятия окружающего мира) и миропонимание (познавательная-интеллектуальная сторона мировоззрения), авторы делают вывод о том, что три краеугольных элемента педагогической системы К. Д. Ушинского – народность, религиозность и научность – позволяют формировать все эти составные части мировоззрения. *Выводы:* философские взгляды К. Д. Ушинского на протяжении его жизненного пути прошли эволюцию от объективного идеализма к дуализму и незавершенному материализму, близкому к диалектическому материализму. Эволюцию в педагогической системе претерпела религиозность образования и воспитания, став прикладным воспитательным аспектом, помогающим лучше осваивать народную культуру, без которой невозможно ни одно национальное воспитание. Изменялся и такой элемент педагогической системы, как научность, которую он рассматривал в двух аспектах: научность самой педагогики, опирающейся на знания антропологии и других наук, и научность как формирование научной картины мира, приобретение знаний естественных и общественных наук, которые позволяют обучающимся осваивать профессии, отвечающие их интересам и потребностям общества на данный период времени. Учитывая изменчивость и развитие природы и общества, предполагающие постоянную коррекцию обучения и воспитания, следует и в настоящее время отказываться от догм и установленных стандартов образования и воспитания, адаптируя систему

образования к новым реалиям общественного бытия. К. Д. Ушинский рассматривал педагогику одновременно как науку и искусство. Кроме знаний педагогика требует еще и педагогических способностей и наклонностей, обогащенных данными многих антропологических наук.

Ключевые слова: мировоззрение; обучающийся; педагогическая система; К. Д. Ушинский; антропология; взаимосвязь; общество; современность.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Казанцев В. Н., Тюгаева Н. А. Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии К. Д. Ушинского // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 442–450. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.012.

Original article

Modern View on the Formation of Students' Worldview in the Pedagogical Heritage of K.D. Ushinskii

VALERII N. KAZANTSEV

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

NINA A. TYUGAEVA

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

Abstract

Introduction: formation of students' worldview is the most important element in any pedagogical system. Pedagogical heritage of K.D. Ushinskii is not an exception. The article describes evolution of K.D. Ushinskii's views on the formation of the worldview of students, analyzes its components, determines correlation between his pedagogical teaching and socio-economic development of Russia in the mid-19th century, philosophical and pedagogical teachings of his predecessors and contemporaries. The main idea of K.D. Ushinskii, which determines the entire system of education, is the inseparable connection of domestic education and upbringing with folk culture and modern needs of society and the state. There are three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical teaching, such as nationality, religiosity and scientificity. *Purpose:* to consider and analyze an aspect of the pedagogical system of K.D. Ushinskii, such as formation of the worldview of students, which determines all the other parts of his pedagogical system, to find those elements in his concept that remain relevant at the present time and can be used as guiding ideas in modern domestic pedagogy. *Methods:* to comprehensively analyze K.D. Ushinskii's point of view on the ideas of philosophers known at that time, the authors used the method of content analysis of mentions of the names of these philosophers in the two-volume edition of his fundamental work "Man as a subject of education". The method of comparative analysis and the historical method were also actively used. *Results:* the authors have considered formation of the worldview of students in the pedagogical system of K.D. Ushinskii from the standpoint of modernity in the philosophical and sociological aspect, indicating those moments in his concept that were relevant at the beginning of the 19th century and can be used as guiding ideas in modern Russian pedagogy. Distinguishing in the complex concept "worldview" its three components known in philosophy, such as attitude to life (emotional-psychological side), perception of the world (image of the world in visual sensory representations obtained as a result of sensory perception of the surrounding world) and philosophy of life (cognitive-intellectual side of the worldview), the authors conclude that the fact that three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical system (nationality, religiosity and scientificity) allow forming all these components of the worldview. *Conclusions:* philosophical views of K.D. Ushinskii developed from objective idealism to dualism and incomplete materialism, close to dialectical materialism. Religiosity of education and upbringing evolved in the pedagogical system, becoming an applied educational aspect that helps to better master folk culture, without which no national education is possible. Such an element of the pedagogical system as scientificity also changed, which he considered in two aspects: the scientific character of pedagogy itself, based on knowledge of anthropology and other sciences, and scientific character as the formation of a scientific picture of the world, acquisition of knowledge of natural and social sciences, which allow students to master professions that meet their interests and needs of the society at that time. Relying on the variability and development of nature and society, which presupposes constant correction of education and nutrition in accordance with these changes, it is

necessary to abandon dogmas and established standards of education and upbringing, adapting the education system to new realities of public life. K.D. Ushinskii considered pedagogy at the same time as science and art. In addition to knowledge, pedagogy also requires pedagogical abilities and inclinations, enriched with data from many anthropological sciences.

Key words: worldview; student; pedagogical system; K.D. Ushinskii; anthropology; interrelation; society; modernity.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kazantsev V.N., Tyugaeva N.A. Modern view on the formation of students' worldview in the pedagogical heritage of K.D. Ushinskii. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 442–450. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.012.

Введение

В феврале 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших представителей русской научной педагогики XIX в. – Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), чье педагогическое наследие оставило глубокий след не только в отечественной, но и мировой педагогике. Формирование мировоззрения у обучающихся является важнейшим элементом в любой педагогической системе. В предлагаемой статье авторы прослеживают развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, анализируются его составные части, связь педагогического учения великого русского педагога с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. Главной стержневой идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю его систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства. Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского: народность, религиозность и научность.

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть и проанализировать такой аспект педагогической системы К. Д. Ушинского, как формирование мировоззрения обучающихся, определяющего все остальные части его педагогической системы, найти те элементы в его концепции, которые остаются актуальными и в настоящее время и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике.

Авторы исследуют развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, проанализируют его составные части, связь его педагогического учения с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. С целью всестороннего рассмотрения приверженности К. Д. Ушинского философским взглядам известных на тот период мыслителей авторы использовали методику контент-анализа упоминаний имен этих философов в его основной фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания» [1; 2].

Результаты и обсуждение

К. Д. Ушинский был всесторонне развитым человеком, владеющим в совершенстве немецким, английским и французским языками, знакомым со всеми существовавшими на начало XX в. философскими учениями (Аристотель, Бэкон, Декарт, Спи-

ноза, Локк, Юм, Кант и др.) и работами французских просветителей того времени (Руссо, Гольбах, Дидро, Ламетри и др.). Что касается его собственных философских взглядов и мировоззрения К. Д. Ушинского, то их и современники и последующие поколения ученых относили к разным философским школам и учениям. Так, еще в дореволюционных исследованиях мировоззрение К. Д. Ушинского толковалось с диаметрально противоположных позиций: одни (например, М. Рубинштейн) считали его последовательным идеалистом, сторонником учения философа Фихте, другие (например, профессор М. Владиславлев) воспринимали материалистом.

Представители церковной мистики (П. Филонов, М. Радонежский и др.) критиковали К. Д. Ушинского с позиций клерикализма, называя его материалистом-нигилистом. Более того, они писали на него доносы как на атеиста, неблагонадежного человека, указывали на игнорирование им религиозных материалов в учебниках и требовали изъять из школ «Родное слово», которое, тем не менее, на протяжении многих десятилетий оставалось руководством для учителей и родителей по преподаванию родного языка и до 1917 г. переиздавалось 146 раз. Некоторые исследователи (например, И. Скворцов и В. Гольцов) упрекали К. Д. Ушинского в дуалистической двойственности его учения. И каждый из них был по-своему прав.

Такие различные трактовки философских взглядов К. Д. Ушинского, по нашему мнению, объясняются тем, что, действительно, они были довольно противоречивыми и своеобразными и к тому же эволюционировали на протяжении его жизни от идеалистических к материалистическим.

С целью подтверждения этого вывода мы применили авторскую методику контент-анализа упоминаний наиболее известных философов древности и современности в фундаментальном труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания». В качестве смысловых единиц анализа выступили фамилии философов, упоминаемых и рассматриваемых К. Д. Ушинским в восьмом и девятом томах его полного собрания сочинений. Единицами счета были страницы, на которых упоминались эти фамилии. В таблице 1 приведены результаты частотного анализа таких упоминаний, из которого можно сделать вывод о многообразии философских школ и самих философов, рассматриваемых К. Д. Ушинским (взяты для анализа только те философы, которые упоминаются пять и более раз).

Таблица 1

*Упоминание К. Д. Ушинским имен философов
в работе «Человек как предмет воспитания»*

№ п/п	Философы	Частота упоминаний		
		Том 8	Том 9	Всего
1	Аристотель	37	41	78
2	Бенеке	45	39	84
3	Броун Фома	–	28	28
4	Бэкон Фрэнсис	32	2	34
5	Вундт Вильгельм	27	6	33
6	Гегель	14	26	40
7	Гербарт Иоган	24	59	83
8	Декарт Рене	17	42	59
9	Кант Эммануил	24	37	61
10	Конт Огюст	5	2	7
11	Лейбниц Готфр	9	3	12
12	Локк Джон	21	12	33
13	Лотце Герман	6	2	8
14	Льюис Дж.	12	–	12
15	Милль Дж.	26	18	44
16	Платон	8	–	8
17	Рид Томас	21	19	40
18	Руссо Жан -Жак	16	12	28
19	Спенсер Гербарт	14	3	17
20	Спиноза Барух	8	55	63
21	Фихте Иммануил	11	3	14
22	Фрис Яков	7	–	7
23	Шопенгауэр	4	20	24
24	Юм Давид	5	–	5

Если проранжировать указанных в таблице философов в соответствии с частотой их упоминания, то в первую половину этого списка (с количеством упоминаний не менее 30) войдут Бенеке (немецкий психолог и философ, педагог, разработчик педагогики, основанной на данных эмпирической психологии (84

упоминания)), Гербарт (также немецкий философ, психолог и педагог реакционного направления (83 упоминания)), Аристотель (философ-энциклопедист древней Греции (78 упоминаний)) и Спиноза (знаменитый европейский философ XVII в. (63 упоминания)) (табл. 2).

Таблица 2

*Ранжирование двенадцати наиболее упоминаемых философов в работе К. Д. Ушинского
«Человек как предмет воспитания»*

№ п/п	Философы	Частота упоминаний		
		Том 8	Том 9	Всего
1	Бенеке	45	39	84
2	Гербарт Иоган	24	59	83
3	Аристотель	37	41	78
4	Спиноза Барух	8	55	63
5	Кант Эммануил	24	37	61
6	Декарт Рене	17	42	59
7	Милль Дж.	26	18	44
8	Гегель	14	26	40
9	Рид Томас	21	19	40
10	Бэкон Фрэнсис	32	2	34
11	Вундт Вильгельм	27	6	33
12	Локк Джон	21	12	33

Из приведенной таблицы видно, что К. Д. Ушинский обращался при разработке своей педагогической концепции к различным направлениям философской мысли (субъективный и объективный идеализм, материализм, дуализм и др.). В каждом из

этих направлений он видел как сильные, так и слабые стороны, отмечая их односторонность: крайний идеализм – в стремлении вывести материальный мир из душевного, крайний материализм – в стремлении вывести душевный мир из материального. В конечном

счете он, исходя из практической потребности педагогики, выбирает дуализм, согласно которому нельзя сказать что первично: материальное или духовное, они сосуществуют друг с другом как бы параллельно, находясь в тесном взаимодействии. Такое признание дуализма вслед за Лотцем, на которого ссылается К. Д. Ушинский, требовало большой «независимости в мыслях и благородной смелости в характере», поскольку дуализм подвергался в тот период жесткой критике как со стороны материализма, так и идеализма. Анализируя учения Декарта и Бэкона, Ушинский приходит к заключению, что в них удивительным образом «соединялись скептицизм, идеализм и материализм».

В связи с этим можно вспомнить высказывание Р. Роллана о французском писателе Ренане: «Унося образ моего стоика, являющегося одновременно и эпикурейцем, пессимиста-оптимиста, человека верующего и сомневающегося, истинного человека и человека истины, я думаю о дерзости тех, кто пытается запереть в формулу определенной партии или школы эту гармонию противоречий. В нем богатая музыка переходного времени, отягченного прошлым, чреватого будущим!» [3, с. 483]. Эти слова Р. Роллана можно по праву отнести и к К. Д. Ушинскому, который жил в период борьбы двух противоположных укладов общественно-экономической жизни в России. На смену феодальной, крепостнической системе шла новая система капиталистических производственных отношений, требующая развития науки и соответствующего образования, воспитания. Несомненно, что влияние эпохи отразилось и в мировоззрении К. Д. Ушинского, который и сам прекрасно осознавал противоречивость своих философских взглядов. Поэтому, не боясь упреков в признании дуализма, вслед за Лотцем К. Д. Ушинский отвергает крайности идеализма, который выводит материальный мир из душевного, и крайности материализма, который выводит душевный мир из материального. В человеке сосуществуют, по его мнению и убеждению, два мира: душевный и материальный [4, с. 648].

И саму педагогику К. Д. Ушинский рассматривал «в обширном смысле» как собрание наук, направленных на обучение и воспитание, и «в тесном смысле» как теорию искусства воспитания. Ссылаясь на Милля, он видел следующее соотношение между педагогикой как наукой и как искусством. Вторая задает науке цели своей деятельности (воспитание совершенного человека, адаптированного к современному обществу, полезного этому обществу и находящегося в гармонии с самим собой, обществом и природой), а наука, получив эту цель как задачу, исследует, изучает реальные возможности достижения этой цели, а затем передает педагогике как искусству в виде «комбинации обстоятельств (условий)», с помощью которых эта цель может быть достигнута [1, с. 15].

Одним из важных элементов педагогики как науки и как искусства, объединяющих их в единое целое, является мировоззрение. Чаще всего под мировоззрением понимается «обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на место отдельных явлений в мире и на свое собственное место в нем, понима-

ние и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических убеждений и идеалов людей» [4, с. 454]. Авторы под мировоззрением понимают прежде всего совокупность логически связанных и непротиворечивых фундаментальных взглядов на природу, общество и человека, а также сформированные на их основе социальные ценности, установки, идеалы как отдельной личности, так и отдельных малых и больших социальных групп. Главной стержневой идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю его систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства.

Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского: народность, религиозность и научность. Под народностью понимается прежде всего опора образования на народную культуру с ее языком, обычаями и традициями, адаптированную за тысячелетие своего развития к климатическим и историческим условиям своего существования.

Религиозность (применительно к русской культуре это прежде всего православие), К. Д. Ушинский понимал как проявление культуры народа, глубоко религиозного в тот период. Православие как элемент, не внешне навязанный русскому народу, а сформированный на основе русской народной культуры, аккумулировало, по мнению К. Д. Ушинского, лучшие социальные ценности, обычаи и традиции, позволяющие воспитывать подрастающее поколение в гармонии с природой, окружающими людьми и другими народами. Несомненно, роль религиозности в педагогическом учении К. Д. Ушинского претерпевала существенные изменения в процессе его жизни и научного творчества. Поздние его работы, в частности фундаментальный двухтомный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», позволяют говорить о том, что под влиянием третьего элемента его педагогической системы – научности – роль религии в обучении и воспитании постепенно уменьшалась и рассматривалась как элемент народности, как кладезь народной мудрости.

Он утверждал, что психология, на которую опирается педагогика, «находится еще более, чем история, в тесном отношении к религиозным системам. Она не может не видеть в них не только выражений души человеческой, но даже таких выражений, в которых необходимо должна скрываться какая-нибудь психологическая истина» [2, с. 560].

О том, насколько был и остается правым К. Д. Ушинский, отмечая чрезвычайную важность опоры в любом образовании на народность (родной язык, родная культура) и религиозность, свидетельствует тридцатилетний опыт украинизации в плане навязывания всему населению Украины (особенно в восточных ее областях, в которых традиционно проживало русскоязычное население) украинского языка, отказ от канонического православия и замена его на раскольническую псевдоправославную религию.

В принципе, наши идеологические противники учитывали важность народности и религиозности в образовании и воспитании, поэтому так яростно и начали искоренять на всей территории Украины русский язык, русскую культуру, каноническое православие, которые объединяли два братских народа. Следует сказать, что они в этом определенным образом преуспели. Протест русскоязычного населения в восточных областях Украины такой искусственной, принудительной украинизации, начиная с 2014 г., также можно объяснить и понять. Первым делом на освобожденных в ходе специальной военной операции, начатой в феврале 2022 г., территориях в школах снова возобновили обучение на русском языке (для желающих был оставлен и украинский язык, а в Республике Крым – украинский и татарский языки), воспитание осуществляется на основе русской культуры с опорой на православные ценности.

Что касается научности, то под ней К. Д. Ушинский подразумевал опору не только на естественные науки (физику, химию, астрономию и др.), но и психологию, биологию и другие антропологические дисциплины. Сущность педагогической антропологии заключается в том, что обучение и воспитание детей должны строиться и базироваться на антропологических закономерностях развития человеческого организма от его рождения до взрослого состояния. Естественно, что многие идеи педагогической антропологии К. Д. Ушинский заимствовал у французских просветителей, утверждавших, что «все общественные явления выходят из частных психических явлений». Но он их развил далее и связал с другими элементами своей педагогической системы, в том числе и религиозностью, рассматривая ее как «историческую форму функционирования человеческой психики», позволяющей ей быть источником человеческой мудрости, нравственности. Догматическое изложение правил учения религии, по мнению К. Д. Ушинского, следует предоставить специалистам по богословию, в то время как психология и педагогика рассматривают христианство (прежде всего, православие) как явление, вытекающее из потребности человеческой души.

Таким образом, К. Д. Ушинский первым среди русских педагогов предпринял попытку суммировать научные знания о человеке, показав взаимосвязь педагогики с антропологической наукой. В дидактическом плане это означало, что при обучении необходимо учитывать биологические и психологические особенности развития детей разного возраста. Нельзя ребенку, обладающему конкретным образным мышлением, преподавать предметы, требующие более абстрактного мышления. В своей основной работе «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский, основываясь на подробном описании физиологии человека и его психологии, объяснял, в частности, почему дети не могут долго заниматься одним монотонным делом, почему обучение для них должно быть наглядным.

Эти взгляды К. Д. Ушинского в дальнейшем были блестяще подтверждены многими исследованиями зарубежных и отечественных ученых-психологов.

Например, швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980) на основе многочисленных опытов и экспериментов показал, как изменяются умственные способности, умения и навыки детей в зависимости от их возраста и взаимодействия с окружающей средой, что позволило ему разработать свою теорию когнитивного развития, больше известную как теория четырех стадий интеллектуального развития [5]. Ж. Пиаже эмпирически доказал, что все дети проходят ряд последовательных стадий в своем интеллектуальном и психическом развитии, усваивая последовательно все новые навыки оперирования материалом, которые определяют пределы возможного для них познания.

В отечественной психологии в трудах академика Павлова также можно найти эмпирическое подтверждение идей Ушинского о том, что «сон есть торможение центральных органов мозга», а «привычки и навыки являются “условными рефлексами”» [6; 7].

Россия середины XIX в. переживала переход от феодального строя и патриархального уклада жизни к капиталистическому пути развития, от кустарного производства к крупному капиталистическому производству. Поэтому в противовес сторонникам формального образования, стремящимся развивать умственные способности обучающихся на любом подходящем материале, включая «мертвые» языки, К. Д. Ушинский считал, что детям надо давать такие знания прежде всего в области естественных наук, которые пригодятся им, когда они войдут во взрослую трудовую жизнь. Программа воспитания, по мнению К. Д. Ушинского, должна выводиться из общественного бытия, общественных потребностей, а педагогический успех возможен лишь тогда, когда воспитание основывается на правилах народной морали и нравственности, развиваясь вместе с ними. Именно такое воспитание и образование может способствовать выводу в жизнь новых поколений, вполне готовых к жизни в обществе.

Как сторонник реального образования К. Д. Ушинский не только пропагандировал в своих работах возможность преподавания знаний по физике, химии и другим естественным наукам, но и на практике пытался реализовать свои идеи. Блестящим примером такой практики является введение в учебный план Смольного института благородных девиц, куда он был назначен на должность инспектора в 1859 г. (не без протекции императрицы Марии Федоровны, обратившей внимание на его статьи в «Журнале для воспитания»), новых предметов, главными из которых были русский язык, русская литература, естественные науки (основы физики, химии, биологии). При этом широко применялась наглядность в обучении, проводились опыты на уроках биологии и физики.

В качестве преподавателей Смольного института К. Д. Ушинским были приглашены такие видные педагоги, как В. И. Водовозов (литература), Д. Д. Семенов (география), М. И. Семевский (история) и др. Для того, чтобы подготовить воспитанниц института к полезному общественному труду, сверх обязательных общеобразовательных семи классов им был предложен и введен двухлетний педагогический класс, по-

зволяющий выпускникам, окончившим его, преподавать в начальной школе.

До этого в Смольном институте воспитанницам давали очень мало реальных знаний, больше заботясь о привитии им светских манер, подготовке к семейной жизни в роли жены и матери. Естественно, что часть реакционно настроенных педагогов учебного заведения, близких к царскому двору, оказывали К. Д. Ушинскому мощное сопротивление. Поэтому, как только подул ветер борьбы с инакомыслием, доносы на педагога-реформатора достигли своей цели: он был уволен, но, благодаря его известности как ученого-педагога, руководством было принято решение отправить К. Д. Ушинского в длительную заграничную командировку для ознакомления с опытом педагогического женского образования в ряде европейских стран.

Следует сказать, что богатый материал, собранный К. Д. Ушинским в этой поездке, лишь укрепил его убеждение в том, что обучение и воспитание должны базироваться на национальных особенностях, своеобразии национальной, народной культуры. С другой стороны, в области преподавания естественных наук, педагогических технологий следует заимствовать опыт и наработки зарубежных ученых.

Сам Ушинский считал, что «индустриальное направление века требует и науки индустриальной», что детей надо знакомить с науками о природе и человеке. Они должны знать родной язык и литературу, историю, географию, математику. Очень важны для человека естественные науки. Педагогика должна сделать их столь же обыкновенными, как знание грамматики, арифметики или истории. К. Д. Ушинский выступил с резкой критикой классицизма в средней школе, который стал усиленно насаждаться при реакционном министре народного просвещения Д. А. Толстом. В одной из последних своих статей «Что нам делать со своими детьми», написанной в 1868 г. [8], полемизируя с защитниками классицизма в образовании, К. Д. Ушинский говорит о громадном образовательном и воспитательном значении естествознания и защищает реальное направление общего образования. Он указывает, что естественные науки развивают умение наблюдать жизнь, интересуют детей несравненно больше, чем латинские и греческие склонения и спряжения, содействуют развитию логического мышления и имеют большое практическое значение. В своей книге для чтения «Детский мир» [9]. К. Д. Ушинский дал большой учебный материал по естествознанию для первоначального обучения. Он настойчиво рекомендовал введение практических занятий для учащихся, особенно сельских школ, в огороде и поле. Такие занятия развивали навыки трудолюбия, приобретения начальных знаний для дальнейшего профессионального самоопределения, выбора профессий, в которых нуждалось общество того времени. Само обучение К. Д. Ушинский рассматривал как умственный труд, требующий волевых усилий со стороны обучающихся.

Весьма актуальными для нашего времени являются рассуждения К. Д. Ушинского о склонности к развлечению. Во втором томе своего сочинения «Чело-

век как предмет воспитания» в гл. XLVI «Стремление к наслаждению и стремление к счастью: классическая теория эвдемонизма» он отмечал, ссылаясь на Сократа в интерпретации Платона, что «если сделать личное наслаждение человека верховным критерием его поступков, то вместе с тем и исчезнет не только понятие о нравственном и безнравственном, но даже и понятие об умном и глупом в отношении человеческих поступков о достойном и недостойном» [2, с. 491]. После долгих рассуждений К. Д. Ушинский приходит к выводу, что наслаждения человека, его счастье не должны мешать счастью других людей, окружающих его в обществе, что истинное и долговременное наслаждение человеку дает общественно полезный труд, который основывается на способностях человека к разным видам деятельности.

Выводы и заключения

Философские взгляды К. Д. Ушинского на протяжении его жизненного пути прошли эволюцию от объективного идеализма к незавершенному материализму. Приверженность следовать эмпирическим научным данным склонила его к позиции дуализма, что характеризовало его «независимость в мыслях и благородную смелость в характере», поскольку дуализм подвергался в тот период жесткой критике как со стороны материализма, так и идеализма. Такая позиция была детерминирована неудовлетворенностью Ушинского как господствующими в середине XIX в. идеалистическими учениями, оторванными от реальной действительности, так и распространенным в то время вульгарным материализмом. Анализ творческого пути Ушинского позволяет сделать вывод о его движении к диалектическому материализму.

Эволюцию в педагогической системе К. Д. Ушинского претерпел и такой ее элемент, как религиозность образования и воспитания. Если первоначально К. Д. Ушинский считал, что религия (и прежде всего православие) должна быть в центре образования и воспитания, то в своих последних работах он рассматривал религию как прикладной воспитательный аспект, помогающий лучше осваивать народную культуру, без которой невозможно ни одно национальное воспитание.

Третий фундаментальный элемент педагогической системы К. Д. Ушинского – научность – также изменялся на протяжении его жизни. Можно выделить два важных аспекта в этом элементе: научность самой педагогики, опирающейся на знания антропологии и другие науки, и научность как формирование научной картины мира, приобретение знаний естественных и общественных наук, которые позволяют обучающимся осваивать профессии, отвечающие их интересам и потребностям общества в данный период времени. К. Д. Ушинский отстаивал на протяжении всей своей жизни тезис, что школа должна готовить учеников к реальной жизни в обществе, трудовой социально полезной деятельности.

Если расчленить сложное понятие «мировоззрение» на известные в философии три его составные части: мироощущение (эмоционально-психологическая сторона), мировосприятие (образ мира в наглядных чувственных представлениях, полученных в

результате чувственного восприятия окружающего мира) и миропонимание (познавательная сторона мировоззрения), то можно сделать вывод о том, что три краеугольных элемента педагогической системы К. Д. Ушинского, о которых говорилось выше, – народность, религиозность и научность – позволяют формировать все эти составные части мировоззрения. Так, религиозность позволяет формировать мироощущение, народность – мировосприятие, а научность формирует представление о мире, природе и обществе на основе их рационального объяснения.

Актуальность учения К. Д. Ушинского заключается также в том, что и в настоящее время, когда в современном образовании и социальном воспитании, начиная с 1990-х гг., был взят курс на глобализацию образования, определенного преклонения перед западными моделями образования, тема народности, опоры на православные духовные ценности становится чрезвычайно важной. Лишь в последние годы мы стали осознавать, что отечественная система образования и воспитания была нисколько не хуже, а в чем-то и лучше западной, и начали из-за обрушившихся на нашу страну всевозможных санкций коллективного Запада отказываться от Болонской системы высшего образования, модифицировать систему ЕГЭ и другие элементы западного образования, чуждые нашей культуре и менталитету.

Опираясь на такой аспект мировоззрения К. Д. Ушинского, как изменчивость и развитие природы и общества, предполагающий постоянную коррекцию обучения и воспитания в соответствии с этими изменениями, следует и в настоящее время отказываться от догм и раз и навсегда установленных стандартов образования и воспитания, адаптируя систему образования к новым реалиям общественного бытия. Говоря о возможности построения «полной и совершенной теории воспитания», сам К. Д. Ушинский прекрасно осознавал безуспешность этого замысла, поскольку науки, на которых должно основываться воспитание, далеки еще от совершенства. Поэтому теория воспитания вслед за развитием наук должна также меняться и совершенствоваться.

Если посмотреть на отечественную современную систему образования с позиций народности как главного элемента педагогической системы К. Д. Ушинского, то можно неприятно поразиться тем измене-

ниям, которые произошли в ней за последние 30 лет копирования западных образцов и ценностей западной культуры. Следовательно, надо кардинально менять отечественную систему образования и воспитания в сторону народности, российской идентичности. Эти изменения должны коснуться, на наш взгляд, не только средней и высшей школе, но и деятельности средств массовой информации и коммуникации, учреждений культуры. Следует, наконец, осознать, что мы как представители великой евразийской страны должны развивать свою самобытную культуру, которая больше подходит нашему обществу.

Это не значит, что в системе как образования, так и воспитания мы должны замыкаться и отгораживаться от всего прогрессивного, что наработано в других странах, в том числе и западных, особенно в области педагогических технологий. К. Д. Ушинский сам стоял на таких позициях, призывая к диалектическому вдумчивому заимствованию иностранного опыта, приспосабливая его под наши российские условия жизни.

Во многих местах первого и второго томов своего труда «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский заявлял о своем намерении в третьем томе изложить свод педагогических правил, основанных на научных данных физиологии человека, психологии, а также рассмотреть вопрос о соотношении политологии, социологии, социальной философии и логики с педагогикой как наукой и искусством. К огромному нашему сожалению, ранняя смерть в возрасте 47 лет (самый расцвет для ученого, особенно гуманитария) не позволила сбыться этим намерениям. Поэтому педагогам самим приходится делать выводы из его фундаментального труда и помнить при этом, что сам К. Д. Ушинский рассматривал педагогику одновременно как науку и как искусство. А это значит, что как искусство педагогика требует, по его словам, кроме знаний еще и педагогических способностей и склонностей. Но эти способности и склонности должны быть вооружены данными многих антропологических наук. Тогда задача педагога будет заключаться в том, чтобы грамотно и диалектично использовать данные этих наук, конкретные технологии, вырабатываемые на их основе, в благородной деятельности по воспитанию такого человека, который востребован современным обществом, может применить свои природные таланты и способности на благо этого общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 1 // Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1950. Т. 8. 774 с.
2. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 2 // Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1950. Т. 9. 627 с.
3. Роллан Р. Слова Ренана подростку // Роллан Р. Собр. соч. : в 14 т. М., 1958. Т. 14. 832 с.
4. Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1962. Т. 3. 584 с.
5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2004. 192 с.
6. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. 2-е изд., доп. М., 1951–1954.
7. Фролов Ю. П. И. П. Павлов и его учение об условных рефлексах. М., 2016. 268 с.
8. Ушинский К. Д. Педагогика. Избранные работы. М., 2023. 258 с.
9. Ушинский К. Д. Детский мир: из русской истории : в 2 ч. / метод. обработка И. А. Горячевой. Екатеринбург, 2023. Ч. I. 304 с.

REFERENCES

1. Ushinskii K.D. Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Volume 1. In: Ushinskii K.D. *Sobr. soch. v 11 tomakh. T.8* [Collected works in 11 volumes. Volume 8]. Moscow, Leningrad, 1950, 774 p. (In Russ.).
2. Ushinskii K.D. Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Volume 2. In: Ushinskii K.D. *Sobr. soch. v 11 tomakh. T. 9* [Collected works in 11 volumes. Volume 9]. Moscow. 1950, 627 p. (In Russ.).
3. Rollan R. Renan's words to a teenager. In: R. Rollan. *Sobr. soch.: v 14 t. T. 14* [Collected works in 14 volumes. Volume 14]. Moscow, 1958. 832 p.
4. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. T. 3* [Philosophical encyclopedia: in 5 volumes. Volume 3]. Ed. by Konstantinov F.V. Moscow, 1962, 584 p.
5. Piaget J. *Psikhologiya intellekta* [Psychology of Intelligence]. Saint Petersburg, 2004. 192 p.
6. Pavlov I.P. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, 1951–1954.
7. Frolov Yu.P. *I.P. Pavlov i ego uchenie ob uslovnykh refleksakh* [I.P. Pavlov and his doctrine of conditioned reflexes]. Moscow, 2016. 268 p.
8. Ushinskii K.D. *Pedagogika. Izbrannye raboty* [Pedagogy. Selected works]. Moscow, 2023. 258 p.
9. Ushinskii K.D. *Detskii mir: iz russkoi istorii: in 2 ch. Ch. I.* [Child world: from Russian history: in 2 parts. Part I]. Ekaterinburg, 2023. 304 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНЦЕВ – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и probation Академии ФСИН России, Рязань, Россия, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, Рязань, Россия, urip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

VALERII N. KAZANTSEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

NINA A. TYUGAEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, urip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

Статья поступила 04.08.2023

Научная статья

УДК 37.02:343.819.2

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013

Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ВИПЭ ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Реферат

Введение: статья посвящена проблемам изучения планов личного будущего осужденных женщин, а также применения метода моделирования при формировании личного будущего осужденных женского пола в условиях лишения свободы. *Цель:* на основе использования метода моделирования способствовать построению позитивного личного будущего осужденных женского пола. *Методы:* теоретический анализ литературы, методы моделирования, беседы, классификации. *Результаты:* для анализа планов осужденных женщин на личное будущее нами были разработаны критерии данных планов: по временной продолжительности (долгосрочные, среднесрочные, текущие), степени определения параметров (детерминированные и вероятностные), признаку планируемых действий (реактивные, инактивные, преактивные). В ходе индивидуальных бесед были выявлены три группы жизненных планов впервые осужденных женщин различного возраста на личное будущее: 1) долгосрочные, детерминированные и позитивные личные планы на будущее; 2) среднесрочные или текущие, вероятностные, инактивные; 3) отсутствует модель будущей жизни. Составление подробного плана, моделирование перспектив жизни является базовым методом влияния человека на свое будущее. Это дает возможность эффективнее построить коррекционный процесс для более успешной ресоциализации личности и адаптации ее в обществе после освобождения. *Выводы:* планы на будущее – это разного рода долгосрочные цели (личные либо профессиональные), рассматриваемые как реальный ориентир действий. Модель личного будущего представляет собой точное описание процесса планирования жизни, ее эскиз или ориентир. В данном исследовании применение метода моделирования при составлении личного будущего является практико-ориентированным воплощением жизненных планов осужденных женщин, что позволяет увидеть их будущую жизнь целостным процессом, а также вычлнить все составляющие в их взаимосвязи. Исходя из этого, необходимо проводить специально организованную работу по изучению жизненных планов осужденных, включать их в различные коррекционные программы с целью пересмотра своих взглядов, для осознания ценности жизни, моделирования позитивного личного будущего.

Ключевые слова: места лишения свободы; осужденные женского пола; воспитательный процесс; метод моделирования; позитивное будущее осужденной; личные планы.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 451–458. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013.

Modeling as a Method of Shaping a Personal Future of Convicted Women

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of studying convicted women's plans for the future and using a modeling method to shape a personal future of female convicts in conditions of imprisonment. *Purpose:* to contribute to the construction of a positive personal future of female convicts on the basis of the use of the modeling method. *Methods:* theoretical analysis of literature, modeling methods, conversation, and classification. *Results:* to analyze convicted women's plans for the personal future, we developed the following criteria: by time duration (long-term, medium-term, current), by degree of parameter determination (deterministic and probabilistic), by planned actions (reactive, inactive, preactive). During individual conversations, three groups of life plans of first-time convicted women of various ages for their personal future were identified: 1) long-term, deterministic and positive personal plans for the future; 2) medium-term or current, probable, inactive; 3) there is no model of future life. Drawing up a detailed plan, modeling the prospects of life is the basic method of a person's influence on their future. This makes it possible to more effectively build a correctional process for a more successful rehabilitation of the personality and its adaptation in society after release. *Conclusion:* plans for the future are all kinds of long-term goals (personal or professional), considered as a real benchmark of action. The personal future model is an accurate description of the life planning process, its sketch or reference point. In this study, the use of the modeling method in drawing up a personal future is a practice-oriented embodiment of life plans of convicted women, which allows them to see their future life as a whole process, as well as to isolate all components in their interrelation. Based on this, it is necessary to carry out specially organized work to study life plans of convicts, include them in various correctional programs in order to revise their views, realize the value of life, and model a positive personal future.

Key words: places of imprisonment; female convicts; educational process; modeling method; positive future of a convict; personal plans.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E.V. Modeling as a method of shaping a personal future of convicted women. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 451–458. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013.

Введение

Проводимые экономические, политические, правовые и социокультурные реформы в стране привели к кризисным состояниям во многих сферах жизнедеятельности человека: падению жизненного уровня народа, безработице, росту преступности и др. Особую обеспокоенность вызывает преступность среди лиц женского пола, которая оказывает существенное влияние на криминогенную обстановку в стране. Женская преступность имеет циничный, жестокий и агрессивный характер. Она оказывает отрицательное воздействие на общую преступность, особенно на преступность подрастающего поколения [1].

Особенно важно осуществлять коррекционно-воспитательную работу с осужденными женщинами, впервые отбывающими наказание в виде лишения свободы, для нейтрализации рецидива и подготовки

их к адаптации к условиям жизни современного общества после освобождения. В связи с этим особое значение приобретает деятельность исправительных учреждений по поиску наиболее эффективных мер психолого-педагогического характера (формы, средства, методы и направления) для снижения уровня рецидивной женской преступности.

Большое значение в коррекционно-воспитательном процессе в условиях лишения свободы имеет изучение содержания, структуры и особенностей планов осужденных на будущее. Планы на будущее – это разного рода долгосрочные цели (личные либо профессиональные), рассматриваемые как реальный ориентир действий. К тому же действия требуют своих обоснований, так как без них план не может стать реальностью, а достижение цели невозможно без волевых усилий, продуманных и ответственных.

Проблема личностных жизненных планов осужденных впервые была обозначена С. В. Познышевым в 1925 г. В дальнейшем она в различные годы рассматривалась в трудах Ю. Ю. Бехтерева, А. П. Евграфова, А. С. Макаренко, В. И. Монахова, И. В. Шмарова, Б. С. Утевского и других ученых.

Проводились исследования планов осужденных пенитенциарными психологами, которые рассматривали их в связи с различными жизненными аспектами: Ю. Р. Саар (проблема самоопределения личности) [2], Н. А. Деева, В. Г. Деев [3; 4], В. Ф. Пирожков (направленность личности) [5], А. И. Ушатиков (волевая активность человека) [6], А. Н. Сухов (конфликты в общении) [7], М. Г. Дебольский (возможность коррекции жизненных планов осужденных) [8]. В настоящее время данная проблема нашла отражение в работах И. С. Ганишиной, А. В. Наприс, С. В. Русакова, Е. В. Саввиной, А. С. Чертовиковой и других исследователей.

Актуальность изучения планов на личное будущее заключается в том, что лишённые свободы долгое время находятся в изоляции, которая оказывает глубокое негативное влияние на психику, что отражается на исправительном процессе в местах лишения свободы [9; 10]. У большинства лиц женского пола отсутствуют представления о том, что они будут делать, когда выйдут на свободу, не проявляется мотивация к целеполаганию и постановке задач на перспективу и т. д. Все это не способствует успешности процесса ресоциализации личности в местах лишения свободы и может привести к рецидиву [8; 11–13]. Приведенные выше обстоятельства говорят о необходимости изучения поставленной проблемы и подтверждают ее актуальность.

Классификация жизненных планов осужденных женщин

На основе уже известных типологий и классификаций жизненных планов [1; 14–17] была разработана авторская классификация. При этом мы исходили из потребностей практики (внедрение достижений педагогической науки в практику), требований логики развития исправительного процесса и наличия новых теоретических концепций воспитания (с учетом закономерностей организации содержания и методики процесса), необходимости поиска новых путей ресоциализации осужденных.

Были выделены критерии жизненных планов, по которым оценивались планы осужденных женщин в рамках данного исследования:

1) по временной продолжительности – это перспектива плана, временной отрезок, на который осужденная с уверенностью планирует свою жизнь. Они могут быть долгосрочными (от 10 до 25 лет), среднесрочными (от 3 до 10 лет) и текущими (на 1 год, полгода и квартал).

В этой связи мы опирались на учение о перспективных линиях А. С. Макаренко, который обосновал педагогическую практику формирования перспективных линий у воспитуемых. Педагог определял важность ближних, средних и дальних перспектив,

видя в них важный инструмент управления процессом воспитания, с помощью которого деятельность воспитуемых становится более целесообразной и целеустремленной. Различные перспективы позволяют сделать жизнедеятельность личности более увлекательной, наполнить ее новым содержанием [18].

А. В. Наприс характеризует жизненные планы осужденных степенью масштабности отношений и влияниями на жизнь, определяя три группы осужденных: осужденные с близкими, со средними и дальними жизненными планами [17];

2) степени определения параметров, так как любой процесс можно представить как последовательность циклов, промежуточных целей. Параметры плана – это независимые переменные критерии, которые полностью и однозначно определяют решаемую задачу, в нашей работе они представлены как детерминированные, то есть с четко определенными чертами (более конкретные и частные цели, оценка их значимости и очередности), и вероятностные – с нечеткими (неуверенное и примерное определение целей или их отсутствие). В качестве проектных параметров могут служить планы и средства достижения планируемых целей, связанных, например, с семьей, построением отношений с детьми и родителями, трудовой деятельностью, профессией и карьерой, реализацией собственных желаний и стремлений и т. д.;

3) признаку планируемых действий. Они могут быть: а) реактивные, то есть ориентированные на закрепление достижений прошлого, причем могут выступать как позитивные оценки своих жизненных результатов (успехи, награды, поощрения и т. д.), так и негативные (преступная жизнь); б) инертные, то есть инертные по планируемым действиям, при этом человек не считает нужным возвращаться в прошлое, забывая свои ошибки, но стремится в будущее, которое воспринимается им как достаточно хорошее, по крайней мере, приемлемое; в) преактивные, то есть с высоким уровнем активности, направленной на существенное преобразование действительности, ускорение изменений, приближение будущего при поиске оптимальных решений.

Выделенные критерии логически и внутренне связаны и представляют собой систему, которая понимается как их функциональная взаимосвязь через включение элементов одних критериев в состав других и через реализацию одних и тех же функций на основе разных показателей.

Моделирование как метод формирования жизненных планов осужденных

Создание педагогически целесообразной и эффективной системы ресоциализации осужденных в условиях лишения свободы невозможно без специальной деятельности, связанной с ее моделированием и построением. Интерес к проблеме создания модели не случаен, во многом это объясняется реформированием уголовно-исполнительной системы, где главными направлениями выступают гуманизация и демократизация исправительного процесса, переход к личностно ориентированной

парадигме. Этот метод предлагает разработку такой системы, которая была бы оптимальной для конкретного осужденного, находящегося в местах лишения свободы.

В методологии научного познания метод моделирования понимается как системное исследование, посредством которого создается модель, воспроизводящая свойства и отношения между элементами познаваемого объекта или явления. Понятие «модель» многопланово, используется во множестве различных смыслов. В. А. Штофф – один из основателей метода теоретического моделирования в методологии науки – под моделью понимает мысленно представляемую и материально реализуемую систему, которая, отражая объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте [19]. Метод моделирования, заключающийся в установлении количественных взаимосвязей между показателями и факторами, их определяющими, рассматривался в трудах многих ученых (С. Р. Богуславский, Е. В. Бондаревская, В. А. Караковский, В. В. Краевский, Л. И. Новикова, Е. А. Ямбург и др.). Каждой модели присущи особая психологическая, интеллектуальная атмосфера и духовно-нравственный климат.

В данном исследовании применение метода моделирования при составлении личного будущего является практико-ориентированным воплощением жизненных планов осужденных женщин, что позволяет увидеть их будущую жизнь целостным процессом, а также вычленив все составляющие в их взаимосвязи.

Модель личного будущего представляет собой точное описание процесса планирования жизни. Моделирование будущего – это стратегическое планирование жизни, ее эскиз, ориентир. Наши логические фильтры «рисуют» нашу «реальность», человек анализирует свою жизнедеятельность и выбирает, что возможно/невозможно, получится / не получится, делать / не делать, есть смысл / нет смысла и т. д., а наше бессознательное рассчитывает риски и делает подсказки в виде интуиции и различных предчувствий. Исследователи доказали, что если ставить перед собой цель, думая о своем будущем, мыслить конкретно, предпочтительнее в деталях, то жизненные достижения увеличиваются во много раз.

Составление подробного плана, моделирование перспектив жизни является базовым методом влияния человека на свое будущее. Не иметь целей – значит плыть по течению, ждать того, что за тебя решат и сделают другие, принимать сиюминутные необдуманные решения, совершать ошибки, выполнять чужие цели и т. д. В связи с этим важно знать планы, которые строят осужденные на личное будущее, какую модель жизни после освобождения они выбирают и т. д. Это дает возможность эффективнее построить коррекционный процесс для более успешной ресоциализации личности и адаптации ее в обществе после освобождения [16; 20–24].

Изучение планов осужденных женщин на личное будущее

Изучение планов осужденных женщин, впервые отбывающих наказание в местах лишения свободы, проходило в форме индивидуальных бесед в ИК-1 УФСИН России по Вологодской области. В нем приняли участие 30 женщин различного возраста.

Анализ результатов показал, что многие опрошенные строят планы, связанные с семьей и дальнейшей трудовой деятельностью (40 %). Причем планы по времени долгосрочные и в основном детерминированные, то есть с четко определенными параметрами, а также ориентированные на закрепление положительных достижений прошлого.

Так, М., 34 года, имеет двоих детей. Разведена. Сын учится в вузе, дочери 5 лет, воспитывается бабушкой. О детях осужденная рассказывает с гордостью. В настоящее время активно поддерживает связи с родственниками. В творческих объединениях не состоит. Увлечений не имеет. В исправительной колонии работает швеей. От работы получает удовольствие, так как считает, что за работой быстрее проходит время. До осуждения работала продавцом в павильоне фруктов и овощей. После освобождения планирует воспитывать детей, особое внимание уделять воспитанию дочери, продолжать работу в сфере торговли – работать продавцом.

Отметим, что в беседе о жизненных планах осужденная возвращается в свою прошлую жизнь и в негативном ключе отзывается о том времени, когда было совершено преступление: «Я надеюсь, время в исправительном учреждении пройдет с пользой для меня. И я начинаю новую жизнь: без всего плохого, что меня окружало. Свои жизненные уроки я уже получила».

Или такой пример: осужденная Н., 21 год, после освобождения больше хочет состояться в карьере, чем создать семью: «Сначала доучусь и устроюсь на работу. Не хочу жить на родительские деньги, надоело». В колонии получает образование менеджера и собирается работать в этом направлении, также понимает, что с судимостью трудно будет найти хорошую работу, но при этом не теряет надежду. Также в планы на жизнь после освобождения она включает переезд по месту жительства и уход за родителями.

Осужденные с долгосрочными, детерминированными и позитивными личными планами на будущее демонстрируют уверенное поведение, их высказывания окрашены положительными эмоциональными переживаниями. Важно, чтобы осужденные осознавали, что необязательно все запланированные события сбудутся, но моделирование будущего будет способствовать поддержанию стремления человека, поможет найти новые решения и укажет пути их достижения.

В то же время довольно большая часть респондентов (45 %) не имеет определенных планов и при ответе на вопрос о своем будущем использует общие фразы, проявляет неуверенность в данной жизненной области.

На вопрос «Какие у вас личные планы на жизнь после освобождения?» осужденная Л., 50 лет, отвечала неоднозначно и размыто; утверждала, что работать хочет только на себя («а не на дядю») и только по своей профессии, при этом отмечала, что «это вряд ли получится, да к тому же скоро пенсия». Вместе с тем она боится не трудоустроиться в дальнейшем, «так как зона оставляет свой отпечаток на человеке, и кто возьмет “такую” работать?», уточняя, что «деньги нужны, чтобы поднять сына». В исправительном учреждении не работает из-за болезни, мало чем интересуется в жизни. О своем прошлом не хочет вспоминать, старается просто его забыть.

Или осужденная О., 43 года: на вопросы о планах после освобождения отвечала коротко и неохотно, говорила в основном о том, что она вернется к обычной жизни, поскольку и муж, и дочь ждут ее освобождения, также утверждала, что постарается устроиться по профессии. При этом отмечает, что «после освобождения я не смогу вернуться уже на прежнюю работу: ведь я работала в школе для инвалидов, заботилась и ухаживала за детьми, не способными делать это самостоятельно. Теперь сожалею об этом» и т. д. Вместе с тем в случае неудачной попытки устроиться на работу, не знает, что будет делать в этой ситуации.

Здесь отмечается противопоставление: «хочу на прежнюю работу», но «меня не возьмут», у осужденной нет плана и понимания будущей жизни на свободе.

Проявляется слабое планирование трудовой деятельности, нет четкой установки и понимания организации своей жизни и трудоустройства после освобождения. Данные планы классифицируются как среднесрочные или текущие, к тому же вероятностные (с нечеткими параметрами), причем неактивные, то есть инертные по планируемым действиям.

Осужденные данной группы демонстрируют негативные эмоциональные переживания, опираются преимущественно на отрицательные обстоятельства, с которыми сталкивались на жизненном пути и которые они переносят на будущее. От этого многие из них потеряли уверенность, личностный смысл, живут одним днем.

Среди респондентов также выделена категория лиц, у которых практически отсутствует модель будущей жизни (15 %). Это проявлялось в беседах с осужденными, у которых явно просматривались противоречивые высказывания или полное равнодушие к своей будущей жизни. Так, например, осужденная в начале беседы говорит о личных планах, которые видит в дальнейшем трудоустройстве. У нее были попытки трудоустроиться до осуждения, но возникали проблемы с медицинским допуском наркологического диспансера. В колонии официально не трудоустроена, поскольку не видит в этом смысла, так как до освобождения осталось четыре месяца. Занимается творчеством. Взаимоотношения в коллективе нейтральные, пытается вести самостоятельную жизнь без общения, общается по необходимости. Пред-

ставляет, как ее будут встречать сын и родственники, и для себя делает вывод, что «больше не сяду на наркотики», «без них лучше». Но в конце беседы, отвечая на вопрос: «Можете ли вы сказать, что больше не будете принимать наркотики и не вернетесь сюда?» отвечает: «Об этом я точно сказать не могу!».

У определенной категории осужденных женщин, не строящих планы, настроение касательно будущей жизни пронизано фатализмом и пессимизмом; самими распространенными высказываниями являются следующие: «ничего не хочу», «ни к чему не стремлюсь», «ничего не знаю, как жизнь повернется» и т. д. Данный тип респондентов не понимает, как жить дальше, и это порождает личностный протест.

Следует отметить, что на моделирование планов на будущее влияет уровень стабильности социальной среды. Поэтому неопределенность личной жизни становится нормой, так как многие не видят в этом смысла в связи с ситуацией в стране, считая, что она не слишком благоприятная для планирования личного будущего. При этом отметим значимость анализа и адекватных оценок своего прошлого. Они важны для дальнейшего изменения личности и в ходе психолого-педагогического воздействия могут оказать значительную помощь осужденным женщинам в моделировании жизни, определении перспектив на будущее.

Результаты

Таким образом, для анализа планов осужденных женщин на личное будущее были разработаны следующие критерии: по временной продолжительности (долгосрочные, среднесрочные, текущие), степени определения параметров (детерминированные и вероятностные), признаку планируемых действий (реактивные, неактивные, преактивные).

В ходе индивидуальных бесед были выявлены три группы жизненных планов впервые осужденных женщин различного возраста на будущее: 1) долгосрочные, детерминированные и позитивные; 2) среднесрочные или текущие, к тому же вероятностные, неактивные; 3) отсутствие модели будущей жизни.

Осужденные демонстрируют позитивные или негативные эмоциональные переживания, опираются на положительные или отрицательные жизненные обстоятельства, которые они переносят на будущее, проявляя или не проявляя уверенность в своем выборе, находят или не видят личностного смысла, который определяет существование человека в жизни. При этом чем выше активность человека в осознании значимости жизненных перспектив и умении планировать результаты своей деятельности, контролировать их достижение, оценивая их уровень, анализировать недостатки и самокорректировать их, тем выше готовность осужденных женщин к исправлению, они активнее и точнее определяют цели, задачи и действия по воплощению планов в реальную жизнь.

В процессе моделирования личностного будущего осужденных необходимо учитывать особенности

их возраста. Ведущее место, например, в молодежном возрасте принадлежит самооценке, собственным чувствам, переживаниям и мотивам, где приобретенные ценности, убеждения, идеалы постепенно формируются в жизненные планы. К тому же исследователи отмечают, что после 40–50 лет переориентация жизненных планов значительно усложняется. В связи с этим для эффективности коррекционно-воспитательной работы в данном направлении необходимо дальнейшее исследование проблемы личного будущего осужденных: их генезис, классификация, диагностика, актуализация, изменение, коррекция, саморегуляция и др.

Заключение

Таким образом, осужденные, которые имеют длительные стратегии своей жизни, строят более детальные планы с четко определенными параметрами и ориентированные на закрепление достижений

прошлого, имеют уверенность в завтрашнем дне. Доказано, что люди, которые планируют цели для себя, чаще всего не сдаются при неудачах, постепенно двигаются вперед, корректируют и пересматривают задачи, приспосабливаются к текущим условиям. Это и есть залог успеха в жизни для любого человека.

В связи с этим необходимо проводить специально организованную работу по изучению жизненных планов осужденных, включать их в различные коррекционные программы с целью пересмотра взглядов, осознания ценности жизни, моделирования позитивного будущего, что будет способствовать эффективности процесса ресоциализации в условиях лишения свободы, стимулированию желания исправиться и жить дальше по правилам, утвержденным современным обществом и принятым законопослушными гражданами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абасова С. А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 194 с.
2. Саар Ю. Р. Психологическая характеристика жизненных планов несовершеннолетних правонарушителей (на материале Эстонской ССР) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 24 с.
3. Деева Н. А. Формирование социально значимых перспектив у несовершеннолетних осужденных женского пола как средство их перевоспитания. Рязань, 1981. 96 с.
4. Деев В. Г. Психология направленности личности осужденных молодежного возраста : учеб. пособие. Рязань, 1978. 78 с.
5. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001. 702 с.
6. Ушатиков А. И., Ганишина И. С. Психологическая типология и классификация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: история и современное состояние // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 4 (4). С. 76–81.
7. Сухов А. Н. Социально-психологические явления в среде осужденных. Рязань, 1987. 64 с.
8. Дебольский М. Г. Психологическая служба в уголовно-исполнительной системе // Отечественные записки. 2008. Т. 41, № 2. С. 210–219.
9. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М. ; Воронеж, 1999. 224 с.
10. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб., 2017. 165 с.
11. Божович Л. И. Проблемы формирования личности / под ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. М. ; Воронеж, 1997. 352 с.
12. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 107–114.
13. Столяренко Л. Д. Основы психологии : учеб. пособие. 2-е изд. Ростов н/Д, 2005. 672 с.
14. Астафьева И. Н. Критерии типологий жизненных планов // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. № 4. С. 73–76.
15. Даниленков В. Л. Бизнес-планирование в АПК : учебно-метод. пособие для студ. высших учеб. заведений. Калининград, 2007. 224 с.
16. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание за насильственные преступления в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 2 (237). С. 55–61.
17. Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997. 220 с.
18. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. / сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1984. Т. 4. 400 с.
19. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. ; Л., 1966. 302 с.
20. Ганишина И. С., Русаков С. В. Жизненные планы осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 213–219.
21. Ганишина И. С., Русаков С. В. О психолого-педагогической поддержке позитивных жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж – Бийск, 15–16 октября 2021 г.) / отв. ред. Э. П. Комарова. Воронеж, 2021. С. 98–100.
22. Зобков В. А. Отношение человека к жизнедеятельности // Экономика образования. 2015. № 2. С. 91–94.

23. Русаков С. В. К вопросу об изучении трансформации жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Пермский военный институт войск национальной гвардии: перспективы развития науки и технологий : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Е. М. Русанова. Пермь, 2021. С. 322–325.
24. Недрялкова Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 321–327.

REFERENCES

1. Abasova S.A. *Problemy ispolneniya nakazaniya v ispravitel'noi kolonii obshchego rezhima dlya osuzhdennykh k lisheniyu svobody zhenshchin: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of execution of punishment in a correctional facility of the general regime for women sentenced to imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Makhachkala, 2003. 194 p.
2. Saar Yu.R. *Psikhologicheskaya kharakteristika zhiznennykh planov nesovershennoletnikh pravonarushitelei (na materiale Estonskoi SSR): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of life plans of juvenile offenders (based on the material of the Estonian SSR): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1989. 24 p.
3. Deeva N.A. *Formirovanie sotsial'no-znachimykh perspektiv u nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola kak sredstvo ikh perevospitaniya* [Formation of socially significant prospects for female juvenile convicts as a means of their re-education]. Ryazan, 1981. 96 p.
4. Deev V.G. *Psikhologiya napravlenosti lichnosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: ucheb. posobie* [Psychology of personality orientation of convicts of young age: textbook]. Ryazan, 1978. 78 p.
5. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal psychology]. Moscow, 2001. 702 p.
6. Ushatkov A.I., Ganishina I.S. the question of psychological typology convicted and classification contained in correctional institutions penal system Russia: history and current status. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4 (4), pp. 76–81. (In Russ.).
7. Sukhov A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskie yavleniya v srede osuzhdennykh* [Socio-psychological phenomena among convicts]. Ryazan, 1987. 64 p.
8. Debol'skii M.G. Psychological service in the penal system. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 2008, vol. 41, no. 2, pp. 210–219. (In Russ.).
9. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti)* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality)]. Moscow; Voronezh, 1999. 224 p.
10. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg, 2017. 165 p.
11. Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Ed. by Feldstein D.I. Moscow; Voronezh, 1997. 352 p.
12. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Specifics of psychological defense of persons serving sentences in places of imprisonment for crimes against the person and correctional and educational work with them. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 107–114. (In Russ.).
13. Stolyarenko L.D. *Osnovy psikhologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of psychology: textbook]. Rostov on Don, 2005. 672 p.
14. Astaf'eva I.N. Criteria of typologies of life plans. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North Caucasian Psychological Bulletin*, 2009, no. 4, pp. 73–76. (In Russ.).
15. Danilenkov V.L. *Biznes-planirovanie v APK: uchebno-metod. posobie dlya stud. vysshikh ucheb. zavedenii* [Business planning in the agro-industrial complex: an educational and methodological guide for students of higher education establishments]. Kaliningrad, 2007. 224 p.
16. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Characteristics of convicted women serving sentences for violent crimes in places of deprivation of liberty. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 2 (237), pp. 55–61. (In Russ.).
17. Napris A.V. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ikh vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialakh ispravitel'nykh kolonii strogogo rezhima: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of youth convicts: on the materials of correctional facilities of strict regime: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 1997. 220 p.
18. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 4* [Pedagogical essays: in 8 volumes. Volume 4]. Moscow, 1984. 400 p.
19. Shtoff V.A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and Philosophy]. Moscow; Leningrad, 1966. 302 p.
20. Ganishina I.S., Rusakov S.V. Life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, v. 16, № 2 (58). S. 213–219. (In Russ.).
21. Ganishina I.S., Rusakov S.V. On psychological and pedagogical support of positive life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Komarova E.P. (Ed.). *Antropotsentricheskie nauki: innovatsionnyi vzglyad na obrazovanie i razvitie lichnosti: materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Voronezh – Biisk, 15–16 oktyabrya 2021 g.)* [Anthropocentric sciences: an innovative view of education and personal development: materials of the 15th International research and practice conference (Voronezh – Biisk, October 15–16, 2021)]. Voronezh, 2021. Pp. 98–100. (In Russ.).
22. Zobkov V.A. Personality's attitude to the life activity. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*, 2015, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).
23. Rusakov S.V. On the question of studying the transformation of the life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Rusanov E.M. *Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii: perspektivy razvitiya nauki i tekhnologii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Perm Military Institute of the National Guard Troops: prospects for the development

of science and technology: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Perm, 2021. Pp. 322–325. (In Russ.).

24. Nedyalkova I.M. Restriction of the freedom of movement under a high-alert regime. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, Volume 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 15.03.2023

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2023, volume 17, no. 4 (64)

science and practice journal

of the Vologda Institute of Law and Economics

of the Federal Penitentiary Service

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VILE of the FPS of Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration Number PI No. FS77-76598 of August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", electronic periodic reference book «System GARANT»

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgenii L. Khar'kovskii – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the VILE of the FPS of Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of the VILE of the FPS of Russia.

EDITORIAL BOARD:

Serzhik S. Avetisyan – professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedural Law of the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia;

Yurii M. Antonyan – professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

El'vira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Aleksandr N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University "MITSO", Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V.Lomonosov Moscow State University;

Valerii Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University.

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those

of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: Office 5, 5, Timiryazev street, Izhevsk, 426035, Russian Federation

Phones:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Website:
<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

The subscription index in the electronic catalog «Ural-Press» is 41253.

The price is open

© VILE of the FPS Russia

Date of publication:
December 15, 2023

Circulation: 1,000 copies

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the VILE of the FPS of Russia;

Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the VILE of the FPS of Russia;

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the VILE of the FPS of Russia;

Valentina I. Zubkova – Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Evgenii P. Ishchenko – professor at the Department of Criminology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Lyubov' V. Kovtunenkov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch);

Ivan Ya. Kozachenko – professor at the Department of Criminal Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the VILE of the FPS of Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-Western Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences); 5.3.9. Legal psychology and accident psychology (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences).

CONTENT

JURISPRUDENCE.....	348
ROMASHOV R.A. Victimization as a Penitentiary Conflictogenity Factor	348
OGANESYAN S.S. Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System.	357
KUZMINYKH A.L. “He Beat Prisoners of War for the Slightest Violations ...”: Practice of Bringing Nazi Accomplices to Criminal Liability (Based on Archival Materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast)	365
KUNTS E.V. Punishment, Prevention and Protection of Rights as Areas of Combating Juvenile Delinquency	374
TEPLYASHIN P.V. Principles of Penitentiary Crime Prevention: Conditioning Factors, Sources and Their Classification ..	382
UTOROVA T.N., SHALEGIN S.P. Modern trends in the Development of Military Criminal Law in Russia	390
YAKOVETS E.N. Criminal Registration in the Service of the Penitentiary System	398
MOTOROVA N.V. On Reforming State Regulation of Educational Activities and Its Impact on the Higher Education System of the Federal Penitentiary Service	409
PSYCHOLOGY.....	419
SHARANOV Yu.A., VETRENKO R.N. Role of Personal Characteristics of Juvenile Delinquents in the Formation of Defects in Legal Socialization	419
CHEREMISOVA I.V., FESHCHUK Yu.I. Describing Manifestation of Aggressive Behavior of Male Convicts of Various Social Status	427
PEDAGOGY.....	436
ALEKSANDROVA N.S., FALEEVA L.V. Informal Learning of Novice Teachers of Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service as a Factor in the Development of Their Teaching Competencies	436
KAZANTSEV V.N., TYUGAEVA N.A. Modern View on the Formation of Students’ Worldview in the Pedagogical Heritage of K.D. Ushinskii	442
ZAUTOVA E.V. Modeling as a Method of Shaping a Personal Future of Convicted Women	451

Original article

UDC 343.998

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001

Victimity as a Penitentiary Conflictogenity Factor

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia

A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of the state of victimity and its internal conflictogenic potential. Victimity is considered as a factor of penitentiary conflictogenity. Development of the conflict at its various stages is analyzed and, in this regard, the state of conflictogenity as a trend of penitentiary relations is characterized. It is argued that partnership and conflict in the conditions of the penitentiary life activity can equally be assessed from the point of view of both legal normativity and deviance. The opinion is substantiated that victimity is a reaction of the subject to the danger produced by almost all types of penitentiary communications. *Purpose:* to conduct a comprehensive intersectoral analysis of the institute of crime as a factor of conflict-prone public relations in the field of penitentiary life. *Methods:* the research methodology is determined by the specifics of the penitentiary environment, characterized by a high degree of conflictogenity due to the antagonisms in goal-setting, value priorities and behavioral motivations of administrators (“jailers”) and special agents (“prisoners”), collectively forming the “penitentiary population”. The article uses a complex of general scientific (dialectical, analysis and synthesis, system-structural) and special methods of cognition. *Results:* representing a specific social environment of a significant number of Russian citizens, the penitentiary system operates on the basis of two main regulatory and protective systems: legal and criminal. The antagonism of these systems causes a high degree of conflictogenity of penitentiary relations and, as a consequence, entails victimization of their participants. *Conclusion:* having conducted research, the author comes a conclusion that all penitentiary relations can be conditionally divided into partnership and conflict. At the same time, both partnership and conflict can equally be assessed as normative and deviant. Victimity, representing the subject’s potential predisposition to the state of a victim should be considered as an element of the socio-legal status of the conflict participant. At the same time, subjective victimity is directly related to the

change of conflict stages, within which the aggressive impact can be unilateral (unilateral victimization) or bilateral in nature.

Keywords: conflict; conflictogenity; deviance; danger; security; victim; victimity; victimization; penitentiary life; penitentiary conflictogenity.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romashov R.A. Victimization as a penitentiary conflictogenity factor. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

General provisions

Victimology is a scientific field that studies psychological and behavioral characteristics of the behavior of a victim of aggression.

Victimity is potential possibility and psychological disposition of a person to act as a victim of aggression.

Conflict is a form of open confrontation between two or more parties (subjects), in which the interests of one party (subject) are realized by causing deliberate purposeful damage to the interests of the other party (counter-subject).

Conflictogenity is a dynamic evaluative characteristic of the state of public relations associated with their potential predisposition to the emergence and escalation of conflicts.

Penitentiary life activity is a system of social regulations and a form of behavioral relations carried out in the socio-spatial sphere of jurisdiction of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Penitentiary conflictogenity is a factor that characterizes relations in the sphere of penitentiary life activity, which represents a local socio-cultural sphere, the formation and functioning of which are based on two regulatory and protective systems: administrative, based on substantive and procedural law (Penal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Procedural Code of the Russian Federation), and traditional, based on the system of concepts and values of the criminal world. An important factor of penitentiary conflictogenity is objective antagonism of the subjective interests of two social groups, collectively representing the “penitentiary population”: the administration (“jailers”) and the special agent (“prisoners”).

Research

Conflictogenity of public relations in the sphere of penitentiary life activity: norm or deviation?

The understanding of conflict and conflictogenity as objects of research activity in relation to the national scientific school has a relatively recent history. Within the framework of the Soviet state-legal system, the conflict was perceived as a phenomenon belonging exclusively to the “world of capital”, where “dog eat dog”. In contrast to such antagonism, the socialist world was an “international of workers”, an “indestructible bloc of communists and non-partisans”, in which conflicts simply had no place [1].

Large-scale crisis transformations of the socialist economy and communist ideology, which led to the collapse of the USSR and the end of the socialist period of the national state and legal history, led to the emergence of numerous conflicts in various spheres of public life, for which neither individual Soviet citizens nor the state. The latter ceased to be Soviet socialist, but did not become developed capitalist, as it seemed to the “founding fathers of new Russia”. The necessity, as they say, to solve numerous problems related to both the theory of conflict understanding and the practice of conflict monitoring, as well as the need to form mechanisms to counteract conflict conflicts, led to a surge of scientific interest in conflict as a socio-cultural and political-legal phenomenon that instantly became relevant and significant for a number of social sciences, including law.

One of the most important issues affecting the understanding of conflict is the question of its place in the system of social normative regulation. How can conflict be assessed from the point of view of compliance with the ideas of normativity and deviance of public relations? Should conflict be attributed exclusively to destructive behavioral formats? Should positive factors be singled out along with negative ones, allowing us to talk about conflict as a tool for re-

solving social contradictions and a catalyst for social progress?

We believe that in modern conditions, the understanding of conflict and the assessment of its impact on public relations should be carried out within the framework of an integrated intersectoral approach that excludes the uniformity of scientific ideas and practical approaches.

Being one of the forms of intersubjective communication, conflict is opposed to partnership. However, such an opposition does not serve as a basis for identifying partnership with the norm as a model of positive behavior, and conflict with deviation as a model of negative behavior. Like such opposable and at the same time mutually conditioned categories as legal relationship and offense, conflict and partnership are two sides of the same coin of social communication. Consequently, both conflict and partnership relations are, in fact, normative (ensured and qualified by social norms, provided with social guarantees and assume certain consequences in relation to the subjects involved in them). Accordingly, conflictogenity acts as an evaluative characteristic, applicable both in the analysis of actual conflicts and partner-type communications, which in certain situations can turn into conflict forms.

Consideration of conflict and partnership in the context of the ratio of evaluation categories “normativity” – “deviance” allows us to get away from the phenomenological dichotomy. Both partnership and conflict can equally be assessed in terms of normativity and deviance. For example, in the legal sense, deviant partner relations are such criminal communicative forms as corruption, illegal drug sales, contract killings, “laundering” of criminally obtained funds, etc. Deviant conflicts include military actions on the part of aggressor countries opposed to normative diplomacy, terrorist acts, crimes against the life and health of the individual, etc. At the same time, to an equal extent, partnership and conflict can be considered as normative, and therefore legitimate forms of social behavior. Relations in the field of family, labor, state and municipal service are forms of public and private partnership supported and protected by the state. Examples of normative conflicts are the necessary defense, detention of a criminal, use of physical measures against violators of order in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, etc.

The penitentiary system, represented by a complex of material institutions (acts of international and national law, state bodies and officials, public organizations, special contingent of correctional facilities, etc.) and social relations (criminal procedure, penal, civil law, labor, criminal, etc.), in a broad sense, is a specific local environment for the vital activity of a significant number of people. As of January 1, 2023, 433,006 people were held in institutions of the penal system [2], including 28.3 thousand women (as of March 1, 2022). There are 13 orphanages in women’s colonies, in which 332 children lived (as of May 1, 2022). The full-time staff of the penal system, funded from the federal budget, is 295,625 people [3]. Thus, the total number of “penitentiary population” is about 800 thousand people. At the same time, it should not be forgotten that family members of convicts, employees of law enforcement state bodies (Ministry of Internal Affairs, FSB, Prosecutor’s Office, investigative and judicial bodies, etc.), lawyers, representatives of public and religious organizations, etc. take indirect part in penitentiary life.

Social relations both of partnership and conflict nature are characteristic of penitentiary life (penitentiary communications). At the same time, partnership and conflict are possible within and among local social groups into which the penitentiary community is divided (employees and special contingent of the penitentiary system). In addition, in some cases, these forms may go beyond the boundaries of penitentiary institutions and acquire regional and interregional dimensions.

Taking into account the objective dichotomy of the interests of employees and convicts, the relations between which are based on inevitable antagonism of those who guard and those who are guarded or, more figuratively, jailers and prisoners, conflictogenity should be considered as a permanent component of penitentiary relations, regardless of the form of their expression at a given time interval [4].

Victimological features of subjects of penitentiary communications

For a long time, scientists in various fields of knowledge have accumulated information that allows us to talk about victimology not only as an independent subject area in the field of scientific research, but also as a complex intersectoral science. Nowadays, active theoretical

and praxiological developments of general and specific problems of criminal, social, and penal victimology are being carried out [5, p. 7]. The results obtained by scientists are used for victimological prevention and protection, and are also taken into account in the process of elaborating recommendations for optimizing state and non-state mechanisms of regulatory and protective impact.

Victimology that studies epistemological development of a victim was a product of Soviet society, in which, as previously noted, the conflictogenity of public relations was denied by virtue of the dominant state ideology [6].

The conflict-free theory prevailing in Soviet social and humanitarian science, based on the Marxist ideas of the Communist international, the working people of the whole Earth, formed a completely definite and predictable attitude to criminology as a science that studies crime as an archaic, social phenomenon doomed to extinction, which, like religion, will have no place in the progressive communist community of the coming future. Naturally, with such an attitude, victimology as the doctrine of the victim of a criminal conflict was perceived with a fairly high degree of prejudice. At the same time, since conflict and crime as objective social phenomena were rejected in theory, it was impossible to exclude these categories from life processes of the Soviet State and society. In the difficult conditions of official criticism and real demand, domestic victimology was formed first as a sub-branch of criminology [7], and subsequently stood out as an independent direction of complex scientific knowledge. It is impossible to conceal the objective nature of crime and the importance of the victim in the development of a criminal situation. In these conditions, there was an urgent need for the formation of domestic victimology. A criminal direction of victimological research clearly dominated in its development [8].

For almost forty years, victimologists have considered concepts “victim of crime” and “aggrieved person” to be the same [9, p. 6, 22, 38]. Currently, the methodological approach has been significantly expanded and includes ideas about the victim of any origin, both criminal and unrelated to the commission of criminal acts [10]. In recent years, a lot of scientific papers describe the victim of the conflict, regardless

of whether there is a criminal trace in the case, or the harm caused has come from another, non-criminal source. Researchers receive rich source material in the field of sociology, psychology, psychiatry, pedagogy, etc.

Thus, in modern conditions there is no uniform attitude to the subject of victimology, and this is not a coincidence of circumstances. The development of science leads to the emergence of new branches of knowledge, including those related to the idea of a person as a potential or real victim of natural and social disasters.

With the development of society, global processes taking place in the world increase the conflictogenity of public relations associated with a potential predisposition to the emergence and escalation of conflicts. At the same time, as G.I. Kozyrev rightly notes, “neither in the foreign nor in the domestic sociology and conflictology, the problematic of the victim as one of the elements in the structure of conflict interaction has not yet found an adequate reflection” [10, p. 11]. According to the scientist, “a victim in the structure of conflict communication is understood as a person *innocently* (emphasis added) injured during the conflict. At the same time, the victim him/herself in some cases acts as its cause” [10, p. 13]. While backing in general the point of view expressed, we believe that the category of “innocence” in relation to the understanding of the victim is not entirely correct. First, the term “innocence” itself is archaic and was previously used mainly in the context of a genetic characteristic (“maiden innocence” = “maiden chastity”). In modern conditions, guilt and, consequently, innocence are considered as elements of the subjective side of the crime (administrative offense) used in the process of executing criminal or administrative legal liability and confirmed or refuted at the stage of judicial (administrative) legal application. In this understanding, singling out the victim as an aggrieved party automatically means referring it to persons innocent of committing a crime. We believe that considering any social conflict (regardless of its legal assessment) as an open form of confrontation between two or more subjects, in which all participants’ activities are aimed at harming the interests of the warring parties, excludes the dichotomy in the concept of “guilt – innocence”, “aggressor – victim of aggression”. Conflict in terms of the

sacrifice of its participants is a form of two- or more third-party social aggression, in which all the participating persons possess qualitative properties of the victim, regardless of which of them is the initiator of the conflict communication and who is its addressee. Second, the identification of the concepts of conflict and crime (offense) is erroneous. As previously noted, conflicts can be represented by both normative (legitimate) and pro-law (deviant) communicative forms. For example, in the conflict involving harm to an attacker in the framework of a necessary defense, the subject who showed aggression and subsequently became the addressee of malicious counteraction is not an innocent party, which does not exclude considering him/her as a victim, and hence the subject of victimological analysis.

In relation to conflicts in the penitentiary sphere, behavioral victimity is of particular importance. There is interesting dichotomy of psychological perceptions in the public consciousness. As long as an abstract criminal is at large and commits criminal acts, the average person is identified as a victim, and the criminal as an aggressor. Such an attitude determines a sufficiently high level of potential aggressiveness of law-abiding citizens in relation to potential subjects of criminal law liability. The data of sociological surveys indicate that the society supports state measures to toughen penalties practically for all types of crimes. A number of advocates for the return to the real enforcement of capital punishment (a death penalty) is invariably large. However, after a person accused of committing a crime enters places of social isolation, the public assessment of his/her status changes dramatically. Being behind bars is perceived as a victim of prison arbitrariness with the resulting criticism of the penal system as cruel and inhuman. Thus, there is a logical contradiction between victimological characteristics of the persons involved in public relations at the stage of preparation and commission of criminal acts and the subjects of criminal procedural and criminal executive relations related to the determination of guilt in the commission of a crime, the type and measure of criminal liability, as well as the execution of a certain a judicial sentence of punishment.

Participants in conflict communications arising in the sphere of penitentiary life activity may

relate both to one of the above-mentioned social groups (head-subordinate conflict among employees of the penal system; conflict between "trusties" and "peasants" among convicts, etc.) and represent antagonistic penitentiary strata (conflict between the administration and convicts in the form of mass riots). In each case, victimological characterization of participants in the penitentiary conflict should be carried out with regard to specific features of the corresponding conflict communication [4].

Any conflict, regardless of the specifics of the subject composition and content, includes a number of interrelated stages: latency, transition to an open form of confrontation between the parties, escalation, conditional equilibrium, attenuation, termination [11]. In the process of conflict, these stages may be repetitive, which entails a change in the victimity state of the parties to the conflict. Thus, at the stage of latency, the danger produced by the conflict is one-sided (an initiator of aggression – an addressee of aggressive impact). As long as the addressee has not taken adequate retaliatory actions against the aggressor, he/she is considered a victim of aggression, and the conflict is considered latent [12]. The transition of the conflict into an open stage of confrontation with the subsequent escalation of mutual aggression transforms the danger into a bilateral one, which, in turn, presupposes victimization (sacrifice) of the two sides.

The victimological characteristics of behavior of the subjects of conflict communication actualizes the problem of understanding the category of "danger". Its constituent elements comprise a logical chain: "challenge", "threat", "risk", and "harmful consequence" [13]. According to O.N. Gromova, any act perceived as dangerous can and should be evaluated within the framework of this particular logical chain. In this understanding, danger (potential or real) characterizes any social interaction, regardless of its final legal assessment and actual results [14]. In particular, a family union based on love and fidelity of spouses is fraught with numerous dangers and threats and risks (infidelity, psychological disorders, violence, material and financial contradictions, etc.), capable, under certain circumstances, to lead to conflict situations, the victims of which may be either one or both spouses, as well as their children, rela-

tives, neighbors, etc. In relation to penitentiary relations, danger acts as an objective characteristic, which is caused by the antagonism of the interests of jailers and prisoners, with their mutual hostile perception. The formal (status) inequality of subjects of penitentiary communications determines the presence of two centers of power (the administration of the penitentiary institution and the so-called watchers), whose interaction is carried out in the form of either latent or open conflicts. At the same time, both direct participants (employees of institutions and convicts) and persons who have an indirect relationship to the penitentiary system can be victims of these conflicts.

The idea of danger as an objective factor included in the system of almost any social relationship actualizes the understanding of security as a potential readiness and adequate response of the subject to the emerging threat. Thus, security (including in the field of penitentiary relations) includes the ability of a particular person to diagnose a specific danger as real and subjectively significant, as well as a set of competencies that allow minimizing harmful consequences of being in a dangerous state.

Understanding victimity as a psychological and behavioral reaction of the subject to potential and real danger means that the vicarious state of victimhood can equally motivate the subject to try to avoid conflict confrontation (self-exclusion syndrome) and thereby ensure their own safety or, on the contrary, initiate conflict, regardless of awareness of the danger of such a state (moth syndrome, doom syndrome).

In the first case (self-exclusion syndrome), victimity is considered as a preventive state of subjective consciousness and behavior, within which danger is a model of undesirable harmful consequences of a possible conflict formed at the psychological level, the purpose of which is to prevent conflict interaction by leaving the

conflict situation. Thus, a person who finds him/herself in the sphere of penitentiary life and perceives it as a general danger, seeks to limit communication with representatives of the criminal world and employees of the penitentiary institution, considering them as equivalent threats. The former are capable of causing harm for violating concepts and the latter – for violating administrative regulations. Since both of them are equally dangerous for a “newcomer”, it is desirable to stay away from them. In the case when a person, realizing the danger of a possible conflict, nevertheless seeks to join it, other victim stereotypes operate. A moth syndrome involves unconscious initiation of conflict by pushing a potential aggressor to malicious actions. A defiantly dressed drunk girl, an intemperate “newcomer” in a prison cell, a tourist showing a wallet filled with bills in a public place – all these and other fairly common life situations often act as a trigger that makes a potential conflict real. A doom syndrome means the desire to enter into a conflict when realizing the inevitability of one’s own defeat in it. At the same time, the initiation of the conflict and its escalation for the doomed person have the main goal of causing maximum damage, and hence the maximum increase in victimization in relation to the countersubject. As an example of the doom syndrome in the sphere of penitentiary relations, we can consider the situation associated with mass riots in correctional facilities, when protest events are initially intended to be defeated, but are initiated due to the unwillingness of convicts to tolerate the existing order in the future.

Representing a dynamic structure, the conflict consists of several stages, each of which is characterized by special victimization of the subjects involved in conflict communication.

The dynamics of conflict development and the state of subjective victimization associated with it are presented in the table.

Dynamics of conflict development and the state of subjective victimization

Latency of the conflict		Transition to an open form of confrontation between the parties		Escalation of the conflict
Stage 1	Stage 2	Stage 1	Stage 2	
1	2	3	4	5
The aggressor is aware of resource shortage and form	The aggressor commits actions aimed at harming the inter-	The addressee of aggression is aware that the	The addressee of aggression carries out re-	Strengthening of mutual aggressive influence aimed at causing maxi-

1	2	3	4	5
a psychological image of the enemy in relation to the addressee of aggression	ests of the address-ee of aggression	aggressor's actions are aimed at harming his/her subjective interests	taliatory aggression against the subject who has initiated the conflict	imum harm with the involvement of all warring parties
Background cause of the conflict	Background cause of the conflict	Background cause of the conflict	Condition for the transition to an open form of conflict	Condition for the transition to a new cycle of conflict confrontation
POTENTIAL VICTIMITY		REAL VICTIMITY		

The selected stages of the conflict together form a complete cycle of conflict communication, the result of which is either the end of the conflict or its transfer to another stage.

Conditions for the end of the conflict are the following:

- one party leaves the conflict;
- resource scarcity is eliminated;
- the conflict is attenuated as a result of the end of resources of the conflicting parties;
- the conflict is suppressed by state law enforcement.

In turn, the transition to the next conflict cycle is a consequence of the resumption of aggressive confrontation between the parties while maintaining the prerequisites that have caused the conflict (resource deficit and psychological image of the enemy).

It should be noted that victimization of subjects directly depends on the stage of conflict communication. Thus, within the framework of a latent conflict, when aggression is carried out unilaterally, victim behavior is characteristic only of the addressee of aggressive influence. The transition of the conflict to an open form of intersubjective confrontation with subsequent escalation gives aggression a two-way character, which, in turn, causes behavioral victimization of all subjects of conflict communication.

With regard to penitentiary conflicts, victimization of their participants should be considered as a significant influence factor that should be taken into account both in the process of conflict prevention and in their resolution. As previously noted, the social composition of penitentiary institutions is represented by two social groups (administration and spe-

cial agent), the relations between which are characterized by a high degree of conflictogenity, and hence victimization.

The victimological activity carried out in modern conditions is aimed at preventing potential and resolving real conflicts in the sphere of penitentiary life [15]. Penitentiary victimology as a direction of applied impact should include different processes: research, educational, personnel, etc.

As the target settings that determine the functionality of modern penitentiary victimology, it is necessary to distinguish:

- conducting fundamental research aimed at acquiring new knowledge about subjective victimization in conflict situations, their prediction and prevention;
- legal protection of victims of latent and open conflicts;
- dissemination of scientific and legal knowledge about the subject of criminal victimology and its possibilities in the context of potential and real conflicts;
- formation of applied competencies in the field of practical application of victimological knowledge, and skills [16].

Conclusion

The results of the study are reflected in the following conclusions.

The penal system is a local socio-spatial sphere of behavioral activity (penitentiary life), the subjects of which are two groups with direct interests (administration and special agent) of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as persons indirectly associated with the processes of penitentiary life (representatives of law enforcement and judicial authorities, lawyers, representatives of international,

state and public human rights organizations, etc.).

Representing a form of intersubjective communications, penitentiary relations should be differentiated into partnership and conflict. At the same time, both partnership and conflict can equally be assessed as normative and deviant. Victimhood, representing a potential predisposition of the subject to the victim's condition, should be considered as an element of the socio-legal status of the conflict participant. At the same time, subjective victimization is directly related to the stage of the conflict, within the framework of which the aggressive impact

can be unilateral (single-sided victimization) or bilateral.

The analysis of behavioral victimization of participants in penitentiary conflicts suggests a deterministic relationship between the danger produced by the conflict and victim behavior. Depending on the circumstances, subjective victimization may be aimed at trying to avoid conflict confrontation (self-exclusion syndrome) and thereby ensure their own safety or, on the contrary, initiate the conflict, regardless of the awareness of the danger of such a condition (moth syndrome, doom syndrome).

REFERENCES

1. Baturenko S.A. Theories of social order and social conflict in the history of sociological thought. *Sotsiologiya = Sociology*, 2018, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.).
2. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed July 27, 2023).
3. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (accessed July 27, 2023).
4. Detkov A.P. Theoretical substantiations of the causality of the occurrence of penitentiary conflicts. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2012, no. 1, pp. 152–163. (In Russ.).
5. Varchuk T.V., Vishnevetskii K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya"* [Victimology: textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence"]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2008. 191 p.
6. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. Saint Petersburg, 2002. 304 p.
7. Rivman D.V., Ustinov V.S. *Viktimologiya* [Victimology]. Saint Petersburg, 2000. 332 p.
8. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.N. Criminal victimology as an interdisciplinary preventive theory. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 137–147. (In Russ.)
9. Frank L. V. *Viktimologiya i viktimnost'* [Victimology and victimity] Dushanbe, 1977. 237 p.
10. Kozyrev G.I. Social constructing of victims image in the social-political conflicts. *Vestnik RGGU = Bulletin of the Bulletin of the Russian State Humanitarian University*, 2009, no. 2, pp. 11–27. Available at: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (In Russ.) (Accessed July 27, 2023).
11. Emel'yanov N.S. Penitential conflictogenesis: problematic issues of determination of penitentiary conflicts. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service*, 2019, no. 2 (51), pp. 18–22.
12. Zimmel' G. Man as an enemy. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1994, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.)
13. Kravchuk A.A. Categories "challenge", "danger", "threat" in the national security theory. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = The Transbaikalian State University Journal*, 2016, vol. 22, no. 11, pp. 65–74. (In Russ.).
14. Gromova O.N. Marginal victimization as a factor of system security. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situatsii = Right. Safety. Emergency Situations*, 2023, no. 2 (59), pp. 56–64. (In Russ.).
15. Piyukova S.S. Prevention of conflicts at the penal society. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4 (35), pp. 131–136. (In Russ.).
16. Sysoeva V.V. Prevention of the victim's syndrome of cultural identity. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical Education and Science*, 2010, no. 5, pp. 101–103. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia; Head of the Department of the Theory and History of State and Law of the A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Received August 13, 2023

Original article

UDC 343.8:172.15

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002

Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System

SERGEI S. OGANESYAN

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Abstract

Introduction: the article considers problems of nationalist views that have recently arisen not only in Russia, but also in many states, which threatens stability in various regions. *Purpose:* to show that the concept of “nationalism”, being a product of modern mental civilization, is directly related to the natural and inevitable transition of mankind from life according to religious canons to life “according to their own understanding”. *Results:* the author believes that to effectively counter nationalist views in the Russian penal system, its employees should familiarize convicts with the formation of a family, clan, tribes, as well as customs and traditions. It is necessary to disseminate the idea that forcible imposition of one’s own language, culture, traditions, customs, the value world and norms of being on another ethnic group or people contradicts human development trends. The article shows that the concept of “nationalism”, due to a number of objective reasons related to the historically conditioned civilization mentality of ethnic groups and peoples, did not exist in religious epochs. *Conclusion:* the author, noting the relevance of the problem under study, points to its multidimensional nature and proposes, taking into account the results formulated in the article, to develop a special system of prevention and counteraction to nationalism in the Russian penitentiary system, with appropriate training and retraining of its employees.

Keywords: nationalism; penal system of Russia; prevention and counteraction to nationalism.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Oganesyane S.S. Nationalism: Essence, Issues of Prevention and Counteraction in Bodies and Institutions of the Russian Penal System. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 357–364. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.002.

Introduction. Nationalism, being a product of modern mental civilization, is directly related to the natural and inevitable transition of mankind from living according to religious canons to living “according to their own understanding”, including the development of ideological founda-

tions for the creation of own sovereign states by ethnic groups and peoples. Therefore, resocialization of nationalists is fundamentally different from resocialization of all other extremists and terrorists, particularly, from re-socialization of persons with religious extremist and terrorist

views, the origins of which go back to the religious mental civilizations that are becoming obsolete.

Undoubtedly, penal system employees are obliged to know both the specifics of nationalist views and forms of their manifestation in the modern world in order to develop and apply the most effective system of prevention and counteraction to this extremely negative social phenomenon.

The urgency of this problem is especially increasing nowadays in connection with well-known events in Ukraine, where nationalist views of not only the country's leadership, but also an impressive part of the population led to tragic consequences in Donetsk, Luhansk and other oblasts, forcing Russia to launch a special military operation and include the problem regions in its composition. Today a surge of nationalist ideas is observed not only in Ukraine, but in Kazakhstan, as well as in some other post-Soviet republics [1–3]. This situation is not accidental, since it is connected not only with the process of sovereignization of the peoples of these republics, but also with the natural transition of mankind to a new civilizational mentality.

So, in accordance with the concept of three main stages of mental development of mankind, as a rule, successively replacing each other, we can distinguish mental epochs of "polytheism", "monotheism" and "scientific worldview", each of which has its own specific worldview, norms and rules of behavior, its own value world, which manifest themselves in all spheres of people's lives, starting from the relationship between family members, clan and tribe, and ending with relationships with representatives of other tribes (in modern terminology – ethnic groups and peoples) [4; 5].

In the current mental epoch, which we have called the "scientific worldview", it is human "mind" (intellect), which is fundamentally different from mental abilities and capabilities of all other "living" beings of our planet, determines not only the transition of humanity from a religious perception of the world to a scientific one, but also people's development of norms and rules of its existence [1; 4; 5].

In previous mental epochs, which were purely religious, both the perception of the world and norms and rules of their being were considered by people as given to them (sent down,

presented) from the outside by some higher forces (gods) beyond human control. According to popular beliefs, they could not be canceled or changed, but only strictly and unconditionally executed.

Research methods. A set of methods is used in the article. The first group includes logical, systemic and conceptual types of analysis of the current state of prevention and counteraction to nationalist activities in the penal system and identification of unresolved problems of resocialization of persons with nationalist views that require their own understanding and urgent solutions. The second group includes hermeneutical, comparative and exegetical methods of studying sources that determine the consciousness, cognitive abilities and behavior of modern nationalists.

Discussion. In polytheism and monotheism epochs, there were no concepts of nationalism or nationalist extremism. Moreover, they lacked the very concept of "extremism", which arose and became actively used only in the last mental epoch. In particular, it entered the speech turnover in the beginning of the 20th century, first in journalistic and then scientific literature [6].

Phenomena, which today are considered extremist and terrorist, in religious epochs, were not perceived as negative and illegal, but, on the contrary, worthy of respect and veneration. Let us recall the famous motto "For Faith, Tsar and Fatherland", widely spread during the period of the Russian Empire. Every Russian officer believed that "soul to God, heart to a woman, duty to the Fatherland, honor to no one" [7]. Moreover, the concept of "Fatherland" was closely associated with the name of "God's anointed one", i.e. the king, to whom it was God (the Almighty) who gave patronage over the state (fatherland, homeland, country).

So, in the longest era of polytheism (paganism), covering a period of many thousands of years from the very birth of humanity on earth and before the appearance of the monotheistic Torah, moral obligations acted only in relation to family members, clan and tribe, since every foreigner was perceived as a potential enemy, who could be humiliated, insulted, robbed, killed without any condescension and pity, i.e. to commit those acts that modern criminal codes of most countries of the world community qualify as crimes.

The pagans' mentality was based on their spiritual (religious) views. Since foreigners had gods alien to other clans and tribes, who were considered enemies of their own tribal gods, they, according to pagans, had to be destroyed always and everywhere. The only exceptions were the foreigners with whom peace was concluded. Other behavior was considered a renunciation of their own gods, who do not forgive betrayal towards them. It never occurred to any pagan that he/she committed an immoral act by killing a foreigner for or without a reason [1].

The famous researcher of the life of ancient people N.D. Fustel de Coulanges writes that "there were no such concepts as fair or unfair in relation to a foreigner" [8, p.207]

In the mental era of monotheism, with the appearance of the concept of one God for all people of the earth and people's origin from one ancestor – Adam, the boundary between friends and strangers, enemies and brothers was laid down not only between monotheists and pagans (polytheists and idolaters), but also between the monotheists themselves, who differently interpreted the postulates of faith in One God. The irreconcilable struggle between different monotheistic religions and movements for the "correctness" and "wrongness" (depravity, sinfulness) of faith was no less fierce than the confrontation between pagan tribes [9].

Naturally, in the modern mental era, when the bulk of humanity has moved away from the religious canons of existence and relies in the organization of their lives not on the texts of the Scriptures, but on the perception of the world and legislative systems, which are the fruit of their own intellectual (thinking) activity, the concepts of "God", "divine predestination" and life "for the sake of God", as well as the need to fulfill "His will", have remained in the historical past. They have ceased to be a defining feature of people's lives [4].

Only the concept of the "Fatherland", embodied in the state (country, native land) and devotion to it, has been preserved. Undoubtedly, as long as the people, states and countries exist, patriotism lives, which in its extreme form of ultra-patriotism to a certain extent coincides with the concept of "nationalism". According to the Great Russian Encyclopedia, nationalism is a political ideology and practice based on the

idea of the nation and its interests as *the highest values*. Depending on the understanding of a nation, nationalism has two main forms – civil, or state, and ethnic. Civil nationalism emerged in the era of bourgeois revolutions and formation of modern states on the basis of the idea of the nation and the people as *a fellow-citizen with a common identity and historical and cultural heritage*. This form of nationalism is aimed at substantiating legitimacy of the state and consolidating the civil nation, but *often contains attitudes towards discrimination and assimilation of minorities, as well as state expansion (messianism) or, conversely, isolationism*. This kind of nationalism is widely used by states through official symbols and ideological institutions (education, social sciences, mass media, etc.) in order to assert civil loyalty ("service and love for the Motherland", "respect for the country and the past"/etc.) and disseminate national legal norms, moral and cultural values" [10].

In our opinion, this definition of nationalism is the most complete and accurate, since it includes not only the idea of the nation as the highest value for the state, but also draws attention to two most common forms of understanding of this phenomenon. It points to its civic and ethnic essence with many extremes that follow from this, up to expansionism and isolationism, as well as to the historical time of this concept emergence. In particular, it connects the emergence of this concept with the era of bourgeois revolutions and formation of modern states on the basis of the idea of the nation and the people as a fellow-citizen with a common identity and historical and cultural heritage [10]. This completely coincides both with the above three-stage periodization of mental civilizations, and with the specifics of relationships in them between ethnic groups and the peoples (in the terminology of ethnographers – tribal relationships).

Not only journalists, but also some statesmen began to consider Nazism as manifestations of nationalism in different countries and regions of the world, for example, in Ukraine. We believe it necessary to recall that the term "Nazism" originated based on the abbreviation of the term "National Socialism", i.e. nationally oriented socialism. However, the socialist path of development was declared in the USSR [11].

However, while National Socialism was pro-

claimed in Germany, then International Socialism was declared in the USSR. But the essence was the same: the goal of the state was to proclaim its socially oriented foundations. When the army of the Third Reich treacherously crossed the borders of the USSR, it became necessary to categorically dissociate itself from “national socialism”. So there appeared an abbreviation “Nazism”, to which the term “Fascism” was later added in its negative sense. Thus, soldiers of the Red Army fought with the Nazis and fascists, but not with the socialists [11].

After the end of World War II, the term “Nazism” became synonymous with words such as xenophobia, nationalism, chauvinism, and fascism. All these words in modern Russian have received an extremely negative meaning and therefore, as a rule, are used to disparage political opponents.

In recent decades the term “Neo-Nazism” (New Nazism, New National Socialism) has also become widespread. It is understood as the movement that, after the 2nd World War, united nationalist organizations close to National Socialism in their program settings or declaring themselves as followers of the National Socialist German Workers’ Party (NSDAP) [11].

Although the movement of Neo-Nazism is heterogeneous, but since 1962, most organizations that are part of it have united into the World Union of National Socialists (WUNS). At the end of 2012, 44 organizations were officially registered in Russia. Moreover, almost all of them have their own Internet resources and the press. Today, WUNS groups exist in Belgium, Bulgaria, Bolivia, Brazil, Venezuela, Great Britain and many other countries. In Russia, representatives of Neo-Nazi movements are the All-Russian civic-patriotic movement “Russian National Unity” (RNU), the National Socialist Movement “Slavic Union”, the community “White Colour” and some others [12]. By 2010, many of them had been banned in the Russian Federation by decisions of courts of various instances.

It is important to specifically note that after religious mental civilizations, humanity has not at once and not simultaneously begun to move to a scientific worldview. This process began in the European countries in the 15–16th centuries and then spread to other world countries. In particular, science actively developed in Italy,

England, France and Germany. The religious worldview set forth in the Scriptures, as well as religious norms and dogmas, were completely rejected by apologists of the Enlightenment (Voltaire, Diderot, Holbach, Locke, etc.). The formation of secular law was the fruit of the intellectual activity of people [1; 5].

However, many states even of the modern world follow requirements of canonical (religious) law, for example, Iran, Kuwait, the United Arab Emirates, Pakistan, Tunisia, Saudi Arabia, etc. It is worth mentioning that they are also forced to make changes to their legislative norms today under the pressure of changed living conditions [5].

Thus, the very concept of “extremism”, as an extremely negative phenomenon of social life of the peoples, arose only in the early 20th century. The “International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism” (October 9, 1998) and the “International Convention for the Suppression of Terrorist Bombing” (February 15, 1997) were adopted only at the end of the 1990s.

The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism was adopted in 2005. Adopted earlier, the European Convention on the Suppression of Terrorism (1977) is still applied by almost all EU countries [2].

In our country, the Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 “On Countering Extremist Activity” and the Federal Law No 35-FZ of March 6, 2006 “On Countering Terrorism” are in force.

According to the Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism, adopted on June 15, 2001, these acts are understood as a forcible seizure of power or forcible retention of power; forcible change of the constitutional order of the state, and violent encroachment on public security, including organization for these purposes of illegal armed formations or participation in them. In domestic legislation, in particular in the Federal Law “On Countering Extremist Activity”, the concept of extremism is revealed through the enumeration of acts that are interpreted as extremist.

So, it can be argued that throughout its existence, humanity has had a different attitude to those phenomena that our contemporaries perceive as extremist and terrorist, since each of the mental epochs has its own specific worldview, norms and rules of behavior, as well as its

own value world. It is the reason of the absence of concepts of nationalism, Nazism, Neo-Nazism and Fascism, perceived and qualified as criminally punishable acts, in religious mental civilizations.

Still, humanity has never been mentally homogeneous in its spiritual views: both ethnic groups inclined to tribal (pagan) traditions of organizing their lives and those refusing not only pagan, but also monotheistic beliefs have lived side by side for centuries. We can bring a vivid example from a modern life: inhabitants of the Far North tend to a pagan worldview and people with atheistic views, who, as a rule, live in large megacities of different countries of the world. It is worth mentioning that the number of people with atheistic views in the world is steadily growing, approaching 17% today [13]. And those who consider themselves believers have a very vague idea of both God and the scriptures in which He is represented and characterized [4].

So, in the modern world, representatives of religious extremist views believe that strict adherence to the Scriptures is the most correct and righteous and do not spare their own lives to revive traditions and customs of religious eras, while their “antipodes”, who are “nationalists”, suppress the identity of their fellow citizens of other ethnic groups, forcibly impose on them views alien to their mentality and being, including religion, language, traditions and customs of life.

What is the mental specifics of nationalists in comparison with carriers of other types of extremism? How does this affect the construction of a system of prevention and counteraction to nationalism in the Russian penal system?

Although these issues have been very little studied, nevertheless, it can be said that the mental specifics of nationalists is manifested not only in propaganda of the ideas of superiority of one nation over all others and the actions caused by these views and aimed at the humiliation and forced assimilation of other peoples, but also in the pursuit to build a one-nation sovereign state, with all the negative consequences that follow from this for other ethnic groups, up to the official fixation (recording) of persons of the titular nation or an indication of their ethnic origin (for example, (Kazakh of Russian origin” [10–12].

It is widely known that nationalists kill their ideological and political opponents not only in their own country, but also abroad. Everyone remembers, for instance, murder of journalists Oles’ Buzina, Sergei Sukhobok and politician Oleg Kalashnikov in Ukraine and killing of Dar’ya Dugina and military blogger Vladlen Tatarskii in Russia, as well as attempted murder of many others.

In this respect (in particular, according to the methods used to achieve their goals), nationalists are very similar to extremists who profess racism and chauvinism as well as to those who adhere to the ideas of superiority of one language, culture and religion over others.

Penal system employees should take into account that the worldview and activities of nationalists are directly opposite to those ideas professed, for example, by religious extremists. As a rule, the latter are obsessed with the idea of merging all ethnic groups and peoples into a single world brotherhood on a spiritual basis, and not on a national (ethnic) basis (for instance, creation of a world caliphate in the modern world or unification of all Christians into a single world spiritual brotherhood (“New Age”, etc.) [1; 5].

Nationalists try to use religious views of their fellow citizens for the sake of their isolationist aspirations. In this regard, the example of Ukrainian nationalists, who initiated the receipt of a tomos of autocephaly for the Orthodox Church of Ukraine from the Patriarchate of Constantinople, is very indicative [14; 15]. This happened in Istanbul (Turkey) under President P. Poroshenko on January 6, 2019. There is nothing surprising in the fact that the President of Ukraine Vladimir Zelensky proposed to the Verkhovna Rada to postpone the Christmas celebration date from January 7 to December 25. The Explanatory Note to the document submitted by V. Zelensky to the Parliament stipulates that the proposed changes are aimed at amending Article 73 of the Labor Code of Ukraine, i.e. a purely secular document. The main reason for changing the Christmas celebration date is the Ukraine’s desire to abandon Russian influence and the imposed tradition of celebrating Christmas in January [16]. According to this proposal, December 25 will be celebrated as Christmas, July 15 — as the Ukrainian Statehood Day, and

October 1 — as the Defenders and Defendresses of Ukraine Day [16].

What are methods, techniques and means to resist nationalist views in the penal system of modern Russia?

Unfortunately, the experience of foreign penitentiary systems and domestic penal system does not allow us to present a sufficiently effective, successfully tested, holistic system of prevention and counteraction to nationalist views. The reasons are objective. First, the available experience is extremely scarce and insufficient for scientifically-based generalization and dissemination (as, by the way, for other types of extremism and terrorism). Second, the phenomenon of nationalism and its main manifestations have been little studied. We can only add to the above-listed features of nationalists that adherents of nationalist views are very heterogeneous both in their aspirations and in the degree of their involvement in nationalist organizations and movements. Among them one can find both fanatically minded people who, as our experience shows, practically do not perceive any arguments of reason and are not amenable to persuasion, as well as people who are unstable in their views or accidentally found themselves in nationalist organizations. Third, the circle of penal system employees, who purposefully study characteristics of nationalists and carriers of all other radical ideas, is extremely limited.

For example, employees of operational, regime, educational and psychological services should not only know aspirations of representatives of all extremist views and the specifics of their mentality, but also, taking into account the specifics of their official activities, possess skills and techniques of their recognition, prevention and counteraction. For example, just as when working with religious extremists, penal system employees should know the content of primary sources of monotheism (the Torah, the New Testament, and the Koran), paganism and neopaganism, history of the formation and development of different ethnic groups, when identifying and re-socializing nationalists it is necessary to show them the formation of the people that they consider the best. It should be taken into account that nationalists, as a rule, have distorted or fictitious ideas about historical processes that are planted by their ideologists [1; 4; 5].

Nationalists should be pointed out that not authoritarianism, dictatorship, or the will of the leader, but reasonable arguments are a way of influencing people's thinking and a decisive condition for changing their consciousness and accepting certain decisions, including issues of relations with other ethnic groups and peoples. The scientific worldview is tolerant of all judgments and positions, hypotheses and theories. It cannot exist without a pluralism of opinions, different points of view, debates, and discussions. It is the new mental civilization that defines the "right to self-determination of nations".

At the same time, penal system employees should know that ideas related to a sense of national dignity and defending their national identity are inherent in all ethnic groups and peoples of the world, since they are a form of self-preservation of national identity. This form can increase or, on the contrary, fade away in different historical conditions, depending on the threats that come from the surrounding ethnic groups and peoples.

So, in particular, if we are talking about re-socialization of Ukrainian nationalists, then it is necessary to show them the whole path that those numerous and different in their ethnic origin, language and traditions of life tribes of Krivichi, Drevlyans, Polyans, Radimichi, Vyatichi, Tivertsy, etc. had passed before the appearance of that tribal formation of the Eastern Slavs, from which those peoples who consider themselves Belarusians, Russians and Ukrainians descend [17].

Nationalists should get an idea that geopolitical and climatic conditions of their life affect the formation of a particular people, religious beliefs and many other things influence the mentality of ethnic groups, which ultimately determines the identity and uniqueness of a particular people in its current state.

Penal system employees, using concrete examples, should describe how families, growing, acquired the status of a genus, how clans were united into tribes, how customs and traditions of each family, clan and tribe were formed, as well as disseminate the idea that forcible imposition of one's own language, culture, traditions, customs, the value world and norms of being on another ethnic group or people contradicts human development trends. Moreover, these

employees should demonstrate the formation of the people not only using examples of past eras, but also of modern life. As an illustration, they can use the concept of “Dagestani” being formed today and including a great number of different-language ethnic groups for which the Russian language has become the unifying principle, and the Constitution of the Russian Federation has become the basic norms and rules of behavior.

Penal system employees should have educational materials and training tools. This, in turn, poses fundamentally new tasks for the entire system of training and retraining of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia so that, taking into account the profile of their work, they can conduct purposeful work with nationalists as well as with persons with extremist religious and other beliefs. What is more, it is necessary to create a special group (department) in the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, which, in cooperation with employees of educational institutions and territorial bodies, can organize special experimental work in order to identify not only the mental and ideological-ideological specifics of extremists and terrorists of all stripes, but also methodological foundations for the prevention and counteraction to their extremist views.

The best practices in preventing and countering extremist and terrorist views in the penal system of Russia are important and should be generalized and disseminated. However, in accordance with realities of the new scientific-oriented mental era, it is the purposeful experimental research work that should become the basis for identification of carriers of extremist and terrorist views and resocialization of convicts.

Besides, all educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia need to focus efforts on training and retraining of penal system employees to prevent and counteract beliefs of nationalist and other radical character, taking into account specifics of their official activities.

Conclusions. The article briefly dwells on key aspects of preventing and countering nationalist views in the penal system of Russia. Foreign and domestic penitentiary systems address fundamentally new tasks, including prevention and counteraction to nationalism. There is no hope that they will be solved by themselves or within the framework of traditional approaches, methods and techniques applied in the penal system. The purposeful work of all structural divisions of the Federal Penitentiary Service of Russia is necessary to solve fundamentally new tasks that are dictated by realities of new times.

REFERENCES

1. Oganesyanyan S.S. Confrontation on religious grounds as an inevitability for the sovereignization of ethnic groups and peoples. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21st Century: Legislation, Comments, Problems*, 2022, no. 3 (194), pp. 36–40. (In Russ.).
2. Furtat V.V. Countering extremism in several European countries. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2019, no. 7, pp. 117–120. (In Russ.).
3. Kulagin V. “*Russkie zdes' ne dyshat*»: kak Kazakhstan otdalyaetsya ot Rossii [“Russians do not breathe here”: how Kazakhstan is moving away from Russia]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/20_a_14226445.shtml (accessed July 16, 2023).
4. Oganesyanyan S.S. “A believer” and “a man of religion” – different concepts of the modern mental age. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika = Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2019, no. 4, pp. 28–34. (In Russ.).
5. Oganesyanyan S.S. Conditionality of legislative systems by the civilizational mentality of ethnic groups and peoples. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21st Century: Legislation, Comments, Problems*, 2021, no. 7–8 (190–191), pp. 18–23. (In Russ.).
6. Babashkina Z.A. The emergence of the concept of “extremism”. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2013, no. 5, pp. 240–242. (In Russ.).
7. Maksimov S.T. National character. *Russkie voinskie traditsii = Russian Military Traditions*, Moscow, 2010. 317 p.

8. Fustel de Coulanges N.D. *Drevnii gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima* [Ancient city. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]. Trans. by Igorevskii L.A. Moscow, 2010. 414 p.
9. *Religioznye voiny v mirovoi istorii* [Religious wars in world history]. Available at: <https://dzen.ru/a/W4WcBjl9QwCp8Plz> (accessed July 16, 2023).
10. Nationalism. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/natsionalizm-d9e9ff> (Accessed July 16, 2023).
11. Nazism. In: *Politicheskii slovar'* [Political Dictionary]. Available at: <http://slovariki.org/politiceskij-slovar/3418> (Accessed July 16, 2023).
12. Kuz'min A.G. The right-wing radical movement in modern Russia: features of ideology and prospects of development. *Polites=Politics*, 2007, vol. 3, no. 1, pp. 99–109. (In Russ.).
13. Filimonov S. *Ne veryu: pochemu uroven' religioznosti snizhaetsya vo vsem mire* [I do not believe: why the level of religiosity is declining all over the world]. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/486214-ne-veru-pocemu-uroven-religioznosti-snizaetsa-vo-vsem-mire-i-v-rossii> (accessed July 16, 2023).
14. Denisenko M.A. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XIV* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 14]. Moscow, 2007. Pp. 391–403.
15. Bishops Council of the Russian Orthodox Church March 31 – April 5, 1992. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya T. III* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 3]. Moscow, 2001. Pp. 552–555. (In Russ.).
16. Latyshev A., Komarova E. *"Iskorenit' vse russkoe": Zelenskii vnes v Verkhovnyu radu zakonoproekt o perenose Rozhdestva s 7 yanvarya na 25 dekabrya* ["Eradicate all Russian": Zelensky submitted a draft law on transferring Christmas from January 7 to December 25 to the Verkhovna Rada]. Available at: <https://russian.rt.com/ussr/article/1167978-ukraina-zakonoproekt-rozhdestvo> (accessed July 16, 2023).
17. Odinets D.M. *Vozniknovenie gosudarstvennogo stroya u vostochnykh slavyan* [Emergence of the state system among the Eastern Slavs]. Paris, 1935. 184 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4712-odinets-d-m-vozniknovenie-gosudarstvennogo-stroya-u-vostochnykh-slavyan-parizh-1935> (accessed July 16, 2023).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, 1st Class State Adviser of the Russian Federation, Chief Researcher at Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Received July 17, 2023

Original article

UDC 342.553

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003

“He Beat Prisoners of War for the Slightest Violations ...”: Practice of Bringing Nazi Accomplices to Criminal Liability (Based on Archival Materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast)

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Abstract

Introduction: the article examines the practice of bringing to criminal liability of accomplices of Nazi occupiers from among Soviet citizens after the end of the Great Patriotic War. *Purpose:* based on the analysis of the archival case to reveal the mechanism of criminal prosecution of collaborators. *Methods:* theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, historical and biographical, textual and formal legal methods. *Results:* the study of archival materials demonstrates the tragedy of the fate of Soviet servicemen who were captured by the Germans during the Great Patriotic War. In relation to Soviet prisoners of war, the Nazis provided for a cruel regime that doomed them to gradual death from starvation and inhuman treatment. Persons who collaborated with the Nazis became accomplices of the criminal occupation policy. After the defeat of the German army and its surrender, most collaborators were sent to special (screening and filtration) camps of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs). The Smersh Counterintelligence Department carried out operational and investigative measures to establish and document the facts of treason to the Motherland and cooperation with the Nazi occupiers. Persons whose criminal activity could be confirmed by evidence were tried by a military tribunal on the basis of Article 58-1 "b" of the Criminal Code of the RSFSR and Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On penalties for Nazi villains guilty of murder and torture of Soviet civilians and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the Motherland from among Soviet citizens and for their accomplices" of April 19, 1943. As a rule, accomplices of Nazi crimes served their sentences in penal camps of the Gulag.

Key words: Great Patriotic War, Soviet prisoners of war, Nazi occupation policy, screening and filtration camps, collaborators, prosecution.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. "He beat prisoners of war for the slightest violations ...": practice of bringing Nazi accomplices to criminal liability (based on archival materials of the Federal Security Service of Russia in the Vologda Oblast). *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 365–373. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.003.

Introduction

Russian historical and legal science is interested in the events of the Great Patriotic War, its results and consequences. Previously inaccessible archival documents are introduced into scientific circulation, unknown facts are revealed, their interpretations and assessments are given, and complex and fundamental issues are discussed. Among insufficiently studied aspects of the war are special activities of the NKVD-NKGB and the Smersh Counter-intelligence Department considered as state inspection or filtration of Soviet citizens who found themselves in the territory occupied by the enemy.

The filtering mechanism and the activities of special NKVD camps for checking former prisoners of war and repatriates are considered in the works of A.F. Bichevost [1], A.V. Latyshev [2–4], V.S. Khristoforov [5], V.V. Shevchenko [6], as well as the author of this article [7–10]. They reveal regulatory and organizational-structural aspects of filtration measures, a number and composition, life support and labor use of convicts, as well as organization of political work with them. The fate of the persons who passed special examination, namely circumstances of their capture in German captivity, cooperation with the Nazis and criminal prosecution for the illegal acts committed, are much less studied.

According to the four-volume book "The Great Patriotic War. 1941–1945" almost 85 million people, i.e. 45% of the population of the Soviet Union, lived in the regions captured by the Nazi occupiers [11, p. 116]. Besides, according to various estimates, 4–6 million Red Army soldiers were taken captive [12, p. 234; 13, p. 248; 14, p. 5; 15, p. 5; 16, p. 6]. Over 3 million Soviet citizens actively participated in the resistance movement, fighting in partisan detachments. Millions of compatriots sabotaged activities of the occupation authorities, supplied food to the partisans, and sheltered underground workers [17, p. 153]. However, there also were those who cooperated with the German authorities and even fought on the side of the enemy. According to researchers, from 200 thousand to 1.5 million Soviet citizens served in armed formations of the Wehrmacht and institutions of the German occupation administration [18, p. 154]. The nature, typology and manifestations of collaboration during the Second World

War are studied in detail in the monograph of the Doctor of Sciences (History), Professor M.I. Semiryaga [19], therefore, we will not delve into the description of the military-political and socio-psychological essence of this phenomenon, but will focus exclusively on historical and legal consequences.

After the liberation of the occupied territories, the internal affairs and state security agencies addressed the task of checking persons who had been captured or on the occupied territory in order to identify traitors to the Motherland, as well as saboteurs and enemy agents. For this purpose, special NKVD camps were formed by the Resolution of the USSR State Defense Committee No. 1069ss of December 27, 1941 and the NKVD Order No. 001735 of December 28, 1941, [2, pp. 134, 194]. By the Order of the NKVD of the USSR No. 00100 of February 20, 1945 special camps were renamed screening and filtration camps (SFC), and the Department of Special Camps of the NKVD of the USSR was renamed the Department of Screening and Filtration Camps (DSFC of the NKVD of the USSR) [1, p. 73].

In total, according to A.V. Latyshev, from January 1942 to March 1, 1946, 652 thousand people were sent to special and screening and filtration camps [8, p. 16]. Most of them passed the examination successfully and were sent to local military enlistment offices, and then to units of the active army. Suspects of betrayal and treason were arrested, and cases against them were sent to military tribunals of the NKVD of the USSR.

One of the 69 special camps [4, p. 16] operating in the USSR in 1942–1945 was the screening and filtration camp No. 0313, located in the Karelo-Finnish SSR. It was organized by the Order of the NKVD No. 001403 of November 20, 1944 for the inspection and labor use of Red Army prisoners of war who had previously been in Finnish captivity. Initially, the camp was stationed in Petrozavodsk and was designed to accommodate 4 thousand people. In accordance with the NKVD Order No. 00838 of July 13, 1945, the camp was relocated to Medvezhyegorsk for convicts to take part in the construction of the White Sea-Baltic Canal. The capacity of the camp was increased to 9 thousand people, and 4 camp departments were formed in the structure of the camp. As of September 20, 1945,

8,282 people were kept in the camp, 2,699 of whom were Vlasov's supporters and served in German formations [20].

The archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast has a partially declassified archival file on serviceman N., a native of the Vologda Oblast, who was interrogated at the SFC No. 0313 and convicted of treason and collaboration with German occupiers (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84).

The structure of the case includes a resolution on the solution of a preventive measure, a resolution and an arrest warrant, a search report, a questionnaire of the arrested person, interrogation protocols, a resolution on the indictment, an indictment in the investigative case, and a verdict of the military tribunal. It is possible that the case also contains protocols of interrogations of witnesses, but such documents probably have access restrictions.

It should be noted that archival cases of the NKVD–NKGB and the Smersh Counterintelligence Department belong to the category of the most difficult to study historical sources. This is due to the fact that the testimony of the accused may contain distorted or unreliable information, taking into account possible facts of physical and psychological pressure on the arrested and their being in pre-trial detention. On the other hand, these documents contain unique information that allows us to find out prerequisites and reasons that prompted a particular serviceman to embark on the path of cooperation with the enemy, study the mechanism of bringing to justice, and clarify his/her future fate. All this requires the researcher to know the specifics of the Soviet legal proceedings [21; 22] and the specifics of office documentation of the judicial investigative bodies of the NKVD–NKGB [23].

The purpose of the study is to reveal a mechanism of criminal prosecution of collaborators based on the analysis of a specific archival case. To achieve this goal, it was necessary to find out the specifics of office documentation of the judicial investigative bodies of the NKVD–NKGB and the Smersh Counterintelligence Department, circumstances of the capture of Red Army servicemen, motives for cooperation with

the enemy, organization of special checks in the NKVD camps, grounds for bringing former prisoners of war to criminal liability, the content of the indictment base, stages of investigative measures, and the court verdict.

The following research methods are used: theoretical methods of formal and dialectical logic and empirical methods of description and interpretation. Private scientific methods adapted to the tasks of historical and legal research are also used, in particular, a historical and biographical method aimed at describing, reconstructing and analyzing life circumstances and the socio-psychological portrait of a collaborator; a textual method focused on critical analysis of the information contained in the text with regard to possible distortions, contradictions and omissions; a formal legal method consisting in the interpretation of norms of law and existing legal practice. The chosen methodology helps achieve the purpose and objectives of the study.

To protect personal data, names and surnames of law enforcement officers, persons who underwent special verification and were brought to criminal liability, as well as witnesses and eyewitnesses mentioned in this article, are not published. Names of localities are original (according to the person involved in the criminal case), but are accompanied by necessary explanations and comments. When quoting the text of a document, text omissions are indicated by an ellipsis enclosed in square brackets.

Research

On August 19, 1945, the senior investigator of the Smersh Counterintelligence Department at the screening and filtration camp No. 0313 signed a decree for the arrest of a serviceman N., born in 1921, a native of the Ustyuzhensky District of the Vologda Oblast, suspected of committing crimes under paragraph "b" of Article 58-1 (treason was understood as actions committed by USSR citizens to the detriment of the military might of the Soviet Union, its state independence or the inviolability of its territory, including: espionage, revealing military or state secrets, defection to the enemy, escape or flight abroad. Paragraph "b" of Article 58-1 provided for the highest measure of criminal punishment – execution with confiscation of property) of the Criminal Code of the RSFSR. According to the decree, N., while at the front,

was captured by the Germans. Performing the duties of a food distributor in the camp, he treated prisoners of war roughly, did not give them the required products and systematically beat them. Later he served in the German army and was awarded a medal for his diligent service. He was exposed by the testimony of witnesses and his confessions (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 1).

In order to avoid the escape of the suspect, it was decided to place him in custody. On August 28, 1945, N. was arrested by the counter-intelligence department and transferred to the NKVD Belomorstroy detention center (Medvezhyegorsk). The search report indicates that nothing was seized from the detainee (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 4 and 5 flesh side).

The arrest materials fixed his biographical data: a citizen of the USSR, Russian by nationality, non-partisan, single, primary education (1–4 grades), a firefighter, social origin – from peasants, after the revolution – a middle peasant, did not belong to counter-revolutionary organizations, was not engaged in socio-political activities, was not subjected to repression under Soviet rule. Until 1940, he worked in agriculture: first on his father's farm, then on a collective farm. In 1940, he moved to the Chagodoshchensky District of the Vologda Oblast and worked at a factory before being enrolled in the Red Army (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 5, 9).

The first protocol of the interrogation was dated August 14, 1945 and signed by the senior investigator of the Smersh Counterintelligence Department of the 289th Infantry Division. Before the interrogation, N. was notified about liability for giving false testimony under Article 95 of the Criminal Code of the RSFSR. N. reported that on October 24, 1940, he was called up by the Chagodoshchensky district military commissariat and sent to one of the rifle units stationed in Lithuania. There he was trained, and then transferred to the 232nd rifle division, in which he served as a private until about August 1941. He took part in battles with the Germans in the Baltic republics. In the summer of

1941, near Staraya Russa, he was captured by the Germans (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 6).

N. described circumstances of the capture as such: "As a machine gunner, the squad commander ordered me to hold on as long as possible to cover the division's retreat. When people left, at least most of them, I loaded the machine gun on the wagon and wanted to catch up with the division myself, but it was too late. The Germans bypassed us. I was forced to surrender to save my life" (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 6 flesh side).

Further, the investigator's questions concerned N.'s behavior during his captivity and his subsequent stay in German camps. According to N., when captured, the Germans did not interrogate him, but only conducted a search, during which they seized his watch and a machine gun with ammunition. Until the summer of 1942, he was in the prison camp in the village Pochinok (it may be the village Pochinok in the Demyansky District of the Leningrad Oblast, since July 5, 1944 – the Novgorod Oblast), then he was transferred to the camp in village Pekashino (it may be the village Pekakhino in the Demyansky District of the Leningrad Oblast, today – the Novgorod Oblast). The document has different variants of the above mentioned village, such as Pekashino, Pekakhino, Pokashino), where he stayed until the beginning of 1943. In the camps, he worked in the camp kitchen as a laborer and then as a bread distributor, and brewed coffee for the Germans. On behalf of the camp administration, he stood at the post with a rifle, guarding the territory without fences from the intrusion of unauthorized persons. As a result, he received great privileges: he lived in a separate dugout, ate in the kitchen without restriction and had the right to freely stay outside the zone, which he used to communicate with women (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 7 and 7 flesh side).

The investigator asked, "you had a possibility of free exit from the camp, why you did not flee?" and got a frank answer, "I did not run away, because the work was easy, they fed well and paid

enough. I lived better than in the Red Army and did not fear for my life. Coming out of this, I decided not to rush into the unknown” (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 7 flesh side). Thus, the main reason for cooperation with the Germans was the pragmatic factor, which consisted in the desire to save life and improve his position in captivity by occupying a privileged position in the camp.

Another part of the questions concerned N.’s relations with other prisoners of war. Initially, the interrogated person stated that “he had treated prisoners of war well and had not hurt anyone”. Then, under pressure from the investigator, he admitted that in the spring

autumn of 1942 he hit a prisoner of war several times for picking up a bone from the ground near the camp kitchen and “often pushed prisoners of war away from the kitchen” (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 7 flesh side).

In conclusion, the investigator asked N. to disclose circumstances of enrollment in the battalion of the 30th German Division and service in these units. N. reported, “in February or March 1943, the prison camp in the village Pekashino was disbanded (in February 1943 the territory of the Demyansky District was freed by the Soviet army). [...] I was among 10 people enlisted in the battalion of the 30th German Division, where I served until the day of the German surrender, performing various jobs”. Besides, N. mentioned that in 1943 he took the oath “to serve the Germans honestly”, and in 1945 he received a bronze medal of the 2nd degree “for honest work” from the German command (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 8).

In the interrogation protocol of August 28, 1945, the arrested man gave new testimony regarding circumstances of his surrender: “our department worked on a machine gun. I was the 1st reserve number and was in the trench nearby the machine gun. When the Germans went on the offensive and came close, the soldiers loaded the machine gun on the cart and began to catch up with the units. I was afraid that I might be killed, stayed in the trench and surrendered to the Germans”. When asked, why

he had previously given incorrect testimony, N. stated that he “had tried to hide the fact of voluntary surrender and thereby reduce guilt before the Motherland” (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 10 flesh side).

Then N. clarified the location of branches of the German prison camp (he did not report its number and name), which, due to the change in the front line, had been transferred several times from one settlement to another. So, he spent the first week in captivity in Staraya Russa, then he was kept in villages 45 km far from Staraya Russa for about a month, then in the village Pochinok until the summer of 1942, in the village Obran’ (it may be the village Obran’ in the Demyansky District of the Leningrad Oblast, today – the Novgorod Oblast) for two or three months and in the village Pekashino until January–February 1943 (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 11).

Further efforts of the investigators were aimed at encouraging N. to admit his guilt and confirm facts of criminal activity in German captivity. The interrogation protocol of September 1, 1945 had the following statements: “Working as a bread distributor in the prison camp in the villages of Pochinok and Pokashino, I criminally used my position and treated prisoners of war roughly, pushed them away from kitchen and often inflicted blows. There were cases when I beat prisoners of war without sufficient grounds. I recall certain events now. In the autumn of 1942, I kicked three times [...] for trying to lift bones near the kitchen. Somehow, when dividing bread in the village Pekashino I beat the prisoner of war Boris for expressing dissatisfaction with the distribution of bread. [...] In the spring of 1942, I beat [...], who also expressed dissatisfaction with the distribution of bread. I remember hitting him several times on the back with my fist. Perhaps there were other cases when I beat prisoners of war, but I don’t remember now. Besides beating prisoners of war and pushing them away from the kitchen, I constantly insulted them. It is my fault that the prisoners of war did not always receive their bread allowance. When distributing additional pieces of bread to the main ration, they fell into the basket, and when prisoners of war made some

comments about this, I pushed them away. For some time, insistently demanding a fair distribution, I threatened to deprive them of bread, but I never did it. Once in Pekshino, because of my denunciation, the Germans beat a sergeant, who was especially dissatisfied with the bread distribution order. It was said that the sergeant was beaten in front of the formation, but I did not see it myself. [...] As a bread distributor, I was around the Germans. For fun the Germans and I could throw pieces of bread into the crowd of prisoners. Laughing at them, I cried, "Russian Schwein (pig), Vologodsky – good". Because of my addiction to using German words that I knew, I was called Franz in the camp. I lived with the Germans, and prisoners of war cleaned my boots along with theirs" (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 13–14).

The interrogation protocols also included excerpts from witness statements read out by the investigator. So, a witness [...] testified that in December 1942, when N. was carrying a bowl of pea soup to the garbage, he asked to give him this soup. In response to the request, N. cursed him and said that "he would better give the soup to a dog of the Ober-Lieutenant than to a prisoner of war". N. replied that he did not remember it but this fact could be possible, "since the Germans forbade helping prisoners of war in any way" (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 14–14 flesh side).

To the investigator's question: "What prompted you to embark on the path of assisting the Germans and criminal treatment of Soviet prisoners of war?", N. explained, "After becoming a bread distributor, I realized that in order to stay in this place, it was necessary to please the Germans and pursue their policy. I copied their rough treatment of prisoners. Besides, I was rude towards prisoners, because I did not believe in the Victory of the Red Army over fascist Germany" (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 14 flesh side). Thus, in addition to purely selfish considerations, the decision to cooperate with the occupiers was explained by military-political and moral-psychological factors, namely, successful offensive of the Wehrmacht and N.'s

conviction of the inability of Soviet troops to repel enemy aggression.

The interrogation protocol of September 2, 1945 reveals circumstances of N.'s enrollment in the German army. According to him, in January or February 1943, in the camp in the village Pekakhino, the German Ober-Lieutenant announced to the prisoners of war that they were enlisted in the German army and would be distributed among the units. For some time, the prisoners worked on logging, and then were sent to the working (sapper) battalion of the 30th German Infantry Division. There N. took the oath of allegiance to the German command. They took the oath in the village Suslovo near Staraya Russa (it might be the village of Suslovo of the Starorussky District of the Novgorod Oblast). According to N., before the formation of the battalion, a German Lieutenant read out the text of the oath of anti-Soviet content, after which everyone signed its acceptance. In the working battalion, N. was a private, received a monetary reward of 68 marks per month and got food in the amount of a German soldier. According to the interrogation protocol, N. had no weapons and did not participate in battles against the Red Army and partisans. The personnel of the battalion were engaged in the construction of roads and defensive structures in the German rear. As the Red Army advanced, the battalion retreated to Libava (or Liepaja – a city in the south-west of Latvia, on the Baltic Sea coast). Here, on May 9, soldiers of the battalion were transferred to the Soviet command and subsequently sent to special camps.

On September 6, 1945, the Deputy Head of the Smersh Counterintelligence Department No. 0313 approved a resolution on the indictment of N. under paragraph "b" of Article 58-1 of the Criminal Code of the RSFSR. According to this document, N. in the area of Staraya Russa in the summer of 1941, participating in battles against the Germans as a private of the 232nd Infantry Division, surrendered to them following his premeditated plan. During his stay in the prison camp, he worked as a bread distributor in the camp kitchen and often replaced the Germans at the camp guard post. Using his position, he treated Soviet prisoners of war roughly, called names and beat them. From January–February 1943 to the day of the German surrender, he served as a private in the working (sapper) battalion of the 30th Ger-

man Infantry Division, where he took the oath and received an award – a bronze medal of the 2nd degree. The document had the signature of the accused. A copy of the resolution was sent to the prosecutor of the Petrozavodsk garrison (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Page 17).

During the interrogation on September 6, 1945, in which the Deputy Military Prosecutor of the Petrozavodsk garrison took part, N. admitted all the charges and explained that he had surrendered in order to save his life and that he had carried out all further criminal activities in order to have good relations with the Germans.

The indictment on the investigative case No. 2170 of September 14, 1945, signed by the Head of the Smersh Counterintelligence Department No. 0313 and the Military Prosecutor of the Petrozavodsk Garrison, contained all of the above charges. In addition, it indicated that criminal actions of N. were exposed by witness testimony and confrontation with a witness [...]. Considering the investigation of the case completed and the guilt of N. proved, the senior investigator of the Smersh Counterintelligence Department of the Belomorsky Military District, Lieutenant [...], sent the case to the Military Prosecutor of the Petrozavodsk garrison in accordance with Article 208 of the Criminal Procedural Code of the RSFSR to bring the accused to a military tribunal. For further detention, N. was transferred to the Military Tribunal of the Petrozavodsk Garrison (Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 38–39).

On September 18, 1945, the permanent session of the Military Tribunal of the Belomorsky Military District in a closed court hearing in Medvezhyegorsk, consisting of Presiding Captain of Justice K., Captain K., Red Army soldier N., Senior Lieutenant of Justice K. (secretary), considered case No. 0053 on charges of the former Red Army soldier of the 232nd Infantry Division N. The materials of the case and the judicial investigation revealed that the defendant N., being on the front line of the Western Front, in August 1941, during a battle in the area of Staraya Russa, voluntarily surrendered to the Germans with a machine gun and then was sent to a prison camp. Being in the prison camp, N. in September 1941 worked as a bread distribu-

tor for prisoners of war until February 1943, while periodically performing duties of a guard of this camp. While serving as a bread distributor, N. mistreated Soviet prisoners of war and beat the latter. So, in the autumn of 1942, he kicked a prisoner of war three times because the latter, being half-starved, picked up a bone from meat in the kitchen and wanted to eat it. In October 1942, he beat two prisoners of war with his fists because the latter demanded the issuance of a full ration of bread. At the same time, N. denounced Sergeant Fedor to the head of the camp, since the prisoner expressed dissatisfaction with the food. For this, the prisoner Fedor was beaten before the formation.

Mocking Soviet prisoners of war, N. systematically did not give them required norms of bread and threw the remaining pieces into the crowd of prisoners of war, calling them “pigs”. Having earned the trust of the Germans, in February 1943 he voluntarily joined the German army – the sapper battalion of the 30th Infantry German Division. He received a reward of 68 German marks (670 rubles) per month. He served there until May 9, 1945, i.e. until the day of the surrender of Nazi Germany. During his time in the German army, in early 1945, N. he received an award from the German command, in particular, a bronze medal of the 2nd degree and took the oath of allegiance to the service of Nazi Germany.

Having found N. guilty of committing a crime, but “not identifying in the circumstances of the case the need to apply the highest measure of criminal punishment (execution) to the defendant”, the permanent session of the Military Tribunal on the basis of paragraph “b” of Article 58-1 of the Criminal Code of the RSFSR and Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On penalties for Nazi villains guilty of murder and torture of Soviet civilians and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the Motherland from among Soviet citizens and for their accomplices” of April 19, 1943, sentenced N. to exile to hard labor for a period of 20 years, followed by a loss of rights for five years, without confiscation of property for the absence of such. The beginning of the term, taking into account pre-trial detention, was calculated from August 28, 1945. The verdict was declared final and was not subject to cassation appeal (Archive of the Office of the Federal Security Ser-

vice of the Russian Federation in the Vologda Oblast. Archive 25. Case 84. Pages 52–53 (flesh side).

Conclusion

The study of materials of the considered archival case clearly demonstrates the tragedy of the fate of Soviet servicemen in the initial period of the Great Patriotic War. In the summer and autumn of 1941, the Nazi invaders occupied the north-western regions of the USSR, including the territory of modern Leningrad, Novgorod and Pskov oblasts. As in other sectors of the Soviet-German front, a large number of Soviet soldiers were trapped here in the first months of the war. Being in an enemy environment, many of them sought to avoid fascist bondage at any cost, but not everyone managed to escape.

In relation to Soviet prisoners of war, the Nazis provided for an extremely cruel regime, condemning them to death from starvation and inhuman treatment. In these conditions, there were those who preferred to go over to the enemy amid hopes to save their lives. As a rule, such persons tried to earn the favor of the German camp administration in order to get a privileged position in the camp staff and regular meals. In some cases, as evidenced by the re-

viewed archival case, the path from an additional meal portion to the oath of allegiance to Hitler was quite fleeting, and the price of betrayal was very high. Persons who collaborated with the Nazis became accomplices of the criminal occupation policy, the instrument of murder and torture of their compatriots.

After the surrender of Germany, most collaborators were sent to special (screening and filtration) camps of the NKVD. The Smersh Counterintelligence Department carried out operative and investigative measures to establish facts of treason to the Motherland and cooperation with the Nazi occupiers. Persons whose treacherous activities could be confirmed by evidence were tried by a military tribunal in accordance with paragraph “b” of Article 58-1 of the Criminal Code of the RSFSR and Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On penalties for Nazi villains guilty of murder and torture of Soviet civilians and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the Motherland from among Soviet citizens and for their accomplices” of April 19, 1943. As a rule, accomplices of Nazi crimes served their sentences in penal camps of the Gulag.

REFERENCES

1. Bichekhvost A.F. On the history of the creation and functioning of special camps for Soviet prisoners of war. In: *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sb. materialov mezhdunar. nauch. seminara* [History of the penitentiary system of Russia in the 20th century: collection of materials of the international scientific seminar]. Vologda, 2007. Pp. 62–73. (In Russ.).
2. Latyshev A.V. Checkup-filtration NKVD camps: staff, departmental interests and checkup of Red Army servicemen (1941–1945). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya” = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series “History”*, 2015, no. 6, pp. 72–77. (In Russ.).
3. Latyshev A.V. The network of screening and filtration camps of the NKVD of the USSR in 1942–1945. *Klio*, 2014, no. 9, pp. 48–52. (In Russ.).
4. Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi armii, vernuvshikh sya iz plena i okruzheniya. 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The system of verification of Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement. 1941–1945: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 20 p.
5. Khristoforov V.S. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security bodies of the USSR in 1941–1945]. Moscow, 2011. 430 p.
6. Shevchenko V.V. *Deyatel’nost’ lagerei spetsial’nogo naznacheniya NKVD SSSR v 1941–1946 godakh: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activity of special purpose camps of the NKVD of the USSR in 1941–1946: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Volgograd, 2010. 22 p.
7. Kuz’minykh A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody): monogr.* Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): monograph]. Vologda, 2016. 527 p.
8. Kuz’minykh A.L. Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial’nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 22–32. (In Russ.).
9. Kuz’minykh A.L., Starostin S.I. Special camps of the NKVD of the USSR on the territory of the Vologda region (1942–1943). In: *Istoriya otechestvennoi ugovovno-ispolnitel’noi sistemy: sb.*

- nauch. st.* [History of the Russian penal system: collection of scientific articles]. Moscow, 2008. Pp. 69–78. (In Russ.).
10. Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps for former servicemen of the Red Army who were in captivity and surrounded by the enemy. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2010, no. 3, pp. 48–53. (In Russ.).
11. Paderin A. A. Under five occupiers. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voennno-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 115–130. (In Russ.).
12. Dembitskii N.P. The fate of prisoners. In: Sevost'yanov G.N. (Ed.). *Voina i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn. Kn. 2* [War and society, 1941–1945: in 2 books. Book 2]. Moscow, 2004. Pp. 232–263. (In Russ.).
13. Krivosheev G.F. et al. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil: stat. issled.* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. History of the armed forces: statistical research]. Moscow, 2001. 607 p.
14. Shneer A.I. *Plen: sovetskie voennoplennye v Germanii, 1941–1945* [Captivity: Soviet prisoners of war in Germany]. Moscow, 2005. 619 p.
15. Streit C. *Oni nam ne tovarishchi. Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [No Comrades: The Wehrmacht and Soviet Prisoners of War, 1941–1945]. Transl. from German by D'yakonova I. Moscow, 2009. 479 p.
16. Khavkin B.L. German prisoners of war in the USSR and Soviet prisoners of war in Germany. The problem of staging. Sources and literature. In: *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 23–25 oktyabrya 1997 g.): v 2 ch. Ch. 2* [Problems of military captivity: history and modernity: proceedings of the international scientific and practical conference. (Vologda, October 23–25, 1997): in 2 parts. Part 2]. Vologda, 1997. Pp. 3–13. (In Russ.).
17. Knyaz'kov A.S. People's struggle against invaders. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voennno-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 130–153. (In Russ.).
18. Ramanichev N.M. Cooperation with the enemy. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voennno-istoricheskie ocherki: v 4 kn. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays: in 4 books. Book 4. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 153–167. (In Russ.).
19. Semiryaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 862 p.
20. Petrozavodsk screening and filtration camp No. 0313. *Interaktivnaya karta sovetskikh lagerei: sait* [Interactive map of Soviet camps: website]. Available at: <https://gulagmap.ru/camp634> (accessed August 25, 2023).
21. Kodintsev A.Ya. *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR. 30–50-e gody XX veka: monogr.* [State policy in the field of justice in the USSR. 1930–1950s: monograph]. Kurtamysh, 2008. 590 p.
22. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political justice in the USSR]. Saint Petersburg, 2002. 385 p.
23. Zhuravlev S.V. Judicial-investigative and prison-camp documentation. In: Sokolov A.K. (Ed.). *Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika* [Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology and practice]. Moscow, 2004. Pp. 148–198. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR L. KUZMINYKH – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Received August 31, 2023

Punishment, Prevention and Protection of Rights as Areas of Combating Juvenile Delinquency

ELENA V. KUNTS

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Abstract

Introduction: the article indicates insufficient effectiveness of criminal punishment and traditional methods of countering juvenile delinquency in the conditions of modern socio-economic and socio-political reality. Criminal punishment has proved unable not only to solve the problem of preventing minors from criminal activity and achieve the goal of criminal punishment, but even to localize and contain criminal threats that are causing social tension. *Purpose:* systematic scientific substantiation of problems of criminal punishment, prevention and protection of the rights of juvenile convicts, definition of preventive measures. *Methods:* the methodology is characterized by traditional methods of cognition, based on modern principles and doctrinal approaches successfully applied in human and social sciences, including criminology, criminal law, legal psychology, sociology, and penal law. The research is interdisciplinary in nature, the following research methods are used: comparative-historical, systematic, content-analytical, sociological, statistical, contextual analysis, and perspective analysis. *Results:* prevention of crimes committed by minors, including through criminal law, is a complex, multifaceted and diverse phenomenon. Not only the state of crime, but also the achievement of goals of the criminal and penal policy of the state depend on its effectiveness. The main attention should be focused on preventive work with minors who are prone to antisocial and illegal behavior. As a rule, we are talking about criminological and psychological prevention of juvenile delinquency. Issues related to ensuring personal security are also important, including such an aspect as serving a sentence of imprisonment in juvenile correctional facilities. By studying and analyzing a whole range of causes, it is possible to boost effectiveness of crime prevention. *Conclusion:* the tightening and intensity of criminal repression measures do not bring a positive result and often lead to even worse results. A lack of proper rehabilitation work, re-socialization and social adaptation of minors who have served a criminal sentence in the form of imprisonment is one of the reasons for their repeated criminal behavior. A high scientific significance of the problem mediates the focus on obtaining new conclusions about criminal punishment as a socio-legal phenomenon, including psychological, political, and moral aspects.

Key words: victimological prevention; juvenile correctional facility; punishment; juvenile convict; prevention; juvenile delinquency.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kunts E.V. Punishment, prevention and protection of rights as areas of combating juvenile delinquency. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 374–381. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.004.

Introduction

The state of juvenile delinquency is one of the indicators revealing development of culture, morality, spirituality and universal values of modern society. Therefore, the fight against juvenile delinquency and the prevention of crimes committed by these persons are crucial tasks of our time and of every developed society.

About six thousand suspended sentences are appointed by the court annually [1]. However, it is widely believed that the appointment of a suspended sentence does not meet punishment goals in domestic criminal law, testifies to the impunity of a juvenile offender, reduces the authority of the power, and undermines a fundamental principle of inevitable punishment. Despite the existence of a wide variety of punishments not related to deprivation of liberty and isolation from society in criminal legislation, they are not used in practice, which indicates problems of law enforcement. However, it should be noted that a significant number of suspended sentences are due to the specifics of juvenile offenders.

Often, when sentencing a minor, there is no alternative to sanctions, which prevents courts from imposing milder types of punishments, while deprivation of liberty does not create significant obstacles. Such circumstances directly contradict international acts, for example, the UN Standard Minimum Rules concerning the Administration of Juvenile Justice. Therefore, criminal law and the court should have a wide range of measures for the administration of punishment against minors that are not related to deprivation of liberty.

Besides, penal law lacks norms that would regulate the specifics of punishment execution in relation to minors, namely: the exercise of mandatory and correctional work is hindered due to the fact that the provisions of labor legislation regarding the organization of work of minors are not defined; there is no alternative punishment for minors maliciously evading serving a sentence. In general, such circumstances reduce effectiveness of crimi-

nal law and penal policy of the state. Thus, we can identify the following problems: gaps in the legal regulation of the appointment and execution of punishment to a minor; a lack of uniformity of judicial practice in terms of the appointment and execution of a criminal punishment not related to deprivation of liberty; and a lack of legislative consolidation of the characteristics of minors as a socio-demographic group. Due to the above circumstances, in practice, the courts apply a penalty in the form of imprisonment.

Successful socio-economic development of the state is impossible without ensuring citizens' well-being in terms of their legal protection, confidence in the future, etc.

Not only positive historical experience, but also modern scientific achievements and technologies should be taken into account to promote legitimate behavior among minors.

The problems of studying juvenile delinquency in Russia and abroad have traditionally been the focus of attention of scientists. Among the foreign researchers, the works of E. Durkheim "Sociology and philosophy", G. Tarde "Young Criminals", E. Sutherland "Sociology of crime", etc., are worth mentioning.

Various aspects of juvenile delinquency were considered by Yu.M. Antonyan, M.M. Babaev, R.A. Bazarov, L.I. Belyaeva, V.Yu. Golubovskii, L.V. Gotchina, I.Ya. Kozachenko, M.F. Kostyuk, S.V. Maksimov, I.M. Matskevich, A.V. Naumov, Yu.E. Pudovochkin, A.V. Shesler, D.A. Shestakov, and V.E. Eminov.

The research

Prevention of juvenile delinquency should be based on a conceptual approach based on advantages of an individual approach. Countering juvenile delinquency should be considered as a set of interdisciplinary approaches aimed at suppressing, minimizing and reducing potential antisocial and criminal impact on these individuals.

In 2022, there was a decrease in the number of juvenile delinquents, as well as crimes committed with their participation (30,469) [2]. In

our opinion, the decline in crime rates was facilitated by activities of law enforcement and other agencies to prevent illegal behavior of minors. The search for effective ways to prevent crimes is currently underway.

Thus, the Ministry of Internal Affairs of Russia proposes to endow its employees with new responsibilities, such as monitoring violators of public order and conducting preventive conversations with drug addicts. Relevant amendments are to be made to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 205 of March 29, 2019 “On service of a district police officer at the serviced administrative area and organization of this activity”. The main goal is to eliminate contradictions and legal and technical errors in various regulations. Drafters of the amendments refer to a legislative lacuna that persons who have violated Article 19.3 of the Administrative Code of the Russian Federation “Disobedience to the lawful request of a police officer” or are engaged in “discrediting authorities” and “public dissemination of extremist views” are not subject to registration. In addition, a district police officer will be able to conduct preventive conversations with drug addicts or issue official warnings to them; the previous version of the order implied the application of these measures only in relation to alcohol addicted people [3].

Criminal legislation has also been amended by increasing the number of criminally punishable actions against sexual inviolability and sexual freedom of the individual. So, in 2022, a special relapse was fixed in law; Part 5 of articles 131 and 132 of the Criminal Code of the

Russian Federation were set out in a new edition, extending its effect to the protection of victims up to 18 years (previously it was up to 14 years).

As a rule, these crimes are committed outside of school hours due to a lack of employment, organized leisure of children, and proper upbringing and supervision on the part of parents. The connection between the excess of free time, low culture of its use, on the one hand, and antisocial behavior, on the other, is indisputable. These factors contribute to the commission of crimes by minors.

We should also mention a significant increase in the number of drug crimes committed by minors (2,066). The number of children and adolescents died of drug overdose has increased 2.5 times since 2017 [4], possibly due to the emergence of new psychoactive substances, including synthetic ones, which are more accessible compared to classical types. Their use leads to severe poisoning, psychosis and suicide.

A rise in the number of underage drug addicts is also triggered by a general increase in the consumption of psychoactive substances in free circulation, as well as tranquilizers and sedatives with psycholeptic properties [5].

All this has an extremely negative impact on the structure of the distribution of convicted minors depending on the crimes committed. The share of minors serving sentences for crimes involving narcotic drugs and psychotropic substances is 27.5%.

The practice of courts to impose compulsory treatment on a minor causes concern.

Table 1
Data on compulsory treatment imposed on minors by the court (as of January 1, 2023) (%)

	Juvenile correctional facility	Men	Women
Not imposed	97.8	98	94.6
Imposed on people suffering from a mental disorder that does not exclude sanity	2.2	2	5.4
Imposed on people suffering from a mental disorder of sexual preference (pedophilia), not excluding sanity	–	–	–

A negative trend in some juvenile correctional facilities is worth mentioning: administration

staff rarely goes to court to prescribe compulsory treatment to underage convicts (Table 2).

Table 2

*Data on imposition of compulsory treatment
on a minor by the court on the recommendation
of the correctional institution administration (as of January 1, 2023) (%)*

	Juvenile correctional facility	Men	Women
Not imposed	99.4	99.4	100
Imposed on people suffering from a mental disorder that does not exclude sanity	0.6	0.6	–
Imposed on people suffering from a mental disorder of sexual prefer- ence (pedophilia), not excluding sanity	–	–	–

Along with solving social issues, systematic work is currently underway to improve domestic criminal legislation and implement policy documents aimed at creating a safe, comfortable and friendly environment for minors. Activities are being carried out to test and introduce the index of children's well-being and develop a methodology for calculating the child budget.

Despite the measures taken in the field of protection of children's rights, the problems remain acute and require close attention and comprehensive solutions from all interested structures responsible for the implementation of state policy in the field of protection of children's rights.

The facts of violence among minors are becoming a common phenomenon. In 2022, 24,031 criminal cases were initiated on crimes against minors, which is 1.1% less than in 2021. According to the results of the investigation, 12,930 criminal cases were sent to the courts for consideration, which is 4.2% more than in 2021 [6].

As part of the sociological research, a survey of parents related to the issues of physical and mental safety of the child is conducted. The most common parental fears are related to issues of physical and mental safety. Respondents' confidence in the safety of their children depends on their environment.

Historically, the institution of the family has been a factor in the stability of the state. One can assess development of the state according to the latter's attitude to the family. In this regard, all the problems related to the creation,

functioning and disintegration of the family will always remain crucial. Strengthening the institution of the family is at the same time protecting the rights of minors.

It is worth noting that age characteristics are taken into account by many authors when formulating typologies of victims. For example, B. Mendelsohn suggested "a completely innocent victim" as one of the categories. Such a victim, according to the author, can be a child or a completely insane person. Hans von Hentig, studying the relationship between the victim and the perpetrator, distinguished three classes of victims: general class of victims, psychological types of victims and the activating sufferer. The first category is the youth and children, they are physically weak and most likely to become victims of attacks, while childhood is the most dangerous period of life [7, p. 71].

Minors are a category characterized by increased victimity, since they cannot actively counteract the commission of a crime. Criminals take this fact into account when choosing an object of encroachment. It should be noted that the family and an educational institution are the most important subjects of preventive care. The family, as the closest social circle, plays a significant role in correcting teenagers' behavior. Attentive attitude of close relatives, as well as competent preventive action can significantly reduce the level of propensity to victim behavior. A psychologist of an educational institution can diagnose certain potentially dangerous features in the behavior of a minor. Monitoring of the psychological state should

be carried out systematically. A psychologist should focus both on the minor him/herself and his/her parents, clarifying causes and conditions of the development of potentially dangerous behavioral characteristics and their correction, as well as, if necessary, describing the mechanism of work of specialized institutions providing assistance to minors (crisis centers, trust services, psychological assistance centers, etc.).

It seems that the prevention of violence is facilitated by amendments to the Federal State Educational Standard of Basic General Education, which provide for the mandatory study by minors of the main dangerous situations of an illegal nature, mastering the skills of optimal behavior in dangerous situations and ways to overcome them.

The institute of school mediation plays a significant role in the prevention of violence against minors. This issue is most relevant in situations where a child suffers from violence from peers, persons who, due to their age, cannot be brought to criminal liability. However, it seems that this institution will also be effective in a situation of violence on the part of teachers. Nevertheless, it is worth paying special attention to the persons performing functions of a mediator. In order for the latter to work effectively and efficiently in the regions, it is necessary to organize special psychological, pedagogical, and legal training of mediators working in educational institutions and resolving disputes between peers and teachers.

Unfavorable trends in ensuring children's health remain relevant despite numerous policy documents adopted in the field of healthcare. The conducted analysis of the provision of the rights to health to children indicates the need for cardinal measures to form a healthy lifestyle in children and adolescents, increase effectiveness of existing preventive measures, involve parents, teachers, healthcare professionals, and the public in the implementation of joint activities, and ensure regular monitoring of children's exposure to behavioral, social and environmental risks.

In the early 20th century, an American criminologist R. Goddard noted that most criminals were persons with a weakened psyche, for which he was criticized in many later studies.

For example, in Japan, a weakened psyche is not considered a significant delinquency factor. This is due to the improvement of intelligence testing methods, introduction of greater clarity in the evaluation criteria, noticeable progress in the protection of persons with impaired mentality, and inclusion in the plans of programs to improve special education of such persons. It can be said that the problem of a weakened psyche and delinquency is connected rather not with personality traits of minors, but with social conditions of their life [8, pp. 222–223].

The spiritual world of a person has a significant impact on his/her spiritual and bodily health. This indicates the importance of the synthesis of genetics with psychology, sociology, philosophy, legal science, as well as with psychiatry, especially in the part devoted to socially dangerous acts of persons with mental illnesses [9, p. 267].

Mental illnesses are more common among minors who live in an urban environment, because the city infrastructure harms the psyche. An urban environment is more dangerous for mental health than a rural area. Regions with a greater number of children with mental disabilities are the following: the city of Moscow, the Moscow Oblast, Altai Krai, the city of Saint Petersburg and Krasnoyarsk Krai. Alcoholism and drug addiction are more common among adolescents living in rural areas [10], which entails committing crimes and, as a consequence, serving a sentence in juvenile correctional facilities.

We can bring an indicative example. Fifteen-year-old P. killed his own parents. According to P., his parents did not love him, did not show any care and affection towards him, and drank alcohol. P. was 9 years old when he started drinking alcohol. Half of the inhabitants of the rural settlement did not work and had casual earnings. While drinking alcoholic beverages, he had a quarrel with his father, and inflicted at least three blows with an axe to the father and killed the dozing mother [11].

Drunkenness, alcoholism, and crime are closely connected antisocial phenomena [12].

Current forms of statistical reporting do not contain the column "rural area", which negatively affects the study of juvenile delinquency indicators in this area and, accordingly, timely

response to ongoing negative processes and the formation of effective measures to prevent this type of crime.

Mental disorders of convicts significantly affect the implementation of their regime of

detention in juvenile correctional facilities. Undoubtedly, every convict is a certain direction in psychological prevention [13, p. 61].

The distribution of juvenile convicts depending on mental health is presented in Table 3.

Table 3

Distribution of convicts depending on their mental health (as of January 1, 2023) (%)

State of mental health of convicts	Juvenile correctional facility	Men	Female
Do not suffer	97.8	98	94.6
Suffer from oligophrenia (the stage of debility)	0	0	0
Suffer from other mental disorders	2.2	2	5.4

So, it shows low effectiveness of criminal punishment. The census results indicate a significant deterioration in some characteristics of

convicted minors serving sentences, for example, according to severity of the crime committed (Table 4).

Table 4

Distribution of convicts in juvenile correctional facilities by crime categories (%)

Category of crimes	2009 census [14, p. 30]			2022 census		
	Juvenile correctional facility	Men	Women	Juvenile correctional facility	Men	Women
Of minor gravity	1	1	0	18.5	0.8	0
Of moderate gravity	11.1	11.5	6.3	4.5	5.5	5.6
Serious	61.9	61.9	62.1	29.7	32.9	30.5
Especially serious	26	25.6	31.6	47.3	60.8	63.9

Conclusions

Social and criminal responsibility are important to effectively combat juvenile crime. The inevitability of social responsibility is expressed in an appropriate reaction to antisocial behavior, since the impact mechanism of such a reaction on the behavior of children and adolescents is largely similar to the impact mechanism of punishment. At the same time, with regard to criminal law, we are talking about legislative consolidation of the principles of inevitability and individualization of liability (punishment), since criminal law protects public relations from encroachments that have an increased public danger. Such acts, for the most part, are the result of connivance and impunity in the process of educating children and underage adoles-

cents; therefore, the principles of inevitability and individualization of liability, mandatory response to undesirable actions in the most diverse forms (conversation, persuasion) should be applied not as principles of criminal law, but those of legal awareness and morality, inevitability and individualization of social responsibility, since these requirements are not fixed in the law or any other normative acts, and their implementation, including the choice of forms and methods of influence, depends on the conscience and qualification of the educator [15, p. 215].

For correct and reasonable implementation of these requirements in the process of preventive work with minors, it is necessary to take into account age and psychological charac-

teristics. Upbringing of a child begins from the moment of his/her birth. At the same time, in early childhood concrete thinking prevails and it is instinctive and reflex reactions that mostly influence the psyche. When a person gets older, the second signaling system plays a decisive role, and he/she can perceive and evaluate phenomena independently and make decisions [15, p. 216].

Daily educational work is the main means of persuasion and coercion methods in the fight against undesirable acts, including the most socially dangerous.

Punishment is also a measure that affects the psychology and behavior of people, and in this sense it can be considered in the system of educational measures. The process of education is characterized, first of all, by continuous interaction between the educator and the edu-

cated; the educated person shows an attitude to the surrounding reality by his/her actions. It should be borne in mind that the methods of persuasion and coercion are different, but interrelated.

Domestic penitentiary institutions in the process of executing criminal punishment experience difficulties in methodological, informational and resource provision and are in dire need for non-traditional scientifically based algorithms of activity, as well as perfection of regulatory legal acts directly or indirectly affecting the problem of criminal punishment for crimes committed by minors.

The above gives rise to the need for comprehensive, interdisciplinary research in the problems of appointment and execution of penalties against minors, as well as prevention of antisocial and illegal behavior.

REFERENCES

1. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for 2022. Form No. 12: Report on convicts who committed crimes at a minor age. 2023. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed October 2, 2023).
2. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2022 goda* [The state of crime in Russia for January – December 2022]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (accessed October 2, 2023).
3. *Uchastkovye politsii zaimutsya profilaktikoi narkomanii i uluchshat svoi vneshnii vid* [Local police officers will be engaged in drug addiction prevention and improve their appearance]. Available at: <https://www.pnp.ru/social/uchastkovye-policii-zaymutsya-profilaktikoy-narkomanii-i-uluchshat-svoy-vneshnii-vid> (accessed October 2, 2023).
4. *V Rossii za pyat' let v 2,5 raza vyroslo chislo pogibshikh ot narkotikov detei i podrostkov* [In Russia, the number of children and adolescents killed by drugs has increased 2.5 times for five years]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/16548601> (accessed October 2, 2023).
5. Ment'yukova M.A., Pustovalova O.S. Modern drug situation as a criminogenic factor of crime growth. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 119–127. (In Russ.).
6. *Opasnyi vozrast* [Dangerous age]. Available at: <https://rg.ru/2023/05/31/opasnyj-vozrast.html> (Accessed October 2, 2023).
7. Varchuk T.V., Vishnevetskii K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Victimology: textbook for university students]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2015. 191 p.
8. Ueda K. *Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoi Yaponii* [Crime and criminology in modern Japan]. Ed. by Kuznetsova N.F., Eremin V.P. Moscow, 1989. 256 p.
9. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. *Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behavior, responsibility: on the nature of antisocial acts and ways to prevent them]. Moscow, 1989. 351 p.
10. *Vrach nazval regiony, gde bol'she vsego psikhicheski bol'nykh detei* [The doctor named regions with a greater number of mentally ill children]. Available at: <https://ura.news/news/1052472206> (accessed October 2, 2023).
11. Bitter answer to “bitter”. *Na perelome = On the Fracture*, Izhevsk, 2002, p. 5. (In Russ.).
12. Kostyuk M.F., Kunts E.V. The impact of deviant behavior on ju-venile delinquency: current state of the problem. *IusHumani*, 2022, vol. 11, no 1, pp. 15–27. (In Russ.).

13. Golubovskii V.Yu. Problems of prevention of recurrent pregnancy. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Samara, 1–2 iyunya 2023 g.)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian research and practice conference with the international participation (Samara, June 1–2, 2023)]. Samara, 2023. Pp. 60–62. (In Russ.).
14. Danilin E.M., Seliverstov V.I. *Osuzhdennyye v vospitatel'nykh koloniyakh: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhei, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Convicts in juvenile correctional facilities: based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, November 12–18, 2009]. Moscow, 2011. 88 p.
15. Fefelov P.A. *Mekhanizm ugolovno-pravovoi okhrany. Osnovnye metodologicheskie problem* [Mechanism of criminal law protection. Basic methodological problems]. Moscow, 1992. 232 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELENA V. KUNTS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Penalties Related to Deprivation of Liberty and the Research in Penitentiary Crime of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

Received October 13, 2023

Principles of Penitentiary Crime Prevention: Conditioning Factors, Sources and Their Classification

PAVEL V. TEPLYASHIN

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Abstract

Introduction: the article shows a special place of penitentiary crime in criminological research and law enforcement and substantiates the importance of understanding methodological foundations of its prevention. *Purpose:* to determine theoretical prerequisites and the structure of crime prevention principles in places of deprivation of liberty. *Methods:* the research methodology mainly covers the analysis and synthesis of socio-legal phenomena, generalization and concretization, formal and system-structural analysis of legal doctrine, hermetic study of legal norms, as well as taxonomic classification. *Results:* the features of preventive impact on penitentiary crime are due to a number of factors that lie in the plane of theoretical understanding and practical significance of the prevention system. The identified factors determine the nature of penitentiary crime prevention principles. Normative and doctrinal sources of principles for the prevention of penitentiary crime should be singled out. *Conclusions:* conditioning factors express objectively existing problems of penitentiary reality, connected, first, with the personality of the convicted person as an object of prevention, second, with the implementation of preventive functions of subjects of prevention and, third, with measures of preventive impact on penitentiary crime. Transformation of conditioning factors leads to the objective need to revise principles of penitentiary crime prevention. The classification of principles provides an understanding of the extent of coverage of the relevant areas, levels and trends reflecting an object of the penitentiary crime prevention system, conceptual provisions, guided by which an effective preventive effect can be achieved. In the conditions of building a new security architecture of the penal system of the Russian Federation, there is an objective increase in the number of principles of the prevention of penitentiary crime and their acquisition of a complex character, in which the guiding principles express features of several interrelated scientific branches of knowledge.

Key words: isolation of convicts from society, correctional and preventive impact, criminal threats, prevention of recidivism.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Teplyashin P.V. Principles of penitentiary crime prevention: conditioning factors, sources and their classification. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 382–389. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.005.

Introduction

Penitentiary crime occupies a special place in criminological research and law enforcement activities. This type of crime has specific patterns, requires special criminological knowledge in its cognition, leads to undermining the significance of the relevant type of state activity. According to V.S. Ishigeev and A.A. Protasevich, crimes committed in places of deprivation of liberty “pose a serious scientific, theoretical and practical problem, since the corresponding socially dangerous acts undermine the authority of the penal system, hinder the achievement of punishment goals, destabilize the situation in correctional institutions, and have a negative impact on convicts, reducing capacities of correctional and preventive effects on them” [1, p. 59]. In this regard, M.S. Krasil’nikova correctly sums up that the criminality of “convicts in places of deprivation of liberty is to some extent a criminological phenomenon, since the purpose of penitentiary institutions is to purposefully correct criminals” [2, p. 53]. Therefore, it is necessary to understand methodological foundations of the prevention of penitentiary crime, have an idea of the cornerstones of its implementation and thereby develop valid features of criminopenology, which actualizing the relevant socio-legal problems “represents a set of ideas, views, theories about the patterns of formation and development of penal crimes and criminality, causes, conditions of penalized crimes and criminality, persons committing penalized crimes and their victims, prevention of penalized crimes and criminality” [3, p. 85].

The analysis of penitentiary crime prevention ideas is possible on the basis of prerequisites of their scientific justification, which, with a certain degree of conditionality and in relation to the current study, can be called conditioning factors. Such a scientific justification allows us to outline not only the legally taken into account the discussed prevention principles, but also to identify promising doctrinal ideas that claim to be included in the list of penitentiary crime prevention principles. Thus, features of preventive impact on penitentiary crime are determined by a number of key factors that lie in the plane of theoretical understanding and practical significance of the prevention system, the construction and implementation of which is based on the relevant principles.

Results

Taking into account conditioning factors makes it possible to optimize the system of building principles for the prevention of penitentiary crime.

Thus, the first factor indicates the existence of a certain specifics and closeness of the corresponding object of preventive action. This specifics is manifested in objective-subjective patterns of the formation and gradual modification of penitentiary crime. In addition, the mentioned object exists against the background of a steadily recurring relationship between the state and the convict, who is mostly isolated from society, which reduces the transparency of relevant phenomena and processes accompanying criminal manifestations in the penitentiary reality. In addition, persons serving a criminal sentence in the form of imprisonment are primarily the object of correctional influence, while prevention of new offense commission has only a secondary character. Such prevention should be focused both on eliminating criminal tendencies of the convict’s personality that have led him/her to commit a crime(s) and, accordingly, on imposing criminal punishment, and on preventing the causes and conditions that may determinate new manifestations of his/her socially dangerous behavior during detention in places of deprivation of liberty.

The indicated features of penitentiary criminality should be perceived through the prism of the increase in the share of convicts serving imprisonment for the third or more time, which indicates their significant criminal involvement, subcultural absorption and personal resistance to correctional and preventive effects.

The second factor lies in the fact that there is a competitive looseness or a secondary nature of preventive functions of the subjects of countering penitentiary crime. A comprehensive analysis of the system of such subjects (both specialized, partially specialized, and non-specialized), as well as their content characteristics, demonstrates isolation of the tasks and functions of preventive activities as derivatives of the main competence. The primary competence in correctional institutions is correction, general management and coordination in bodies of criminal penalty execution, supervision of the execution of criminal penalties in prosecutors’ office, and investigation investigative

bodies. Undoubtedly, operational units and security departments of correctional institutions are focused on the priority implementation of preventive measures, but these units, being structural transitional units, are closely related to the achievement of the primary goal of penal legislation, enshrined in Part 1 of Article 1 of the Penal Code of the Russian Federation – correction of convicts. Moreover, all departments of a correctional institution will be engaged in the implementation of penitentiary probation, enshrined in the Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 “On Probation in the Russian Federation” (hereinafter referred to as the Probation Law).

The third factor presupposes the isolation of officially fixed means and forms of crime prevention from the actually required tools for preventing recidivism in places of deprivation of liberty. Thus, Part 2 of Article 6 of the Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 “On the Basics of the System of Prevention of Violations in the Russian Federation” (hereinafter referred to as the Prevention Law) fixes means of implementing key directions to prevent offenses in the Russian Federation. However, both directions and means of their implementation do not sufficiently informatively correlate with the specifics of penitentiary crime. After all, the Prevention Law is not focused on closed social systems in which the emphasis of integrational relationships of the relevant organization and the environment is laid on interpersonal relationships, each part (level) of the organization performs strictly defined functions and is based on procedural coordination of its levels, and one of the main indicators of effectiveness is the formation of socially adaptive abilities of individuals, leaving it. The fundamental difference between a closed social system and an open one is that the effect of external influence is significantly ignored (in relation to the performance indicators of its functioning). This thesis is also supported by Yu.Yu. Tishchenko, stating that “when a convicted person enters places of deprivation of liberty, his/her communication circle is significantly narrowed” [4, p. 230]. Consequently, we may consider the penal system as a closed social system. It seems possible to extrapolate such criticism to forms of preventive impact, which are fixed in Part 1 of Article 17 of the Prevention Law. In addition, it should be noted

that the legislator in Part 2 of this article fixes the right of officials of penitentiary institutions, within the established competence, to prevent offenses by conducting preventive measures provided for in paragraphs 2-6 of Part 1 of Article 17 of the Prevention Law. However, since the Probation Law becomes effective on January 1, 2024, it is required to normalize the right of officials of penitentiary institutions to prevent offenses within the established competence and in such forms of preventive impact as social adaptation, resocialization, social rehabilitation (paragraphs 7–9 of Part 1 of Article 17 of the Prevention Law). After all, penitentiary probation is a set of measures aimed at both correcting convicts and preparing convicts (which in one way or another involves the implementation of social adaptation, resocialization, and social rehabilitation) serving sentences in the form of forced labor or imprisonment for release from these institutions.

Thus, the stated conditioning factors express objectively existing problems of the object, subject and measures of the penitentiary crime prevention system.

In the context of the factors outlined above, which lie in the plane of theoretical understanding and practical significance of the elements of the penitentiary crime prevention system, the principles of such prevention are of a significant scientific interest. These principles are the fundamental ideas on the basis of which the corresponding end result is achieved, the work of all subjects of preventive activity is consolidated, and the measures of influence applied by them are synchronized. The structure and content of the principles to prevent penal criminality are predetermined both by general tasks to prevent offenses, including crime, and by private ones, reflecting the specifics of relevant penal relations. Therefore, we cannot but consider principles of prevention of offenses, enshrined in Article 4 of the Prevention Law, which is largely of a framework nature and establishes general guidelines for influencing illegal behavior. In this case, the normative legal act is a source of the corresponding principles.

At the same time, in terms of the legal technique, the norms disclosing subjects and key directions for preventing offenses are fixed after Article 4 of the Prevention Law, that is, only after principles. This testifies to the meth-

odological priority of the principles to prevent human rights violations over elements of the prevention system and confirms the thesis put forward earlier about the fundamental role of ideas before the activities of subjects to implement appropriate measures of influence.

The legislator lists six points covering relevant principles of crime prevention. In the first two paragraphs, general legal principles are fixed, in particular, the priority of the rights and legitimate interests of a person and a citizen in the prevention of offenses and legality. The following two points unite the principles that can be qualified as systemic and procedural: ensuring the consistency and unity of approaches in the implementation of crime prevention, openness, continuity, consistency, timeliness, objectivity, sufficiency and scientific validity of the measures taken to prevent violations. The remaining fifth and sixth paragraphs consolidate the ideas reflecting fundamental requirements for the subjects of preventive activity: competence in the prevention of offenses, liability of these subjects and their officials for ensuring the rights and legitimate interests of man and citizen.

Considering normative legal acts as sources of relevant principles, it should be pointed out that, in accordance with Part 1 of Article 4 of the Probation Law, one of the probation goals is to prevent convicts from committing new crimes. Consequently, when implementing probation, it is necessary to be guided by the basic ideas enshrined in Article 3 of the Probation Law. Probation principles fixed in this norm can be divided into the following three groups depending on the functional purpose: 1) principles characterizing the legal basis for the implementation of probation (priority of the rights and legitimate interests of a person and citizen, compliance with the rule of law); 2) principles reflecting the status of its participants, or other organizational and legal principles (taking into account individual characteristics, circumstances and needs, voluntariness); 2) principles that characterize the procedure for the implementation of probation, or otherwise procedural principles (humanism, rationality of the use of coercive measures, corrective, social and other measures and measures to stimulate law-abiding behavior, openness (transparency), continuity). As can be seen, these fundamental ideas dif-

fer somewhat from the principles enshrined in Article 4 of the Prevention Law.

Comparing the principles of these laws, it is important to pay attention to the following points. So, on the one hand, from a theoretical and practical point of view it is reasonable to determine those principles of probation that most closely reflect fundamental ideas of preventing convicts from committing new crimes. On the other hand, all the probation measures, such as correction of social behavior, resocialization, social adaptation and social rehabilitation, protection of the rights and legitimate interests of these persons, are aimed, among other things, at preventing convicts from committing new crimes. Consequently, the principles underlying the implementation of these measures are also indirect postulates of the probation preventive process.

It is also necessary to focus attention on the fact that the probation principles can “cover” the architecture of prevention, including penitentiary crime, due to the presence of penitentiary probation, which, according to Paragraph 3 of Part 1 of Article 5 of the Probation Law, is applied to convicts serving imprisonment. In this regard, it is advisable to note that modern foreign studies also indicate a significant role of successful rehabilitation of prisoners in preventing recidivism of crimes [5; 6].

It can be summarized that the regulatory framework of penitentiary offense sources, including crimes, covers both relevant provisions of the Prevention Law and the Probation Law.

However, the sources of the penitentiary crime prevention principles can include not only normative legal acts, but also the corresponding criminological and scientific-branch doctrine. On this basis, the principles under consideration can be supplemented taking into account theoretical views of a number of researchers and a personal vision of the general paradigm of the issue.

To understand the socio-legal reality, it is advisable to use the methodology of taxonomic research. Therefore, to make the process of analyzing penitentiary crime prevention principles clear and scientifically representative, we apply a classification approach. This approach has already been used in the grouping of principles, with the normative legal acts being its sources.

It should be noted beforehand that the doctrinal application of penitentiary crime prevention principles depends on various grounds (criteria), the number of which, in fact, is unlimited and is in a permanent state of constant rotation and increase. Thus, considering the sectoral legal affiliation of preventive measures, we can talk about the existence of principles to prevent penitentiary crime based on relevant branches of law, legislation and science. For example, it is possible to form principles of intelligence-gathering prevention of penitentiary crime. According to S.S. Galakhov and N.B. Malikova, they "are the fundamental system ideas (principles) used in conducting law enforcement intelligence measures for the prevention of penitentiary offenses. Due to them, the process of implementing functions related to the execution of punishment in penal institutions and ensuring law and order and legality in them is improved" [7, p. 31]. In relation to the science of penal law, we can also assert the existence of a process of transformation of principles, which, among other things, are focused on guiding support and generalizing requirements for effective prevention of penitentiary crime. In particular, in the theoretical model of the General Part of the Penal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the model), Article 2 fixes preventing convicts from committing new crimes as one of the goals of penal legislation. Accordingly, Article 9 contains principles of legal regulation, among which there is expediency, that is the combination of punishment with corrective and preventive action [8, pp. 63, 73–75, 77–79].

Consequently, by virtue of the sectoral criterion, the principles of penitentiary crime prevention can also have constitutional (administrative-legal), criminal-legal, criminal-procedural, and, of course, criminal-executive origin. At the same time, the doctrinal nature of the sources of relevant sectoral principles to prevent the type of crime under consideration presupposes a scientific interpretation of the fundamental ideas that are fixed in the norms of specific legal acts (in particular, Article 3 "Principles of law enforcement intelligence operations" of the Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 "On law enforcement intelligence operations"). Attention should also be drawn to criminology that is also engaged in

the development of penitentiary crime prevention principles. Thus, penitentiary conflict is a particular direction of this scientific legal discipline, within the framework of which guidelines are also developed for the preventive impact on socially dangerous manifestations in places of deprivation of liberty. For example, A.P. Detkov states that analyzing "the nature of penitentiary conflicts, we come to the conclusion that there can be two or more subjects in the genesis of a conflict situation ("principle of layering"). During a conflict situation, objects of conflict can be correlated and modified depending on the level of complexity, or given a false character" [9, p. 38]. In turn, David Garland, a well-known foreign sociologist engaged in the study of criminological problems suggests using criminological expertise of relevant problems as an effective tool for the prevention of penitentiary crime in order to develop concrete proposals to reduce the level of criminal manifestations in this area, believing that it "also includes practical knowledge of how criminal justice institutions work" [10, p. 273].

Having chosen such a classification criterion as the criminological characteristics of persons in respect of whom the prevention of juvenile delinquency is carried out, it seems possible to identify a group of general fundamental ideas that should be guided by the prevention of delinquent behavior of each convict and groups of special ones involved in preventive work with certain categories of convicts. Thus, in the context of conceptual principles of prevention of neglect and juvenile delinquency, enshrined in Article 2 of the Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency", E.G. Telegina draws attention "to basic principles that should include the legal basis for the prevention of penitentiary crimes among adolescents" [11, p. 96]. Accordingly, we can talk about principles of prevention of legal violations among women serving imprisonment, persons re-detained in correctional institutions, those with individual personality characteristics, etc.

Depending on the mechanism of preventive impact and configuration of criminal threats, it can also be argued that there are various groups of penitentiary crime prevention principles. In the context of the described classification

K.A. Nasreddinova points out the expediency of highlighting the principles of victimological prevention in places of deprivation of liberty. According to the researcher, such prevention has its own characteristics (in particular, presence of broader opportunities for interaction with convicts, connection with the prevention of “inversion” crimes, where roles of a criminal and a victim are changed) and helps put forward fundamental ideas of its implementation [12, pp. 47–48]. In addition, it is possible to distinguish a group of principles of prosecutorial supervision over the observance of legality in activities of correctional institutions, or, for example, as K.A. Kadyrova notes, “the principle of acts of prosecutorial response” [13, p. 33]. It seems that within the framework of this classification it is permissible to single out “principles and rules of missionary activity in places of deprivation of liberty” [14, pp. 26–30], that is, as fundamental ideas of the measures of spiritual and moral prevention of penitentiary crime.

Considering scientific and sectoral affiliation of preventive measures, we can assert the existence of criminal offense prevention principles based on relevant branches of knowledge. This criterion corresponds to the identification of corresponding groups of principles in penitentiary psychology and pedagogy [15], penitentiary administration [16], architectural penology [17, pp. 16–18; 18, pp. 321–328], penitentiary ecology [19, pp. 408–410] (“green” criminology [20, pp. 79–102]) and a number of other branches of knowledge used for general and private prevention of socially dangerous acts committed in correctional institutions and pre-trial detention facilities.

Proceeding from the criminological and scientific-branch doctrine, extremely diverse criteria can act as the basis for the classification of penitentiary crime prevention principles – a level (hierarchy) of legal acts containing sources of initial principles, a degree of scientific elaboration of relevant guidelines, and their legal significance. This list of criteria is not exhaustive. The emergence of new grounds is preceded by the expansion of the scope of guidelines for preventive action on potential crime, which, in turn, is a response to the growth of practically significant preventive tasks, transformation of trends and needs for the development of the Russian

penal system and ensuring public safety, emergence of new challenges and threats, that is, for a very wide range of circumstances.

Conclusions

The presented material allows us to formulate a number of basic theoretically significant conclusions that demonstrate the existence of pressing research issues related to the prospects of further effective impact on penitentiary crime.

1. The conditioning factors indicate objectively existing problems of penitentiary reality, connected, first, with the personality of the convicted person as a prevention object, second, with the implementation of preventive functions of specialized, partially specialized and non-specialized prevention subjects and, third, with measures (means and forms) of preventive action on penitentiary crime.

2. The identified factors determine the nature of penitentiary crime prevention principles. The conditioning factors and the underlying principles of preventive impact on criminal manifestations in places of deprivation of liberty correlate with each other, therefore, the transformation of relevant penitentiary problems necessitates the revision of penitentiary crime prevention principles.

3. Normative and doctrinal sources of penitentiary crime prevention principles should be identified. In terms of dialectical cognition of their immanent properties, it seems possible to perceive normative sources as a form of the essence of preventive impact on penitentiary crime, while doctrinal ones – as content.

4. The classification of the principles considered shows the extent of coverage of the relevant areas, levels and trends reflecting an object of the penitentiary crime prevention system by guidelines, governed by which effective preventive impact can be achieved.

5. In the conditions of intensive transformation of penitentiary relations, increased amount of substantive tasks that the Russian penitentiary system addresses nowadays and the construction of a new architecture of its security, there is, first, an objective rise in the number of penitentiary crime prevention principles, and second, their acquisition of a complex character, in which the guiding principles express features of several interrelated scientific branches of knowledge.

REFERENCES

1. Ishigeev V.S., Protasevich A.A. Specific isolation of crimes committed in places of isolation of convicts from society: proposals in the order of de lege ferenda. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 4, pp. 58–65. (In Russ.).
2. Krasil'nikova M.S. Criminological analysis of the crime of convicts in the correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 3, pp. 52–63. (In Russ.).
3. Orlov V.N. Criminopenal victimology: basic concepts, security of the penal enforcement process, modern threats. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Topical issues of ensuring security in the penal system of the Russian Federation: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 85–87. (In Russ.).
4. Tishchenko Yu.Yu. Some features of preventive action on penitentiary crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14(1-4), no. 3, pp. 228–232. (In Russ.).
5. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase T. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, no. 10, pp. 562–571.
6. Pellegrina L.D., Saraceno M. Does the open-cell regime foster in-mates' legal capability? Evidence from two Italian prisons. *European Journal of Law and Economics*, 2021, vol. 52, no. 1, pp. 89–135.
7. Galakhov S.S., Malikova N.B. Constitutional fundamental system ideas used in carrying out operational investigative measures in the prevention of penitentiary violations (scientific and applied problems of constitutional principles of operational investigative prevention). *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2021, no. 3, pp. 28–39. (In Russ.).
8. *Obshchaya chast' Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General Part of the Penal Code of the Russian Federation: results and substantiations of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
9. Detkov A.P. Theoretical and methodological foundations of penitentiary conflictology as a science. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 3, pp. 28–40. (In Russ.).
10. Garland D. What's Wrong with Penal Populism? Politics, the public, and criminological expertise. *Asian Journal of Criminology*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 257–277. (In Russ.).
11. Telegina E.G. Legal regulation of the prevention of violations and crimes in educational colonies (problematic issues). In: Ponomareva V.V., Kutkovich T.A. *Pravovye, ekonomicheskie i gumanitarnye voprosy sovremennogo razvitiya obshchestva: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Legal, economic and humanitarian issues of modern development of society: theoretical and applied research: collection of scientific papers]. Novorossiisk, 2018. Pp. 96–100. (In Russ.).
12. Nasreddinova K.A. Features of victimological penitentiary prevention in correctional institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2011, no. 2, pp. 44–48. (In Russ.).
13. Kadyrova K.A. Acts of prosecutor's response, their principles of influence in places of imprisonment. *Pero nauki = Feather of Science*, 2019, no. 17, pp. 29–33. (In Russ.).
14. Trudov P.V. Orthodox mission in places of detention of freedom: key challenges and principles of implementation. *Teologiya. Filosofiya. Pravo = Theology. Philosophy. Law*, 2019, no. 3, pp. 22–32. (In Russ.).
15. Simakova T.A. Methodological principles of psychological and pedagogical science on spiritual and moral education of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. In: *Ugreshskii sbornik. Trudy prepodavatelei Nikolo-Ugreshskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* [Ugresh collection. Works of the teachers of the Nikolo-Ugresh Orthodox Spiritual Seminary]. 2017. No. 8. Pp. 78–87. (In Russ.).
16. Golodov P.V. Some organizational and legal principles for ensuring the rights of convicts in prisons. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2020, no. 4, pp. 32–36. (In Russ.).
17. Ginneken E., Palmén H. Is there a relationship between prison conditions and recidivism? *Justice Quarterly*, 2022, vol. 40, no. 3, pp. 1–23.

18. Jewkes Y. Just design: Healthy prisons and the architecture of hope. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 2018, vol. 51, no. 3, pp. 319–338.
19. Bradshaw E.A. Tombstone towns and toxic prisons: prison ecology and the necessity of an antiprison environmental movement. *Critical Criminology*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 407–422. (In Russ.).
20. Lynch M., Stretesky P. *Exploring green criminology: toward a green criminological revolution*. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. 225 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

PAVEL V. TEPLYASHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Received August 30, 2023

Modern Trends in the Development of Military Criminal Law in Russia

TAT'YANA N. UTOROVA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

STEPAN P. SHALEGIN

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of modern trends in the development of military criminal law in Russia through the prism of its September 2022 reform. *Purpose:* to study changes in the Criminal Code of Russia introduced by the legislator in September 2022 and to identify their positive and negative aspects. On the basis of generalization of Soviet and modern experience of some post-Soviet countries to determine necessary changes in the current domestic and international situation to maintain a high combat readiness of the Russian army by improving the maintenance of military law and order. *Methods:* historical, comparative-legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, legal-dogmatic method and a method of legal norm interpretation. *Results:* consideration of historical and contemporary military events and a socio-political situation in general shows merits of the changes introduced by the legislator, however, there is a need for their significant improvement. *Conclusion:* since military service during wartime is of paramount importance for national security, it is necessary to improve legislation on crimes against military service, especially during mobilization, and law enforcement practice, which would enhance protection of state interests during wartime. Evasion of mobilization and unjustified surrender of means of warfare to the enemy should be criminalized. This will in one way or another affect combat effectiveness of the Russian army. Stiffening responsibility for military crimes will have a preventive effect.

Key words: military policy; military criminal law; reform of military law; military crimes; responsibility of servicemen; special military operation; partial mobilization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Utorova T.N., Shalegin S.P. Modern trends in the development of military criminal law in Russia. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 390–397. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.006.

Legal relations related to military service, particularly in wartime, are always extremely important due to the special role of the army in protecting vital interests of society and the state. A comprehensive study of topical issues of criminality among military personnel is one of the important means of solving military-legal problems of public and state importance.

For many years, crimes against the order of military service have occupied an insignificant place in the share of crime in Russia. However, the state of affairs has changed since the beginning of a special military operation on February 24, 2022, the outcome of which will influence the geopolitical situation in the world and Russia. This circumstance also leads to significant amendments to criminal law, as well as law enforcement practice.

The Decree of the President of the Russian Federation No. 647 of September 21, 2022 "On the Announcement of Partial Mobilization in the Russian Federation" and the Federal Law No. 365-FZ "On the Introduction of Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation were to ensure proper legal protection of relations that have arisen in connection with the conduct of military operations, namely, execution of the state defense order, mobilization and the associated procedure for military service.

Given the importance of the amendments to ensure the state security and the haste of their adoption, their scientific understanding is required from the standpoint of the criminal law doctrine and law enforcement, given that some of them, unfortunately, have certain flaws.

In 2022, the legislator introduced amendments to criminal law. However, the September package of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation could be called a reform of military criminal law.

The legislator introduced a clarification of the aggravating circumstance provided for in paragraph "I" of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the form of committing a crime not only in conditions of armed conflict, but also "during mobilization or martial law, during wartime or in conditions of warfare", determined aggravating and specially aggravating elements of crime in the above conditions, and also criminalized acts in the form of voluntary surrender, looting, violation of terms

of the contract and the state contract for the state defense order (articles 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal Code of the Russian Federation¹).

Major amendments concerned tightened liability for the commission of crimes during the period of mobilization or martial law, in wartime or in conditions of armed conflict or warfare. Despite the existence of legal definitions of the introduced special circumstances, the application of the concept of mobilization may be complicated, since legislation lacks a definition of the moment of its termination. Senior officials' statement about its completion seems clearly insufficient; this fact should have a legal formalization, for example, in the form of Presidential decree.

New elements of crime provide for more severe punishment. With such high terms of imprisonment, the probability of a suspended sentence is significantly reduced. In the current complex military-political conjuncture, public danger of consequences of committing these acts is increased. For example, mass unauthorized abandonment of positions on the front line can lead to their occupation by the enemy. To return the territories lost, assault actions are conducted, as a rule, with greater losses than those of the defending side. At the same time, those soldiers who did not succumb to cowardice and violate discipline, would bear losses. Even one copy of the new equipment left on the neutral front line can lead to its capture by the enemy and further study by reverse engineering to improve the tactics of fighting it. All this can even affect the strategic situation at the front, and therefore the course of the armed conflict and the defense capability of the state as a whole.

Ya.N. Ermolovich gave approximately such reasons for determining an aggravating circumstance of committing crimes in wartime or in a combat situation in criminal legislation [1].

Another amendment is related to correcting a concept "crime against military service" fixed in Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation. Earlier Russian criminal legislation did not contain a criminal qualification of crimes against military service committed during wartime or in a combat situation. The amendments

¹ Since these articles are related only to executors of the state contract for the state defense order and not to the military, they will not be considered in this paper.

are made to eliminate legal gaps in the present and future. Recognizing paragraph 3 of Article 331 of the Criminal Code as invalid, the legislator restored the principle of legality, confirming the status of the Criminal Code as the only codified legislative act establishing criminality and punishability of the act. Special legislation on criminal liability for crimes against military service is not required to be adopted now [2, p. 889]. Paragraph 3 of the said article in the previous edition referred to the legislation of wartime. However, no such legislation was adopted either in 1996, at the time of the counter-terrorist operation in Chechnya, or in September 2022, at the time of the special military operation, but crimes were also committed in peacetime, but in a combat situation. One of the authors of the draft law Deputy Ernest Valeev described the problem as follows, "When the Criminal Code was adopted, the moments that the country could conduct a special military operation were not taken into account ..., now there is a need to fix it in criminal legislation" [3].

According to Kh.A. Musaev, more than three thousand crimes were committed by military personnel during the period of counter-terrorism operations in the North Caucasian region from 1999 to 2005 [4]. The scientist presents an example from judicial practice: an ordinary soldier voluntarily left a self-propelled artillery division in a combat position near the airport of Grozny and tried to go home, but was detained. At the same time, the court qualified the described act as negligence under Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation, and not as a crime against military service, despite the fact that it also referred to the violation of articles of the combat charter, which operated in a combat situation. The author, based on the statistics of the Main Military Prosecutor's Office of the Russian Federation, according to which 2,290 cases were initiated in the military Prosecutor's Office for crimes committed in a combat situation, concludes about the problem of conflict between norms of law and law enforcement: acts recognized as criminal only in peacetime and actually decriminalized in wartime and in a combat situation are recognized crimes in the presence of combat operations [4].

So, Kh.A. Musaev criticizes current (at the time before the introduction of new amendments to the Criminal Code of the Russian Fed-

eration) law enforcement practice, pointing to conflicts between general norms of law and the real situation in a combat situation, where many acts are essentially decriminalized, although formally recognized as crimes. The essence of the problem is the discrepancy between the legal qualification of such acts and the specifics of their commission during combat operations.

Now, the term "combat situation", mentioned only in Part 3 of Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation, for the application of which a special law was required, is absent, and terms "conditions of armed conflict" and "conduct of combat operations" in qualified and specially qualified elements of crimes against military service are present. Legislative definition of these terms is provided by the Supreme Court in paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of May 18, 2023 "On the Practice of Consideration by Courts of Criminal Cases of Crimes against Military Service", eliminating legal uncertainty.

Having restored the principle of unified criminal legislation consisting only of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator adopted the Federal Law No. 270-FZ of June 24, 2023 "On the Specifics of Criminal Liability of Persons Involved in a Special Military Operation" and introduced new norms of criminal law without amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, thus, in our opinion, contradicting to Article 1 of the Code. In addition, attention should be paid to violation of the legislative technique in the wording of Article 1 of the law that stipulates regulation of relations related only to exemption from criminal liability, while Article 5 refers to exemption from punishment. The legislator also did not consider it necessary to introduce the practice of applying postponement of execution of punishment to military personnel in wartime, which proved its value and effectiveness back in the years of the Great Patriotic War.

Separately, it is necessary to pay attention to the amendments to Article 332 of the Criminal Code of the Russian Federation. From now on, the mere fact of non-execution of an order during martial law, wartime, or in conditions of armed conflict or combat operations is an act that entails criminal liability regardless of the consequences; the penalty for the crime committed is already up to 10 years in prison, which

is twice as much as the maximum sanction in this article before amendments.

Determination of an act in the form of refusal to participate in military or combat operations is justified due to a large number of refusals of military personnel from being sent to the zone.

It should be pointed out that the legislator, by introducing Note 2 to Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation, established liability for unauthorized abandonment of a unit or place of service by citizens being in reserve and undergoing military training on an equal basis with contract servicemen.

The Criminal Code of the Russian Federation was supplemented with new compositions in the form of voluntary surrender (Article 352.1) and looting (Article 356.1) in the section of crimes against peace and security of mankind. The need to introduce Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is related to the current state of the special military operation. Long time fighting, as well as the most serious losses in the 30-year history of armed conflicts, encourage the enemy to urge Russian soldiers to surrender into captivity. This is done in various ways: from the time-tested distribution of propaganda leaflets to the launch of entire projects to ensure traitor's escort, starting with expressing a desire to surrender and ending with the transition to the trench of Ukrainian military formations. Cases of voluntary surrender can demoralize other servicemen and be used by propaganda of the enemy and their allies to discredit combat capabilities of the Armed Forces of the Russian Federation. Moreover, further, both voluntarily and by blackmail, a prisoner can join collaborationist formations, which happened during the Second World War.

Due to the absence of the composition of "voluntary surrender" before the amendments, there were difficulties in studying criminal-legal characteristics of this act [5]. It hampered qualification of the specified composition; it could be considered as desertion (Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation) [6] and high treason (Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation), to which the current Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation has a reference.

The issue of applying provisions of the Criminal Code of the Russian Federation to military personnel on circumstances excluding the criminality of an act, such as extreme necessi-

ty, physical or mental coercion, remains debatable, since it is not clear whether participation in combat operations precludes the prevalence of life over the rest of goods. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of May 18, 2023 "On the Practice of Consideration by Courts of Criminal Cases on Crimes against Military Service", in fact, does not disclose these circumstances.

In general, the amendments and additions are aimed at eliminating some legal gaps that have become more relevant than ever, as well as tightening responsibility in order to strengthen the overall prevention of acts that have an increased public danger in the conditions of warfare.

At first glance, voluminous changes in criminal law do not cover such an important legal relationship provided for by the Constitution of Russia as the fulfillment of the most important civil duty to protect the Fatherland. To date, there is an obligation to appear upon notice of local body of military administration, and there is no liability of persons subject to mobilization for evading it. At the moment, the compositions provided for in Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be applied to evaders from mobilization. According to Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation, subjects of military crimes can only be military personnel undergoing military service on conscription or under contract, as well as citizens who are in reserve during their military training. Currently, liability for non-appearance upon notice of local body of military administration during the mobilization period is provided only by articles 21.5 "Non-Fulfillment of Military Registration Duties by Citizens" and 21.6 "Evasion of Medical Examination" of the Administrative Code of the Russian Federation. The disposition of Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for liability for evading conscription in the absence of legal grounds for exemption from this service. However, paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of April 3, 2008 "On the Practice of Consideration by Courts of Criminal Cases on Evasion of Conscription and from Military or Alternative Civil Service" stipulates that subjects of this crime are male citizens who have reached the legal age from which they are subject to conscription or those who are liable

for military duty and are not in reserve, subject to conscription for military service in accordance with the procedure established by law. The Supreme Court of the Russian Federation indicates that after reaching the age limit for conscription, only persons who committed this crime before they reached the specified age may be subject to criminal prosecution for evading conscription, provided that the statute of limitations for bringing them to criminal liability has not expired.

Thus, Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for liability for evasion from military service or alternative civilian service. At the moment, there is no judicial and even investigative practice for repeated failure to arrive at a recruitment office after receiving a summons without valid reasons by a person in reserve during the mobilization period. So, for example, the first criminal case initiated by the Zarechensk Interdistrict Investigative Department of the Investigative Directorate of the Investigative Committee of Russia in the Penza Oblast on September 28, 2022 for draft evasion during the mobilization period was terminated due to the recognition by the Prosecutor's Office of the Penza Oblast of the illegal decision on initiation [7]. The absence of liability was also confirmed by the head of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Construction Andrei Klishas, stating that "the issue of the need to make any amendments to the legislation in this part is subject to detailed discussion with the State Duma" [8]. Now a citizen is subject to liability only within the framework of Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation, if he passes a medical commission, an order is issued for him to enroll in the ranks of the Armed Forces of the Russian Federation, but he decides to run away, thereby really committing unauthorized abandonment of a unit or a place of service. In this case a soldier has already passed the conscription stage and therefore does not evade from mobilization. At the moment, the authorities, having officially successfully completed partial mobilization, are unlikely to make changes to the Criminal Code of the Russian Federation or even to the above-mentioned resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The only thing that now fills this gap is the above-mentioned precedent of the Penza Regional Prosecutor's Office, therefore it is

necessary to bring clarity at the legislative level.

The creation and maintenance of an effective defense system is the key to the sovereignty and security of any state. Mobilization for military service plays an important role in ensuring the combat capability of the country's armed forces. The existence of criminal liability for evading conscription serves as a deterrent for potential draft dodgers, thereby contributing to ensuring the country's defense capability.

Thus, in order to eliminate the legal gap, it is necessary to introduce criminal liability for evading conscription by a separate article of the Criminal Code of the Russian Federation, ranking liability for committing evasion in wartime.

The punishment provided for in Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation for committing a crime in these conditions does not meet the principle of proportionality. It is currently impractical to correct the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of April 3, 2008 due to the lenient punishment provided for by the current legislation, which does not correspond to the principle of justice and is thus unable to implement a preventive task. We assume that some people consider punishment more acceptable than taking part in combat operations [9].

Experience of post-Soviet countries, for example, Belarus, is worth considering. Article 435 of the Criminal Code of Belarus, which is analogous to Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation, provides for liability for "evasion of conscription measures" in the form of punishment by community service, fine, arrest, restriction of liberty for up to 2 years, or imprisonment for the same term. At the same time, "evasion of conscription measures during mobilization" is fixed in Article 434 of in the Criminal Code of Belarus and is already punishable by imprisonment for a term of 2 to 7 years.

Article 336 of the Criminal Code of Ukraine provides for imprisonment for a term of 3 to 5 years for "the evasion of conscription for military service during mobilization, in a special period, for military service on conscription of reservists in a special period. We believe that classification of such acts as crimes of moderate gravity, as it is enshrined in the Criminal Code of Ukraine, does not correspond to the real nature of public danger of this act. Therefore, we find it reasonable to take the Soviet

criminal legislation as an example. Article 81 of the 1960 Criminal Code of the RSFSR for evading conscription provided for imprisonment for a term of 3 to 10 years, but the same act committed during wartime was already punishable by imprisonment for a term of 5 to 10 years or the death penalty.

We believe that introduction of this composition will ensure a serious attitude for mobilization measures or, in any case, will create an effective general prevention. The introduction of criminal liability for evading mobilization will contribute to an equal and fair distribution of the burden of military duty to protect the interests of the state and its people among citizens. This will prevent unpunished neglect of this duty.

Maximum sentences for evaders should be also differentiated. Introduction of different terms of punishment reflects the severity of the crime committed and takes into account the specific circumstances under which the evasion occurred. During the period of participation in an armed conflict, the political situation in the state becomes more tense and the need for military personnel to protect national interests is even more acute. Thus, tougher penalties for evading service during special military periods is a reasonable measure designed to ensure that citizens fulfill their duty to the Fatherland during a period of aggravated threat to national security.

Therefore, we propose to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with Article 328.1 "Evasion of conscription for military service during mobilization" with the following content:

"1. Evasion of conscription for military service in the Armed Forces of the Russian Federation is punishable by imprisonment for a term of three to seven years.

2. The same act, as well as evasion of further conscription for military service in the Armed Forces of the Russian Federation, committed during martial law, during wartime or in conditions of armed conflict or combat operations are punishable by imprisonment for a term of five to ten years".

Undoubtedly, a high term of imprisonment and thereby classification of this crime as serious will significantly reduce a number of evaders. However, some people will prefer to serve a sentence in the form of imprisonment. In this regard, it is worth paying attention to Article 46

of the Criminal Code of the RSFSR "Postponement of the execution of a sentence to a serviceman or a person liable for military service in wartime" and introduce a similar institution into the modern Russian Criminal Code (Article 82.2) with modern formulations that meet the realities of participation in military confrontations, namely:

"1. During the period of mobilization or martial law, during wartime or in conditions of armed conflict or combat operations, the court may postpone the actual serving of the sentence imposed on a serviceman or a reservist subject to conscription or mobilization until the end of combat operations with the transfer of a convicted person to the army and further transfer to the zone of combat operations. In these cases, the court may postpone the execution of additional punishments.

2. In case a convicted person sent to the army has been promoted by a commander in accordance with the Disciplinary Statute of the Armed Forces of the Russian Federation or awarded a state award, then, on the recommendation of the relevant military command, the court may release him from serving his sentence or the rest of the sentence with the removal of his criminal record or replace the remainder of the sentence with a milder type of punishment.

3. In case, during the period of postponement of serving a sentence, a convicted person specified in Part 1 of this Article commits a new crime, the court shall impose punishment on him according to the rules provided for in Article 70 of this Code".

A negligent attitude to products of the military-industrial complex on the battlefield is another problem. So, according to the telegram channel "Military Informant", on February 24, during the landing at the Gostomel airfield, the Ka-52 helicopter was shot down by MANPADS. The crew made an emergency landing in a field near the airfield and was successfully evacuated. However, further, the helicopter had been left there for almost 40 days before the retreat of the Armed Forces of the Russian Federation from Kiev, where it was later found by Ukrainian soldiers. The helicopter was neither evacuated nor at least destroyed, while the Ukrainians took out the wreckage of the damaged modern equipment. The helicopter was left with all the technical component. After its discovery,

Ukrainian soldiers took the helicopter away and, most likely, studied it thoroughly together with specialists of the Armed Forces of NATO countries [10].

This loss can at least help the enemy and its allies in the fight against helicopter units of the Russian army and even further contribute to the development of military helicopter construction and, thus, the military-industrial complex as a whole. The possibility of the occurrence of these consequences can be confirmed by the fact provided by the "Free Press". The American MQ-9 Reaper UAV shot down and raised from the seabed in March 2023 gave the relevant units of the Russian Defense Ministry significant information about characteristics of some critical electronic components of this reconnaissance and strike drone [11].

To prevent such a situation, the authors suggest introducing Article 340.1 with such a composition as "surrender or abandonment of the means of warfare to the enemy" into of the Criminal Code of the Russian Federation. The wording can be taken from Article 261 of the Criminal Code of the RSFSR, following the example of Kazakhstan and Ukraine.

Public danger of the crime "surrender or abandonment of the means of warfare to the enemy" is obvious, since it encroaches on the ability of the chief to perform his duties under any conditions and decisively direct actions of his subordinates in the interests of military law and order [12].

In Soviet legislation, in case the chief of the military forces surrendered the military to the enemy and/or abandoned fortifications, military equipment and other means of warfare not in a combat situation, but these actions did not pursue the purpose of assisting the enemy, he was punishable by imprisonment for a term of three to ten years or the death penalty.

In the Criminal Code of Ukraine, this act is enshrined in Article 427, which is similar to the above article, except for the presence of capital punishment. In the Criminal Code of Kazakhstan, the disposition of the article is the same, but the sanction already provides for imprisonment for a term of ten to twenty years or life imprisonment with or without deprivation of citizenship of the Republic of Kazakhstan.

The authors propose to supplement the Criminal Code with Article 340.1 of the following content:

"Surrender of the military to the enemy by the chief of military forces, as well as abandonment of fortifications, military equipment and other means of warfare to the enemy not in a combat situation, in the absence of elements of a crime provided for in Article 275 of this Code".

The sanction in this case should be no milder than a similar norm of the Soviet criminal law, with the exception of the death penalty.

Summing up, it should be noted that military service during military conflicts is of paramount significance for the protection of vital interests of society and the state, and therefore the legal relations associated with it are of particular importance. The issue of crimes against military service, both in general and committed during or in connection with mobilization, remains relevant in connection with Russia's participation in armed conflicts, both on the territory of the former Soviet Union and other restive regions of the world. This requires constant comprehensive research, including taking into account modern challenges and threats in the military sphere.

Proceeding from the above, it is possible to predict further development of criminal legislation, which does not always keep up with changing social relations, remaining imperfect.

In particular, it is necessary to resolve the issue of introducing criminal liability for evading mobilization, especially when the country needs to replenish the ranks of the armed forces. Probably, in the September 2022 socio-political conjuncture, the legislator did not want to immediately introduce criminal liability for evading mobilization, so as not to provoke additional complications of the domestic political situation associated with the population's disapproval of mobilization measures introduced for the first time after the Great Patriotic War. However, in the current geopolitical situation, it is necessary to introduce liability for evading mobilization to prepare for possible large-scale military conflicts, in which the quality of mobilization measures at the first stages of the war can play a decisive role.

In order to form a responsible attitude to products of the military-industrial complex and national security directly on the battlefield, it is reasonable to introduce criminal punishment for unjustified surrender or abandonment of the means of warfare to the enemy. Competent

handling of the means of warfare will mainly prevent the enemy from gaining access to Russian weapons technologies.

Tightening of the responsibility for military crimes is justified already in terms of creating a preventive effect for the population, which will undoubtedly work against one or another part of unstable persons and increase the vigilance of the authorities.

It is important to note that committing crimes against military service during the mobilization period undermines combat readiness of the army and poses a threat to the national security of the state. Therefore, criminal law protection of military service during mobilization needs further improvement both at the level of legislation and law enforcement practice in order to boost legal protection of state interests in wartime.

REFERENCES

1. Ermolovich Ya.N. On the recognition of the commission of a crime in conditions of armed conflict or military operations as a circumstance aggravating punishment. *Pravo v vooruzhennykh silakh = Law in the Armed Forces*, 2017, no 5, pp. 81–86. (In Russ.).
2. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Esakov G.A. Moscow, 2023. 896 p.
3. Nikol'skii A., Sidorova M., Mukhametishina E. et al. *V Rossii vvodyat nakazaniya za prestupleniya vo vremya voennoi operatsii i mobilizatsii* [Russia introduces penalties for crimes during military operations and mobilization]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/21/941797-prestupleniya-vo-vremya-voennoi-operatsii> (accessed July 8, 2023).
4. Musaev Kh.A. Definition and meaning of fighting situation in criminal law. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no 1(47), pp. 107–110. (In Russ.).
5. Aghshin A.A. Some criminal legal and criminalistic aspects of voluntary surrender of servicemen. *Vestnik ad'yunkta = Bulletin of the Adjunct*, 2019, no 1 (3), pp. 5.
6. Aghshin A.A. On the issue of voluntary surrender of servicemen. *Vestnik voennogo prava = Bulletin of War Law*, 2019, no 1, pp. 46–50. (In Russ.).
7. *Advokat dobilsya otmeny postanovleniya po delu ob ukлонenii ot mobilizatsii* [The lawyer has achieved the cancellation of the decision in the case of evasion from mobilization]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-otmeny-postanovleniya-po-delu-ob-uklonenii-ot-mobilizatsii/> (accessed July 8, 2023).
8. *Klishas: vopros ob ugovnom nakazanii za otkaz ot mobilizatsii podlezhit obsuzhdeniyu s Dumoi* [Klishas: the question of criminal punishment for refusal to mobilize its subject to discussion with the Duma]. Available at: <https://tass.ru/politika/15984327> (accessed July 8, 2023).
9. Shalegin S.P. Limits of Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation in the conditions of mobilization measures. In: Shidlovskii A.V. (Ed.). *Molodezhnaya yuridicheskaya nauka Alma Mater – 2022: materialy mezhdunar. nauch. konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Minsk, 10–11 noyabrya 2022 g.* [Youth legal science Alma Mater – 2022: proceedings of the international science conference of students, undergraduates and postgraduates, Minsk, November 10–11, 2022]. Minsk, 2023. 663 p.
10. *Edinstvennyi trofeinyi Ka-52, popavshii v ruki VSU* [The only captured Ka-52 that fell into the hands of the AFU]. Available at: <https://t.me/milinfo/94761> (accessed July 8, 2023).
11. *Amerikanskii "Zhnets" sdal rossiiskim spetsam urozhai voennykh sekretov* [The American "Reaper" handed over to Russian specialists a harvest of military secrets]. Available at: <https://svpressa.ru/war21/article/367984/> (accessed July 8, 2023).
12. Vladimirova V. Vitoki kriminal'noi vidpovidal'nosti za zdachu abo zalishennya vorogovi zasobiv vedennya viini. *Pidpriemnitstvo, gospodarstvo i pravo*, 2020, no. 5, pp. 242–245.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

TAT'YANA N. UTOROVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

STEPAN P. SHALEGIN – 3rd year student of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, stepan.shalegin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6452-6306>

Received July 10, 2023

Criminal Registration in the Service of the Penitentiary System

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: the article deals with problems of information and analytical support of law enforcement intelligence operations conducted by bodies and institutions of the penal system, considered in dissertations defended in dissertation councils at educational and scientific organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Specific attention is paid to the use of personal biometric data of persons held in places of deprivation of liberty. The author analyzes a fairly long historical retrospective of the use of criminal registration in penitentiary practice. This work is evaluated from the point of view of obtaining results of law enforcement intelligence operations and is positioned as an informational basis for operational investigative identification. The legal basis of modern criminal registration in the penal system is evaluated. The author also considers modern hardware and software complexes designed for personal identification, as well as issues of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and other departments, primarily internal affairs bodies, in addressing these issues. *Purpose:* based on a retrospective analysis of the essence and content of criminal registration in the penal system, to make a conclusion about prospects for its development in the modern period and foreseeable future. *Methods:* universal method of cognition – dialectical materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; and private scientific method of historical analogy. *Results:* the analysis of the criminal registration development in the penitentiary system shows that further improvement of this area of information support for operational investigative activities is associated with the use of modern hardware and software and the establishment of close interdepartmental interaction. *Conclusions:* the modern Russian penal system needs to ensure further development of criminal registration, taking into account the experience gained in this area by other law enforcement agencies and special services, including foreign ones. It is also necessary to initiate the adoption of normative legal acts regulating interdepartmental interaction in the field under consideration.

Keywords: penal system; criminal registration; penitentiary legislation; personal biometric data; operational search identification; interdepartmental interaction.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N. Criminal registration in the service of the penitentiary system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 398–408. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.007.

Introduction

The author of this article has repeatedly been an official opponent for candidate and doctoral dissertations, where in one aspect or another the problems of information and analytical support of law enforcement intelligence operations of bodies and institutions of the penal system are touched upon. These scientific studies are, as a rule, of a closed nature, and therefore names of the latter, as well as data of their authors, are not given in this article. Nevertheless, some questions considered in these works and related to information and analytical topics can also be considered in the framework of an open publication.

It will focus on the problems of criminal registration of arrested and convicted persons in conditions of their detention in penal institutions. Unfortunately, almost all applicants in the course of their scientific research in one way or another distance themselves from the consideration of issues related to the distribution of personal biometric data of the specified categories of persons. The issues of organizing information interaction in this matter with other law enforcement agencies and special services interested in creating a unified identification record of representatives of the criminal community are also poorly viewed.

Brief historical retrospective of applying criminal registration. When considering early stages of the development of information and analytical support for law enforcement intelligence operations of the penal system, for some incomprehensible reason, external doctorate students overlook the fact that key types and methods of criminal registration at one time originated in places of deprivation of liberty and were used exclusively for criminalization of convicts. Later, having been tested in the prison system, they were borrowed by the police and other law enforcement agencies to identify and search for suspects.

As it is known, the ancestor of criminal registration in the penitentiary system was the Englishman G. Wilkinson, who in 1774 published a two-volume “The Newgate Calendar” with a

detailed description of the most serious crimes committed by its inhabitants in the 17th–18th centuries. Similar reference books were subsequently published by other prisons in England [1, p. 241]. A similar register of persons subjected to criminal punishment was introduced in the second half of the 18th century by the Paris Police Prefecture. In 1790, this register was reorganized into the “Special bureau of references”. According to the law in force at that time, each French administrative court had its own criminal registry, compiled in alphabetical order. Similar reference books or card files with information about convicts and persons under investigation, in particular card files of preliminary registration and search, were then distributed in other countries [2, p. 9].

These organizational measures further contributed to the development of a criminal registration method according to *modus operandi*, which was widely in demand by the penitentiary and police practice, since it demonstrated high efficiency in the process of identifying professional criminals, especially nomadic criminals.

In 1860, Stevens, a head of the prison in Louvain (Belgium), introduced results of measurements of certain body parts into convicts’ registration cards. He ordered his subordinates to fix a size of the head, ears, legs, chest, as well as a height of convicts [3]. In fact, this measure was the prologue to the creation of a scientific anthropometric method of criminal registration, developed in 1882 by the French criminologist A. Bertillon. In 1885, in addition to anthropometry, he also introduced a method of verbal portrait (Portraitparle) and further a so-called identification or signaletic photograph, for the classification of which he used a scheme of making a verbal portrait [4, pp. 22–23]. In 1888, the Bertillon system received government approval and began to be distributed in penitentiary institutions and the criminal police of France and other countries [2, p. 22].

Around the same period, the English official W. Herschel, who worked in India, for the first time proposed to use finger prints for identification of prisoners in one of the Indian prisons.

Further it was done on a regular basis [5, pp. 32–36]. Almost simultaneously with W Herschel, the English physiologist H. Faulds, who worked in Japan, came to the conclusion about the possibility of using fingerprints to establish prisoners' identity. Somewhat later, the English natural scientist F. Galton considered this problem at a fundamental level. In 1895, Galton's system gained official recognition in England, was called dactyloscopy, and in combination with anthropometry became widely used to register criminals [6, pp. 243–258].

In the course of criminal registration, a system of knowledge was accumulated, which revealed morphological characteristics of offenders. The information obtained was used to identify the latter in case they committed new crimes. By the beginning of the 20th century, all the above-mentioned scientific methods of criminal registration had been applied in the Russian Empire. The police and employees of the prison department were extremely interested in the use of its results. In 1907–1910, within the Department of Police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire specialized structures began to appear – registration bureaus, designed, along with the systematic collection of data on specific criminals and crimes committed, to conduct regular analysis of other criminal information received by them.

Activities of registration bureaus of the detective police during this period was associated with the entry into force of the Law of the Russian Empire “On the Organization of the Detective Unit” of July 6, 1908, which prescribed “as part of the police departments of the Empire to form detective departments of four categories for the production of search in cases of a general criminal nature in cities and counties”. Detective departments were established in 89 large provincial and county centers of Russia. Their internal structure was determined by the Instruction for detective departments of the Russian police, issued on August 9, 1910. Section 29 of this Article noted that “the main part of the internal organization of the detective department is the reference registration bureau”. Section 30 presented a detailed description of their activities.

However, even earlier, criminal registration of criminals, mainly related to the use of fingerprinting, had been officially introduced in the

Russian penitentiary service. To familiarize with a system of fingerprinting in 1906 in Germany, officials of the prison service visited the foreign country. In their report afterwards they clearly showed advantages of this method of criminal registration. As a result, on December 16, 1906, the Central Dactyloscopic Bureau (CDB) under the leadership of N.F. Luchinskii within the Main Prison Department was established at the request of the Minister of Justice I.G. Shcheglovitov, as well as the Rules on the production and registration of fingerprint images were approved. The latter stipulated that persons accused of serious crimes and vagrancy were subject to mandatory fingerprinting [7].

The Central Dactyloscopic Bureau had a special room in the building of the Main Prison Administration, 4 cabinets with 24 drawers in each for storing fingerprint cards and one cabinet with 24 drawers for an alphabetical card file containing personal and anthropometric data of prisoners, as well as their photographs made according to identification photography. They prepared 1,024 folders, magnifying glasses, letter and digital signs, as well as other stationery materials. Workshops of the Saint Petersburg Solitary Prison produced about 1 thousand sets of fingerprint accessories (a metal plate on a tree, a rubber roller, a box with printing ink), as well as up to 10 thousand copies of forms of fingerprint sheets, and the necessary number of instructions were printed.

These sets together with the above Rules were sent to governors and mayors in accordance with the number of places of detention as an appendix to the circular of the Ministry of Justice No. 32 of December 30, 1906 “On the Introduction of Dactyloscopy in the Prison Department for the Registration of Criminals”. It was reported on the successful use of fingerprinting and its advantages over other types of criminal registration (anthropometry and verbal portrait) in the fight against recidivism and vagrancy. The circular also spoke about the need to create a single centralized fingerprint registration of all convicts in the Central Dactyloscopy Bureau [8]. The bureau actually carried out complex criminal registration of convicts and closely interacted with the Central Registration Bureau of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, established on April 9, 1907.

Thus, it was the prison system that was the “cradle”, if one can say so, of criminal registration in world criminal practice, and it predetermined further use of its results by the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, the Separate Corps of Border Guards, the Customs Duties Department of the Ministry of Finance and other law enforcement agencies of the Russian Empire. It makes perfect sense, since places of deprivation of liberty objectively have all the necessary organizational and legal prerequisites for the implementation of criminal registration, both in the interests of the penal system and other law enforcement agencies.

By the way, the so-called “pre-scientific” methods of criminal registration – mutilation (cutting off certain body parts from convicts) and branding – simultaneously performed two main functions – additional punishment for what they had done and identification of criminally dangerous persons among the general human mass [9, pp. 20–21], which indirectly testified to general interests of punitive penitentiary bodies.

The well-known Soviet criminologist I.N. Yakimov, as a basis for systematizing registration information during the rapid development of criminal registration, identified key elements of the crime, such as a subject, an object and a criminal act. He also divided registration data into three main groups.

In the first group (information characterizing the identity of the criminal), he included materials of fingerprinting, anthropometry, descriptions of a layered portrait and identification photography, as well as the so-called little-practiced methods of registration (special signs, palm prints, data on persons previously convicted, involved in the investigation, wanted and serving a sentence, and nicknames).

The second group of registration data (information characterizing elements of the crime object) included materials relating to the so-called “paired” systems, such as objects obtained illegally and victims; unidentified corpses and missing persons; etc.

The third group of registration data (information that characterizes elements of a criminal act) consisted of materials related to the classification of crimes by their types, categories, methods of commission, techniques and handwriting [10, p. 29, 97–98].

These principles in relation to the systematization of registration data are largely relevant to this day. Unfortunately, in the subsequent periods of the development of domestic forensic science and then the theory of law enforcement intelligence operations many scientific approaches associated with the implementation of complex criminal registration were lost [11, pp. 174–176], and a single intelligence accounting for all law enforcement agencies to contain biometric data of criminal elements was never created.

Criminal registration and results of law enforcement intelligence operations. In some dissertations, external doctorate students do not associate the data obtained in the course of criminal registration with the concept of results of law enforcement intelligence operations, although they are such in essence. In addition, considering the essence of registration data used in the activities of operational units of penitentiary bodies and institutions, external doctorate students implied, as a rule, information in general, without disclosing its specific content.

In order to understand these issues, it is necessary to briefly touch upon the essence of both registration data and the most modern criminal registration. The concept of registration data (information) is based on the duality: information itself and the material carrier on which it is displayed in the form of symbols, signs, letters, waves, etc. As a result of documentation, there is a kind of materialization and reification of information that is fixed on a material carrier or attached to it, while separating from its creator [12, pp. 23–24].

The content of any operational information (registration data in this case are not excluded) reflects the state of the objects fixed on material carriers, representing operational and investigative interest. External manifestation of the displayed objects is a set of their elements (characteristic features). Therefore, criminal registration in the field of law enforcement should be carried out in accordance with the requirements of forensic science and the theory of law enforcement intelligence operations, which identifies categories of objects, information about which should be accumulated and further analyzed in order to combat crime. First of all, these are individuals, objects (in-

cluding complex ones), corpses, animals, substances, buildings, structures, terrain areas, events, phenomena, and mental acts of a person. It seems that for each area of law enforcement activity, the essence and totality of these objects can be specified based on the competence of a particular agency.

The state of depicted objects, which is actually the subject of operational search analysis, is characterized by a change in the totality of static and dynamic features inherent in them, without studying which it is impossible to talk about processing, recording and further analysis of incoming information, including registration data. In this regard, we cannot agree with some applicants stating that the information used in law enforcement intelligence operations has a system of elements in general. It is not the information that has a specific set of characteristic features, but objects that appear in certain information. Therefore, a specific feature of the object should be considered as a unit of information connecting it with a subject of law enforcement intelligence operations. Thus, it is the study of elements that allows the latter to analyze the state of an object.

It is quite obvious that the choice of the carrier of registration data is determined by the method of criminal registration. As already noted, in the "pre-scientific" period, the results of criminal registration were displayed directly on the convict's body. At an early development stage of forensic science, aimed primarily at ensuring the effectiveness of investigative activities and identifying detained and convicted criminals, such methods of criminal registration as anthropometry, fingerprinting, verbal portrait, identification photography and *Modus Operandi* were practiced. The results obtained were presented on paper. Today, experts use audio, video, photo, and computer (digital) recording, as well as other modern types of information fixation, providing for the use of appropriate media, which ensure more effective integration and study of registration data.

It seems reasonable that both legal and operational means of obtaining registration data can be used in the course of criminal registration carried out during law enforcement intelligence operations; so, it can be of public or secret nature.

Criminal registration presupposes implementation of the following key stages: search and gathering of registration information (i.e., obtaining necessary information through the study of certain information fields). After the completion of these processes, the received registration information is processed (indexed) by employees involved in the formation of operational and investigative accounting. In this regard, it is extremely important that the submitted information contains at least a minimum amount of registration features for indexing (selection of the necessary and sufficient number of the latter) for their further fixation on the corresponding material carriers.

Criminal registration in law enforcement intelligence operations pursues the following purpose: its subjects with the help of appropriate methods and means form registration documents that record objects of operational interest, provided there is a sufficient number of registration elements intended for operational investigative accounting.

Undoubtedly, registration documents themselves are nothing more than documented results of the law enforcement intelligence operations, which can be received both publicly and in an unspoken (secret) way.

Results of criminal registration as an information basis for operational search identification. During the analysis of the essence and content of the information and analytical support of law enforcement of the Ministry of Internal Affairs, almost the only form of analytical work was singled out – forecasting changes in the operational situation, practiced for the preparation of reviews, recommendations, information bulletins, etc. Such an approach significantly reduces possibilities of analytical activity, since along with the organizational and analytical analysis there is another important direction of analytical activity – the so-called operational investigative analysis, the objects of which are criminogenically active persons and illegal acts. In this context, such a form of analytical work as operational search identification is very significant [11, pp. 69–86]. Criminal registration is required for its provision. Moreover, according to the authoritative opinion of Professor T.A. Sedova, the main object of any identification research both in criminology and law enforcement intelligence operations,

in relation to which all other objects of identification play a secondary role, is their owner or user – a person [13, p. 86].

Intelligence identification is a form of analytical work of operational units, including bodies and institutions of the penal system, which consists in correlating elements of identified objects with identifying objects – displays of stable features of individuals, objects, documents, events, etc. on the corresponding media in the form of traces, images, mental images, descriptions, as well as establishing on this basis of the identity, difference or group affiliation of these objects. When conducting operational investigative measures, forensic and other scientific methods of research can be used. Only the subject of law enforcement intelligence operations can be a subject of operational search identification and their results can be considered as results of law enforcement intelligence operations from two perspectives:

1) they can play an auxiliary role, only indicating to the inquiry, investigation or court where and how to look for sources of factual data in a procedural way;

2) under certain conditions, they can be the cause for initiating criminal cases, as well as the basis for obtaining additional evidence in newly initiated criminal cases (paragraphs 6, 14 of the Instructions on the procedure for submitting results of law enforcement intelligence operations to the inquiry, investigation or court; Article 11 of the Federal Law “On Law Enforcement Intelligence Operations”).

In this regard, we cannot agree with statements of some external doctorate students about possible use of results of identification activities by operational units of penitentiary bodies and institutions as evidence in criminal cases without carrying out procedural verification of the latter. In order to use results of law enforcement intelligence operations as a reason and basis for initiating a criminal case, as well as in proving criminal cases in accordance with the requirements of the criminal procedure legislation regulating the collection, verification and evaluation of evidence, they must undergo mandatory procedural verification by conducting the necessary investigative actions. Figuratively speaking, in this case they should go through a “sieve of procedural actions” so that, in accordance with the provisions of Article 84

of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, they could be accepted by bodies of preliminary investigation or by the court as evidence.

Operational search identification consists in carrying out of the operational search measures: study of objects and documents; identification of persons; and searching accounting records. Moreover, each of them can be an element of any other method provided for in Part 1 of Article 6 of the Federal Law “On Law Enforcement Intelligence Operations”, as well as one or another operational search method.

The most common type of operational search identification in the activities of operational units of penitentiary bodies and institutions is identification of the personality, which is based on theoretical foundations of the private forensic theory – habitoscopy. Along with various types of examinations, the latter systematizes forms of displaying the external appearance of a person (mental images, material subjective displays, images of a person, etc.), as well as all special technical and forensic means and methods of collecting data on the external appearance of a person (drawing up a verbal portrait; making subjective portraits; death masks, etc.). Its methods are widely used both in forensic practice and in law enforcement intelligence operations.

It should be noted that external doctorate students often mistakenly use the term “recognition” (“operational recognition”) in the meaning of identification, which is not of an identification character, but is one of the types of operational search diagnostics.

It should be emphasized that operational recognition objects are not known to an operations officer during the operational search. He/she has only a stereotypical list of static and dynamic features that are characteristic of the studied category of objects. In this way, this method, which is also of an empirical character, is fundamentally different from the identification of a person, during which elements of the identified object, fixed in memory or on certain maps, are known to the operational officer beforehand.

In places of deprivation of liberty, for example, one can recognize convicts’ criminal qualification, experience, and attitude to a particular hierarchical group, depending on their authori-

ty and real influence in the criminal environment [14, p. 19], by studying tattoos on their body.

Legal basis of modern criminal registration. If the need to form databases of personal biometric data of persons under investigation and convicted persons in places of deprivation of liberty is recognized in the above-mentioned dissertations, then the possibility of implementing this measure, nevertheless, is questioned due to a set of restrictions provided for by regulatory legal acts in force in the field of information security. However, this statement is not entirely justified. The legal basis of criminal registration exists and is quite universal. Without having the opportunity to analyze it in detail due to the limited scope of this article, we only note that legal sources regulating implementation of information technologies are divided into four main categories. The first unites international regulatory legal acts legitimizing the use of personal data in the interests of law enforcement activities. The second is key federal laws aimed at creating an information basis for law enforcement agencies. It should also include those laws that introduce basic concepts associated with this process. The third group of sources combines federal laws related to the creation of the information basis of law enforcement intelligence operations directly in bodies and institutions of the penal system. The fourth group of sources is a set of subordinate and interdepartmental regulatory legal acts related to activities of law enforcement agencies (including organizations of the penal system) in the field of formation of operational search accounting.

The objects of legal regulation in all these cases are information technologies, as well as received and accumulated registration information. Provisions of articles 10, 11, 14 and 22 of the Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data" are of great interest in this aspect, since they stipulate that the processing of personal data of citizens, including their special and biometric categories, can be carried out without the consent of their subjects in a number of cases, including those provided for by Russian legislation on defense, security, countering terrorism, transport security, cooperation corruption, law enforcement intelligence operations, enforcement proceedings, as well as by penal legislation. In addition, the

right of subjects to access their personal data may be restricted in cases where the processing of personal data, including personal data obtained as a result of intelligence, counterintelligence and reconnaissance activities, is carried out for the purposes of national defense, state security and law enforcement. For the same reasons, registration of such databases in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) is not required.

It is worth separately highlighting provisions of paragraph "g" of Article 9 of the Federal Law No. 128-FZ of July 25, 1998 "On State Dactylographic Registration in the Russian Federation" stipulating that citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons who are suspected, accused, or convicted of committing a crime, are subject to mandatory dactylographic registration.

According to provisions of the Federal Law No. 8-FZ of February 6, 2023 "On Amendments to the Federal Law "On State Genomic Registration in the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation", all categories of the persons convicted and serving sentences in the form of imprisonment, as well as all the persons suspected and accused of committing crimes, are subject to mandatory genomic registration (paragraphs 1, 3 of Part 1 of Article 7 of the Federal Law No. 242-FZ of December 3, 2008 "On State Genomic Registration in the Russian Federation").

According to Article 9 of this laws, mandatory state genomic registration of persons specified in Paragraph 1 of Part 1 of Article 7 is carried out by institutions executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty, together with subdivisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation, whose competence includes this type of activity.

Undoubtedly, we should also mention Paragraph 7 of Article 14 of the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 "On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation" stating that institutions executing sentences are entitled to register convicts, as well as make photographs, sound, film and video recording and fingerprinting.

Thus, if there are sufficient grounds, state bodies carrying out law enforcement intelligence operations, including penitentiary bod-

ies, are entitled to search, collect, extract, store, process and provide information, including confidential and subject to special regulatory regimes, which relates to various objects of this activity. Indispensable conditions for the inclusion of such information in information technologies are the following: guaranteed compliance with the status of the latter as an information restriction of access, and, second, appropriate legal grounds for their receipt and use. These conditions are specified in domestic regulatory legal acts, which are of a closed nature and are not considered within the framework of this article.

At the same time, the lack of legal regulation associated with the formation of an integrated intelligence data bank, which includes personal biometric data of representatives of criminality, remains a rather serious problem today.

Modern hardware and software complexes for identity identification and issues of interdepartmental interaction in this area. The dissertations submitted for the preparation of the official opponent's review have not always addressed the problem of using modern hardware and software tools capable of real-time operational recognition of illegal acts in institutions of the penal system and identification of plotters by their static and dynamic characteristics. Similar complexes based on the use of artificial intelligence analyzing personal biometric data have been already used by Russian and foreign law enforcement agencies to combat criminal, economic, customs and other crimes, as well as to detain the wanted. Therefore, it would be quite justified to widely introduce them into activities of penal institutions for ensuring constant monitoring of the behavior of arrested and convicted persons [15, p. 150]. In this regard, automated logic-analytical systems (ALAS) can identify not only individuals, but also intangible objects – events, phenomena, mental acts of a person characterized by a set of special identification features. This circumstance contributes to the definition of criminalistically significant grounds for the systematization of crimes committed in penitentiary institutions with regard to the specific place of the latter in their generic system [16, p. 180].

As already noted, external doctorate students do not clearly formulate principles of

interdepartmental information interaction in order to create a unified identification record systematizing personal biometric data of persons brought to criminal liability. In this regard, it should be emphasized that in the post-Soviet period, the implementation of criminal registration was organized most competently from a scientific point of view in specialized divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow. In the mid-1990s, when the latter were created and formed, they were called information and analytical units of the criminal militia. In 2003, they were renamed intelligence information units. In the initial period of their existence, automated data banks of intelligence and other information were created at all levels of the criminal police service of the Main Department of Internal Affairs in the city of Moscow (city-administrative district – municipal district), including those containing personal biometric data of persons of operational interest. In order to ensure comprehensive criminal registration of the latter, criminal registration offices were created in municipal police departments. In general, about 450 employees were involved in criminal registration. About 120 employees worked in district police departments, while 25 – in the head structure – the Information and Analytical Department of the criminal militia of the Main Department of Internal Affairs in the city of Moscow.

The Main Directorate installed an automated software complex "CRIME", consisting of an automated system of operational dactyloscopic identification (ASODI) "Uzor-3", an automated system of operational portrait identification (ASOPI) "Figurant", designed to keep registration data about 100–200 thousand registered persons, as well as ALAS "CRIME", developed for real-time analytical processing of over 1 million full-text documents in Russian and foreign languages. There was also a data bank containing information about members of organized criminal formations, criminals, nomadic criminals, persons who had committed serial crimes, as well as missing persons.

At the level of district internal affairs departments, it was planned to expand the complex "CRIME", consisting of ASODI "Uzor-3" and ASOPI "Figurant", designed to keep registration data about 50–60 thousand applicants, as well as ALAS "CRIME", developed for real-time

analytical processing of over 500 thousand full-text documents. In district internal affairs departments, it was planned to form a data bank containing information about persons who lived on the territory of the district and had been previously convicted.

It was planned to equip criminal registration offices of municipal internal affairs departments with specialized equipment for identification photography and fingerprinting. A single-machine network version of ASOPI "Figurant" was to be kept in the same office.

It was assumed that automated hardware and software complexes located in the Main Department of Internal Affairs in the city of Moscow, district and municipal internal affairs departments would form a single information space of the Moscow criminal militia due to their connection to the fiber-optic network. It would accelerate the process of identifying suspects for specific crimes significantly. Experts calculated that the one-time integrated implementation of these systems would allow for operational recording of more than 600 thousand criminals on a city scale. In the future, it was planned to increase the volume of the integrated data bank to 1.5 million registered persons. According to the most cautious forecasts, in a year and a half after the introduction of this system into operation, the real detection rate of crimes in the city could have been increased by 10–15%.

Many of these approaches have been implemented and are still used in activities of operational search information units in the city of Moscow. Some problems have not been solved due to a number of objective and subjective reasons. At the same time, at all stages of the formation of this method of conducting criminal registration, which, by the way, was borrowed from registration bureaus of the detective police of the Russian Empire, opportunities were sought to ensure coordination with operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. To establish the stated interaction, employees of the intelligence information department of the Ministry of Internal Affairs of Russia visited some territorial bodies of the penal system. However, these contacts turned out to be useless due to interdepartmental disunity. It should be noted that in the second half of the 1990s, when the penal system was still a part of the Ministry of Internal Affairs of Russia, specialists of the Main

Criminal Investigation Department and the Main Punishment Execution Directorate practically adopted a draft order of the Ministry on the issues related to the creation of joint recording. However, in 1998, the Main Punishment Execution Directorate was transferred to the Ministry of Justice of Russia in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation No. 904 of July 28, 1998 "On the Transfer of the Penal System of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to the Jurisdiction of the Ministry of Justice of the Russian Federation", this issue was automatically removed from the agenda and was not raised during development of interdepartmental orders.

As already emphasized, interdepartmental information interaction between Russian law enforcement agencies and special services is insufficiently organized, which cannot be said about foreign practice. It should be noted that European member states have a single interdepartmental system for recording operationally significant information. For this purpose, a centralized electronic data bank, along with forensic and criminological information, has data on persons and events of operational interest. Each law enforcement agency or special service of an EU member state, having a computer connection with a centralized data bank, can constantly obtain the necessary information, the use of which, according to some specialists, is even more effective than border control measures. Thus, Western countries are intensively developing structures that allow for effective police intelligence [17, p. 224].

National departments of operational data collect information of operational interest in European countries. They are staffed by representatives of various law enforcement agencies and special services (border service, correctional institutions, customs authorities, financial intelligence, coast guard, police, intelligence and security services, tax authorities, etc.), which, under intelligence-led policing, have access to operational information of their department and are authorized to carry out information exchange with representatives of other interested structures within the national department of operational data. The latter is also responsible for maintaining a national database of operational crime data and for conducting strategic and operational analysis, including

assessing threats arising at the national level. It also assists regional (local) units in operational information analysis.

It is also worth mentioning that EU member states have mutually dependent, compatible or single-platform information and telecommunication systems supporting an integrated data bank, as well as appropriate mechanisms for protecting operational information [18, pp. 48–49].

Thus, in Western countries, a single interdepartmental information array of law enforcement agencies has long been created and is effectively used in the interests of all departments. It is not achieved in Russian law enforcement agencies, including bodies and institutions of the penal system.

Conclusion

Summing up the arguments presented in this article, we can come to the following key conclusions.

1. Taking into account available operational capabilities and historical experience of criminal registration, priority attention in bodies and institutions of the penal system should be given to the issues of obtaining and systematizing personal biometric data of arrested and convicted persons.

2. At various levels of the management vertical of the Federal Penitentiary Service of Russia, these data, together with other operationally relevant information, should be systematized and integrated with the relevant reports of other law enforcement agencies, primarily internal affairs bodies.

3. The problems of forming a single integrated intelligence data bank for all intelligence agencies containing personal biometric data of persons representing the operational interest have not been settled by federal legislation, although there are a number of objective prerequisites for this.

4. As an integrated bank of personal biometric data functioning on a single information space of law enforcement agencies and special services, it is necessary to consider the combination of relevant databases, technologies for their maintenance and use, as well as protected information and telecommunication systems functioning on the basis of general principles and according to general rules.

5. The creation of such an information structure, acting through the mediation of a special body, an analogue of the National Department of Operational Data, will solve many problems in the field of law enforcement intelligence operations of the penal system.

6. The use of ALAS based on the use of artificial intelligence is intended to contribute to the creation of an effective single integrated intelligence data bank, for the purpose of operational knowledge and identification of objects of operational interest, taking into account the current assessment and forecasting of their condition.

7. The issues discussed in this article should be more clearly identified and considered in dissertations defended in dissertation councils at educational and scientific organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *Istoriya otechestvennoi kriminalistiki* [History of domestic criminology]. Moscow, 1999. 486 p.
2. *Kriminalistika: tekhnika i taktika rassledovaniya prestuplenii* [Criminalistics: techniques and tactics of crime investigation]. Ed. by Vyshinskii A.Ya. Moscow, 1938. 538 p.
3. Anthropometry. In: Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Criminalistic encyclopedia]. Available at: <https://www.rulit.me/books/kriminalisticheskaya-enciklopediya-read-75154-6.html> (In Russ.). (Accessed August 4, 2023).
4. Yalyshev S.A. *Kriminalisticheskaya registratsiya: problemy, tendentsii, perspektivy: monogr.* [Criminalistic registration: problems, trends, prospects: monograph]. Moscow, 1998. 138 p.
5. Thorwald J. *Vek kriminalistiki* [The age of criminology]. Ed. by Reshetnikov F.M. Moscow, 1990. 323 p.
6. Locard E. *Rukovodstvo po kriminalistike* [Guide to forensics]. Ed. by Mitrichev S.P. Moscow, 1941. 544 p.
7. Korel'tseva M.A. Formation of forensic registration. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 22 (208), pp. 234–236.

8. Karpechenko S.V. Fingerprinting – the science of fingerprints. *MVD po Respublike Kareliya: ofits. sait* [Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia: official website]. Available at: https://10.mvd.rf/mvd/history/museum/2_1 (In Russ.) (Accessed August 4, 2023).
9. Evreinov N.N. *Istoriya telesnykh nakazanii v Rossii. T. 1* [History of corporal punishment in Russia. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1913. 215 p.
10. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Manual of criminal techniques and tactics]. Moscow, 1925. 430 p.
11. Yakovets E.N. *Problemy analiticheskoi raboty v operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: monogr.* [Problems of analytical work in the operational investigative activities of internal affairs bodies: monograph]. Moscow, 2005. 218 p.
12. Kopylov V.A. *Informatsionnoe pravo: ucheb. posobie* [Information law: textbook]. Moscow, 1997. 472 p.
13. Sedova T.A. Criminalistic identification. In: Krylov I.F. (Ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Leningrad, 1976, pp. 79–105. (In Russ.).
14. Kuz'min S.I., Yakushina E.S. Hierarchical structure in the criminal community. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 1 (49), pp. 18–24.
15. Sargsyan A.A. Prospects for digitalization of sentencing and execution of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 146–152.
16. Akchurin A.V. Types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions by degree of generality. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 176–184. (In Russ.).
17. Donovan J. *Neznakomtsy na mostu: Delo polkovnika Abelya* [Strangers on a bridge: the case of Colonel Abel]. Transl. from English. Moscow, 1992. 368 p.
18. *Rukovodstvo OBSE po politseiskoi deyatel'nosti na osnove operativnykh dannykh i informatsii. T. 13* [OSCE Guidebook on intelligence-led policing. Vol. 13]. Vena, 104 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Received August 14, 2023

Original article

UDC 342

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008

On Reforming State Regulation of Educational Activities and Its Impact on the Higher Education System of the Federal Penitentiary Service

NATAL'YA V. MOTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Abstract

Introduction: the system of state regulation of educational activities has recently undergone changes. The control and supervision model is changing due to the introduction of a risk-oriented approach, organization of constant monitoring of the education system, and conduct of preventive measures in relation to activities of educational organizations. The procedure for state accreditation of higher education programs is also reorganized, in particular, new accreditation indicators are developed and accreditation monitoring of the higher education system is introduced. These changes are aimed at reducing the administrative impact on the sphere of higher education by reducing verification measures with appropriate procedural rules and documentation support. Control measures are replaced by constant monitoring of the implementation of educational activities by universities, their compliance with established requirements, provision of advisory assistance, and correction of possible violations. In these conditions, the role of self-control of educational organizations over the implementation of educational programs and self-regulation in this area is increasing. The higher education system of the Federal Penitentiary Service operates within the framework of the education system of the Russian Federation and is subject to any changes. State bodies (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal Service for Supervision of Education and Science), new standards of educational activities, control measures, monitoring, etc. are significant factors of the external environment. Changes in the system of state regulation of educational activities have a significant impact on functioning of the departmental education system and require detailed study in order to determine directions of its improvement. The *purpose* of this study is to analyze modern mechanisms of state regulation of educational activities and formulate proposals for improving certain aspects of functioning of the higher education system of the Federal Penitentiary Service. *Methods:* general scientific (induction and deduction, system analysis, synthesis and generalization, comparison) and private (comparative legal, formal legal) methods of cognition allowed us to provide an integrated approach to this study. *Results:* based on the analysis of transformation of the state regulation of educational activities in the Russian Federation and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service, proposals for improving practical activities of educational

organizations are formed. The necessity of developing an order of the Federal Penitentiary Service approving the procedure for accreditation monitoring of the higher education system of the Federal Penitentiary Service with the definition of appropriate criteria, revision of the regulatory framework for the organization and inspection of educational organizations is substantiated. *Conclusion*: the reform of state regulation of educational activities determines priority directions to develop the higher education system of the FPS of Russia, encouraging construction of new integration links between its elements – educational organizations and the Federal Penitentiary Service.

Key words: accreditation; accreditation monitoring; state regulation; quality of education; educational activities; educational organizations.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Motorova N.V. On reforming state regulation of educational activities and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 409–418. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.008.

Introduction

An important element of the development of the higher education system of the Federal Penitentiary Service (FPS of Russia) that requires increased attention is control of the quality of training specialists for institutions and bodies of the penitentiary system. An effective system for assessing graduates' attainment levels contributes to achieving key goals of functioning of the system of departmental higher education organizations, such as regular replenishment of the staff with highly qualified specialists, improvement of the quality of educational programs in various fields, introduction of modern educational technologies, and bringing learning closer to real needs of practical activity.

Quality of education and key activities to ensure it

The higher education system of the Federal Penitentiary Service should function in full compliance with uniform requirements for the implementation of educational activities established by the state and ensure a certain quality level of education. The term “quality of education” has several meanings [1–3]; various definitions are proposed by researchers studying problems of jurisprudence [4], pedagogy [5–7], management processes [8], while “this category is interpreted in various disciplinary contexts: philosophical, sociological, psychological, and economic” [9, p. 21]. Taking into account the variety of approaches, we adhere to the definition of the Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation”

(hereinafter referred to as the Education Law), according to which the quality of education is “a comprehensive characteristic of educational activities and training of a student, expressing the degree of their compliance with the Federal State Educational Standard (FSES), educational standards, federal state requirements (FSR), needs of the individual or legal entity in whose interests the educational activity is carried out, including the achievement degree of planned results of the educational program”.

The analysis of the category presented in the law allows us to identify two main areas of activity to ensure compliance of educational activities with this complex characteristic. The higher education system of the Federal Penitentiary Service, activities of its educational organizations, on the one hand, should comply with the established FSES, educational standards, and FSR; on the other hand, training of personnel in the departmental system of higher education should meet requirements of the department, in whose interests educational activities are carried out, as well as students' needs. Accordingly, control measures in relation to higher education institutions of the Federal Penitentiary Service include two blocks: 1) regulatory, control and supervisory activities in the field of education and science on the part of federal state authorities with relevant powers in the field of education; 2) assessment of personnel training by interested subjects (the Federal Penitentiary Service and territorial bodies) and students (future employees of the

penal system). We will consider the system of state regulation and control measures in relation to educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service in the light of modern trends in changing principles of control and supervisory activities on the part of the state and developing the Russian penal system. At the same time, it should be emphasized that the scope of this publication does not allow us to present a detailed analysis of state regulation of educational activities, and our attention will be focused on results of the study conducted in order to formulate proposals for improving practical activities of educational organizations of the Federal Penitentiary Service in accordance with the revised requirements of legislation.

Key directions of state regulation of educational activity

Authorized bodies are responsible for state regulation of educational activities; higher education organizations of the Federal Penitentiary Service, providing training of students in certain specialties and areas of training, are objects of management processes. State regulation of educational activities is aimed at establishing uniform requirements for the implementation of educational activities and procedures related to the establishment and verification of educational organizations' compliance with these requirements. According to the Education Law, the state regulation of educational activity includes 1) licensing of educational activities; 2) state accreditation of educational activities; and 3) state control (supervision) in the field of education.

Educational activities are subject to licensing. According to provisions of the Federal Law No. 99-FZ of May 4, 2011 "On Licensing of Certain Types of Activities", this is the activity of licensing authorities to grant licenses, extend the validity period of licenses if the limitation of the validity period of licenses is provided for by federal laws, assess the license applicant's compliance with licensing requirements, suspend, renew, and terminate licenses, form and maintain a register of licenses, form a state information resource, as well as provide information on licensing issues as applicable. A license is a special permit for the right of a legal entity or individual entrepreneur to carry out a specific type of activity (performing works, render-

ing services that make up the licensed type of activity), which is confirmed by an entry in the register of licenses. Licensing of educational activities is carried out by types of education, levels of education, professions, specialties, areas of training, scientific specialties (for vocational education), subtypes of additional education. Educational organizations of higher education of the Federal Penitentiary Service train specialists on the basis of licenses obtained in accordance with the established procedure.

State accreditation of educational activities by the main educational programs of higher education is carried out in order to confirm the conformity of the quality of education in an educational organization with the established accreditation indicators. Accreditation indicators are a set of mandatory requirements that are established by law for the quality of education. Accreditation indicators, methods of their calculation and application are approved by the federal executive authority responsible for the development and implementation of state policy and regulation in the field of higher education (Ministry of Education and Science of the Russian Federation), in coordination with the federal executive authority responsible for control and supervision in the field of education (Federal Service for Supervision of Education and Science). The Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 409 "On Approval of Accreditation Indicators for Educational Programs of Higher Education, Methods of Calculation and Application of Accreditation Indicators for Educational Programs of Higher Education" was adopted on April 18, 2023.

State accreditation is carried out by the Federal Service for Supervision of Education and Science according to the applications of organizations engaged in educational activities. State accreditation is carried out based on results of the accreditation examination, which is based on the principles of objectivity and responsibility of experts. The procedure is defined by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 797 of May 19, 2023 "On Approval of the Regulations on State Accreditation of Educational Activities and on Invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 3 of January 14,

2022". State accreditation of educational activities is of unlimited duration.

State regulation of educational activities includes state control (supervision). According to provisions of the Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation", state control (supervision) in the Russian Federation is an activity of control (supervisory) bodies to prevent, detect and suppress violations of mandatory requirements by preventing violations of mandatory requirements, assessing citizens and organizations' compliance with mandatory requirements, identifying their violations, and adopting legal measures to prevent the identified violations of mandatory requirements, eliminate their consequences and (or) restore the legal situation that existed before the occurrence of such violations. In relation to educational institutions of higher education, the subject of state control (supervision) is compliance with mandatory requirements established by the legislation on education, including licensing requirements for educational activities, FSES requirements, requirements for the implementation of accreditation indicators; requirements to ensure accessibility for disabled people of social, engineering and transport infrastructure and services provided. The implementation of control powers is entrusted to the Federal Service for Supervision of Education and Science.

In general, the analysis of regulatory prescriptions shows that the structure of state regulation of educational activities has independent elements, such as licensing, state accreditation, and requirements for control and supervisory activities in the field of education. Licensing of educational activities is nothing more than an "input filter" that prevents unscrupulous entities from entering the educational services market. State accreditation is aimed at confirming the compliance of educational activities with the FSES and FSR, and control and supervision in the field of education are focused on assessing the quality of educational activities and its legality [10]. Each of these areas of state regulation contains elements of verification and control measures.

These areas of state regulation of educational activities are constantly discussed by legal scholars analyzing licensing procedures

[11–14], accreditation processes [15–17] and control and supervisory activities [18–20]. A comprehensive in-depth analysis of the modern model of state regulation of higher education could be the subject of a separate study. Within the framework of this article, we will analyze certain aspects of this type of activity in order to determine its impact on the development and functioning of the higher education system of the Federal Penitentiary Service, while taking into account scientists' positions affecting certain aspects of activities of departmental universities.

Transformation of certain areas of state regulation of educational activities and its impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service

The system of departmental higher education functions within the framework of the education system of the Russian Federation and is affected by any changes. State bodies (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal Service for Supervision of Education and Science), new standards of educational activities, control measures, monitoring, etc. are significant factors of the external environment. Training of future employees in various specialties is carried out on the basis of appropriate licenses; educational programs of higher education are built in accordance with the Federal State Educational Standard; universities create all the necessary conditions (material, financial, information technology, etc.) for implementing educational activities. Control and supervisory measures on the part of the Federal Service for Supervision of Education and Science in relation to higher education institutions of the Federal Penitentiary Service are carried out in accordance with the established rules. Due to these circumstances, the higher education system of the Federal Penitentiary Service constantly receives external impulses of a managerial nature, is modified and adapts to conditions of the external environment.

For example, licensing and accreditation of educational activities as areas of state regulation have a serious impact on the higher education system. Higher education organizations of the Federal Penitentiary Service have licenses for implemented educational programs, the vast majority of which have termless state accreditation. At the same time, educational or-

ganizations comply with licensing requirements in their activities and are constantly working to achieve compliance of educational activities with accreditation criteria, as well as to improve the relevant indicators.

Individual departmental universities are expanding their capabilities to prepare specialists for penitentiary institutions and bodies by obtaining permits to carry out educational activities in new areas of training or specialties. For example, in 2022, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service received a license for the right to carry out educational activities under two higher education programs “Economic security” and “Ensuring law and order”, as well as two programs of secondary vocational education [21]. In 2022, the University of the FPS of Russia expanded the scope of educational services, having received the permission to carry out educational activities under the higher education program “Fire safety” [22]. Implementing new educational programs, these educational organizations are improving their work to successfully pass accreditation examination in these areas of training in the near future. Consequently, licensing and accreditation necessitate the maintenance of a proper functioning level in accordance with licensing requirements and accreditation indicators, as well as determine development frameworks of individual elements of the system, in particular, educational organizations.

The change in accreditation principles also has a significant impact on the development of the higher education system of the Federal Penitentiary Service. The year of 2022 witnessed introduction of accreditation monitoring and an updated model to assess the quality of implemented educational programs according to the accreditation indicators approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Besides, state accreditation received under educational programs is of unlimited duration. The introduction of indicators has changed approaches to state accreditation, since “according to the wording of Article 92 of the Education Law in force up to March 1, 2022, state accreditation was carried out in order to confirm compliance with federal state educational standards for educational activities and training of students” [16, p. 180] and was fixed-term, that is, the checks were car-

ried out with a certain frequency. Some authors believe that changing criteria for the quality of education leads to the creation of a situation in which obtaining state accreditation will not depend on meeting the overwhelming majority of requirements of educational standards. So, I.Yu. Goltzapina notes that “the mechanism of the “regulatory guillotine” for the education sector was clearly premature... The most negative impact of the introduction of such a mechanism will be vivid only after years of its implementation, since in the absence of control and liability, educational organizations will take pains to meet indicators of accreditation monitoring and not to improve the content of educational programs” [16, p. 181]. In our opinion, the novelties of educational legislation should still contribute to the enhancement of management processes in the field of education and, as a result, will lead to a reduction in the bureaucratic burden on educational organizations. Let us consider certain aspects of this type of state regulation of educational activities.

The accreditation indicators approved by the Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 409 of April 18, 2023 represent a set of mandatory requirements to the quality of education established in accordance with the Education Law. Besides, state accreditation is of unlimited duration for all organizations received it up to March 1, 2022, as well as for organizations that successfully pass the accreditation procedure after this period.

Organizations with state accreditation automatically get into accreditation monitoring, which is a remote monitoring of an educational organization, conducted once every three years in order to analyze the quality of education and develop appropriate recommendations. This procedure does not require interaction with an educational organization [10]. According to the Order of the Federal Service for Supervision of Education and Science, the Ministry of Education of the Russian Federation, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 660/306/448 of April 24, 2023 “On the Implementation of Accreditation Monitoring of the Education System by the Federal Service for Supervision of Education and Science, the Ministry of Education of the Russian Federation and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation”,

the first accreditation monitoring starts on September 1, 2023 and is aimed at analyzing activities of educational organizations and their compliance with accreditation indicators. When identifying problematic aspects for educational organizations, recommendations will be formulated to improve the quality of education. It is assumed that 1,398 universities (749 parent universities and 649 branches) will engage in the monitoring [23].

According to provisions of regulatory legal acts on the monitoring of the education system, federal state organizations under the jurisdiction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, and the Federal Penitentiary Service that implement professional educational programs containing information, which constitute a state secret, are not subject to accreditation monitoring; they are monitored by the federal state body exercising functions and powers of the founder in relation to these organizations. These powers are determined by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 662 of August 5, 2013 "On the Monitoring of the Education System", which also determines that the procedure for monitoring, including accreditation, of federal state organizations is established by the federal state body exercising functions and powers of the founder in relation to these organizations.

Thus, to date, departmental universities have not been included in the number of educational organizations that fall under the accreditation monitoring procedures from September 1, 2023, while there are no clear criteria for its implementation by federal state bodies exercising functions and powers of the founder. The current state of affairs creates the need to create normative legal acts on the regulation of these issues in relation to educational organizations that train personnel in the interests of defense and security of the state, ensuring law and order. The Federal Penitentiary Service should also join this norm-setting activity.

Educational organizations of higher education as departmental institutions are subject to constant inspection and evaluation of the effectiveness of their activities by the Federal Penitentiary Service.

The inspection includes a set of measures to study, verify and assess the state of educational, research, financial and economic activities, service and physical training of employees of educational institutions of the Federal Penitentiary Service and is carried out every five years. The procedure for organizing work on the inspection of activities of departmental educational organizations is fixed in the Order of the FPS of Russia No. 385 of August 28, 2010 "On Approval of the Procedure for Organizing Work on the Inspection of Activities of Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service". However, the analysis of this normative legal act shows that it does not contain clear criteria and indicators for assessing the quality of educational programs. Accordingly, it is impossible to use inspection procedures of departmental universities instead of accreditation monitoring on the basis of existing departmental acts, since evaluation indicators of educational activity and frequency do not coincide with those established by the Ministry of Education and Science of Russia (accreditation monitoring is carried out every three years).

Based on the above, it seems appropriate to issue an order of the Federal Penitentiary Service approving the procedure for accreditation monitoring of the higher education system of the FPS of Russia with the definition of appropriate criteria. At the same time, it is necessary to revise the regulatory framework for the inspection of departmental universities in order to increase terms (at least once every six years) and adjust individual criteria for their compliance with accreditation indicators. The adoption of these departmental legal acts will make it possible to organize accreditation monitoring every three years: once as a separate procedure, and then as part of the inspection of activities of departmental universities. The regulatory legal acts proposed for development, in our opinion, will become the legal basis for the organization of quality control of education in departmental universities.

Having discussed issues to organize monitoring of the higher education system of the FPS of Russia, we will consider substantive aspects of the mandatory requirements, on the basis of which the quality of education in certain higher education programs is recognized as satisfactory.

Accreditation indicators for higher education programs are approved by the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 409 of April 18, 2023 “On Approval of Accreditation Indicators for Higher Education Programs, Methods of Calculation and Application of Accreditation Indicators for Higher Education Programs” and include six positions, accreditation monitoring indicators include eight positions. Let us analyze certain indicators that have significant impact on the higher education system of the Federal Penitentiary Service.

The first accreditation indicator (AI1) is the average score of the unified state exam (USE) of students accepted according to its results for training in educational programs of higher education. Its criterion value should be at least 60 to receive points (from five to ten) during accreditation or monitoring. The analysis of admission campaigns for the last three years shows low values of this indicator in most higher education institutions of the FPS of Russia.

Another accreditation indicator that requires restructuring of activities of individual elements of the higher education system and has the greatest impact is the proportion of students who have completed 70% or more of the diagnostic work tasks formed from the collection of learning assessment materials of the organization carrying out educational activities under the relevant higher education program, in the total number of those who performed the diagnostic work (AI5). It is used during accreditation; its minimum criterion value amounts to 55% of the students. The fulfillment of this indicator generates the need for systematic work to form a collection of learning assessment materials that meet criteria of the Ministry of Education and Science of Russia [24] and the Federal Service for Supervision of Education and Science and have students perform control tasks in class.

Thus, the introduction of new criteria for checking the quality of higher education determines priority directions for the development of the higher education system of the Federal Penitentiary Service, prompting construction of new integration links between its elements – educational organizations and the FPS of Russia.

The higher education system of the FPS of Russia should also adapt to changes in another

area of state regulation of educational activities, such as control and supervision. The system of state control (supervision) in the Russian Federation is currently undergoing serious changes due to the construction of a new control and supervision model in the Russian state. Due to the entry into force of federal laws No. 247-FZ of July 31, 2020 “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” and No. 248-FZ of July 31, 2020 “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation”, the system of state management of educational activities have undergone serious changes. The model of control and supervisory measures based on systematic planned and unscheduled inspections leading to the application of punitive measures (issuance of prescriptions, suspension of license, revocation of accreditation, etc.) is being rebuilt according to new principles: introduction of a risk-oriented approach, constant monitoring of activities of higher education institutions, and formation of recommendations for development.

Educational organizations of higher education as objects of state control (supervision) are subject to classification into categories of high, medium and low risk of causing harm (damage) to legally protected values (hereinafter referred to as risk categories). The category of high and medium risk includes universities whose activities were proved violating legal requirements by the relevant state authorities (Federal Service for Supervision of Education and Science). The assignment of an object of state control (supervision) to one of the risk categories is carried out by the Federal Service for Supervision of Education and Science annually by comparing its characteristics with the criteria fixed in the Decree of the Government of the Russian Federation No. 997 of June 25, 2021 “On approval of the Regulations on the Federal State Control (Supervision) in the field of education”.

As for low risk control objects, instead of planned control (supervisory) measures, preventive explanatory work is carried out. The Federal Service for Supervision of Education and Science informs controlled and other interested persons on compliance with mandatory requirements established by Russian legislation on education, including licensing requirements for educational activities and requirements established by federal state educational

standards, by posting relevant information on its official website on the Internet and through personal accounts of controlled persons in state information systems.

Being an object of state control, higher education organizations of the FPS of Russia should analyze materials of control measures of the Federal Service for Supervision of Education and Science [25] and relevant recommendations in order to prevent violations of the established requirements. At the same time, the Federal Penitentiary Service plays an important role in the organization of constant monitoring of compliance with the established requirements, since timely management decisions and methodological assistance will contribute to the effective functioning of the entire system of departmental higher education.

Conclusion

The analysis of state regulation of educational activities and its transformation at the present stage shows the existence of unresolved issues in the higher education system of the FPS of Russia, such as organization of accreditation monitoring, development of criteria for the formation of collections of learning assessment materials, etc.

In the presented study, proposals are formulated to address individual issues. Thus, it is advisable to issue an order of the Federal Penitentiary Service approving the procedure for accreditation monitoring of the higher education system with the definition of appropriate criteria. At the same time, it is also necessary to revise the regulatory framework for the inspection of departmental universities in order to increase the terms (at least once every six years) and adjust individual criteria for their compliance with accreditation indicators. The adoption of these departmental legal acts will

allow organizing accreditation monitoring every three years: once as a separate procedure, and then as part of the inspection of activities of departmental universities. The normative legal acts proposed for development, in our opinion, will become the legal basis for the organization of quality control of education in departmental universities.

The introduction of updated indicators of the quality of educational activities has also become a significant factor of influence on the higher education system of the FPS of Russia. So, for example, during accreditation or accreditation monitoring, educational organizations of higher education of the Federal Penitentiary Service would receive zero points according to indicators of the average USE score. The current situation encourages higher education organizations to intensify career guidance counseling and interaction with territorial authorities to select candidates for training with higher USE scores. Another accreditation indicator that requires restructuring activities of individual elements of the higher education system and, therefore, has the greatest impact is the proportion of students who have completed 70% or more of the diagnostic work tasks. The fulfillment of this indicator creates the need to organize systematic work on the formation of a complex collection of learning assessment materials that meet criteria of the Ministry of Education and Science of Russia and the Federal Service for Supervision of Education and Science and having students perform control tasks in class.

The need to develop mechanisms for the implementation of these tasks is a new impetus for the development of the higher education system and the construction of internal ties and interactions.

REFERENCES

1. Bezuglova L.P. Education and quality of education: theoretical aspect. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science*, 2014, no. 4, pp. 27–34. (In Russ.).
2. Selezneva N.A. *Kachestvo obrazovaniya kak ob"ekt sistemnogo issledovaniya* [Quality of education as an object of systematic research]. Moscow, 2002. 95 p.
3. Subetto A.I. *Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie, tendentsii, problemy i perspektivy (opyt monitoringa)* [Quality of lifelong education in the Russian Federation: state, trends, problems and prospects (monitoring experience)]. Saint Petersburg, 2016. 498 p.
4. Statueva A.A., Polyakova T.A. Aspects of the concepts "quality of education" and "quality assurance of education". In: Frolov I.V. (Ed.). *Pedagogicheskie chteniya v NNGU: sb. nauch. st. vseros.*

- nauch.-prakt. konf.* [Pedagogical readings at NNGU: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Nizhny Novgorod, 2015. Pp. 150–153. (In Russ.).
5. Korneeva N.Yu., Branovets N.E. The content of concepts “quality of education”, “quality management of education” in the modern stage of education development. In: *Innovatsionnye tendentsii modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative trends in the modernization of pedagogical education in the context of globalization: collection of articles based on the results of the International research and practice conference]. Chelyabinsk, 2021. Pp. 202–204. (In Russ.).
  6. Potashnik M.M. *Kachestvo obrazovaniya: problemy i tekhnologii upravleniya* [Quality of education: problems and management technologies]. Moscow, 2002. 350 p.
  7. Chuprova L.V. Basic approaches to the definition of the concept “quality of education” in the problem field of pedagogy. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, 2014, no. 3, pp. 336–339. (In Russ.).
  8. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. Quality management of higher education: what “quality” means and what “higher education” means? *Upravlenets = Manager*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 2–14. (In Russ.).
  9. Avdashkin A.A., Pass A.A. Approaches to the definition of the concept of “quality of education”. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya = Scientific and Methodological Support for the Assessment of the Quality of Education*, 2018, no. 2 (5), pp. 21–26. (In Russ.).
  10. Barabanova S.V., Peshkova (Belogortseva) Kh.V., Baranov I.V. et al. Commentary to the Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (article by article). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Garant”* [Access from the reference-legal system “Garant”].
  11. Vasil'eva M.E. Problematic issues of licensing educational activities in the Russian Federation. In: *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ch. 2.* [Legal sciences, the rule of law and modern legislation: proceedings of the 6th International research and practice conference: proceedings of the 4th International science and practice conference. Part 2]. Penza, 2019. Pp. 148–151. (In Russ.).
  12. Grechkina O.V., Rubanova N.A. *Litsenzirovaniye obrazovatel'noi deyatel'nosti v sfere vysshego obrazovaniya: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Licensing of educational activities in the field of higher education: theoretical and legal investigation]. Moscow, 2014. 176 p.
  13. Kirillovykh A.A. The concept of licensing control of educational activities. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2021, no. 1, pp. 16–21. (In Russ.).
  14. Lavrov A.S. Licensing of educational activity. *Upravlenie obrazovatel'noi organizatsiei = Management of an Educational Organization*, 2019, no. 3, pp. 13–17. (In Russ.).
  15. Barinova E.B. Preparation of scientific organization to accreditation of curricula for training academic staff. *Sovremennoe obrazovanie = Modern Education*, 2020, no. 1, pp. 22–32. (In Russ.).
  16. Gol'tyapina I.Yu. Legal regulation of state accreditation of educational activities. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, 2022, no. 2 (206), pp. 179–182. (In Russ.).
  17. Svechnikova V.V. Evolution of legal regulation of state accreditation of educational activities in Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2022, no. 4, pp. 34–50. (In Russ.).
  18. Voronov A.M., Kobzar'-Frolova M.N. On the modernization of the essence and purpose of control and supervisory activities. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice Series: Economics and Law*, 2019, no. 8, pp. 99–105. (In Russ.).
  19. Maslennikova E.V., Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. Statistics and sociology of the results of control and supervisory activities. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 90–107. (In Russ.).
  20. Savina A.D., Ponomareva E.A. Evaluating the impact of transition to risk-based regulation in higher education institutions. *Science for Education Today*. 2021, vol. 11, no. 2, pp. 123–153. (In Russ.).
  21. Report on self-examination of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. *Vologodskii institut prava i ekonomiki FSIN Rossii: ofits. sait* [Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service: official website]. Available at: <https://vipe>.

fsin.gov.ru/sveden/document/docs/otchety-o-rezultatakh-samoobsledovaniya.php (In Russ.). (Accessed October 21, 2023).

22. Report on the results of self-examination of activities of the University of the FPS of Russia for 2022. *Universitet FSIN Rossii: ofits. sait* [University of the FPS of Russia: official website]. Available at: <https://spbu.fsin.gov.ru/svedeniy/doc/otchet-o-samoobsledovaniy/otchet-o-samoobsledovaniy-obrazovatelnoy-organizatsii.php> (In Russ.). (Accessed October 23, 2023)

23. Altynikova N.V. Accreditation monitoring in the higher education system. *Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki: ofits. sait* [Federal Service for Supervision of Education and Science: official website]. Available at: <https://obrnadzor.gov.ru/> (In Russ.). (Accessed October 23, 2023).

24. On the direction of methodological recommendations: letter of the Department of State Policy in the Field of Higher Education of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. MN-5/339 of February 28, 2022. *Natsional'noe akkreditatsionnoe agentstvo v sfere obrazovaniya: ofits. sait* [National Accreditation Agency in the field of education: official website]. Available at: <https://nica.ru/ru/docs/4> (In Russ.). (Accessed September 23, 2023).

25. *Ob utverzhdenii dokladov o rezul'tatakh obobshcheniya pravoprimenitel'noi praktiki Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki pri osushchestvlenii vidov federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): prikaz Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki ot 14.03.2023 No. 385* [On approval of reports on the results of generalization of the law enforcement practice of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science in the implementation of types of federal state control (supervision): Order of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science No. 385 of March 14, 2023] (the document was not published).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NATAL'YA V. MOTOROVA – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Received October 26, 2023

Original article

UDC 159.9

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009

Role of Personal Characteristics of Juvenile Delinquents in the Formation of Defects in Legal Socialization

YURII A. SHARANOV

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

ROMAN N. VETRENKO

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Abstract

Introduction: the article presents results of the empirical study conducted in the period from October 2021 to February 2022 with the participation of 167 minors aged 14 to 17 years who committed offenses and (or) crimes. *Purpose:* to identify personal characteristics of juvenile offenders underlying the formation of defects in legal socialization (legal negativism, legal infantilism, legal nihilism, conscious criminal behavior) for further construction of adapted (depending on the form of defectiveness) psycho-correction programs aimed at preventing recommitment of crimes. *Methods:* to solve the tasks, the appropriate methodological tools are selected: Rogers-Diamond Methodology for Diagnosing Socio-Psychological Adaptation, High School Personality Questionnaire by R. Cattell, the Strategic Approach to Coping Scale (SACS) (as adapted by N.V. Vodop'yanova and E.A. Starchenkova), questionnaire "Diagnostics of Value Orientations of Adolescents" by V.F. Sopova and L.V. Karpushina, methodology "Attitude to Law" by S.P. Beznosov. Statistical processing of the empirical study results was carried out using Microsoft Excel 2010 and IBM SPSS Statistics 22. The obtained results were subjected to primary, frequency, and correlation analysis. *Results:* it is established that legal socialization of a person is understood as person's acquirement of lawful ways of behavior, formation of a sense of legal and social responsibility, and solidarity with the norms of law, provided by the transfer of values protected by society and law into the value-normative system of the individual. The highest level of legal socialization is the law-abiding behavior of a person as a result of a stable moral need to follow norms of law. Forms of defectiveness of legal socialization are models of attitude to norms of law, expressed in legal negativism, legal infantilism, legal nihilism, and conscious criminal behavior. Personal characteristics contributing to the formation of

defects in legal socialization of minors are revealed. *Conclusions*: defects of legal socialization in the form of legal skepticism, cynicism, nihilism and infantilism are established in the sphere of legal awareness of juvenile offenders. At the same time, juvenile offenders who reject law are emotionally unstable, communicatively closed, externalized and maladapted. While juvenile offenders with an infantile attitude to law are communicatively open, adapted to the environment, and differ in conformity and accountability.

Key words: legal awareness, legal socialization, minors, criminal behavior, defects of legal socialization, legal nihilism, legal skepticism, legal infantilism.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology

For citation: Sharanov Yu.A., Vetrenko R.N. Role of personal characteristics of juvenile delinquents in the formation of defects in legal socialization. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 419–426. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.009.

Introduction

Effective prevention of delinquent behavior of minors is possible only if the attention of society and the state is focused on the individual as a carrier of the crime causes and an important link in the mechanism of criminal behavior. Identification of the characteristic personality traits inherent in juvenile offenders and contributing to the commission of criminal acts helps choose the most effective methods and technologies of working with them within the framework of individual and group psychological correction.

Considering the state of crime in Russia, we note that at the end of 2021, 29,126 juvenile offenders were identified, which comprised 3.4% of the total number of criminals. The qualitative characteristics of these persons shows that 7,213 minors (24.8%) were repeat offenders, 3,402 (11.7%) committed a crime under the influence of alcohol, 83 (0.3%) – under the influence of drugs, and 13,151 (45.2%) as part of the group. Minors committed 9,055 (28.4%) grave and especially grave crimes [1]. These characteristics of offenders indicate that legal socialization of minors is defective, which contributes to the use of alcohol and narcotic drugs, joining criminal communities, and ignoring socially oriented groups and organizations. Despite the punishment and condemnation of society that followed after the commission of the first crime, minors continued to follow the criminal path. These circumstances determined the relevance of the study of relations between personal characteristics and defects of legal socialization.

The empirical study was aimed at studying personal characteristics of juvenile offenders underlying the formation of defects in legal socialization.

Personal characteristics of juvenile offenders was an object of the research, while communicative, emotional, regulatory properties, coping strategies, adaptation indicators, value orientations and forms of legal awareness of juvenile offenders were its subject.

Theoretical basis of the study

Formation of socialization defects is a phenomenon that requires a multidisciplinary approach to research and as an object of scientific knowledge is developed in the framework of disciplinary areas: pedagogy (K.S. Milevich [2]; R.T. Bakirov [3]), sociology (A.A. Bochkov, A.A. Sukharev [4]; E.B. Rudenskii [5]), criminology (Kh.I. Gadzhiev [6]; V.G. Pichugin [7]), etc.). However, in the framework of the psychological approach, researchers (K.A. Romanenko, A.Yu. Esenova [8]) are focused on its comprehensive analysis in order to build effective and timely psychoprophylactic and psychocorrective work with minors.

Legal socialization of a person is understood as person's acquirement of lawful ways of behavior, formation of a sense of legal and social responsibility, solidarity with the norms of law, provided by the transfer of values protected by society and law into the value-normative system of the individual [9]. The highest level of legal socialization is the law-abiding behavior of a person as a result of a stable moral need to follow norms of law [10]. The function of legal socialization is to integrate an individual into the

legal environment, accompanied with adaptation to established legal norms, self-control of legal behavior, and development of personal activity in the field of law.

A.A. Sukharev emphasizes that legal socialization of minors is also hampered by the blurring of its boundaries caused by the decades-long transformation of social values and attempts of spontaneous expansion of the Western destructive ideology based on the proclamation of consumer society values [11].

In the Decree No. 809 of November 9, 2022 “On the approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”, the President of the Russian Federation Vladimir Putin emphasizes that traditional values are preserved and strengthened, including in the field of education, upbringing and work with the youth. Indeed, the instability of value orientations, as one of the psycho-age characteristics of minors, leads to their vulnerability to the destructive influence of the external environment, and the ideas of consumer society [12] and priorities of the material world broadcast in the media and television contribute to the formation of defects in legal socialization [13].

Defectiveness of legal socialization is accompanied by the assimilation of stereotypes of behavior, knowledge and attitudes in the field of law that distort the legal picture of an individual, contributing to a negative or neutral attitude to compliance with legal norms [14]. Forms of defectiveness of legal socialization are models of attitude to the norms of law, expressed in:

- legal negativism (underestimating the value of law),
- legal infantilism (irresponsible, frivolous attitude to the norms of law),
- legal nihilism (active rejection of legal norms up to public disregard),
- conscious criminal behavior [15].

Z.N. Kalandarishvili considers conscious criminal behavior as its most difficult form to

study – “a form of legal consciousness that is reborn” to such an extent that its bearer becomes a deliberate violator of the law. The scientist is sure that under the influence of the unstable system of ideas about true human values, different forms of defectiveness of in legal socialization can be developed a minor: from negativism to a reborn legal consciousness. It proves the relevance and urgency of developing methods of psychological correction of defects in legal socialization of the individual [6].

Materials and methods

Organization of empirical research. An empirical study of the personality characteristics of juvenile offenders was carried out in the period from October 2021 to February 2022. The study covered 167 male minors aged 14 to 17 years (16.4 ± 1.1 years) who committed various offenses (mainly, petty stealing, theft, mugging), entailing administrative and (or) criminal liability. The research base: a special educational institution of a closed type, a division for juvenile affairs of the Department of Russian Ministry of Internal Affairs in the Slantsevsky District of the Leningrad Oblast.

To solve the tasks, we used the following methodological tools: Rogers-Diamond Methodology for Diagnosing Socio-Psychological Adaptation, High School Personality Questionnaire by R. Cattell, Strategic Approach to Coping Scale (SACS) (as adapted by N.V. Vodop'yanova and E.A. Starchenkova), questionnaire “Diagnostics of Value Orientations of Adolescents” by V.F. Sopova and L.V. Karpushina, methodology “Attitude to Law” by S.P. Beznosov. Statistical processing of the results of the empirical study was carried out using Microsoft Excel 2010 and IBM SPSS Statistics 22. The obtained results were subjected to primary, frequency, and correlation analysis.

Research results and their discussion

Personal characteristics of juvenile offenders. Table 1 presents data of the primary statistics calculated for the study indicators.

Table

Personality characteristics of juvenile offenders

Indicator	M	σ	Indicator	M	σ
1	2	3	4	5	6
Factor A: schizotimia-affectothymia	6.05	1.93	Dominance	22.90	6.83

1	2	3	4	5	6
Factor: emotional stability degree	3.61	1.23	Escapism	13.20	6.59
Factor D: phlegmatism - excitability	5.99	2.01	Assertive actions	19.67	3.94
Factor: passivity - dominance	6.01	1.94	Entering into social contact	22.34	3.43
Factor F: Caution - frivolity	7.27	1.24	Search for social support	23.20	2.79
Factor G: moral norms acceptance degree	4.34	1.18	Cautious actions	22.65	3.59
Factor H: Courage	6.15	1.35	Impulsive actions	22.30	4.16
Factor I: realism - sensitivity	5.63	1.68	Avoidance	16.52	2.95
Factor J: neurasthenia	4.73	1.03	Manipulative actions	19.72	4.36
Factor O: self-confidence – propensity for guilt	5.11	1.07	Antisocial actions	21.07	2.67
Factor Q2: dependence group degree	4.95	1.31	Aggressive actions	21.65	3.53
Factor Q3: self-control degree	4.29	1.31	Legal realism	1.89	0.74
Factor Q4: internal stress degree	5.61	1.63	Legal skepticism	3.71	1.67
Adaptability	81.67	20.64	Legal conformity	2.11	1.01
Maladaptivity	160.93	21.70	Legal cynicism	3.83	1.33
Statement	19.75	8.36	Legal fetishism	1.90	0.77
Self-acceptance	47.39	10.04	Legal infantilism	2.93	1.59
Self-rejection	24.09	6.15	Legal idealism	1.71	0.70
Acceptance of others	23.48	5.39	Legal nihilism	2.86	1.60
Rejection of others	17.37	5.65	Cognition as a value	4.95	1.31
Emotional comfort	14.80	7.87	I am a value	5.97	1.43
Emotional discomfort	26.54	5.38	The other person is a value	4.77	1.67
Internal control	21.27	6.59	Socially useful activities	4.01	1.45
External control	34.07	7.69	Responsibility	3.82	1.64

Communicative properties of juvenile offenders are moderate openness and propensity to establish and maintain interpersonal contacts. When communicating with other people, they are not always critical of their statements and behavior. They are prone to group activities, open to new experiences and are characterized by flexible attitudes. Juvenile offenders are prone to self-affirmation, leadership in personally significant situations. In other

cases, they show less enthusiasm and may be influenced by other people. They are characterized by bold adventurous actions and a careless attitude to social and other norms. They do not always respond to danger signals, and therefore, they can get into an unpleasant situation. They strive for new impressions; in their activities they waste their potential on unnecessary conversations. Juvenile offenders prefer to make decisions and act in a group, love at-

tention, are self-centered and demonstrative. They are full of energy, but lack determination. They are characterized by a high degree of acceptance of group norms and assessments, conformity.

Emotional properties of juvenile delinquents are emotional instability and increased sensitivity to external influence. They are irritable, impulsive, tend to avoid demands of the environment and emotionally excitable. They become easily frustrated and impatient, which manifests itself in the need for immediate problem solution and satisfaction of desires. They tend to self-demonstration, self-confidence, and egocentrism, often feel resentment and jealousy. Juvenile offenders often experience negative feelings in a situation of restrictions and prolonged monotony.

The personality of juvenile offenders is characterized by impulsivity, activity, and frivolity. They are excitable, impatient, and motivated to succeed, as well as adventurous, socially brave, and confident. Liveliness and spontaneity are characteristic of emotional manifestations. Despite their well-developed organizational skills, they tend not to finish what they have started, preferring to switch to another occupation. They are often negligent in their activities, which leads to ignoring dangerous signals. Being artistic, they succeed in creative activity.

Regulatory properties of juvenile delinquents are propensity to avoid responsibility, both in activities and interpersonal relationships, impatience, capriciousness, lack of independence and dependence on the help of others. Juvenile offenders are characterized by a low degree of acceptance of moral norms. Achievement of goals is irregular, rules and requirements are circumvented, the sense of responsibility is low. These young people are selfish and narcissistic. Volitional self-control of juvenile offenders is insufficiently developed, which is reflected in their behavior by impulsivity, inconsistency, propensity to make mistakes, ignoring social requirements.

Characterizing adaptive abilities of juvenile offenders, we should note their insufficient degree of adaptation to the existence in society together with general satisfaction with the specifics of their character and modest desire for

interaction with other people. They tend to have a more positive emotional attitude to reality. It is not typical for them to take responsibility for the events happening to them, on the contrary, they tend to avoid personal responsibility in problematic situations.

Analyzing the data from the study of conscious coping mechanisms of juvenile offenders, we come to the conclusion that their coping strategies are of low constructiveness. The coping strategy "Impulsive actions" is often applied by juvenile offenders. Minors tend to act on the first impulse, under the influence of external circumstances or emotions, without premeditating their actions and weighing all the pros and cons and making the most appropriate and reasonable decisions. The values of antisocial strategies "Aggressive actions" and "Antisocial actions" are located above normative ones. They manifest themselves in actions directed at other people, negative feelings during failures and conflicts with other people, blaming others for something, anger, irritation, internal tension, frustration and dissatisfaction. Hostility, distrust, destruction of social ties, egocentrism and the desire to be right in everything are characteristic of this strategy. Besides, juvenile offenders also use an active strategy for overcoming stressful situations "Assertive actions", prosocial strategies "Entering into social contact" and "Seeking social support", passive strategies "Cautious actions" and "Avoidance", and an indirect strategy "Manipulative actions". Thus, among the possibilities of conscious coping with stress, juvenile offenders most often choose strategies of impulsive, antisocial and aggressive actions. These strategies cannot be considered adequate, on the contrary, they can aggravate the conflict situation and make it difficult to solve the problem.

As for the value sphere of juvenile delinquents, they refuse engaging in new types of activities and solving cognitive tasks, as well as denying their responsibility for their own behavior, actions, and problems in relationships with others. Juvenile offenders are characterized by positive self-perception and interest in ways of self-expression. They can demonstrate earnestness in relation to other people, though experiencing difficulties in assuming these

people's individuality. The value of the indicator showing the desire to do good to society is at the lower limit of the normative range. Juvenile offenders are dependent on encouragement and support and are not inclined to show initiative and creativity.

The study of legal consciousness of juvenile offenders reveals the presence of defects in the forms of its manifestation: infantilism (47%), nihilism (60%), skepticism (35%), and cynicism (38%). At the same time, legal realism is characteristic of only 20% of the juvenile offenders. The data obtained indicate the presence of defects in legal socialization of the surveyed, which, in our opinion, requires psychocorrective intervention.

At the next stage of the study, we established significant correlations between indicators of personal characteristics of juvenile offenders and various forms of defects in legal consciousness (Spearman correlation coefficient). Legal skepticism and legal cynicism of juvenile offenders is significantly associated with their communicative closeness ($r=0.52$, $p\leq 0.01$), desire to dominate communication ($r=0.47$, $p\leq 0.01$), impulsivity ($r=0.42$, $p\leq 0.01$), excitability ($r=0.42$, $p\leq 0.01$), inclination to adventurous acts ($r=0.39$, $p\leq 0.01$), laziness ($r=0.33$, $p\leq 0.01$), and low moral normativity ($r=0.29$, $p\leq 0.01$).

Minors who are skeptical of legal norms are maladapted, prone to rejection of others, emotional discomfort, and external locus of control ($r=0.42$, $p\leq 0.01$).

When coping with stress, they mainly use maladaptive strategies of avoidance, antisocial and aggressive actions ($r=0.34$, $p\leq 0.01$). Legal skepticism is significantly associated with a low value of a responsible attitude to business and a lack of respect for others, as well as a lack of the ability to communicate kindly and constructively with them ($r=0.29$, $p\leq 0.01$).

Legal infantilism of juvenile offenders is significantly associated with their communicative openness ($r=0.41$, $p\leq 0.01$), phlegmatism ($r=0.37$, $p\leq 0.01$), compliance and obsession in behavior ($r=0.36$, $p\leq 0.01$), frivolity ($r=0.34$, $p\leq 0.01$), dependence on others ($r=0.33$, $p\leq 0.01$), and laziness ($r=0.29$, $p\leq 0.01$). Minors

who show infantilism in relation to legal norms are well adapted, tend to accept others, and experience emotional comfort ($r=0.47$, $p\leq 0.01$). Legal infantilism is significantly connected with a minor's positive attitude towards him/herself ($r=0.52$, $p\leq 0.01$).

Legal nihilism of juvenile offenders is significantly associated with their communicative closeness ($r=0.46$, $p\leq 0.01$), emotional lability, excitability, overactivity, impulsivity ($r=0.37$, $p\leq 0.01$), and low moral normativity ($r=0.29$, $p\leq 0.01$). Minors showing nihilism are maladapted ($r=0.31$, $p\leq 0.01$), prone to self-acceptance while rejecting others ($r=0.31$, $p\leq 0.01$), emotional discomfort ($r=0.29$, $p\leq 0.01$), external locus control ($r=0.28$, $p\leq 0.01$) and nonconformism ($r=0.28$, $p\leq 0.01$). When coping with stress, a non-adaptive strategy of aggressive actions is mainly used ($r=0.29$, $p\leq 0.05$). Legal nihilism is significantly associated with an irresponsible attitude to business, unwillingness to engage in socially useful activities, a lack of respect for others, and a lack of ability to communicate kindly and constructively with them ($r=0.43$, $p\leq 0.01$).

Conclusions

Thus, the empirical study of personal characteristics of juvenile offenders reveals their emotional lability, impulsivity, excitability, low normativity of behavior combined with a lack of self-control and externality. Communicative programs require psychocorrective interference, as well as coping strategies, which manifest themselves as unconstructive aggressive, antisocial and impulsive behavior.

In the sphere of legal awareness of juvenile offenders, defects of legal socialization in the form of legal skepticism, cynicism, nihilism and infantilism are established. At the same time, juvenile offenders who reject the law are emotionally unstable, communicatively closed, externalized and maladapted. While juvenile offenders who demonstrate an infantile relation to the law, are communicatively open, adapted to the environment, differ in conformity and accountability.

The conducted research makes it possible to expand existing ideas about the role of personal characteristics in the formation of defects in legal socialization of juvenile offenders.

The revealed characteristics contribute to the development of psychocorrection programs adapted depending on the form of legal socialization defects, which, in our opinion, will be an effective means of preventing further offenses by minors.

Prospects

The results obtained will form the basis for the development and testing of psychocorrection programs, taking into account the form of defectiveness of legal socialization of juvenile offenders.

REFERENCES

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *MVD Rossii: ofitsial'nyi sait* [Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (In Russ.). (Accessed March 10, 2023).
2. Milevich K.S. On the issue of the prevention of defects in professional socialization of high school students. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii = Problems and Prospects of Education Development in Russia*, 2011, no. 7, pp. 75–80. (In Russ.).
3. Bakirov R.T. Organized crime among young people as a defect of socialization in the educational process. In: *Mukhametzyanova F.Sh. (Ed.). Sovremennoe professional'noe obrazovanie: problemy, prognozy, resheniya: sb. dokl. mezhdunar.i nauch.-prakt. zaoch.konf. (Kazan, 16 maya 2016 g.)* [Modern professional education: problems, forecasts, solutions: proceedings of the International research and practice correspondence conference (Kazan, May 16, 2016)]. Kazan, 2016. Pp. 201–204. (In Russ.).
4. Bochkov A.A. Defects of legal socialization of juvenile delinquents. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova = Scientific Notes of the Vitebsk State University named after P.M. Masherov*, 2009, vol. 8, pp. 50–62. (In Russ.).
5. Rudenskii E.V. *Defekt sotsializatsii lichnosti kak bazovaya kategoriya viktimologii obrazovaniya: monogr.* [The defect of socialization of personality as a basic category of victimology of education: monograph]. Novosibirsk, 2004. 119 p.
6. Gadzhieva Kh.I. Criminogenicity of defects in legal socialization of adolescents at school. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2015, no. 5 (84), pp. 260–261. (In Russ.).
7. Pichugin V.G. The phenomenon of marginal personality in the social environment. *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii = International Journal of Medicine and Psychology*, 2022, vol. 5, no. 3, pp. 76–81. (In Russ.).
8. Romanenko K.A. Psychological aspects of defects in legal socialization of personality. In: Shpyrko O.A., Khapayev V.V., Rubtsova S.I. (Eds.) *Lomonosov-2019: materialy XXVI mezhdunar. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchennykh "Lomonosov-2019", (Sevastopol', 3–5 aprelya 2019 goda)* [Lomonosov-2019: proceedings of the 26th International scientific conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2019" (Sevastopol, 3–5 April, 2019)]. Sevastopol, 2019. Pp. 169–171. (In Russ.).
9. Borisova S.E. Legal socialization of personality. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 5–15. (In Russ.).
10. Usimova I.P. *Pravovaya sotsializatsiya lichnosti: diss. ...kand. yurid. nauk* [Legal socialization of personality: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 208 p.
11. Sukharev A.A. Psychological aspects of the study of the problems of legal socialization. In: Bochkov A.A. (Ed.). *Problemy formirovaniya pravovoi kul'tury molodezhi na sovremennom etape: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vitebsk, 24–25 aprelya 2009 g.)* [Problems of the formation of legal culture of youth at the present stage: proceedings of the International scientific and practical conference, Vitebsk, April 24–25, 2009]. Vitebsk, 2009. Pp. 251–252. (In Russ.).
12. Zlokazov K.V., Il'yankova E.I. The role of personality traits in the representation of regulated social space by adolescents. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2020, no. 3, pp. 81–90. (In Russ.).
13. Zlokazov K.V., Il'yankova E.I., Rozhkov A.A. The impact of the representation of social space on the perception of crime by juvenile. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 15–26. (In Russ.).
14. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii* [Legal psychology. With the basics of general and social psychology]. Moscow, 2010. 639 p.

15. Il'yankova E.I., Morozov A.V. The influence of personality characteristics of juvenile delinquents on ideas about their own future. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 4 (239), pp. 55–62. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

YURII A. SHARANOV – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, niospba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

ROMAN N. VETRENKO – Adjunct at the Department of Legal Psychology of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, romario-vet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-4554>

Received August 4, 2023

Original article

UDK 159.9:343.8

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010

Describing Manifestation of Aggressive Behavior of Male Convicts of Various Social Status

IRINA V. CHEREMISOVA

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

YULIYA I. FESHCHUK

Correctional Facility No. 6 of the Directorate of the FPS of Russia in the Ryazan Oblast, Sten'kino, Ryazan Oblast, Russia, tvi19762010@mail.ru

Abstract

Introduction: the article presents an empirical study of the relationship between manifestations of aggressive behavior of male convicts and their social status in a correctional institution. *Purpose:* to identify typical features of manifestations of aggressive behavior of convicts with different social status for the development of a psychocorrection program taking into account these features. *Methods:* the study used methods of theoretical, theoretical and applied qualitative analysis, generalization; analysis of personal files of convicts; questionnaire survey; a survey of expert employees to obtain information about the social status of respondents, their relationships with other convicts and the administration of the institution. A complex of psychodiagnostic techniques was used to diagnose aggressive behavior of convicts of various social status. *Results:* having analyzed personal cases, the questionnaire survey of convicts and points of view of experts – employees of the institution, the authors singled out five groups of convicts. The respondents included in a certain group had similar individual psychological characteristics. The diagnostic study results show typological features of behavior of male convicts of various social status in a correctional institution. *Conclusion:* aggressive behavior of convicts in places of deprivation of liberty manifests itself in physical, emotional, objective, verbal aggression and self-aggression. The developed psycho-diagnostic complex for the study of aggressive behavior of male convicts can be used by penitentiary psychologists. Further research can be directed to the study of the specifics of the diagnosis and correction of aggressive behavior of convicts, depending on the penitentiary status, gender, and age.

Keywords: aggressive behavior of convicts; male convicts; social status of convicts; diagnosis of aggressive behavior; typological features of behavior; psychological characteristics of convicts; aggression types.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Cheremisova I.V., Feshchuk Yu.I. Describing manifestation of aggressive behavior of male convicts of various social status. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 427–435. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.010.

Introduction

In conditions of isolation in places of deprivation of liberty, convicts' negative feelings and experiences can transform into aggressive behavior [1–3]. Against the background of a low level of adaptation to new conditions, the most acceptable form for self-defense is aggressive behavior, which is focused on harming another person and which is often a consequence of social learning [4; 5]. In this regard, one of the main goals of the Concept for the Development of the Penal System in the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021, is the improvement of educational, psychological and social work aimed at correcting convicts, taking into account their individual psychological characteristics.

The study of aggressive behavior of convicts depending on their social status is an important direction in the activities of penitentiary psychologists focused on correction of convicts, which contributes to their successful re-socialization after release and prevention of destructive changes and recidivism of crime [2; 6–11].

Subjects of aggressive behavior in places of deprivation of liberty are convicts who are under stress and have post-traumatic syndrome from falling into isolation conditions; convicts with psychopathic abnormalities; drug or alcohol-addicted convicts; convicts with high and medium levels of criminal infection [3; 6; 7; 11–14].

Diagnosis and correction of aggressive behavior in convicts is based on a comprehensive study of individual psychological characteristics, taking into account the social status and characteristics of the stage of serving a sentence, which contributes to improving the effectiveness of corrective action [2; 7; 10; 15; 16].

Researchers propose various typologies of the social status of convicts [6; 13; 17]. Our research is based on the typology of convicts depending on their social status in a correctional institution and the nature of interpersonal relations developed by A.P. Evgrafov. It includes the following groups: activist group; convicts who have embarked on the path of correction and support the activist group, but behave passively; convicts with unstable behavior who

can violate regime requirements; convicts who systematically violate discipline and do not respond to educational influence; timeservers who, for the purpose of early release, behave and even participate in public life; religious fanatics [17, p. 275].

The purpose of the study is to identify features of aggressive behavior of convicts of various social status in order to develop a psychocorrection program taking into account these features.

In accordance with the purpose, the following research tasks were put forward: to analyze current approaches to the study of aggressive behavior in foreign and domestic psychology, to study various forms of convicts' aggressive behavior in penitentiary psychology; to develop and test a diagnostic complex for the study of aggressive behavior of convicts, taking into account their social status in a correctional institution; to highlight groups of male convicts depending on their social status in a correctional institution; to make a psychological characteristic of each group and describe features of aggressive behavior for each group of convicts.

Research hypothesis: manifestations of aggressive behavior of male convicts have typological features due to social status, which should be taken into account when developing a psychological program for correcting aggressive behavior.

The study was conducted as part of the final qualifying work by Yuliya I. Feshchuk under scientific supervision of Irina V. Cheremisova.

Materials and methods

The study covered 82 male convicts of the medical treatment and preventive care facility of the Federal Penitentiary Service No. 2 in the Ryazan Oblast.

To solve the tasks, we used the following methods: analysis of personal files of convicts (to identify characteristics of convicts' behavior in the period of the crime commission, the degree of guilt and nature of the crime committed were taken into account; to study convicts' behavior in the pre-trial detention center; results of the forensic psychiatric examination conducted during investigation, medical reports of psychiatrists and narcologists and social characteristics from the place of work/study and from neighbors were considered); questionnaire survey (to study the attitude towards

the institution administration, other convicts, the regime of serving a criminal sentence and the measure of criminal punishment imposed by the court); survey of expert employees to obtain information about the social status of respondents, their relationships with other convicts and the facility administration.

To diagnose the readiness of convicts of various social status for aggressive behavior, we applied a set of psychodiagnostic techniques, such as "Hostility Inventory" (A. Buss, A. Durkee), "Hostility Test" (L.G. Pochebut), "Personal Aggressiveness and Conflict" (E.P. Il'in, P.A. Kovalev), "Assessment of Aggressivity in Relationships" (A. Assinger).

Mathematical processing of the obtained psychodiagnostic data was carried out on the basis of a comparative analysis of indicators with the help of methods of mathematical statistics using Fisher criterion, Spearman rank correlation criterion, and Wilcoxon signed-rank test. Mathematical and statistical data processing was conducted with the help of the STATISTICA 17.0.1 program.

Results and discussion

Based on the analysis of personal files of convicts and data of the questionnaire survey, we drew up a socio-demographic characteristic, summarizing information about the specifics of convicts' behavior in the process of their socialization.

So, the average age of convicts is 27 years; most of them (77%) have secondary education (incomplete secondary – 42.1%, secondary – 34.9%), only a small part of convicts (5.8%) – higher education; most of them are convicted for the first time (64.4%); almost half of the respondents (48.3%) have relatives; before the conviction, 37.5% of the convicts were previously registered with the penal enforcement inspections, some of whom (17.2%) were sentenced to suspended sentences, correctional labor or restriction of liberty (as persons under 18 years of age); almost half of the convicts (44.1%) were registered with the narcological dispensary (they were admitted there in a state of acute narcotic drug intoxication (cannabinoids, opium); more than half of the convicts (66.2%) are not officially married, 33.6% are married; 66.4% of the convicts stayed less than 5 and 10.9% over 10 years at the medical treatment and preventive care facility of the Federal

Penitentiary Service No. 2 in the Ryazan Oblast.

Thus, the results of the analysis of personal files of convicts shows that the factors influencing the formation and predisposition to aggressive behavior in convicts are the presence of criminal experience and the effect of psychoactive substances.

Having considered disciplinary practice and survey of expert employees in relation to convicts (based on the typology of A.P. Evgrafov), we identified groups of convicts depending on their social status in a correctional institution: 1) convicts of a negative orientation (44.8%); 2) convicts who systematically violate discipline, do not respond to educational influence (34.6%); 3) convicts characterized by unstable behavior who violate regime requirements (12.9%); 4) timeservers who, for the purpose of early release, behave and even participate in public life; religious fanatics (5.4%); 5) convicts who have embarked on the path of correction (2.3%).

Hence, in most cases convicts of the first (29.3%) and second groups (14.5%) violate discipline in the institution. It is important to note that this category is on preventive registration as prone to systematic violation of internal regulations, which is confirmed by information from the hardware and software solution of the automated filing system of the special contingent (HSS AFSSC).

Based on the questionnaire data, information was obtained reflecting the attitude of convicts to the institution administration, other convicts, as well as the regime of serving and the measure of criminal punishment imposed by the court. The analysis of the responses shows that slightly more than half of the convicts (56.2%) have a positive attitude to the regime of serving sentences, conditions in the correctional institution and the administration; a significant part of the convicts (74.9%) have positive relationships with other convicts and the administration. However, some convicts (25.1%) indicate conflicting relationships with other convicts or the administration because of stress, irritation or "nagging" of the administration.

Having considered the questionnaire survey results and criminal-legal characteristics, we compiled a preliminary psychological portrait of the convicts, depending on their social status in the institution. Thus, the first group is charac-

terized by a high percentage of discipline violations, which, in their opinion, is due to excessive demands of the administration. 47% of the convicts in this group are transferred from correctional facilities for medical treatment. They serve criminal sentences for the commission of crimes against life and health or terrorism and extremism-related crimes. Convicts of the second group periodically violate regime requirements to demonstrate disagreement with any actions of the administration; they serve criminal sentences under articles for crimes against life and health. Convicts of the third group regularly violate discipline due to conflicts with administration or accumulated nervous irritation; they serve criminal sentences under articles for property crimes, crimes against public health and public morality or crimes against life and health. Convicts of the fourth group are characterized by the desire to build positive relationships with the administration, however, as the convicts themselves note, due to nervous tension or irritability caused by being in isolation conditions, they violate discipline; they serve criminal sentences for crimes against life and health or against health of the population and public morality. Convicts of the fifth group are characterized by a small number of violations and the desire to build conflict-free relationships with other convicts; there are criminal penalties under articles for crimes against public health and public morality or property crimes.

1. The "Hostility Inventory" by A. Buss and A. Durkee was used to assess the severity of aggressive and hostile actions of each group of convicts. The analysis conducted shows that convicts, depending on their social status, are characterized by various forms of hostility.

Thus, the first group of convicts is characterized by physical, indirect, verbal manifestation of aggression. The statistical significance of differences ($p \geq 0.005$) between the scales "irritation" and "verbal aggression"; "suspicion", "indirect aggression" and "guilt" is found out. The analysis of correlation between the scales "irritation" and "verbal aggression" shows that convicts of this group tend to express negative feelings through the content of verbal responses in raised tones, which illustrates a high degree of predisposition to aggressive behavior. The analyzed correlation between the scales "suspicion", "indirect aggression" and "guilt"

demonstrates convicts' conviction in possible harm on the part of other people. They are ready to demonstrate their strength in the form of indirect aggression as aggression directed at another object, which is combined with a low degree of guilt and pity towards the object of aggression.

Physical and verbal aggression is characteristic of convicts of the second group. The statistical significance of the differences ($p \geq 0.005$) is revealed between the scales of "physical aggression", "suspicion" and "resentment", which proves convicts' predisposition to the use of physical force.

Convicts of the third group may also show physical aggression, as proved by the statistical significance of the differences ($p \geq 0.01$) between the scales "physical aggression", "resentment" and "guilt". However, afterwards they feel pity towards an object of aggression and remorse.

Verbal expression of aggression prevails among convicts of the fourth group. The revealed statistical significance of differences ($p \geq 0.01$) between the scales "irritability", "resentment" and "verbal aggression" demonstrates a predisposition to express negative feelings provoked by envy through verbal responses in raised tones as a result of causing imaginary or real harm. However, it is worth mentioning that high values on the "guilt" scale indicate remorse after verbal aggression.

Convicts of the fifth group are characterized by indirect expression of hostility, which manifests itself in the form of non-directional aggression. The statistical significance of the differences ($p \geq 0.01$) between the scales of "indirect aggression" and "guilt" indicates a low degree of predisposition to aggressive behavior in the indirect expression of aggression, however, when it is implemented, convicts tend to feel remorse and pity for an object of aggression.

Having applied the "Hostility Inventory" by A. Buss, A. Durkee, we found out that convicts of the first group were characterized by a high degree of predisposition to aggressive behavior, those of the second, third, and fourth group – by an average degree, and convicts of the fifth group – by a low degree.

In this regard, there are common characteristics for each of the identified groups: the first

and second groups of convicts are characterized by a high level of resentment, and the third and fourth – by an average level of irritability

and a low degree of indirect aggression. Also, convicts of the fourth and fifth groups have a low level of verbal aggression (Figure 1).

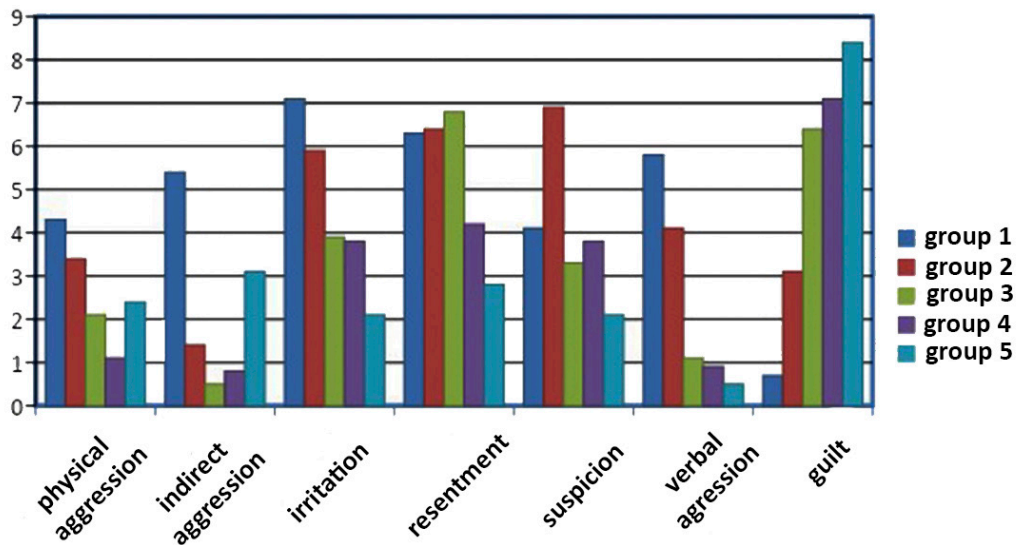

Figure 1. Average value of indicators on the scales of the "Hostility Inventory" (A. Buss, A. Durkee)

Note: group 1 – convicts of a negative orientation; group 2 – convicts who systematically violate discipline, do not respond to educational influence; group 3 – convicts characterized by unstable behavior who violate regime requirements; group 4 – timeservers who, for the purpose of early release, behave and even participate in public life; religious fanatics; group 5 – convicts who have embarked on the path of correction.

2. The "Hostility Test" (L. G. Pochebut) was applied to assess the degree of aggressiveness and adaptive capacities of the individual. So, certain variants of aggression expression are characteristic of each group of convicts, depending on their social status, which affects their adaptive potential.

Thus, convicts of the first group of show a high level of physical, objective and emotional aggression, which is expressed in the use of physical force against another person or object on the basis of formed emotional alienation from other people, accompanied by the perception of hostility and ill-will of others. Thus, hostility is as an acceptable way for them to adapt to a social environment, which is based on self-defense against adverse environmental factors.

Convicts of the second group has an average degree of focused, verbal and emotional aggression, which manifests itself in insults towards the offender, but physical actions are directed at surrounding objects.

Convicts of the third group are characterized by objective aggression and self-aggression. When being aggressive, they demonstrate re-

morse and self-accusation, thus increasing nervous tension. In turn, unstable convicts are capable of verbal expression of aggression, which reduces nervous tension.

Convicts of the fourth group are characterized by verbal and emotional aggression, which manifests itself in the form of verbal insults to the offender.

Convicts of the fifth group are characterized by emotional aggression and self-aggression, weakened mechanisms of psychological defenses, emotional alienation, and self-blame, which leads to decreased adaptation to conditions in the institution in a stressful or frustrating situation. Thus, they may passively support actions of active convicts.

In this regard, there are common characteristics for each of the selected groups: the first, third and fifth groups of convicts have an average level of severity of objective aggression, the fourth and fifth convicts have a low level of physical aggression. However, the first and fourth groups are characterized by a high level of emotional aggression; a high level of self-aggression is characteristic of convicts of the fourth and fifth groups (Figure 2).

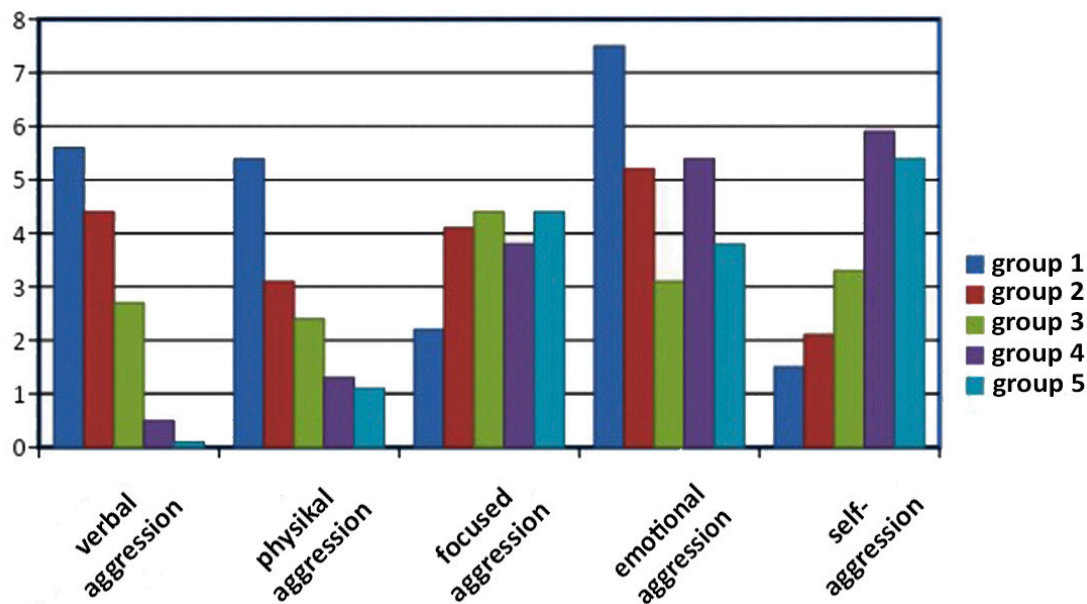

Figure 2. Average values of indicators on the scales of the "Hostility Test" (L.G. Pochebut)

Note: group 1 – convicts of a negative orientation; group 2 – convicts who systematically violate discipline, do not respond to educational influence; group 3 – convicts characterized by unstable behavior who violate regime requirements; group 4 – timeservers who, for the purpose of early release, behave and even participate in public life; religious fanatics; group 5 – convicts who have embarked on the path of correction.

3. To establish proneness to conflict and aggressiveness, we applied the method "Personal Aggressiveness and Conflict" developed by E.P. Il'in and P.A. Kovalev. So, convicts of the first group are characterized by quick temper, resentment, intransigence and intolerance; those of the second group – by resentment, quick temper and vindictiveness; the third group – by intolerance and quick temper; the fourth group – by quick temper, resentment, assertiveness, and obstinacy; and the fifth group – by suspicion and resentment.

Thus, convicts of the first group are conflictive and aggressive, their actions or verbal expressions bring discomfort to other people. The statistical significance of the differences ($p \geq 0.01$) between the scales "quick temper", "resentment" and "uncompromising attitude" indicates the commission of impulsive actions against the background of nervous tension triggered by other convicts' disagreement with views and actions of this category of convicts.

Convicts of the second group are characterized by proneness to conflict, which is expressed in high provocation of conflict situations and easy involvement in them. The revealed statistical significance of the differences

($p \geq 0.005$) between the scales "resentment", "quick temper" and "vindictiveness" demonstrates the desire to resolve the conflict situation in all possible ways in order to punish the offender.

Convicts of the third group have an average degree of proneness to conflict, they easily get involved in conflict situations, but do not spark them.

Convicts of the fourth group are characterized by positive aggression, which serves as a tool for achieving the desired goal (obtaining parole), which is combined with a low degree of proneness to conflict. The statistical significance of the differences ($p \geq 0.005$) between the scales of "assertiveness", "quick temper" and "obstinacy" shows convicts' reorientation of aggression into a socially desirable form of behavior (compliance with requirements of the administration and internal regulations, participation in various events), as well as the desire to cede and not to defend their point of view if others disagree with it.

Convicts of the fifth group have a low degree of aggressiveness and proneness to conflict, they do not want to participate in conflict situations and express aggression.

The analysis of the results using the method “Personal Aggressiveness and Conflict” (E.P. Il'in, P.A. Kovalev) shows that convicts of the first group are characterized by negative aggressiveness and proneness to conflict; the second group – by increased proneness to conflict; the third group – by an average degree of proneness to conflict; the fourth group – by positive aggressiveness; the fifth group – by

the desire to avoid conflicts and a low degree of aggressiveness.

In addition, we especially note high rates of quick temper of convicts of the first, the second and third groups; assertiveness of the fourth group; resentment of the first and second groups; vindictiveness of the second group; intolerance of the first group; and suspicion of the fifth group (Figure 3).

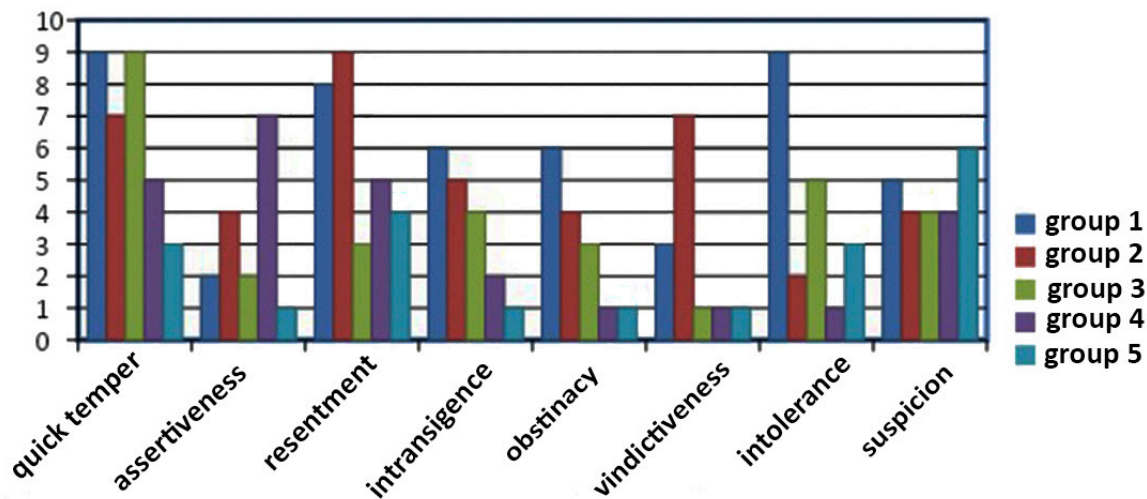

Figure 3. Average values of indicators on the scales of the “Personal Aggressiveness and Conflict” method (E.P. Il'in, P.A. Kovalev)

Note: group 1 – convicts of a negative orientation; group 2 – convicts who systematically violate discipline, do not respond to educational influence; group 3 – convicts characterized by unstable behavior who violate regime requirements; group 4 – timeservers who, for the purpose of early release, behave and even participate in public life; religious fanatics; group 5 – convicts who have embarked on the path of correction.

4. The analysis of the results according to the method “Assessment of Aggressivity in Relationships” by A. Assinger reveals that the first and second groups of convicts are characterized by a high degree of aggressiveness, expressed in instability and cruelty towards other people. The indicators of the fifth group of convicts correspond to a low degree of aggressiveness, their peaceful attitude is based on self-doubt. The average degree of aggressiveness is characteristic of the third and fourth groups of convicts.

What is more, it is found out that aggressive behavior of surveyed is characterized by quick temper, suspiciousness or suspicion, which is

combined with intolerance and depends on the level of conflict.

Conclusion

The results of the theoretical and experimental study of the specifics of manifestation of aggressive behavior of convicts, depending on their social status, allow us to draw the following conclusions.

Aggressive behavior of convicts in places of deprivation of liberty is realized in the forms of emotional, objective, physical, verbal aggression and self-aggression. Manifestations of aggressive behavior of male convicts have typological features depending on their social status in a correctional institution.

REFERENCES

1. Arapova A.S. Concerning to the problem of the convicted psychoprophylaxis of stay in a remand prison. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 10, pp. 5–8. (In Russ.).
2. Ermakova V.G., Aksenova P.Yu. Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts during long periods of imprisonment. *NovalInfo.Ru*, 2019, no. 104–1, pp. 125–126. (In Russ.).
3. Marfel E.I. Features of aggressive behavior of convicted men who are malicious violators of the conditions of serving punishment. In: *Nauka glazami molodezhi: problemy i perspektivy: sb. nauch. st.* [Science through the eyes of youth: problems and prospects: collection of scientific articles]. Vologda, 2019. Pp. 141–146. (In Russ.).
4. Gnidin O.P. *Psikhologicheskie osobennosti agressivnosti i ee profilaktika u sub"ektov iz razlichnykh sotsial'nykh sred: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Psychological features of aggressiveness and its prevention among subjects from various social environments: Candidate of Science (Psychology) dissertation]. Stavropol, 2008. 271 p.
5. Mikhailov A.N., Saraeva E.V., Sokolova A.O. Vzaimosvyaz' agressivnosti i samoregulyatsii u osuzhdennykh. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 1–6. (In Russ.).
6. Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tsev E.A. Features of the dynamics of the social status of convicts with personality disorders in the process of serving criminal sentences in places of deprivation of liberty. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal = Tyumen Medical Journal*, 2011, no. 1, pp. 5–8. (In Russ.).
7. Nedyalkova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).
8. Sysoev A.M. *Psikhologiya autoagressivnogo povedeniya osuzhdennykh i ego preduprezhdenie: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Psychology of self-aggressive behavior of convicts and its prevention: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2002. 192 p.
9. Fedotova S.V. *Vospriyatie sotsial'nogo statusa lichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Perception of the social status of an individual in modern Russian society: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2016. 370 p.
10. Shtefan E.F. *Psikhokorreksiya agressivnogo povedeniya osuzhdennykh muzhskogo pola pri dlitel'nykh srokakh otbyvaniya nakazaniya: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts during long periods of serving sentences: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2008. 194 p.
11. Shcherbakha S.A. *Vliyaniye agressivnosti lichnosti na ee otnosheniye k pravonarusheniyam: dis. ... kand. psikholog. nauk* [The influence of aggressiveness of a person on her attitude to offenses: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Sochi, 2003. 150 s.
12. Bulatchik E. P. *Osobennosti agressivnykh lits, sovershivshikh ubiystvo: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Features of aggressive persons who have committed murder: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 205 p.
13. Kadyrova E.Z. *Kliniko-psikhologicheskie osobennosti krimi-nal'noi agressii v strukture psikhopatopodobnogo izmeneniya lichnosti u osuzhdennykh muzhchin vsledstvie alkogol'noi i narkoticheskoi zavisimosti: dis. ... kand. med. nauk* [Clinical and psychological features of criminal aggression in the structure of psychopathic personality changes in convicted men due to alcohol and drug addiction: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ufa, 2000. 201 p.
14. Tevosyan N.R. *Samosoznanie lits, sklonnykh k instrumental'noi agressii: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Self-consciousness of persons prone to instrumental aggression: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2011. 211 p.
15. Mikhailova O.B., Safi S.M., Sheptura A.V. Aggressiveness of personality: basic approaches and prospects in the study. *Mir nauki = The world of Science*, 2017, vol. 5, no. 6, pp. 1–7. (In Russ.).
16. Pozdnyakov V.M. et al. *Penitentsiarnaya psikhologiya: psikhologicheskaya rabota s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazaniye v vide lisheniya svobody: ucheb. posobie dlya vuzov* [Penitentiary psychology: psychological work with convicts serving a sentence of imprisonment: textbook for universities]. Ed. by Pozdnyakov V.M. Moscow, 2023. 222 p.

17. Ushatikov A.I., Kazak B.B. *Osnovy penitentsiarnoi psikhologii: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii M-va yustitsii Ros. Federatsii* [Fundamentals of penitentiary psychology: textbook]. Ryazan, 2001. 536 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

IRINA V. CHEREMISOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1085-3715>

YULIYA I. FESHCHUK – Senior Inspector at the Group of Social Protection and Labor Support of Convicts of the Correctional Facility No. 6 of the Directorate of the FPS of Russia in the Ryazan Oblast, Sten'kino, Ryazan Oblast, Russia, tvi19762010@mail.ru

Received August 8, 2023

Original article

UDC 378.046.2

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011

Informal Learning of Novice Teachers of Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service as a Factor in the Development of Their Teaching Competencies

NATAL'YA S. ALEKSANDROVA

Vyatka State University, Kirov, Russia, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

LIYA V. FALEEVA

The Kirov IPKR of the FPS of Russia, Kirov, Russia, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of informal learning in the context of development of teaching competencies of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service for their professional self-realization and pedagogical self-development. *Purpose:* to show the importance and identify capacities of informal learning to develop teaching competencies of novice teachers. *Methods:* theoretical analysis of literature, methods of comparison, classification, and generalization. *Results:* not only formal, but also informal education takes place throughout life. Informal learning guarantees the right of access to education for all novice teachers, is designed for any age and does not imply a continuous education structure. Novice teachers of universities of the Federal Penitentiary Service, who have legal or other, but not pedagogical education, have certain difficulties in teaching employees who have experience working in a departmental structure. The development of teaching competencies of novice teachers can be considered as the acquisition of new pedagogical skills and practical experience in the process of informal learning in the workplace, communication with more experienced colleagues, mentors, and managers. *Conclusions:* informal learning of novice teachers contributes to the formation of a professional attitude to pedagogical activity, increases self-assessment, improves awareness of pedagogical behavior and the specifics of students' behavior. In addition, in order to facilitate informal learning of novice teachers, it is important to provide both personal (self-awareness and desire to learn) and organizational contexts. Informal learning of novice teachers can improve teaching competencies.

Keywords: lifelong learning; informal learning; formal learning; novice teachers; teaching competencies; adult education.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Aleksandrova N.S., Faleeva L.V. Informal learning of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service as a factor in the development of their teaching competencies. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 436–441. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.011.

Introduction

In recent years, the scientific community has been rethinking the value of lifelong learning. This trend is taken into account all over the world when developing educational policies and mechanisms for its implementation. Lifelong learning is described in UNESCO resolutions as purposeful educational activities carried out on an ongoing basis with the aim of improving knowledge, skills and competencies. This is no longer just one of the aspects of education and training; it should become a guiding principle for ensuring and participating in the entire continuum of learning contexts. Therefore, lifelong learning includes informal learning acquired on the basis of experience and, therefore, runs through the professional career of a novice teacher [1; 2, p. 5].

When developing teaching competencies of novice teachers of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service (FPS of Russia) for self-realization and pedagogical self-development, informal education has undoubted capacities.

Features of informal learning

Informal learning is considered additional, alternative to formal as part of the lifelong learning process [3]. Informal learning guarantees the right of access to education for all novice teachers, is designed for teachers of all ages and does not imply a continuous education structure: it can be short, low-intensity and is usually conducted in the form of short courses, workshops or seminars at the workplace [4]. Informal learning of novice teachers mainly leads to obtaining qualifications that are not recognized by the relevant state educational authorities as equivalent to formal qualifications, but there are no special courses for acquiring teaching competencies. It is

no coincidence that novice teachers of higher education institutions of the FPS of Russia, who have legal or other, but not pedagogical education, have certain difficulties in teaching employees who have experience in departmental structures.

To begin with, within the framework of the problem state, it is important to define a “novice teacher”. Age limits can be unlimited: this may be a middle-aged man who has recently been transferred from penal system bodies and started his/her teaching career, or recently graduated from the university. For some researchers, novice teachers are those who have been teaching in higher education institutions for less than four years, while others extend this period to 5–7 years. In our opinion, novice teachers are those having teaching experience in a departmental university of up to 7 years.

Professional competencies of a teacher

To organize informal learning and identify its key constructs, it is also important to understand what teaching competencies need to be formed in novice teachers of departmental universities of the FPS of Russia.

Traditionally, the professional profile of the teaching staff includes three main functions: teaching, research and administration. Focusing on the function of teaching, scientists have not yet developed a consensus on who is a “good teacher”. Nevertheless, the concept of higher education focused on learning and innovation cannot be understood without taking into account professional competencies of teachers. To do this, we propose a set of teaching competencies of novice teachers that determine their pedagogical skills (table).

Teaching competencies of novice teachers

Teaching competencies	Indicators
Proficiency	Knowledge of the discipline and its relationship with other disciplines
Interpersonal competencies	Interaction with students, motivation, trust, empathy and ethical obligations
Methodological competencies	Application of methodological strategies that are consistent with needs, context, and goals; assessment
Communication competencies	Establishing effective, adequate communication when contextualizing it in various learning situations
Learning planning and management	Development of the content of lessons
Assessment competencies	Evaluation of the educational process
Team work competencies	Cooperation in a group at the level of an educational organization, institute, and department
Learning	Guiding the learning process of students by promoting their autonomy
Innovation	Reflecting on one's own practice and taking initiatives to improve teaching

So, the development of teaching competencies of novice teachers of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia is defined as a gradual evolution towards professionalism, which strengthens the educational function, accompanied by critical introspection. In addition, in the process of informal learning of novice teachers of departmental universities of the FPS of Russia, we include an organizational perspective and identify facilitators and barriers to professional development that are taken into account in the process of informal learning.

At the beginning of a teaching career, novice teachers are focused on themselves; they try to master the subject and overcome pedagogical uncertainty. Consequently, we consider development of teaching competencies of novice teachers as the acquisition of new pedagogical skills and practical experience in the process of informal learning in the workplace, informal communication with more experienced colleagues, mentors, and managers. Also, informal learning of novice teachers implies the absence of systematic control, learning does not correspond to the curriculum and is not limited to certain environments. We have observed that novice teachers, participating in team informal educational events, develop their teaching competencies more effectively.

The process of informal learning of novice teachers at a departmental university of the FPS of Russia is mainly focused on the teacher's participation in team and individual educational activities, such as practice and testing, as well as interaction and discussion of results with students and colleagues. So, an example of team learning activity is the observation of a novice teacher for more experienced colleagues in the process of teaching. Individual informal educational activity involves inclusion of novice teachers in online professional communities, cooperation and dialogues with colleagues.

Informal learning of novice teachers contributes to the formation of a professional attitude to pedagogical activity, increases self-esteem, improves awareness of pedagogical behavior and the specifics of students' behavior, develops new views on informal learning and its role in professional development. In addition, in order to facilitate the informal learning of novice teachers, it is important to provide both personal (self-awareness and desire to learn) and organizational contexts.

As part of the motivation of personal contexts, educational organizations of the FPS of Russia encourage teaching staff to develop competencies as they perform their pedagogical work. In fact, departmental universities are

striving to expand the expertise of their novice teachers and promote a new model of pedagogical profession in accordance with the current situation. As part of the development of organizational contexts, we use three main components to promote informal learning of novice teachers: research training (i.e. focusing novice teachers' attention on research and experiments), encouraging mistakes (i.e. encouraging them to make mistakes and learn from them) and emotional control (i.e. giving novice teachers the opportunity to manage their emotions). The feedback factor is also important, which stimulates the active search behavior of a novice teacher and his/her further informal learning.

Within the framework of informal learning, novice teachers can build various strategies for the development of teaching competencies based on their initial data: seek to expand their knowledge in the subject; improve competencies when interacting with students; pay attention to educational and methodological competencies and the specifics of the educational process.

Capacities of informal learning

So, we will list possibilities of informal learning for novice teachers to develop teaching competencies. The first one is that novice teachers are interested in learning in the most effective way possible, prefer to focus on key points and receive resources to expand their skills and abilities.

The second advantage is the possibility of training in an individual mode. Informal learning provides the opportunity and resources to take an active role in managing one's own learning to ensure achievement of goals.

The third advantage of informal learning is professional interaction of novice and experienced teachers on equal terms. Everyone contributes to the educational process.

The main advantage of informal learning in the development of teaching competencies is that novice teachers can independently look for learning opportunities. According to Cyril Houle, adult learners may be classified as being primarily goal-oriented, activity-oriented, or learning-oriented learners. Goal-oriented novice teachers strive to achieve a specific goal, activity-oriented novice teachers enjoy the learning

process, including social nature of many types of teaching experience, and learning-oriented ones has an innate desire to learn [5].

Subsequent researchers sought to expand and refine the list of S. Houle's motivations. So, Morstein and Smart (1974) developed motivational factors based on a scale of participation in education, for example, social relations – establishment of new acquaintances, social interaction; external expectations – novice teachers' necessity to study and master new knowledge; professional growth for career advancement; social security – desire to serve others and society; distraction/stimulation – hobby for someone; cognitive interest – genuine interest in learning for the sake of learning [6, pp. 52–54; 7].

Thus, our study expands understanding of the specifics of informal learning of novice teachers of departmental universities.

Specifics of adult education

The theoretical basis of informal learning of novice teachers is organized with regard that they will teach adult students and it is important for them to know the specifics of this category of students. Novice teachers can be often younger or the same age as their students.

Malcolm Shepherd Knowles was one of the first modern scientists to claim that adults learn differently than children. He popularized the term "andragogy" to describe adult-oriented teaching methods, as well as worked out an adult learning theory based on unique characteristics of adult learners. M. Knowles analyzed a list of unique characteristics applicable to adult learners, including the tendency of adults to self-study, adult preferences in purposeful, relevance-oriented and practical learning, as well as rich life experience and subsequent need for self-realization [8]. Adult learners establish connections with previous knowledge and experience, are able to correct misconceptions and focused on achieving goals, which can change over time depending on the needs at different stages of life and often vary from one adult learner to another.

Adult learners study what is most useful and important for them in their professional activities and comply with their own experience and refuse cramming. In cases where the relevance of certain information may not be obvious to

adult learners, an indication of how or why it is important, especially on a personal level, can help draw their attention to the learning process. Similarly, training programs with mandatory assignments or topics for study and control may dissatisfy some adult participants.

It is important for participants of the learning process to share examples from their own experience and communicate actively. Everybody's contribution to the learning process is appreciated; facilitators share information about their own connections with content.

It is important for novice teachers to take these arguments into account in teaching [9].

So, in the context of informal learning, target guidelines can vary greatly, so it is important for teachers to correctly interpret their own unique goals and understand capacities of informal learning in the development of teaching competencies.

Therefore, it is important to organize the process of informal learning of novice teachers taking into account the specifics of adult education and create a learning environment that helps to minimize the fear of failure, because adults tend to avoid situations in which they may fail. However, it is necessary to explain to novice teachers that making mistakes is part of learning. Experienced teachers can help novice teachers to moderate discussions so that participants whose views or beliefs dif-

fer from ideas of their colleagues still feel part of the group. Since novice teachers learn in different ways and at different speeds, it is important that they be attentive to the differences between students.

Conclusion

In recent years, the interest of teaching staff of educational organizations of the FPS of Russia in high-quality teaching has significantly increased, so novice teachers are encouraged to continuous professional development. There is no doubt that novice teachers are offered options for formal learning and advanced training, but they are still voluntary and, therefore, cover only a small percentage of teachers. Unlike the formal learning format, informal learning of novice teachers takes place during daily pedagogical practice at the workplace, which provides significantly greater opportunities for the development of teaching competencies.

Thus, the presented evidence confirms the stance that the acquisition of teaching competencies by novice teachers occurs more effectively in the process of informal learning, since the content of such learning is more closely related to individual needs of a novice teacher, is self-managed and self-regulated, i.e. learning takes place at its own individual pace, based on the time and cognitive resources of the individual.

REFERENCES

1. Dresvyannikov V.A. *Andragogika: printsipy prakticheskogo obucheniya dlya vzroslykh* [Andragogy: principles of practical training for adults]. Available at: <https://www.elitarium.ru/obuchenie-princip-znaniya-opyt-celi-potrebnosti-razvitie-andragogika-sposobnosti/> (accessed August 23, 2023).
2. *Osnovy andragogiki* [Fundamentals of andragogy]. Ed. by Kolesnikova I.A. Moscow, 2003, 240 p.
3. Rukavishnikova E.L. *Some aspects of adult education. In: Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', mai 2012 g.)* [Problems and prospects of education development: materials of the 2nd International science conference (Perm, May 2012)]. Perm, 2012. Pp. 156–158.
4. Glukhov V. V., Vasetskaya, N.O. Smart-education as a tool for improving the quality of vocational training. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze = Teaching Methodology in Higher Education*, 2017, vol. 6, no. 21, pp. 8–17. (In Russ.).
5. Jarvis P. *Adult education and lifelong learning: Theory and practice*. London, New York, 2004. 382 p.
6. Conner M.L., Clawson J.G. *Creating a learning culture: strategy, technology, and practice*. Cambridge, New York, 2004. 351 p.
7. Graham S., Weiner B. Theories and principles of motivation. In: *Handbook of educational psychology*. New York, 1996. Pp. 63–84.
8. Knowles M.S., Holton III E.E., Swanson R.A. *The adult learner: the definitive classic in adult education and human resource development*. London, New York, 2005. 378 p.

9. Alekhin I.A., Kazakova U.A., Maistrenko V.V. The university educational environment as a resource for a lecturer's scientific and is professional pedagogical development. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = World of Education = Education in the World*, 2015, no. 2 (58), pp. 35–39. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NATAL'YA S. ALEKSANDROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education of the Vyatka State University, Kirov, Russia, profaleksandrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2271-3995>

LIYA V. FALEEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), professor at the Department of Personnel, Educational and Psychological Work of the Kirov IPKR of the FPS of Russia, Kirov, Russia, liyaaleks@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-0533>

Received August 25, 2023

Modern View on the Formation of Students' Worldview in the Pedagogical Heritage of K.D. Ushinskii

VALERII N. KAZANTSEV

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

NINA A. TYUGAEVA

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5799-3872>

Abstract

Introduction: formation of students' worldview is the most important element in any pedagogical system. Pedagogical heritage of K.D. Ushinskii is not an exception. The article describes evolution of K.D. Ushinskii's views on the formation of the worldview of students, analyzes its components, determines correlation between his pedagogical teaching and socio-economic development of Russia in the mid-19th century, philosophical and pedagogical teachings of his predecessors and contemporaries. The main idea of K.D. Ushinskii, which determines the entire system of education, is the inseparable connection of domestic education and upbringing with folk culture and modern needs of society and the state. There are three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical teaching, such as nationality, religiosity and scientificity. *Purpose:* to consider and analyze an aspect of the pedagogical system of K.D. Ushinskii, such as formation of the worldview of students, which determines all the other parts of his pedagogical system, to find those elements in his concept that remain relevant at the present time and can be used as guiding ideas in modern domestic pedagogy. *Methods:* to comprehensively analyze K.D. Ushinskii's point of view on the ideas of philosophers known at that time, the authors used the method of content analysis of mentions of the names of these philosophers in the two-volume edition of his fundamental work "Man as a subject of education". The method of comparative analysis and the historical method were also actively used. *Results:* the authors have considered formation of the worldview of students in the pedagogical system of K.D. Ushinskii from the standpoint of modernity in the philosophical and sociological aspect, indicating those moments in his concept that were relevant at the beginning of the 19th century and can be used as guiding ideas in modern Russian pedagogy. Distinguishing in the complex concept "worldview" its three components known in philosophy, such as attitude to life (emotional-psychological side), perception of the world (image of the world in visual sensory representations obtained as a result of sensory perception of the surrounding world) and philosophy of life (cognitive-intellectual side of the worldview), the authors conclude that the fact that three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical system (nationality, religiosity and scientificity) allow forming all these components of the worldview. *Conclusions:* philosophical views of K.D. Ushinskii developed from objective idealism to

dualism and incomplete materialism, close to dialectical materialism. Religiosity of education and upbringing evolved in the pedagogical system, becoming an applied educational aspect that helps to better master folk culture, without which no national education is possible. Such an element of the pedagogical system as scientificity also changed, which he considered in two aspects: the scientific character of pedagogy itself, based on knowledge of anthropology and other sciences, and scientific character as the formation of a scientific picture of the world, acquisition of knowledge of natural and social sciences, which allow students to master professions that meet their interests and needs of the society at that time. Relying on the variability and development of nature and society, which presupposes constant correction of education and nutrition in accordance with these changes, it is necessary to abandon dogmas and established standards of education and upbringing, adapting the education system to new realities of public life. K.D. Ushinskii considered pedagogy at the same time as science and art. In addition to knowledge, pedagogy also requires pedagogical abilities and inclinations, enriched with data from many anthropological sciences.

Key words: worldview; student; pedagogical system; K.D. Ushinskii; anthropology; interrelation; society; modernity.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kazantsev V.N., Tyugaeva N.A. Modern view on the formation of students' worldview in the pedagogical heritage of K.D. Ushinskii. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 442–450. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.012.

Introduction

February 2023 marked the 200th anniversary of the birth of one of the largest representatives of Russian scientific pedagogy of the 19th century – Konstantin D. Ushinskii (1823–1870), whose pedagogical legacy has left a deep mark not only on Russian but also on world pedagogy.

The purpose of this article is to consider and analyze such an aspect of K.D. Ushinskii's pedagogical system as the formation of students' worldview, which determines all other parts of his pedagogical system, to find those elements in his concept that remain relevant at the present time and can be used as guiding ideas in modern Russian pedagogy.

The authors propose to trace development of K.D. Ushinskii's views on the formation of students' worldview, analyze its components and connection of his pedagogical teaching with the socio-economic development of Russia in the mid-19th century and philosophical and pedagogical teachings of that time. To comprehensively study K.D. Ushinskii's attitude to philosophers known at that time, the authors used the methodology of content analysis of references to philosophers' names in the two-

volume edition of his main fundamental work "Man as a subject of education" [1; 2].

Results and discussion

K.D. Ushinskii was an all-round man, fluent in German, English and French, familiar with all philosophical teachings that existed at the beginning of the 20th century (Aristotle, Bacon, Descartes, Spinoza, Locke, Hume, Kant, etc.) and works of French enlighteners of that time (Rousseau, Holbach, Diderot, Julien Offray de La Mettrie, etc.). As for his own philosophical views and worldview, both K.D. Ushinskii's contemporaries and subsequent generations of scientists attributed them to different philosophical schools and teachings. Thus, even in pre-revolutionary studies, his worldview was interpreted from diametrically opposite positions. Some (for example, M. Rubinstein) considered him a consistent idealist, a supporter of Fichte's doctrine; others (for example, Professor M. Vladislavlev) – a materialist.

Representatives of church mysticism (P. Filonov, M. Radonezhskii and others) criticized K.D. Ushinskii from the standpoint of clericalism, calling him a materialist nihilist. Moreover, they wrote denunciations against

him claiming him an atheist and an unreliable person and pointing out the ignorance of religious materials in his textbooks. Though they demanded a textbook "Native Word" to be removed from schools, it had been a guidebook for teachers and parents on teaching native language for many decades. It is worth noting that it had been reprinted 146 times until 1917. Some (for example, I. Skvortsov and V. Goltsov) reproached K.D. Ushinskii for the dualistic duality of his teaching. And each of them was right in his own way.

Such different interpretations of K.D. Ushinskii's philosophical views, in our opinion, are explained by the fact that, indeed, they were quite contradictory and specific. In addition, they evolved throughout his life from idealistic to materialistic.

In order to confirm this conclusion, the authors applied their own methodology of content analysis of references to the most famous philosophers of antiquity and modernity in the main two-volume fundamental work of K.D. Ushinskii "Man as a subject of education". The semantic units of analysis were surnames of the philosophers mentioned and considered by K.D. Ushinskii in the eighth and ninth volumes of his complete works; the observation units were pages on which these surnames were mentioned. Table 1 shows the results of a frequency analysis of such references, revealing the diversity of philosophical schools and philosophers themselves considered by K.D. Ushinskii in his fundamental work (only philosophers mentioned 5 or more times in the text are taken for analysis).

*Number of reference to philosophers' names in K.D. Ushinskii's work
"Man as a subject of education"*

Table 1

No.	Philosophers	Frequency of references		
		Volume 8	Volume 9	Total
1	Aristotle	37	41	78
2	F. Beneke	45	39	84
3	F. Brown	-	28	28
4	F. Bacon	32	2	34
5	Wundt W.	27	6	33
6	G. Hegel	14	26	40
7	J. Herbart	24	59	83
8	R. Descartes	17	42	59
9	I. Kant	24	37	61
10	A. Comte	5	2	7
11	G. Leibniz	9	3	12
12	J. Locke	21	12	33
13	H. Lotze	6	2	8
14	J. Lewis	12	-	12
15	J. Mill	26	18	44
16	Plato	8	-	8
17	T. Reed	21	19	40
18	J.J. Rousseau	16	12	28
19	H. Spencer	14	3	17
20	B. Spinoza	8	55	63
21	I. Fichte	11	3	14
22	J. Fries	7	-	7
23	A. Schopenhauer	4	20	24
24	D. Hume	5	-	5

If we rank philosophers listed in the table according to the frequency of references, then the first half of this list (with at least 30 references) will include F. Beneke (a German psychologist and philosopher, teacher, developer of pedagogy based on empirical psychology data (84 refer-

ences)), J. Herbart (a German philosopher, psychologist and teacher of reactionary directions (83 references)), Aristotle (a philosopher-encyclopedist of ancient Greece (78 references)), and Spinoza (a famous European philosopher of the 17th century (63 references)) (Table 2).

Table 2

Ranking of the twelve most mentioned philosophers in K.D. Ushinskii's work "Man as a subject of education"

No.	Philosophers	Frequency of references		
		Volume 8	Volume 9	Total
1	F. Beneke	45	39	84
2	J. Herbart	24	59	83
3	Aristotle	37	41	78
4	B. Spinoza	8	55	63
5	I. Kant	24	37	61
6	R. Descartes	17	42	59
7	J. Mill	26	18	44
8	G. Hegel	14	26	40
9	T. Reed	21	19	40
10	F. Bacon	32	2	34
11	Wundt W.	27	6	33
12	J. Locke	21	12	33

The table shows that K.D. Ushinskii considered ideas of philosophers of various directions of philosophical thought (subjective and objective idealism, materialism, dualism, etc.) when developing his pedagogical concept. He described strong and weak points in each teaching, noting their one-sidedness: extreme idealism – in an effort to bring the material world out of the spiritual, extreme materialism – in an effort to bring the spiritual world out of the material. Ultimately, based on the practical needs of pedagogy, he chose dualism, according to which it is impossible to say what is primary: material or spiritual, since they coexist as if in parallel, being in close interaction. Backing the stance of H. Lotze, K.D. Ushinskii spread the ideas of dualism. It required great "independence in thought and noble courage in character", since dualism was subjected to harsh criticism at that time, both on the part of materialists and idealists. Analyzing teachings of R. Descartes and F. Bacon, K.D. Ushinskii came to the conclusion that they surprisingly "combined skepticism, idealism and materialism".

In this regard, we can recall R. Rolland's statement about the French writer J. Renan, "Taking away the image of my stoic, who is both an Epicurean, a pessimist-optimist, a believer and a doubter, a true man and a man of truth, I think about the audacity of those who try to lock this harmony of contradictions into the formula of a certain party or school. It contains rich music of a transitional time, burdened by the past, fraught with the future!" [3, p. 483]. These words of R. Rolland can rightfully be attributed to K.D. Ushinskii, who lived during the struggle of two opposing ways of socio-economic life in Russia. The feudal, serfdom system was replaced by a new system of capitalist production relations, requiring the development of science and appropriate education and upbringing. Undoubtedly, the influence of the epoch was reflected in the worldview of K.D. Ushinskii, who himself was well aware of the inconsistency of his philosophical views. Therefore, without fear of reproaches for recognizing dualism, following H. Lotze, K.D. Ushinskii rejected extremes of idealism, which takes the material world out of spiritual, and extremes of materialism, which

takes the spiritual world out of the material. According to his opinion and belief, two worlds coexist in a person: spiritual and material [4, p. 648].

K.D. Ushinskii considered pedagogy itself in two aspects: “in the broad sense”, as a collection of sciences aimed at teaching and upbringing, and pedagogy “in the narrow sense” as a theory of the art of education. Referring to J. Mill, he described relations between pedagogy as a science and pedagogy as an art. The latter sets science goals of its activity (education of a perfect person adapted to modern society, useful to this society and in harmony with itself, society and nature), and science, having received this goal as a task, explores, studies real possibilities of achieving this goal, and then transfers pedagogy as art in the form of “combinations of circumstances (conditions)”, with the help of which this goal can be achieved [1, p. 15].

The worldview is one of the important elements of pedagogy as a science and as an art that unites them into a single whole. Most often, it is understood as “a generalized system of human views on the world as a whole, on the place of individual phenomena in the world and on one’s own place in it, a person’s understanding and emotional assessment of the meaning of his activities and destinies of mankind, a set of scientific, philosophical, political, legal, moral, religious, aesthetic beliefs and ideals of people” [4, p. 454]. The authors understand the worldview, first of all, as a set of logically related and consistent fundamental views on nature, society and man, as well as social values, attitudes, and ideals of both an individual and certain small and large social groups. The core idea of K.D. Ushinskii, determining his entire system of education, is the inseparable connection between national education, folk culture and modern needs of society and the state.

We can talk about three cornerstones of K.D. Ushinskii’s pedagogical teaching: nationality, religiosity and scientificity. Nationality means the reliance of education on folk culture with its language, customs and traditions, adapted over a millennium of its development to climatic and historical conditions of its existence.

Religiosity (in relation to Russian culture it is, first of all, Orthodoxy), K.D. Ushinskii understood as a manifestation of the people’s cul-

ture, deeply religious at that time. Russian Orthodoxy, as an element not externally imposed on the Russian people, but formed on the basis of Russian folk culture, accumulated, according to K.D. Ushinskii, the best social values, customs and traditions that allow the younger generation to be brought up in harmony with nature, surrounding people and other peoples. Undoubtedly, the role of religiosity in the pedagogical teaching of K.D. Ushinskii underwent significant changes in the course of his life and scientific creativity. His later works and, above all, his fundamental two-volume work “Man as a subject of education. The experience of pedagogical anthropology” (1868–1869) suggest that under the influence of the third element of his pedagogical system – scientificity – the role of religion in teaching and upbringing gradually decreased and was considered as an element of nationality and a storehouse of folk wisdom.

He argued that psychology, on which pedagogy is based, “is even in more close relation to religious systems than history. It cannot but see observe not only expressions of the human soul, but even expressions in which some psychological truth should necessarily be hidden” [2, p. 560].

How right K.D. Ushinskii was and remains, noting the extreme importance of relying on nationality in any education (native language, native culture) and religiosity, is evidenced by the thirty-year experience of Ukrainization in terms of imposing the Ukrainian language on the entire population of Ukraine (especially in its eastern regions, where the Russian-speaking population has traditionally lived), refusal from canonical Orthodoxy and its replacement with a schismatic pseudo-Orthodox religion. In principle, our ideological opponents have taken into account the importance of nationality and religiosity in education and upbringing. Russian language, Russian culture, and canonical Orthodoxy, which united two fraternal peoples, have been violently eradicated throughout the territory of Ukraine. It should be said that they have succeeded in this in a certain way. The protest of the Russian-speaking population in the eastern regions of Ukraine against such artificial, forced Ukrainization since 2014, can also be understood. Education in Russian language is resumed in the territories liberated during the special military operation launched in Febru-

ary 2022 (the use of Ukrainian language is also permitted, as well as of Ukrainian and Tatar languages in the Republic of Crimea), and is based on Russian culture and Orthodox values.

For K.D. Ushinskii, scientificity is reliance not only on natural sciences (physics, chemistry, astronomy, etc.), but also psychology, biology and other anthropological disciplines. The essence of pedagogical anthropology is that education and upbringing of children should be based on the anthropological laws of the human body development from birth to adulthood. K.D. Ushinskii borrowed many ideas of pedagogical anthropology from the French enlighteners claiming that “all social phenomena come out of private psychic phenomena”. But he developed them further and connected them with other elements of his pedagogical system, including religiosity, considering it as a “historical form of the human psyche functioning” and a source of human wisdom and morality. A dogmatic exposition of the rules of the teaching of religion, according to K.D. Ushinskii, should be left to specialists in theology, while psychology and pedagogy consider Christianity (first of all, Orthodoxy) as a phenomenon arising from the needs of the human soul.

Thus, K.D. Ushinskii was the first among Russian teachers to attempt to summarize scientific knowledge about man, showing the relationship of pedagogy with anthropological science. In didactic terms this meant that when teaching, it was necessary to take into account biological and psychological features of the development of children of different ages. One should not teach a child with concrete imaginative thinking subjects that require more abstract thinking. In his main work “Man as a subject of education”, K.D. Ushinskii, based on a detailed description of human physiology and psychology, substantiates, in particular, why children cannot do one monotonous thing for a long time and why teaching for them should be visual.

These views of K.D. Ushinskii were later brilliantly confirmed by many studies of foreign and domestic scientists-psychologists. For example, the Swiss psychologist J. Piaget (1896–1980), having conducted numerous experiments and tests, showed how children’s mental abilities, skills and abilities changed depending on their age and interaction with the environment. He developed his theory of cognitive de-

velopment, better known as 4 stages of intellectual development [5]. J. Piaget empirically proved that all children go through a series of successive stages in their intellectual and mental development, gradually acquiring new skills of material handling, which determine the limits of possible cognition for them.

In Russian psychology, empirical confirmation of Ushinskii’s ideas can be also found in the works of Academician Pavlov stating that “sleep is the inhibition of central organs of the brain” and “habits and skills are “conditioned reflexes” [6; 7].

Russia made the transition from the feudal system and patriarchal way of life to the capitalist one, from handicraft production to large-scale capitalist production in the middle of the 19th century. Therefore, in contrast to the supporters of formal education, who seek to develop mental abilities of students in any suitable material, including “dead” languages, K.D. Ushinskii believed that children should get such knowledge in the field, first of all, of natural sciences, which would be useful to them when they entered adult working life. The education program, according to K.D. Ushinskii, should be derived from social existence and social needs, and pedagogical success is possible only when education is based on the rules of folk morality, developing together with them. It is this kind of upbringing and education that can contribute to prepare new generations for life in society.

As a supporter of real education, K.D. Ushinskii not only promoted the possibility of teaching knowledge in physics, chemistry and other natural sciences, but also tried to implement his ideas in practice. Being appointed to the position of inspector at the Smolny Institute of Noble Maidens in 1859 by the favor of Empress Mariya Feodorovna attracted by his articles in the Journal for Education, he introduced new subjects into the curriculum, such as Russian language, the best works of Russian literature, and natural sciences (fundamentals of physics, chemistry, and biology). At the same time, visibility was widely used in teaching and experiments were conducted in biology and physics.

Besides, K.D. Ushinskii invited such prominent teachers as V.I. Vodovozov (literature), D.D. Semenov (geography), M.I. Semevskii (history) and others. To promote socially useful work among students, in addition to the man-

datory seven classes of general education, a two-year pedagogical class was introduced. After its completion, young people could work at elementary school.

Before that, at the Smolny Institute, girls had been given very little real knowledge, they had learnt secular manners and prepared for family life as a wife and mother. Naturally, some reactionary teachers of this educational institution, close to the royal court, disputed the ideas of K.D. Ushinskii. Therefore, denunciations of the reformer teacher achieved their goal and he was dismissed. However, due to his fame as a scientist-teacher, the leadership decided to send K.D. Ushinskii on a long business trip abroad to get acquainted with the experience of pedagogical female education in a number of European countries.

It should be said that the rich material collected by K.D. Ushinskii on this business trip only strengthened his conviction that education and upbringing should be based on national characteristics and the specifics of folk culture. On the other hand, it is necessary to borrow the experience, achievements of foreign scientists, and pedagogical technologies, especially in the field of teaching natural sciences.

According to K.D. Ushinskii, "an industrial direction of the century requires industrial science" that children should be introduced to the sciences of nature and man. They should know their native language and literature, history, geography, and mathematics. Natural sciences are very important for a person. K.D. Ushinskii sharply criticized classicism in high school, which was strongly supported by the reactionary Minister of Public Education D.A. Tolstoi. In one of his last articles "What should we do with our children?" written in 1868 [8], arguing with the defenders of classicism in education, K.D. Ushinskii proved the enormous educational significance of natural science and defended the real direction of general education. He pointed out that natural sciences develop the ability to observe life, interest children incomparably more than Latin and Greek declensions and conjugations, contribute to the development of logical thinking and are of great practical importance. In his book for reading "Child world" [9], K.D. Ushinskii presented a lot of educational material on natural science for initial training. He strongly recommended introduction of

practical classes for students, especially rural schools, in the garden and field. Such classes developed skills of hard work, contributed to the acquisition of initial knowledge for further professional self-determination, the choice of professions that modern society needs. K.D. Ushinskii considered the training itself as mental work that requires volitional efforts on the part of students.

K.D. Ushinskii's arguments about the propensity for entertainment are very relevant for our time. In the second volume of his essay "Man as a subject of education" in Chapter XLVI "Pursuit of pleasure and pursuit of happiness: the classical theory of Eudaemonism", he noted, referring to Socrates in Plato's interpretation, that "if we make a person's pleasure the supreme criterion of his actions, then there disappears not only the concept of moral and immoral, but even the concept of smart and stupid in relation to human actions about worthy and unworthy" [2, p. 491]. After much reasoning, K.D. Ushinskii came to the conclusion that a person's enjoyment and his/her happiness should not interfere with the happiness of other people surrounding him/her in society, while socially useful work based on a person's abilities for different types of activities gives a person true and long-term enjoyment.

Conclusions

1. K.D. Ushinskii's philosophical views have evolved from objective idealism to incomplete materialism throughout his life. The commitment to follow empirical scientific data inclined him to dualism, which characterized his "independence in thought and noble courage in character", since dualism was subjected to harsh criticism from both materialism and idealism at that time. K.D. Ushinskii was dissatisfied with idealistic teachings prevailed in the middle of the 19th century and vulgar materialism widespread at that time. The analysis of Ushinskii's creative path shows his disposition to dialectical materialism.

2. Religiosity of education and upbringing, as an element of the pedagogical system of K.D. Ushinskii, also underwent certain evolution. If initially K.D. Ushinskii believed that religion (and above all law) should be at the center of education and upbringing, then in his recent works he considered religion as an applied educational aspect that helps to better master folk culture,

without which no national education is possible.

3. The third fundamental element of K.D. Ushinskii's pedagogical system (scientificity) also changed throughout his life. Two important aspects can be distinguished in this element: the scientific character of pedagogy itself, based on knowledge of anthropology and other sciences, and scientific character as the formation of a scientific picture of the world, acquisition of knowledge of natural and social sciences, which allow students to master professions that meet their interests and needs of the society in a given period of time. According to K.D. Ushinskii, school should prepare students for real life in society and socially useful work activities.

4. Considering a complex concept "world-view" in terms of its three components known in philosophy, such as attitude to life (emotional-psychological side), perception of the world (image of the world in visual sensory representations obtained as a result of sensory perception of the surrounding world) and philosophy of life (cognitive-intellectual side of the world-view), we can conclude that three cornerstones of K.D. Ushinskii's pedagogical system (nationality, religiosity and scientificity) make it possible to form all these components of the world-view. Thus, religion helps form an attitude to the world, nationality – perception of the world, and scientificity forms an idea of the world, nature and society on the basis of their rational explanation.

5. Nowadays K.D. Ushinskii's teachings, particularly ideas of nationality and reliance on Orthodox spiritual values, are relevant in conditions of a course towards globalization of education taken in the 1990s and a certain reverence for Western models of education. Only recently, we have begun to realize that the domestic system of education and upbringing is in some ways better than the Western one. Various sanctions imposed by Western countries have led to rejection of the Bologna Process and modification of the Unified State Exam system and other elements of Western education that are alien our culture and mentality.

6. Relying on such an aspect of K.D. Ushinskii's worldview as the variability and development of nature and society, which presupposes constant correction of education and upbringing in accordance with these changes, it is nec-

essary to abandon dogmas and once and for all established standards of education and upbringing, adapting the education system to new realities of public genesis. Speaking about the possibility of constructing "a complete and perfect theory of education", K.D. Ushinskii himself was well aware of the failure of this plan, since the sciences on which education should be based are still far from perfect. Therefore, the theory of education, following the development of sciences, should also change and improve.

7. If we look at the domestic modern education system from the standpoint of nationality as the main element of K.D. Ushinskii's pedagogical system, we can be unpleasantly struck by the changes that have occurred in it over the past 30 years of copying Western images and values of Western culture. Therefore, it is necessary to radically change the domestic system of education and upbringing in the direction of nationality and Russian identity. These changes should affect, in our opinion, not only secondary and higher schools, but also activities of the mass media and communication, cultural institutions. It should finally be realized that we, as representatives of a great Eurasian country, should develop our own distinctive culture, which is more suitable for our society.

8. This does not mean that both in the system of education and upbringing we should close ourselves off and isolate ourselves from everything progressive that is developed in other countries, including Western ones, especially in the field of pedagogical technologies. K.D. Ushinskii himself called for dialectical thoughtful borrowing of foreign experience, adapting it to Russian conditions.

9. In the first and second volumes of his work "Man as a subject of education", K.D. Ushinskii declared his intention to present in the third volume a set of pedagogical rules based on scientific data of human physiology, psychology, and to consider the relationship of political science, sociology, social philosophy and logic with pedagogy as a science and art. To our great regret, an early death at the age of 47 (the heyday for a scientist, especially a humanitarian) did not allow these intentions to come true. Therefore, teachers themselves have to draw conclusions from his fundamental work and remember at the same time that K.D. Ushinskii himself considered pedagogy both as a science and

as an art. This means that, as an art, pedagogy requires, in addition to knowledge, pedagogical abilities and inclinations. But these abilities and inclinations should be backed with the data of many anthropological sciences. Then the task of the teacher will be to competently and

dialectically use the data of these sciences and specific technologies developed on their basis, in the noble activity of educating such a person who is in demand by modern society, can apply his/her natural talents and abilities for the benefit of this society.

REFERENCES

1. Ushinskii K.D. Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Volume 1. In: Ushinskii K.D. *Sobr. soch. v 11 tomakh. T.8* [Collected works in 11 volumes. Volume 8]. Moscow, Leningrad, 1950, 774 p. (In Russ.).
2. Ushinskii K.D. Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Volume 2. In: Ushinskii K.D. *Sobr. soch. v 11 tomakh. T. 9* [Collected works in 11 volumes. Volume 9]. Moscow, 1950, 627 p. (In Russ.).
3. Rollan R. Renan's words to a teenager. In: R. Rollan. *Sobr. soch. v 14 t. T. 14* [Collected works in 14 volumes. Volume 14]. Moscow, 1958. 832 p.
4. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. T. 3* [Philosophical encyclopedia: in 5 volumes. Volume 3]. Ed. by Konstantinov F.V. Moscow, 1962, 584 p.
5. Piaget J. *Psikhologiya intellekta* [Psychology of Intelligence]. Saint Petersburg, 2004. 192 p.
6. Pavlov I.P. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, 1951–1954.
7. Frolov Yu.P. *I.P. Pavlov i ego uchenie ob uslovnykh refleksakh* [I.P. Pavlov and his doctrine of conditioned reflexes]. Moscow, 2016. 268 p.
8. Ushinskii K.D. *Pedagogika. Izbrannye raboty* [Pedagogy. Selected works]. Moscow, 2023. 258 p.
9. Ushinskii K.D. *Detskii mir: iz russkoi istorii: in 2 ch. Ch. I.* [Child world: from Russian history: in 2 parts. Part I]. Ekaterinburg, 2023. 304 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VALERII N. KAZANTSEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

NINA A. TYUGAEVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, upip2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-3016-0414>

Received April 8, 2023

Original article

UDC 37.02:343.819.2

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013

Modeling as a Method of Shaping a Personal Future of Convicted Women

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia,

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of studying convicted women's plans for the future and using a modeling method to shape a personal future of female convicts in conditions of imprisonment. *Purpose:* to contribute to the construction of a positive personal future of female convicts on the basis of the use of the modeling method. *Methods:* theoretical analysis of literature, modeling methods, conversation, and classification. *Results:* to analyze convicted women's plans for the personal future, we developed the following criteria: by time duration (long-term, medium-term, current), by degree of parameter determination (deterministic and probabilistic), by planned actions (reactive, inactive, preactive). During individual conversations, three groups of life plans of first-time convicted women of various ages for their personal future were identified: 1) long-term, deterministic and positive personal plans for the future; 2) medium-term or current, probable, inactive; 3) there is no model of future life. Drawing up a detailed plan, modeling the prospects of life is the basic method of a person's influence on their future. This makes it possible to more effectively build a correctional process for a more successful rehabilitation of the personality and its adaptation in society after release. *Conclusion:* plans for the future are all kinds of long-term goals (personal or professional), considered as a real benchmark of action. The personal future model is an accurate description of the life planning process, its sketch or reference point. In this study, the use of the modeling method in drawing up a personal future is a practice-oriented embodiment of life plans of convicted women, which allows them to see their future life as a whole process, as well as to isolate all components in their interrelation. Based on this, it is necessary to carry out specially organized work to study life plans of convicts, include them in various correctional programs in order to revise their views, realize the value of life, and model a positive personal future.

Key words: places of imprisonment; female convicts; educational process; modeling method; positive future of a convict; personal plans.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Zautorova E.V. Modeling as a method of shaping a personal future of convicted women. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 451–458. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.013.

Introduction

Current economic, political, legal and socio-cultural reforms in the country have led to crisis conditions in many spheres of human activity: a drop in the standard of living of the people, unemployment, an increase in crime, etc. Female crime is of particular concern, since it has a significant impact on the criminogenic situation in the country. Female crime has a cynical, cruel and aggressive nature. It has a negative impact on general crime, especially on the crime of the younger generation [1].

It is especially important to carry out correctional and educational work with convicted women serving a sentence of imprisonment for the first time in order to neutralize recidivism and prepare them for adaptation to the living conditions of modern society after release. In this regard, the activity of correctional institutions in search of the most effective measures of a psychological and pedagogical nature (forms, means, methods and directions) to reduce the level of recidivist female crime is of particular importance.

The study of the content, structure and specifics of convicts' plans for the future is of great importance in the correctional and educational process in conditions of deprivation of liberty. Plans for the future are all kinds of long-term goals (personal or professional) considered as a real guideline for action. In addition, actions should be justified, since without them a plan cannot become a reality, and achieving the goal is impossible without volitional efforts, thoughtful and responsible.

The problem of convicts' personal life plans was first posed by S.V. Poznyshev in 1925. Further it was considered in the works of Yu.Yu. Bekhterev, A.P. Evgrafov, A.S. Makarenko, V.I. Monakhov, I.V. Shmarov, B.S. Utevsii and other researchers.

Convicts' plans in connection with various aspects of life were studied by penitentiary psychologists, in particular Yu.R. Saar (problem of self-determination of personality) [2], N.A. Deeva, V.G. Deev [3; 4], V.F. Pirozhkov (personality

orientation) [5], A.I. Ushatkov (volitional activity of a person) [6], A.N. Sukhov (conflicts in communication) [7], and M.G. Debolskii (possibility of correcting life plans of convicts) [8]. Nowadays, this problem is reflected in the works of I.S. Ganishina, A.V. Napris, S.V. Rusakov, E.V. Savvina, A.S. Chertovikova and other researchers.

It is relevant to study plans for a personal future, since a long time isolation has a profound negative impact on the psyche, which affects the process of correction in places of deprivation of liberty [9; 10]. Most women have no idea what they will do when they are released, there is no motivation for goal-setting, etc. All this does not contribute to successful resocialization of convicts in places of deprivation of liberty and can lead to recidivism [8; 11–13]. The above circumstances indicate the need to study the problem posed and confirm its relevance.

Classification of life plans of convicted women

The author's classification was developed on the basis of current typologies and classifications of life plans [1; 14–17]. We proceeded from the needs of practice (introduction of the achievements of pedagogical science into practice), requirements of the correctional process development logic and the availability of new theoretical concepts of education (taking into account the regularities of organization of the content and methodology of the process), the need to find new ways to re-socialize convicts.

We developed criteria of life plans to assess convicted women' plans for the future:

1) according to time duration. It is a perspective of the plan, a time period for which the convict can plan her life. It can be long-term (from 10 to 25 years), medium-term (from 3 to 10 years) and current (for 1 year, 6 or 3 months).

We relied on the doctrine of perspective lines developed by A.S. Makarenko. The researcher determined the importance of near, medium and long-term prospects, considering them as important tools for managing the process of

education, with the help of which students' activities become more expedient and purposeful. Different perspectives make it possible to make a person's life activity more fascinating and to fill it with new content [18].

A.V. Napris characterized life plans of convicts according to the scale of relations and impact on life, defining three groups of convicts: convicts with close, medium and long-term life plans [17];

2) according to the degree of parameter determination, since any process can be represented as a sequence of cycles and intermediate goals. Parameters of the plan are independent variable criteria that fully and unambiguously determine the task to be solved; in our work they are presented as deterministic (more specific and private goals, assessment of their significance and priority) and probabilistic (uncertain and approximate definition of goals or their absence). Project parameters are plans and means of achieving planned goals related, for example, to family, building relationships with children and parents, work, profession and career, realization of one's own desires and aspirations, etc. can serve as project parameters;

3) according to planned actions. They can be: a) reactive, that is, focused on consolidating achievements of the past, and they can act as positive assessments of their life results (successes, awards, incentives, etc.) and negative (criminal life); b) inactive, when a person refuses bringing out the past, forgets his/her mistakes, and strives for the future, perceived as quite good or at least acceptable; c) preactive, when person's activity is aimed at transforming reality, accelerating changes, and approaching the future in the search for optimal solutions.

The selected criteria are logically and internally connected and represent a system that is understood as their functional relationship through the inclusion of elements of some criteria in the composition of others and through the implementation of the same functions based on different indicators.

Modeling as a method of forming convicts' life plans

The creation of a pedagogically expedient and effective system of rehabilitation of convicts in conditions of deprivation of liberty is impossible without special activities related to its modeling and construction. The interest in the problem of creating a model is not accidental, since the reform of the penal system implies humanization and democratization of the correctional process, as well as transition to a personality-oriented paradigm. This method suggests development of a system that would be optimal for a particular convict.

In the methodology of scientific cognition, the modeling method is understood as a systematic study through which a model is created that reproduces the properties and relationships between elements of a cognizable object or phenomenon. The concept "model" is multidimensional and used in many different senses. One of the founders of the theoretical modeling method in the methodology of science V.A. Shtoff considered the model as a mentally imagined and materially realized system that, reflecting the object of research, is able to replace it so that its study gives us new information about its object [19]. The modeling method, consisting in establishing quantitative relationships between indicators and factors determining them, was discussed in works of many scientists (S.R. Boguslavskii, E.V. Bondarevskaya, V.A. Karakovskii, V.V. Kraevskii, L.I. Novikova, E.A. Yamburg, and others). Each model has a special psychological and intellectual atmosphere, as well as spiritual and moral climate.

In this study, the use of the modeling method in the formation of a personal future is a practice-oriented implementation of life plans of convicted women, which helps them to consider their future life as a holistic process, as well as to isolate all components in their relationship.

The personal future model is an accurate description of the life planning process. Modeling the future is a strategic planning of life, its

sketch, a reference point. Our logical filters “interpret” our “reality”, a person analyzes his life activity and chooses what is possible/impossible, will / will not work, to do / not to do, makes sense / makes no sense, etc., and our unconscious calculates risks and makes hints in the form of intuition and various premonitions. Researchers have proved that when a person sets a goal, thinking about his/her future, preferably imaging it in detail, then life achievements increase many times.

Drawing up a detailed plan and modeling life prospects is the basic method of a person’s influence on their future. Not having goals means going with the flow, waiting for others to decide and do everything for you, making momentary rash decisions, making mistakes, fulfilling other people’s goals, etc. In this regard, it is important to know convicts’ plans for the future and the model of life after release, etc. This makes it possible to more effectively build a correctional process for a more successful resocialization of the individual and his/her adaptation in society after release [16; 20–24].

Studying convicted women’s plans for the future

Plans of convicted women first-time serving their sentences in places of deprivation of liberty were studied during individual conversations in the correctional facility No. 1 of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast. Thirty women of various ages took part in them.

Analysis of the results shows that many respondents make plans related to family and further work (40%). Moreover, plans are long-term and mostly deterministic, that is, with clearly defined parameters, as well as focused on consolidating positive achievements of the past.

So, M., 34 years old, has two children. She is divorced. The son is studying at a university, the daughter is 5 years old, brought up by her grandmother. The convict is proud of her children. She actively maintains contacts with relatives. She is not a member of creative associations and has no hobbies. She works as

a seamstress in the correctional facility. She enjoys working, since time passes faster when being busy. Before her conviction, she worked as a seller in a fruit and vegetable pavilion. After her release, she plans to raise children, pay special attention to upbringing of her daughter, and continue working as a seller.

It should be noted that in the conversation about life plans, the convict speaks negatively about the time of the crime commission, “I hope the time in the correctional institution will do me good. And I am starting a new life without all the bad things that have surrounded me. I have already learnt my life lessons”.

There is another example: convict N., 21 years old, wants to make a career more than to start a family after her release. She mentions, “First I will finish my studies and get a job. I do not want to live on my parents’ money, I am tired of it”. In the correctional facility, she receives an education as a manager and is going to get an appropriate job. Though she understands difficulties of finding a good job place having a criminal record, she does not lose hope. After release she is also going to move to her place of residence and take care of her parents.

Convicts with long-term, deterministic and positive personal plans for the future are rather confident, while their statements are colored by positive emotional experiences. It is important for convicts to realize that not all the planned events will come true, but modeling the future will help to realize their aspirations and find new solutions and ways to achieve goals.

At the same time, quite a large part of respondents (45%) do not have specific plans and when answering a question about their future, they use general phrases and show uncertainty in this area of life.

The convict L., 50 years old, answers ambiguously and vaguely to the question “What are your personal plans for life after release?”; she claims that she wants to work only for herself (“not for someone else”) and only in her profession, while noting that it is unlikely to work out and she will retire soon. At the same time,

she is afraid of not finding a job in the future, “since prison leaves its imprint on a person and who will employ “such a person”, specifying that “money is needed to raise her son”. She does not work in a correctional institution due to illness and has little interest in life. She does not want to remember her past and tries to forget it.

The convict O., 43 years old, answers questions about her plans after release briefly and reluctantly, says mainly that she will return to normal life, since both her husband and daughter are waiting for her release, and also claims that she will try to get a job. At the same time, she notes, “after my release, I will not be able to return to my previous job, since I worked at a school for the disabled, took care of children who are not able to do it on their own. Now I regret it”. At the same time, in case of an unsuccessful attempt to get a job, she does not know what will do.

There is a contrast between “I want to return to my former job” and “they will not employ me”, the convict has no plan and understanding of her future life.

So, we can observe poor work planning and vague understanding of life and employment after release. These plans are classified as medium-term or current, probabilistic (with fuzzy parameters), and inactive.

The convicts of this group demonstrate negative emotional experiences and focus mainly on encountered negative circumstances, which they transfer to their future. So, many of them have lost confidence and meaning of life and live for the moment.

Among the respondents, the category of persons who practically do not have a model of future life (15%) is also singled out. These convicts make contradictory statements or show complete indifference to their future life. So, for example, the convict at the beginning of the conversation talks about personal plans for further employment. She had attempts to find a job before her conviction, but there were problems with the medical admission of the drug

dispensary. She is not officially employed at the correctional facility, because she does not find it important with four months left before her release. The relationships in the team are neutral, she tries to lead an independent life without communication, and communicates when necessary. She imagines how her son and relatives will meet her after release and concludes, “I will not get on drugs anymore”, “it is better without them”. However, at the end of the conversation, answering the question “Can you say that you will no longer take drugs and will not return here?” she answers, “I am not sure about that!”.

In the category of convicted women without definite plans, future life is permeated with fatalism and pessimism. The most common statements are the following: “I do not want anything”, “I do not aspire to anything”, “I do not know what to be”, etc. This type of respondents does not understand how to live on, and this triggers personal protest.

It should be noted that modeling of plans for the future is influenced by the level of stability of the social environment. Therefore, the uncertainty of personal life is becoming the norm, as many do not see any sense in this in connection with the situation in the country, believing that it is not too favorable for planning a personal future. At the same time, we note the importance of analysis and adequate assessment of the past. It is important for further personality change and, in the course of psychological and pedagogical influence, can provide significant assistance to convicted women in modeling their lives and determining prospects for the future.

Results

Thus, to analyze convicted women’s plans for their personal future, the following criteria were developed: by time duration (long-term, medium-term, current), the degree of parameter determination (deterministic and probabilistic), planned actions (reactive, inactive, pre-active).

During individual conversations, three groups of life plans of newly convicted women

of various ages were identified: 1) long-term, deterministic and positive personal plans for the future; 2) medium-term or current, besides probabilistic, inactive plans; 3) plans of convicts who do not have a model of future life.

Convicts demonstrate positive or negative emotional experiences and rely on life circumstances that they transfer to the future. They whether show confidence in their choice or not, whether find the meaning of life or not. At the same time, the higher the person's activity in realizing the importance of life prospects and the ability to plan results of their activities, monitor their achievement, assess their level, analyze shortcomings and self-correct them, the higher the person's readiness for correction. These convicts define goals, tasks and actions on the implementation of plans in real life more actively and more accurately.

In the process of modeling the personal future of convicts, it is necessary to take into account the specifics of their age. In youth self-esteem, own feelings, experiences and motives are important; acquired values, beliefs, and ideals gradually transform into life plans. In addition, researchers note that at 40–50 it is much more difficult to change life plans.

So, for correctional and educational work in this direction to be effective, it is necessary to further study the problem of the personal future of convicts: their genesis, classification, diagnosis, actualization, change, correction, self-regulation, etc.

Conclusion

Thus, convicts with long-term strategies of their lives build more detailed plans with clearly defined parameters and are focused on consolidating achievements of the past. It is proved that people who set certain goals do not give up when they fail, gradually move forward, adjust and revise tasks, and adapt to current conditions. This is the key to success in life for any person.

In this regard, it is necessary to carry out specially organized work to study life plans of convicts and include them in various correctional programs, so that convicts could revise their views, understand the value of their lives, and model a positive future. All this will enhance effectiveness of the resocialization process in conditions of deprivation of liberty and encourage convicts to correct and follow the rules, approved by modern society and accepted by law-abiding citizens.

REFERENCES

1. Abasova S.A. *Problemy ispolneniya nakazaniya v ispravitel'noi kolonii obshchego rezhima dlya osuzhdennykh k lisheniyu svobody zhenshchin: dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of execution of punishment in a correctional facility of the general regime for women sentenced to imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Makhachkala, 2003. 194 p.
2. Saar Yu.R. *Psikhologicheskaya kharakteristika zhiznennykh planov nesovershennoletnikh pravonarushitelei (na materiale Estonskoi SSR): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of life plans of juvenile offenders (based on the material of the Estonian SSR): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1989. 24 p.
3. Deeva N.A. *Formirovanie sotsial'no-znachimykh perspektiv u nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola kak sredstvo ikh perevospitaniya* [Formation of socially significant prospects for female juvenile convicts as a means of their re-education]. Ryazan, 1981. 96 p.
4. Deev V.G. *Psikhologiya napravlenosti lichnosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: ucheb. posobie* [Psychology of personality orientation of convicts of young age: textbook]. Ryazan, 1978. 78 p.
5. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal psychology]. Moscow, 2001. 702 p.
6. Ushatikov A.I., Ganishina I.S. the question of psychological typology convicted and classification contained in correctional institutions penal system Russia: history and current status. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4 (4), pp. 76–81. (In Russ.).

7. Sukhov A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskie yavleniya v srede osuzhdennykh* [Socio-psychological phenomena among convicts]. Ryazan, 1987. 64 p.
8. Debol'skii M.G. Psychological service in the penal system. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 2008, vol. 41, no. 2, pp. 210–219. (In Russ.).
9. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti)* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality)]. Moscow; Voronezh, 1999. 224 p.
10. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg, 2017. 165 p.
11. Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Ed. by Feldstein D.I. Moscow; Voronezh, 1997. 352 p.
12. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Specifics of psychological defense of persons serving sentences in places of imprisonment for crimes against the person and correctional and educational work with them. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 107–114. (In Russ.).
13. Stolyarenko L.D. *Osnovy psikhologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of psychology: textbook]. Rostov on Don, 2005. 672 p.
14. Astaf'eva I.N. Criteria of typologies of life plans. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North Caucasian Psychological Bulletin*, 2009, no. 4, pp. 73–76. (In Russ.).
15. Danilenkov V.L. *Biznes-planirovanie v APK: uchebno-metod. posobie dlya stud. vysshikh ucheb. zavedenii* [Business planning in the agro-industrial complex: an educational and methodological guide for students of higher education establishments]. Kaliningrad, 2007. 224 p.
16. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Characteristics of convicted women serving sentences for violent crimes in places of deprivation of liberty. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 2 (237), pp. 55–61. (In Russ.).
17. Napris A.V. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ikh vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialakh ispravitel'nykh kolonii strogo rezhima: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of youth convicts: on the materials of correctional facilities of strict regime: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 1997. 220 p.
18. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 4* [Pedagogical essays: in 8 volumes. Volume 4]. Moscow, 1984. 400 p.
19. Shtoff V.A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and Philosophy]. Moscow; Leningrad, 1966. 302 p.
20. Ganishina I.S., Rusakov S.V. Life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, v. 16, № 2 (58). S. 213–219. (In Russ.).
21. Ganishina I.S., Rusakov S.V. On psychological and pedagogical support of positive life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Komarova E.P. (Ed.). *Antropotsentricheskie nauki: innovatsionnyi vzglyad na obrazovanie i razvitie lichnosti: materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Voronezh – Biisk, 15–16 oktyabrya 2021 g.)* [Anthropocentric sciences: an innovative view of education and personal development: materials of the 15th International research and practice conference (Voronezh – Biysk, October 15–16, 2021)]. Voronezh, 2021. Pp. 98–100. (In Russ.).
22. Zobkov V.A. Personality's attitude to the life activity. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*, 2015, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).
23. Rusakov S.V. On the question of studying the transformation of the life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Rusanov E.M. *Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii: perspektivy razvitiya nauki i tekhnologii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Perm Military Institute of the National Guard Troops: prospects for the development of science and technology: proceedings of the All-Russian research and practice conference]. Perm, 2021. Pp. 322–325. (In Russ.).
24. Nedyalkova I.M. Restriction of the freedom of movement under a high-alert regime. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, Volume 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Received March 15, 2023

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)
DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)
RSCI: yes
Core of the RSCI: no
HAList: yes
CrossRef: yes
East View Information Services: yes
GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no
Web of Science: no
Scopus: no
EBSCO: yes
WorldCat: yes
CyberLeninka: yes
DOAJ: yes

<https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en>